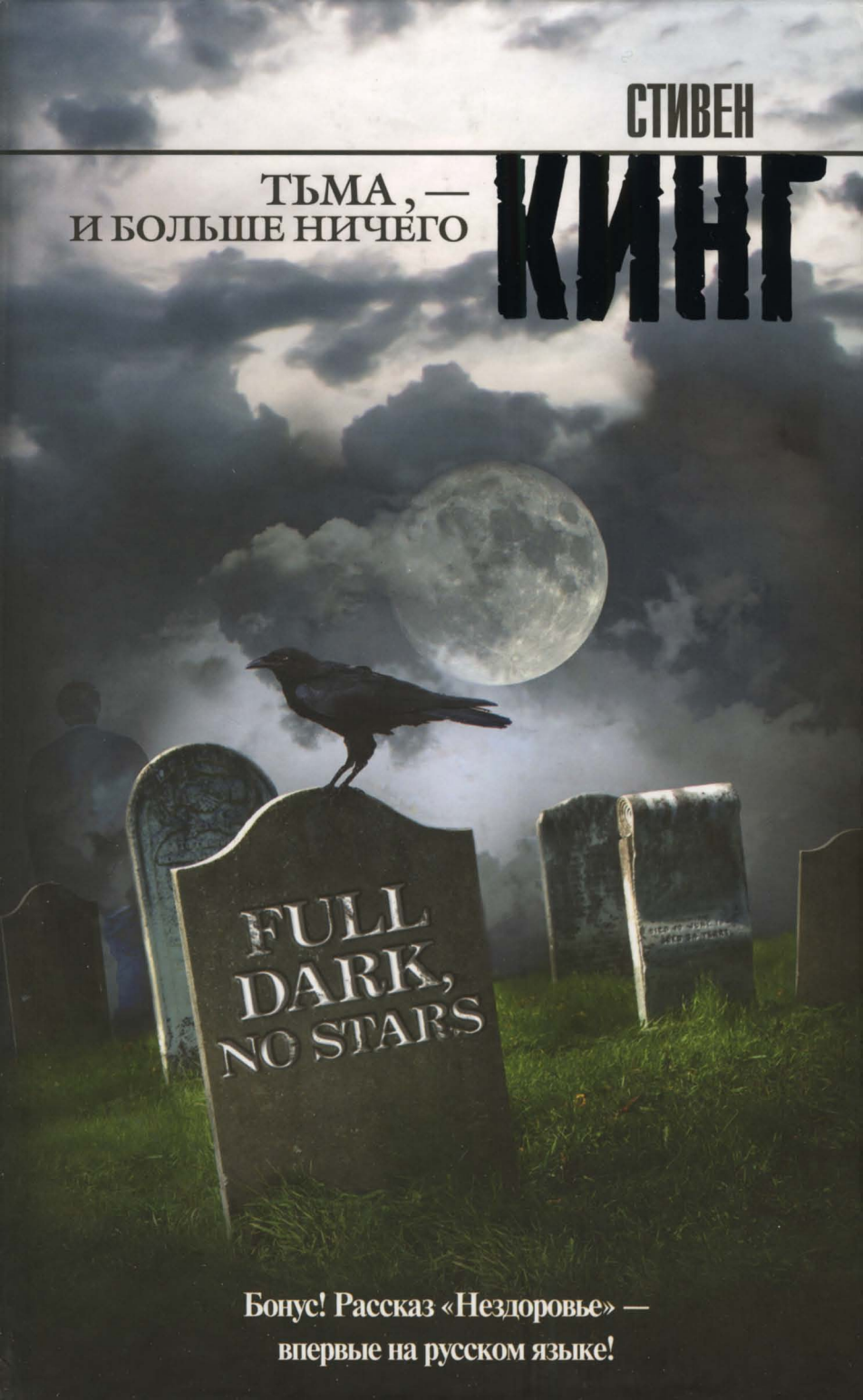

СТИВЕН

ТЬМА, —
И БОЛЬШЕ НИЧЕГО

КИНГ

Бонус! Рассказ «Нездоровье» —
первые на русском языке!

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

**ТЬМА, —
И БОЛЬШЕ НИЧЕГО**

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
FULL DARK, NO STARS

*Перевод с английского В.В. Антонова,
В.А. Вебера, М.В. Жученкова*

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Ralph M. Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен

К41 Тьма, — и больше ничего : [сборник; пер. с англ.] /
Стивен Кинг. — Москва: АСТ, 2014. — 445, [3] с. —
(Король на все времена).

ISBN 978-5-17-086373-0

Такова традиция: раз в несколько лет — иногда пять, а иногда и семь — Стивен Кинг публикует новый сборник произведений «малой прозы». Чаще всего это рассказы, но иногда — четыре (обязательно четыре!) повести. Так было с «Четырьмя сезонами», в состав которых вошла легендарная «Рита Хейворт и спасение из Шоушенка». Так было с книгой «Четыре после полуночи» с ее прославленными «Лангольерами».

«Тьма, — и больше ничего» — очередной сборник из четырех повестей, завоевавший любовь читателей по всему миру.

Бонус! Подарок Стивена Кинга самым преданным фанатам — рассказ «Нездоровье», который Мастер включил в переиздание сборника. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-985-18-3520-7 (ООО «Харвест»)

© Stephen King, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Содержание

1922 год. <i>Перевод В.А. Вебера</i>	7
Громила. <i>Перевод М.В. Жученкова</i>	155
На выгодных условиях. <i>Перевод М.В. Жученкова</i>	285
Счастливый брак. <i>Перевод В.В. Антонова</i>	327
Нездоровье. <i>Перевод В.А. Вебера</i>	421
Послесловие. <i>Перевод В.В. Антонова</i>	442

1922 ГОД*

* 1922 © 2011. В.А. Вебер. Перевод с английского.

*11 апреля 1930 года
Отель «Магнолия»
Омаха, штат Небраска*

Всем заинтересованным лицам

Меня зовут Уилфред Лиланд Джеймс, и это мое признание. В июне 1922 года я убил свою жену, Арлетт Кристину Уинтерс Джеймс, и спрятал тело, сбросив в старый колодец. Мой сын, Генри Фриман Джеймс, содействовал мне в этом преступлении, впрочем, в четырнадцать лет он не нес за это ответственности. Я уговорил его, сыграв на детских страхах, за два месяца найдя убедительные аргументы для всех его вполне естественных возражений. Об этом я сожалею даже больше, чем о самом преступлении, по причинам, которые будут изложены в этом документе.

Поводом к убийству и осуждению на вечные муки моей души послужили сто акров хорошей земли в Хемингфорд-Хоуме, штат Небраска. Их завещал моей жене ее отец, Джон Генри Уинтерс. Я хотел добавить эту землю к нашей ферме, которая в 1922 году занимала восемьдесят акров. Моя жена — ей никогда не нравилась деревенская жизнь (да и быть женой фермера совершенно не хотелось) — собралась продать эти угодья «Фаррингтон компани» за наличные. Когда я спросил, хочет ли она жить с подветренной стороны свинобойни этой компании, она ответила, что мы можем продать хозяйство точно так

же, как и акры ее отца, имея в виду ферму моего отца и моего деда. Когда я спросил ее, что мы будем делать с деньгами, но без земли, она ответила, что можем переехать в Омаху, даже в Сент-Луис, и открыть магазин.

— Никогда не буду жить в Омахе, — заявил я. — Большие города — для дураков.

Вот уж ирония судьбы, если учесть то, где я сейчас живу, но долго я здесь не останусь. Я знаю это точно так же, как знаю, что за звуки доносятся со стороны стен. И я знаю, куда попаду после того, как закончится моя земная жизнь. Задаюсь вопросом, окажется ли ад намного хуже Омахи. Возможно, это та же Омаха, только без тучных полей, которые окружают город со всех сторон. Лишь дымящаяся, воняющая серой пустошь, где полным-полно потерянных душ, как моя.

Мы яростно спорили с женой об этих ста акрах зимой и весной 1922 года. Генри оказался между двух огней, однако все больше склонялся на мою сторону. Внешне он многое унаследовал от матери, но землю любил не меньше меня. Этому послушному мальчику не передалась наглость его матери. Снова и снова он говорил ей, что не хочет жить ни в Омахе, ни в любом другом большом городе и уедет отсюда, если только она и я договоримся, а такого просто быть не могло.

Я подумывал над тем, чтобы обратиться к закону, уверенный, что любой суд этой страны подтвердит мое право — право мужа, — как и для чего использовать землю. Однако что-то меня удерживало. Не страх перед соседскими пересудами, плевать я хотел на деревенские сплетни, а что-то еще. Я начал ее ненавидеть, начал желать ей смерти, и именно это удерживало меня.

Я верю, что в каждом живет кто-то другой. Коварный Человек, незнакомец. И я уверен, что к марту 1922 года, когда небо над округом Хемингфорд затягивали облака, а поля превратились в грязное месиво, местами тронутое снегом, Коварный Человек, живущий в фермере Уилфреде Джеймсе, уже вынес приговор моей жене и определился с ее судьбой. Это тоже правосудие, пусть оно и отличается от того, что вершат люди в

черных мантиях. В Библии сказано, что неблагодарный ребенок — змеиный зуб, но вечно недовольная и неблагодарная жена острее этого зуба.

Я не чудовище. Я пытался спасти ее от Коварного Человека. Повторял ей: если мы не договоримся, поезжай к своей матери в Линкольн, в шестидесяти милях к западу. Подходящее расстояние, когда хочешь жить раздельно, еще не в разводе, но когда в сосуде семейной жизни уже появились трещины.

— И оставить тебе землю моего отца, как я понимаю? — спрашивала она, вскидывая голову.

Как же я стал ненавидеть это дерзкое движение, свойственное плохо выдрессированным пони, и фыркание, его сопровождавшее.

— Этому не бывать, Уилф.

Я говорил ей, что выкуплю у нее землю, если она на этом настаивает. Не сразу, конечно, лет за восемь, может, за десять, но выплачу все, до последнего цента.

— Это хуже, чем ничего, — отвечала она (с фырканием и вскидыванием головы). — Каждая женщина это знает. «Фаррингтон компани» заплатит все и сразу, а их последнее предложение будет гораздо более выгодным, чем твое. Опять же, я никогда не буду жить в Линкольне. Это не большой город, а та же деревня, где церквей больше, чем домов.

Видите, в какой я попал переплет? Понимаете, в каком оказался положении? Могу я рассчитывать хоть на толику вашего сочувствия? Нет? Тогда слушайте дальше.

Как-то ранним апрелем — это было практически восемью годами ранее — она пришла ко мне счастливая и сияющая. Чуть ли не целый день провела в салоне красоты в Маккуке, и ее волосы теперь обрамляли щеки пышными локонами, напоминавшими туалетную бумагу — такую видишь в гостиницах и ресторанах. Она сказала, что у нее появилась идея. Заключалась идея в том, что мы продаем «Фаррингтону» сто акров и ферму. Жена не сомневалась (и, наверное, была в этом права), что компания купит оба участка, потому что им очень уж хо-

телось приобрести землю ее отца, расположенную рядом с железной дорогой.

— А потом, — говорила эта наглая дьяволица, — мы разделим деньги, разведемся и каждый из нас начнет новую жизнь, никак не связанную с другим. Мы оба знаем, что ты хочешь именно этого.

Как будто она сама не хотела.

— Ага, — ответил я после паузы (словно серьезно обдумал ее идею), — и с кем из нас останется мальчик?

— Со мной, естественно. — Ее глаза широко раскрылись. — Четырнадцатилетний мальчик должен оставаться с матерью.

В тот самый день я начал «обрабатывать» Генри, поделившись с ним последним планом его матери. Мы сидели на сеновале. Я состроил самое скорбное лицо и заговорил самым скорбным голосом, рисуя картину, какой будет его жизнь, если матери удастся реализовать этот план: он лишится отца и фермы, учиться его определят в огромную школу, все его друзья (большинство — с младенчества) останутся здесь, а в городе ему придется бороться за место под солнцем, и все будут смеяться над ним и называть мужланом и деревенщиной. С другой стороны, говорил я, если мы сможем сохранить все эти акры, то расплатимся — и я в это верил — с банком к 1925 году, а потом заживем без долгов, полной грудью вдыхая чистый воздух, вместо того чтобы с восхода до заката солнца наблюдать, как по нашей речке плывут свиные потроха. «Так чего ты хочешь?» — спросил я сына, нарисовав эту картину в мельчайших подробностях, которые только мог придумать.

— Остаться с тобой, папка, — ответил он. Слезы катились по его щекам. — Почему она оказалась такой... такой...

— Продолжай, — поощрил его я. — Правда — не ругательство, сын.

— *Такой сукой!*

— Потому что таковы в большинстве своем женщины, — объяснил я. — И этого в них не искоренить. Вопрос в том, что нам с этим делать.

Но Коварный Человек, который жил во мне, уже подумал о старом колодце за амбаром, из которого мы поили только

животных. Он был мелким, глубиной футов двадцать, и с мутной водой. Требовалось лишь привлечь к этому сына. И другого выхода у меня не было, вы понимаете. Я мог убить жену, но должен был спасти своего любимого мальчика. Кому нужны сто восемьдесят акров — или тысяча, — если нет возможности разделить их с сыном, а потом ему и передать?

Я сделал вид, что серьезно обдумываю безумный план Арлетт по превращению хорошей пахотной земли в свинобойню. Я попросил ее дать мне время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Она согласилась. И следующие два месяца я обрабатывал Генри, стремясь, чтобы он свыкся совсем с другой мыслью. Задача оказалась не из сложных — в мать он пошел внешностью (внешность женщины, знаете ли, — это мед, который привлекает мужчин в улей, где полно жалящих пчел), но ее богомерзкого упрямства не унаследовал. Мне и требовалось лишь как можно ярче расписать его будущую жизнь в Омахе или Сент-Луисе. Я упомянул даже о том, что эти два человеческих муравейника могут не устроить ее, и тогда она решит переехать в Чикаго. «А уж там, — предупредил я, — ты будешь ходить в одну школу с ниггерами».

К матери Генри стал относиться с нарастающим холодком, и после нескольких попыток — неловких, отвергнутых — наладить отношения она тоже охладела к нему. Я (точнее, Коварный Человек) этому только радовался. В начале июня я сказал ей, что решил, всесторонне все обдумав, не давать согласия на продажу этих ста акров. Такая сделка обречет нас на нищету и разорит, вот к чему это приведет. Это известие она встретила спокойно. Сказала, что воспользуется услугами адвоката (Закон, как мы все знаем, благосклонно относится к тому, кто платит). Это я предвидел и улыбнулся, потому что она не могла заплатить за консультацию. К тому времени я полностью контролировал небольшую наличность, которой мы располагали. Генри даже отдал мне свою копилку, когда я его об этом попросил, чтобы она не смогла украсть деньги, пусть и жалкую мелочь. Она отправилась, само собой, в офис «Фаррингтон компани» в Дилленде, в полной уверенности (и в этом я с ней со-

глашался), что они, в надежде приобрести желаемое, не возьмут с нее деньги за юридическую консультацию.

— Там ей помогут, и она выиграет дело, — сказал я Генри, когда мы в очередной раз сидели на сеновале, ставшем для нас местом обмена мнениями. Полной уверенности у меня не было, но я уже принял решение, которое пока, правда, еще не называл планом.

— Но, папка, это несправедливо! — воскликнул он. Там, на сене, он казался совсем юным, выглядел лет на десять, а не на четырнадцать.

— Жизнь полна несправедливостей, — ответил я. — Иногда единственное, что с этим можно сделать, — поступить, как считаешь необходимым. Даже если при этом кому-то будет причинен вред. — Я помолчал, изучая его лицо. — Даже если при этом кто-то умрет.

Он побледнел.

— Папка!

— Если она уйдет, ничего не изменится, — ответил я. — Только споры прекратятся. Мы сможем жить здесь в мире и покое. Я предлагал ей все, лишь бы она ушла по-хорошему, но она этого не сделала. И теперь мне остается только одно. *Нам* остается только одно.

— Но я ее люблю!

— Я тоже ее люблю. — И тут — хоть вы мне и не поверите — я не покривил душой. Ненависть, которую я испытывал к ней в 1922 году, сделалась столь велика именно потому, что ее составной частью была любовь. При всей озлобленности и упрямстве Арлетт была горячей женщиной. Наши супружеские отношения никогда не прекращались, хотя после того, как начались споры из-за этих ста акров, наши объятия в темноте все более напоминали случку животных. — Можно обойтись без боли, — добавил я. — А после того как все закончится... ну...

Мы вышли из амбара, и я показал сыну колодец, оказавшись рядом с которым он разрыдался горькими слезами.

— Нет, папка. Только не это. Никогда.

Но когда она вернулась из Диленда (большую часть пути проехала на «форде» Харлана Коттери, нашего ближайшего со-

седа, так что идти ей пришлось только две мили) и Генри принялся умолять ее оставить все как есть, чтобы мы вновь стали одной семьей, она вышла из себя, врезала ему по зубам и велела прекратить скулить, как собака.

— Твой отец заразил тебя своей робостью. Хуже того — он заразил тебя своей жадностью.

Как будто она сама не страдала этим грехом!

— Адвокат заверил меня, что земля моя, я могу делать с ней все, что пожелаю, а я собираюсь ее продать. Что же касается вас обоих, вы можете сидеть здесь и на пару вдыхать запах жарящихся свиней, готовить еду и застилать кровати. Ты, сын мой, можешь пахать весь день, а всю ночь читать его нетленные книги. Ему они пользы не принесли, но, возможно, с тобой будет иначе, кто знает?

— Мама, это несправедливо!

Она посмотрела на своего сына, как женщина иногда смотрит на незнакомца, который позволил себе прикоснуться к ее руке. И как же я возрадовался, увидев, что Генри так же холодно смотрит на нее...

— Катитесь к дьяволу, вы оба! Что до меня, так я уеду в Омаху и открою галантерейный магазин. Я так понимаю справедливость.

Разговор этот происходил во дворе, между амбаром и домом, и фраза о справедливости завершила спор. Она пересекла двор, поднимая пыль элегантными городскими туфлями, вошла в дом и захлопнула за собой дверь. Генри повернулся ко мне — в уголке рта блестела кровь, нижняя губа начала раздуваться. Глаза его горели обжигающей яростью, той яростью, ощущать которую способны только юные. Яростью, которая не останавливается ни перед чем. Он кивнул. Я кивнул в ответ, так же сдержанно, но в душе моей ликовал Коварный Человек.

Этот удар в зубы стал ее смертным приговором.

Двумя днями позже, когда Генри работал со мной на кукурузном поле, я увидел, что он снова дал слабинку. Меня это не испугало и не удивило. Между юностью и взрослостью лежат годы смятения: тех, кто их переживает, бросает из стороны в

сторону, вертит, как флюгер; фермеры на Среднем Западе ставят такие штуковины на башнях элеваторов.

— Мы не можем, — сказал Генри. — Папка, она заблуждается. И Шеннон говорит, что тот, кто умирает, заблуждаясь, отправляется в ад.

«Черт бы побрал методистскую церковь и общество молодых методистов», — подумал я... но Коварный Человек только улыбался. Следующие десять минут мы обсуждали вопросы теологии посреди зеленых кукурузных побегов, тогда как облака раннего лета — самые красивые облака, похожие на небесные шхуны, — медленно проплывали над нами, таща за собой тени. Я объяснил сыну, что все будет с точностью до наоборот: Арлетт мы отправим не в ад, а в рай.

— Потому что для убитых мужчины или женщины миг смерти определен не Богом, а человеком. Его... или ее... изгоняют из этого мира до того, как он... или она... успевает искупить свои грехи, поэтому всех их Бог прощает. Когда смотришь на это под таким углом зрения, получается, что каждый убийца открывает кому-то ворота в рай.

— А как же мы, папка? Мы не отправимся в ад?

Я обвел рукой поля, на которых зеленела кукуруза.

— Как ты можешь так говорить, когда видишь, какой вокруг рай? И тем не менее она собирается выгнать нас отсюда с той же решимостью, с какой ангел с огненным мечом выгнал Адама и Еву из Эдема.

Сын смотрел на меня. В тревоге. Мрачный. Меня печалило, что я отравляю его душу такими словами, но в глубине души верил тогда и верю теперь, что это ее вина, а не моя.

— И подумай, — продолжил я, — если она поедет в Омаху, то в аду ей выкоют более глубокую яму. Если она заберет тебя с собой, ты станешь городским мальчиком...

— Никогда не стану! — прокричал он так громко, что вороны поднялись с изгороди и улетели в синее небо, словно клочки покрытой сажей бумаги.

— Ты молодой, станешь, — гнул свое я. — Забудешь все это... привыкнешь к городу... и начнешь рыть собственную яму.

Если бы он на это сказал, что убийцам никогда не воссоединиться со своими жертвами в раю, то поставил бы меня в тупик. Но то ли его теологические познания не отличались такой глубиной, то ли он не хотел об этом задумываться. И вообще, существует ли ад или мы сами создаем его для себя на земле? Оглядываясь на восемь последних лет моей жизни, я склоняюсь ко второму варианту.

— Как? — спросил он. — Когда?

Я ему ответил.

— А потом мы сможем и дальше жить здесь?

Я заверил его, что сможем.

— А больно ей не будет?

— Нет. Раз — и все.

Его это устроило. Однако ничего подобного не произошло бы, если бы Арлетт не спровоцировала все сама.

Мы решили поставить точку субботним вечером где-то в середине июня, который, насколько я помню, выдался таким же солнечным и теплым, как и в любой другой год. Летними вечерами Арлетт иногда выпивала стакан вина, но никак не больше. На то была причина: она относилась к тем людям, которые не могут выпить два стакана вина, чтобы потом не выпить четыре, шесть, целую бутылку. И еще одну, и еще. «Мне приходится быть очень осторожной, Уилф. Очень я люблю это дело. К счастью, у меня сильная воля».

В тот вечер мы сидели на крыльце, наблюдая, как последний дневной свет уходит с полей, и слушая убаюкивающее стрекотание цикад. Генри ушел в свою комнату. Он едва прикоснулся к ужину, и когда мы с Арлетт сидели на крыльце в одинаковых креслах-качалках, с вышитыми буквами «МА» и «ПА» на подушках сиденья, я вроде бы услышал, что где-то кого-то рвет, и подумал, что в решающий момент сын может сдрейфить, а его мать утром проснется в отвратительном настроении из-за похмелья, не зная, насколько близко подошла к тому, чтобы больше никогда не увидеть восход солнца в Небраске. И все же я решил продолжить реализацию плана. Почему? Потому что ничем не отличался от русской матрешки? Возможно. Возмож-

но, все люди такие. Во мне жил Коварный Человек, а в нем — Надеющийся. Этот тип умер где-то между 1922 и 1930 годами. А Коварный Человек, сыграв свою роль, исчез сразу же. Без его планов и честолюбивых устремлений жизнь обратилась в пустоту.

Итак, я принес на крыльцо бутылку вина, но она накрыла рукой свой пустой стакан, когда я попытался его наполнить.

— Тебе незачем подпаивать меня, чтобы получить то, чего ты хочешь. Я тоже этого хочу. У меня все зудит. — Она развела ноги и сунула руку в промежность, чтобы показать, где у нее зудит. Внутри ее жила Вульгарная Женщина, — может, даже Шлюха, — и вино всегда на нее так действовало.

— Все равно выпей еще стакан, — настаивал я. — Нам есть что отпраздновать.

Она с опаской посмотрела на меня. Даже после единственного стакана вина ее глаза увлажнились (словно она оплакивала все то вино, которое хотела выпить, но не могла) и в закатном свете стали оранжевыми, как глаза фонаря-тыквы с горящей внутри свечой на Хэллоуин.

— Судебного иска не будет, — продолжил я, — и развода тоже. Если «Фаррингтон компани» сможет заплатить за мои восемьдесят акров так же щедро, как и за твои сто, наш спор окончен.

И тут, впервые за всю нашу семейную жизнь, у нее в прямом смысле *отвисла челюсть*.

— Что ты сказал? Я не ослышалась? Не вздумай дурить мне голову, Уилф!

— Я не дую, — ответил Коварный Человек с убеждающей искренностью. — Мы с Генри много говорили об этом...

— Вы действительно постоянно шептались, это правда. — Она отняла руку от стакана, и я воспользовался представившейся возможностью. — Сидели то на сеновале, то около поленницы, то на дальнем поле, всегда голова к голове. Я думала, речь у вас шла о Шеннон Коттери. — Фырканье и вскидывание головы. Но мне показалось, что ей немного взгрустнулось. Она пригубила второй стакан. Два маленьких глотка — и она еще могла поставить его на столик и пойти спать. Четыре — и

я мог снова протянуть ей бутылку. Не говоря уж о двух других, которые стояли наготове.

— Нет, — ответил я, — речь шла не о Шеннон. — Вообще-то я однажды видел, как Генри держал ее за руку, когда они шли в школу Хемингфорд-Хоума, от которой наш дом отделяли две мили. — Мы говорили об Омахе. Пожалуй, он готов переехать туда. — Я старался не перегибать палку после одного целого стакана вина и двух глотков из второго. Мою Арлетт отличала подозрительность, она всегда пыталась докопаться до истины. И разумеется, в данном случае ее раскопки наверняка дали бы результат. — Во всяком случае, он готов попытаться. Омаха не так уж и далеко от Хемингфорд-Хоума...

— Да, недалеко. Я тысячу раз повторяла это вам обоим. — Еще глоточек, и на этот раз стакан на стол она не поставила. Оранжевый свет на западе, постепенно переходящий в зелено-лиловый, казалось, горел в ее стакане.

— Если бы речь шла о Сент-Луисе, тогда совсем другое дело.

— Я отказалась от этой идеи, — ответила она. Это, естественно, означало, что она уже прикинула такой вариант и поняла, что это будет очень проблематично. И все, конечно же, за моей спиной. Все за моей спиной, за исключением визита к юристу компании, и это она сделала бы без моего ведома, если бы не желание использовать его как дубинку, которой она могла бы меня колотить.

— Компания возьмет все целиком, как думаешь? — спросил я. — Все сто восемьдесят акров?

— Откуда мне знать? — Еще глоток. Второй стакан наполовину опустел. Если бы я сейчас сказал, что она выпила достаточно, и попытался отобрать у нее стакан, она бы его мне не отдала.

— Ты знаешь, я не сомневаюсь. Ты думала о ста восьмидесяти акрах, как думала о Сент-Луисе. Ты *наводила справки*.

Она искоса посмотрела на меня, изучающе так посмотрела, потом хрипло рассмеялась:

— Может, и наводила.

— Наверное, мы сможем найти дом на окраине, — предположил я. — Чтобы видеть поле или два.

— И ты будешь там целыми днями просиживать зад в кресле-качалке на крыльце, отправив жену на работу? На-ка, наполни его. Если уж мы празднуем, так давай праздновать.

Я наполнил оба стакана. В свой только чуть-чуть добавил, потому что отпил всего глоток.

— Я подумал, что смог бы работать механиком. Ремонтировать легковые автомобили и пикапы, но в основном сельскохозяйственную технику. Если уж я поддерживаю в рабочем состоянии наш старый «фармол», — я указал стаканом на темный силуэт трактора, стоявшего рядом с амбаром, — то, пожалуй, сумею починить все, что угодно.

— И Генри тебя уговорил...

— Он убедил меня, что лучше попытаться жить счастливо в городе, чем остаться здесь одному. Это мне радости точно не принесет.

— Мальчик демонстрирует здравомыслие, а мужчина слушает! Наконец-то! Аллилуйя! — Она осушила стакан и протянула мне, чтобы я его вновь наполнил. Схватила меня за руку, наклонилась достаточно близко, чтобы я ощутил запах кислого винограда в ее дыхании. — Этим вечером ты, возможно, получишь то, что тебе нравится, Уилф. — Она коснулась языком — в пурпурных пятнах — верхней губы. — То, что считается непристойным.

— Буду ждать с нетерпением, — ответил я. Если бы все вышло, как мне хотелось, в кровати, которую мы делили пятнадцать лет, произошло бы нечто куда более непристойное.

— Давай позовем сюда Генри. — Она уже начала растягивать слова. — Я хочу поздравить его с тем, что ему наконец-то открылась истина. (Я уже упоминал, что глагол «благодарить» не входил в лексикон моей жены? Наверное, нет. Возможно, теперь это уже и незачем.) Ее глаза вспыхнули, потому что ее осенила новая мысль. — Мы нальем ему стакан вина! Он уже достаточно взрослый! — Она ткнула меня локтем, как делают старики, которые сидят на скамейках по обеим сторонам лестницы здания суда, рассказывая друг другу похабные анекдоты. — Если мы сможем чуть развязать ему язык, то, возможно, выясним, не проводил ли он время с Шеннон Коттери... Маленькая шлюшка, но волосы у нее красивые, это точно.

— Сначала выпей еще стакан, — предложил Коварный Человек.

Арлетт выпила два, и бутылка опустела (первая бутылка). К тому времени она уже пела «Авалон»* голосом менестреля и закатывала глаза, как менестрель. Смотреть было противно, слушать — еще противнее.

Я пошел на кухню за второй бутылкой вина и решил, что самое время позвать Генри. Хотя, как и говорил, особых надежд не питал. Это можно было сделать лишь при условии, что сын согласится помочь, а я сердцем чувствовал, что он даст задний ход, когда от разговоров придется действительно переходить к делу. При таком раскладе мы бы просто уложили ее в постель, а утром я бы сказал ей, что передумал насчет продажи земли моего отца.

Генри пришел, и его бледное, несчастное лицо однозначно позволило мне заключить, что об успешной реализации плана лучше забыть.

— Папка, я думаю, что не смогу, — прошептал он. — Это же *мама*.

— Не сможешь, так не сможешь. — И это говорил я, а не Коварный Человек. Я смирился: будь что будет. — В любом случае она счастлива впервые за последние месяцы. Пьяна, но счастлива.

— Не просто навеселе? Она напилась?

— Не удивляйся. Для счастья ей нужно только одно: чтобы все было, как она хочет. Ты провел рядом с ней четырнадцать лет, но так ничего и не понял.

Нахмурившись, Генри прислушался к звукам, доносившимся с крыльца, где женщина, которая дала ему жизнь четырнадцатью годами раньше, запела — не так чтобы мелодично, но не пропуская ни слова — «Грязного Макги». Генри хмурился, слушая эту разухабистую, непристойную песню, возможно, его коробил припев («Она хотела помочь ему вставить / Ей нравился грязный Макги»), а может, раздражало, что она, напив-

* «Авалон» — популярная песня, впервые исполненная в 1920 г. Элом Джолсоном. — *Здесь и далее примеч. пер.*

шись, растягивала слова. Годом раньше, в День труда, на собрании общества молодых методистов сын дал слово воздерживаться от употребления спиртных напитков. Шок, который он испытывал, у меня, конечно, вызывал смех. Пока подростков не начинает мотать, как флюгер при порывистом ветре, они очень похожи на несгибаемых пуритан.

— Она хочет, чтобы ты присоединился к нам и выпил стакан вина.

— Папка, ты же знаешь, я обещал Господу, что никогда не буду пить.

— Это тебе придется улаживать с ней. Она хочет праздника. Мы продаем землю и перебираемся в Омаху.

— *Нем!*

— Что ж... посмотрим. Решать тебе, сын. Пошли на крыльцо.

Арлетт, пошатываясь, поднялась, когда увидела сына. Обхватила его за талию, прижалась к нему, пожалуй, слишком уж плотно и начала покрывать лицо чересчур страстными поцелуями. Дурно пахнущими поцелуями, если судить по тому, как он при этом кривился. Коварный Человек тем временем наполнял ее стакан, который опять опустел.

— Наконец-то мы все вместе! Мои мужчины прозрели! — Она подняла стакан, словно произнося тост, и выплеснула небольшую часть вина себе на грудь. Тут же рассмеялась и подмигнула мне: — Будешь хорошо себя вести, Уилф, позже я позволю тебе высосать это вино из материи.

Генри смотрел на нее в замешательстве, на его лице отразилось отвращение, когда она вновь плюхнулась на кресло-качалку, вскинула юбки и зажала их между колен. Арлетт заметила его взгляд и рассмеялась:

— Нечего быть таким ханжой. Я видела тебя с Шеннон Коттери. Маленькая шлюшка, но у нее красивые волосы и аппетитная попка. — Она допила вино и рыгнула. — Если ты ее еще не пощупал, то дурак. Только тебе лучше быть осторожным. В четырнадцать уже можно жениться. У нас в четырнадцать можно жениться даже на кузине. — Она рассмеялась и протянула мне стакан. Я наполнил его из второй бутылки.

— Папка, ей хватит. — Генри говорил осуждающе, как священник. Над нами появились первые звезды и принялись подмигивать, зависнув над бескрайней равниной, которую я любил всю жизнь.

— Ну, не знаю, — ответил я. — «*In vino veritas*»*, — так сказал Плиний Старший... в одной из книг, которые презирает твоя мать.

— Рука на плуге весь день, нос в книге всю ночь, — фыркнула Арлетт. — За исключением того времени, когда он кое-что другое совал в меня.

— *Мама!*

— «*Мама*»! — передразнила она Генри, потом указала стаканом в сторону фермы Харлана Коттери, которая располагалась слишком далеко, чтобы мы могли видеть огни в окнах. Теперь, когда кукуруза поднялась достаточно высоко, мы не смогли бы их увидеть, даже если бы ферма соседа находилась на милю ближе. Когда в Небраску приходит лето, каждый дом словно превращается в корабль, плывущий в зеленом океане. — За Шеннон Коттери и ее пробивающиеся грудки! И если мой сын не знает цвета ее сосков, тогда он дубина стоеросовая.

Мой сын на это ничего не ответил, но его потемневшее лицо порадовало Коварного Человека.

Арлетт повернулась к Генри, схватила его за руку и плеснула вином ему на запястье. Не обращая внимания на неудовольствие сына, вглядываясь в его лицо с внезапно вспыхнувшей в глазах жестокостью, она продолжила:

— Только уж постарайся ничего в нее не совать, когда ляжешь рядом с ней в кукурузе или за амбаром. — Она сжала пальцы второй руки в кулак, оттопырила средний палец и обвела им промежность Генри: левое бедро, правое бедро, правую сторону живота, пупок, левую сторону живота, вновь левое бедро. — Щупай что хочешь, трись своим Джонни Маком, пока ему не станет хорошо и из него не брызнет, но не лезь в уютное местечко, иначе потеряешь свободу на всю жизнь, как твою мамуля и папуля.

* Истина в вине (*лат.*).

Сын встал и ушел, храня молчание, и я его не виню. Представление получилось очень уж вульгарным, даже для Арлетт. На его глазах произошла разительная перемена: из матери, женщины своенравной, но любимой, она превратилась в содержательницу борделя, дающую советы зеленому клиенту-сосунку. В этом не было ничего хорошего, а поскольку он питал к Шеннон Коттери нежные чувства, сцена только усугубила ситуацию. Юноши возносят свою первую любовь на пьедестал, а если кто-то походя плюет на идеал... пусть даже собственная мать...

Я услышал, как хлопнула дверь, и вроде бы до моих ушей донеслись рыдания.

— Ты оскорбила его в лучших чувствах, — заметил я.

Она высказалась в том смысле, что *чувства*, как и *справедливость*, — последнее прибежище слабаков. Потом протянула стакан. Я наполнил его, зная, что утром она не вспомнит ничего из сказанного сегодня (при условии, что сможет встретить следующее утро) и будет все отрицать, причем яростно, если я попытаюсь ее просветить на этот счет. Я уже видел ее в таком состоянии, но это было давно.

Мы добили вторую бутылку (точнее, она) и половину третьей, прежде чем ее подбородок упал на залитую вином грудь, и она захрапела. Храп звучал, как рычание злобного пса.

Я обнял ее за плечи, руку сунул под мышку и поднял на ноги. Она сонно запротестовала, шлепнув меня липкой от вина рукой:

— Оставь меня в покое. Хочу спать.

— Ты и будешь спать, — ответил я. — Только в кровати, а не на крыльце.

Я провел ее — спотыкающуюся и всхрапывающую, причем один глаз был закрыт, а второй замутнен — через гостиную. Генри стоял на пороге своей комнаты — его лицо казалось бесстрастным и более взрослым, чем когда бы то ни было. Он кивнул мне. Одно движение головы — но оно сказало мне все, что я хотел знать.

Я уложил Арлетт на кровать, снял туфли и оставил храпеть. Ноги ее были раскинуты, рука свесилась вниз. Вернувшись в

гостиную, я увидел, что Генри стоит у радиоприемника, который Арлетт уговорила меня купить годом раньше.

— Не должна она говорить такое про Шеннон, — прошептал он.

— Но она скажет это еще не раз, — ответил я. — Такая уж она, такой ее сотворил Господь.

— И она не может разлучить меня с Шеннон.

— Она и это сделает, если мы ей позволим.

— Не мог бы ты... папка, не мог бы ты найти себе адвоката?

— Ты думаешь, адвокат, услуги которого я смогу оплатить теми жалкими деньгами, которые лежат на моем банковском счете, устоит против адвокатов, выставленных «Фаррингтон компани»? Эта фирма пользуется в округе Хемингфорд немалым влиянием. А мне по силам только махать косой на поле. Им нужны эти сто акров, а Арлетт хочет их продать. Есть только один способ, но ты должен мне помочь. Поможешь?

Генри долго молчал. Он наклонил голову, и я увидел слезы, полившие из его глаз на вязанный крючком ковер. Потом он прошептал:

— Да. Но если мне придется смотреть... я не уверен, что...

— Я сделаю так, чтобы ты помогал, но не смотрел. Пойди в сарай и принеси джутовый мешок.

Он пошел и принес. Я же взял на кухне самый острый нож для разделки мяса. Когда сын вернулся и увидел нож, его лицо побледнело.

— Это обязательно? Не можешь ты... подушкой?..

— Слишком медленно и болезненно, — ответил я. — Она будет сопротивляться. — Он принял мои слова на веру, словно я обладал опытом, убив до жены с десятков женщин. Но я никого не убивал. Мог сказать только одно: во всех моих не очень-то определенных планах — точнее, грезах — по избавлению от Арлетт я всегда видел себя с ножом, который сейчас держал в руке. Так что именно этому ножу предстояло стать орудием убийства. Нож — или ничего.

Мы стояли в свете керосиновой лампы — электричество, если не считать генераторов, появилось в Хемингфорд-Хоуме только в 1928 году — и смотрели друг на друга. Нас окружала

тишина ночи, особенно глубокая в кукурузных полях, нарушаемая лишь малоприятным храпом Арлетт. Но при этом в комнате присутствовало нечто еще — неотвратимая воля, которая словно существовала отдельно от этой женщины (уже тогда я подумал, что почти физически ощущаю рядом ее; восемью годами позже я в этом уверен). Если хотите, это некий призрак, но призрак, который находился в доме еще до того, как умерла женщина, которая им стала.

— Хорошо, папка. Мы... мы отправим ее в рай. — При этой мысли лицо Генри прояснилось.

И каким же отвратительным теперь мне все это представляется, особенно когда я думаю, как он закончил свой путь на этой земле.

— Все произойдет быстро, — пообещал я. И подростком, и взрослым мне приходилось перерезать горло десяткам свиней, и я рассчитывал, что все так и будет. Ошибся.

Давайте я все расскажу по-быстрому. Ночами, когда я не могу спать, — а их много, — в голове у меня все проигрывается снова и снова: каждый удар, стон, каждая капля крови, все как в замедленной съемке. Поэтому давайте я все расскажу по-быстрому.

Мы направились в спальню, я — первым, с мясницким ножом в руке, мой сын — следом, с джутовым мешком. Вошли на цыпочках, но могли бы бить в барабаны — все равно не разбудили бы ее. Я взмахом руки велел Генри встать справа от меня, у ее головы. Теперь мы слышали не только храп, но и тиканье будильника «Биг-Бен» на прикроватной тумбочке, и мне в голову пришла странная мысль: мы — врачи у смертного одра важной пациентки. Но я все-таки думаю, что врачи у смертного одра не дрожат от чувства вины и страха.

Пожалуйста, не надо много крови, подумал я. Пусть она вся останется в мешке. И будет лучше, если он сейчас скажет, что не хочет этого, в последнюю минуту.

Но он не сказал. Возможно, решил, что я возненавижу его за это; может, мысленно уже отправил ее на Небеса; может, помнил бесстыдный средний палец, берущий в круг его про-

межность. Не знаю. Знаю только, что он прошептал: «Прощай, мама», — и надел мешок ей на голову.

Она всхрипнула и попыталась стянуть мешок с головы. Я собирался сунуть нож в мешок и там уже сделать все, но Генри приходилось плотно прижимать мешок к голове, чтобы она из него не выскользнула, так что реализовать задуманное не получалось. Я увидел ее нос, натягивающий мешковину, он был как акулий плавник. Я увидел панику на лице сына и понял, что он вот-вот убежит со всех ног.

Тогда я оперся коленом о кровать, а рукой ухватил ее за плечо. Полоснул через мешковину по шее под ней. Арлетт закричала и стала вырываться еще яростнее. Кровь полилась через разрез в мешке. Руки жены поднялись и принялись лупить воздух. Генри с пронзительным воплем отскочил от кровати. Я пытался удержать Арлетт, а она уже стягивала мешок с головы обеими руками. И тут я полоснул по одной, разрезав три пальца до кости. Она закричала вновь, тонко и пронзительно, крик вонзился в уши, как острая сосулька. Рука упала на покрывало. Я пробил еще одну дыру в мешковине, и еще, и еще. Нанес пять ударов, прежде чем она оттолкнула меня неповрежденной рукой и стянула джутовый мешок с лица. Совсем снять его она не смогла — он зацепился за волосы и теперь напоминал сеточку, которую надевают, ложась в кровать, чтобы не испортить прическу.

Следующими двумя ударами я разрезал ей шею, первый из них оказался достаточно глубоким, чтобы показалась трахея. Последние два пришили в щеку и рот, и теперь она улыбалась, как клоун, до самых ушей, и в разрезе виднелись зубы. Из горла вырвался сдавленный рев, такой звук мог издать лев перед тем, как наброситься на жертву. Кровь выплеснулась из шеи и долетела до изножья кровати. Я тогда еще подумал, что она как вино в стакане, подсвеченное закатным солнцем.

Арлетт попыталась подняться с кровати. Сначала я застыл как оглушенный, потом меня охватила дикая ярость. С первого дня нашей семейной жизни она доставляла мне одни проблемы и не изменила себе даже теперь, при нашем кровавом разводе. А чего еще я мог от нее ожидать?

— *Ох, папка, останови ее!* — взвизгнул Генри. — *Останови ее, папка, ради Бога, останови!*

Я прыгнул на нее, как страстный любовник, и завалил назад, на пропитанную кровью подушку. Новые хрипы вырывались из ее порезанной шеи. Вытаращенные глаза вращались, из них бежали слезы. Я запустил руку в ее волосы, дернул голову назад и вновь полоснул ножом по шее. Затем сдернул покрывало с моей половины кровати и набросил ей на голову, поймав все, кроме первого выброса из яремной вены. Кровь брызнула мне в лицо, горячая кровь, которая заструилась с моего подбородка, носа и бровей.

Крики Генри за моей спиной прекратились. Обернувшись, я увидел, что Господь пожалел его (при условии, что Он не отвернул лицо, когда увидел, чем мы занимаемся): мальчик лишился чувств. Арлетт вырывалась уже не так активно. Наконец затихла... но я по-прежнему лежал на ней, прижимая покрывало, которое уже пропиталось ее кровью. Я напомнил себе, что она ни в чем и никогда не облегчала мне жизнь. И снова оказался прав. Через тридцать секунд (их отсчитали часы в жестяном корпусе, заказанные по каталогу и полученные по почте) она так резко и высоко изогнула спину, что едва не сбросила меня с кровати. *Давай, ковбой, объезжай*, подумал я. А может, произнес вслух. Этого я не помню, да поможет мне Бог. Все остальное помню, но не это.

Она вновь затихла. Я отсчитал тридцать жестяных тиков — и тридцать еще, для гарантии. На полу зашевелился и застонал Генри. Попытался сесть, потом передумал. Отполз в дальний угол комнаты и там свернулся в клубок.

— Генри! — позвал я.

Клубок в углу не отреагировал.

— Генри, она мертва. Она мертва, и мне нужна помощь.

Никакого ответа.

— Генри, поворачивать назад слишком поздно. Дело сделано. Если не хочешь сесть в тюрьму сам и отправить на электрический стул отца, поднимайся и помогай мне.

Он припнулся к кровати. Волосы падали на глаза, блестящие сквозь слипшиеся от пота пряди, будто глаза зверька, прячущегося в кустах. Он то и дело облизывал губы.

— Не наступай туда, где кровь. Нам и так придется здесь все отчищать, работы будет больше, чем я ожидал, но мы справимся. Если только не разнесем кровь по всему дому.

— Я должен смотреть на нее? Папка, я должен *смотреть*?

— Нет. Никто из нас не должен.

Мы закатали ее в покрывало, превратив его в саван. Как только покончили с этим, я понял, что в таком виде нам ее из дома не вынести. В моих неопределенных планах и грезах я видел только небольшое кровавое пятно, проступающее на покрывале над ее перерезанной шеей (ее *аккуратно* перерезанной шеей). Я не предполагал, не представлял себе жуткую реальность: белое покрывало казалось черно-лиловым в темной комнате, и кровь стекала с него, как с вынутой из ванны губки течет вода.

В стенном шкафу лежало стеганое одеяло. В голове мелькнула мысль — я не смог подавить ее, — а что бы сказала моя мать, если бы увидела, как я использую с любовью сшитый подарок на свадьбу? Я расстелил одеяло на полу. Мы сбросили на него Арлетт. Потом закатали ее в одеяло.

— Быстро, — велел я, — пока оно не намокло. Нет... подожди... сходи за лампой.

Генри отсутствовал так долго, что я испугался, а не сбежал ли он. Потом увидел свет в маленьком коридорчике между его спальней и этой, которую я делил с Арлетт. *Раньше* делил. Я видел слезы, бежавшие по его восково-бледному лицу.

— Поставь на комод.

Он поставил лампу рядом с книгой, которую я читал, романом «Главная улица» Синклера Льюиса. Я его так и не дочитал. Не смог заставить себя дочитать. При свете лампы я увидел брызги крови на полу и лужицу у самой кровати.

Еще больше натечет из одеяла. Я вздохнул. Если бы знал, что в ней столько крови...

Я снял наволочку со своей подушки и натянул на конец свернутого одеяла, словно носок на кровоточащую голень.

— Бери ее ноги, — распорядился я. — Это мы должны сделать прямо сейчас. И не падай в обморок, Генри, потому что одному мне не справиться.

— Лучше бы это был сон. — Он наклонился и взялся за противоположный конец одеяла. — Это может быть сон, папка?

— Через год, когда все останется позади, мы так и будем об этом думать. — В глубине души я действительно в это верил. — А теперь — быстро. Надо успеть, пока с наволочки не начнет капать кровь. Или с одеяла.

Мы пронесли ее по коридору, через гостиную, на крыльцо, миновав парадную дверь, совсем как грузчики, выносящие мебель в чехлах. Как только спустились с крыльца на землю, дышать мне стало чуть легче: во дворе затереть кровь куда проще.

Генри держался, пока мы не обогнули угол амбара и не оказался старый колодец. Его огораживали деревянные стойки, чтобы никто случайно не наступил на крышку, которая его закрывала. Стойки эти в звездном свете выглядели мрачными и ужасными, и, увидев их, Генри издал сдавленный крик.

— Это не могила для мамы... ма... — Ничего больше он произнести не успел — потеряв сознание, повалился на куст, росший за амбаром. Так что убитую жену мне пришлось держать одному. Я хотел было положить этот громадный куль на землю — все равно он уже начал разворачиваться и из него появилась порезанная ножом рука — и попытаться привести сына в чувство. Потом решил проявить милосердие и оставить его лежать. Подтащил Арлетт к колодцу, опустил на землю, снял деревянную крышку. Привалился к двум стойкам, переводя дыхание, и тут колодец дыхнул мне в лицо — вонью стоячей воды и гниющей травы. Я вступил в борьбу с рвотным рефлексом — и проиграл. Держась руками за стойки, согнулся пополам, чтобы выbleвать ужин и выпитое вино. Всплеск эхом отразился от стенок, когда блевотина плюхнулась в мутную воду на дне. Всплеск этот, как и фраза *«Давай, ковбой, объезжай»*, не уходил из моей памяти все восемь последних лет. Я просыпался глубокой ночью, слышал эхо этого всплеска и чувствовал, как занозы впиваются в мои руки, сжимающие стойки с такой силой, будто от этого зависела моя жизнь.

Я попятился от колодца, споткнулся о куль, в котором лежала Арлетт. Упал. Ее порезанная рука оказалась в считанных дюймах от моих глаз. Генри все лежал под кустом, под головой —

рука. Он выглядел, как ребенок, уснувший после утомительного дня во время жатвы. Над нами светили тысячи, десятки тысяч звезд. Я видел созвездия — Орион, Кассиопею, Большую Медведицу, — их когда-то показывал мне отец. Вдалеке один раз гавкнул пес Коттери, Рекс, и затих. Помнится, я еще подумал: *Эта ночь никогда не закончится*. И ведь правильно подумал. По большому счету, она так и не закончилась.

Я подхватил куль, и он дернулся.

Я замер, не в силах даже вдохнуть, только сердце колотилось как бешеное. *Конечно же, я не мог такого почувствовать*, подумал я. Подождал — а вдруг куль дернется снова? А может, ждал, как ее рука змеей выползет из стеганого одеяла и попытается схватить меня за запястье порезанными пальцами.

Никто не дернулся, ничто не выползло. Мне это все почудилось. Понятное дело. И я сбросил ее в колодец. Увидел, как стеганое одеяло развернулось с конца, на который я не надевал наволочку, а потом раздался всплеск. Гораздо более громкий, чем при моей блевотине, а за ним последовал хлюпающий удар. Я знал, что воды в колодце немного, но надеялся, что Арлетт погрузится с головой. Звук удара подсказал мне: в этом я ошибся.

Пронзительный смех раздался у меня за спиной — звук, так близко граничащий с безумием, что у меня по спине побежали мурашки, от поясницы до загривка. Генри пришел в себя и поднялся. Нет, более того — он прыгал перед амбаром, вскидывая руки к звездному небу, и хохотал.

— Мама в колодце, а мне все равно! — нараспев прокричал он. — Мама в колодце, а мне все равно, потому что хозяйина нет*.

Я в три больших шага подскочил к нему и влепил оплеуху, оставив кровавые отметины на покрытой пушком щеке, еще не знавшей бритвы.

— Заткнись! Голос разносится далеко! Тебя могут услышать... Видишь, дурак, ты опять потревожил этого чертова пса.

* Генри перефразирует припев песни североамериканских рабов «Джимми ломает кукурузу» (1840), ставшей популярной среди детей «Джимми ломает кукурузу, а мне все равно хозяина нет»

Рекс гавкнул один раз, второй, третий. Замолчал. Мы стояли, я держал Генри за плечи, склонив голову, прислушиваясь. Струйки пота бежали по шее. Рекс пролаял еще раз, потом затих. Если бы кто-то из Коттери проснулся, они бы подумали, что Рекс нашел енота. Я, во всяком случае, на это надеялся.

— Иди в дом, — велел я. — Худшее позади.

— Правда, папка? — Он очень серьезно смотрел на меня. — Правда?

— Да. Как ты? Не собираешься снова грохнуться в обморок?

— А я грохался?

— Да.

— Я в порядке. Просто... не знаю, почему так смеялся. Что-то смешалось в голове. Наверное, я просто обрадовался. Все закончилось! — Смешок вновь сорвался с его губ, и он хлопнул по губам руками, как маленький мальчик, случайно произнесший плохое слово в присутствии бабушки.

— Да, — кивнул я. — Все закончилось. Мы останемся здесь. Твоя мать убежала в Сент-Луис... а может, в Чикаго... но мы останемся здесь.

— Она?.. — Его взгляд устремился к колодцу, крышка которого прислонялась к трем стойкам, казавшимся такими мрачными в звездном свете.

— Да, Хэнк, сбежала. — Его мать терпеть не могла, когда я называл его Хэнком, говорила, что это вульгарно, но теперь она ничего не могла с этим поделать. — Убежала и оставила нас здесь. И разумеется, мы очень сожалеем, но при этом полевые работы не могут ждать. И занятия в школе тоже.

— И я могу... по-прежнему дружить с Шеннон?

— Разумеется, — ответил я и снова вспомнил, как средний палец Арлетт похотливо обводит его промежность. — Разумеется, можешь. Но если у тебя вдруг возникнет желание признаться Шеннон...

На лице Генри отразился ужас.

— *Никогда!*

— Что ж, я рад. Но если такое желание все-таки возникнет, запомни: она убежит от тебя.

— Разумеется, убежит, — пробормотал он.

— А теперь иди в дом и достань из кладовой все ведра для мытья полов. Наполни из колонки на кухне и добавь порошка, который она держит под раковиной.

— Воду мне подогреть?

Я услышал голос матери: *Кровь замывают холодной водой, Уилф. Запомни это.*

— Незачем, — ответил я. — Я приду, как только поставлю крышку на место.

Он начал поворачиваться, потом вдруг схватил меня за руку. Холодными, просто ледяными пальцами.

— Никто не должен узнать! — хрипло прошептал он мне в лицо. — Никто не должен узнать о том, что мы сделали!

— Никто и не узнает. — В моем голосе уверенности было куда больше, чем в душе. Многое сразу пошло наперекосяк, и я начал понимать, что наяву все далеко не так, как в грезах.

— Она не вернется, правда?

— *Что?*

— Ее призрак не будет донимать нас, а? — Только слово это он произнес на деревенский манер и прозвучало оно как «добивать». Арлетт в таких случаях качала головой и закатывала глаза, и только теперь, восемь лет спустя, я начал осознавать, что, возможно, сын сказал так не случайно*.

— Нет, — ответил я.

И ошибся.

Я посмотрел в колодезь и, хотя глубина составляла всего двадцать футов, увидел лишь светлое пятно лоскутного одеяла, поскольку луны не было. А может, это была наволочка. Я опустил крышку на место и направился к дому, стараясь следовать тем маршрутом, по которому мы тащили куль, намеренно почти не отрывая ноги от земли, чтобы затереть следы крови. Утром я довел это дело до конца.

* У автора игра слов. Генри произносит слово «haunt» — преследовать, донимать (англ.) Звучит же оно у него как «haint», что напоминает слово «hate» — ненавидеть (англ.)

В ту ночь я узнал нечто такое, что для большинства людей остается неведомым: убийство — это грех, убийство — это осуждение души на вечные муки (и уж точно рассудка и духа, даже если атеисты правы и никакой жизни после жизни нет), но убийство еще и работа. Мы оттирали спальню до боли в спине, потом перебрались в коридор, в гостиную и, наконец, на крыльцо. Всякий раз, когда мы думали, что работа закончена, один из нас находил очередное пятнышко. Когда заря осветила небо на востоке, Генри на коленях оттирал щели между половицами в спальне, а я, тоже на коленях, осматривал каждый дюйм вязанного крючком ковра Арлетт в гостиной в поисках одной-единственной капли крови, которая могла стать для нас роковой. Не нашел ни одной — в этом нам повезло, зато обнаружил пятно размером с десятицентовик рядом с ковром. Выглядело оно будто кровь, капнувшая из бритвенного пореза. Я отчистил это пятно, потом вернулся в спальню, чтобы посмотреть, как идут дела у Генри. Он вроде бы чуть взбодрился, да и я тоже. Думаю, сказался приход дня, который, похоже, развеял самые жуткие наши кошмары. Но когда Джордж, наш петух, громко сообщил, что проснулся, Генри подпрыгнул. Потом рассмеялся, очень коротко и как-то не совсем нормально, но он не напугал меня до такой степени, как ночью, когда пришел в себя неподалеку от старого колодца.

— Сегодня я в школу идти не могу, папка. Слишком устал. И... наверное, люди могут все увидеть на моем лице. Особенно Шеннон.

Я даже не подумал о школе — еще одно доказательство того, что подготовка моих планов оставляла желать лучшего. Дерьмо, а не планы. Мне следовало дожидаться, пока школьников распустят на летние каникулы. Оставалась-то одна неделя.

— Ты можешь побыть дома до понедельника. А потом скажешь учительнице, что заболел гриппом и не хотел заразить весь класс.

— Это не грипп, но я *болен*.

То же самое я мог сказать и про себя.

Мы расстелили чистую простыню из ее стенного шкафа (так много вещей в доме принадлежали ей... но теперь уже нет)

и сложили на ней окровавленное постельное белье. Матрас тоже запачкала кровь, его следовало сменить. Другой у нас был, не такой, правда, хороший. Он лежал в дальнем сарае. Я связал грязное постельное белье в узел, а Генри нес матрас. Мы вернулись к колодцу аккуратно перед тем, как солнце поднялось над горизонтом. Над нами раскинулось чистое, без единого облачка небо. Начинался хороший для кукурузы день.

— Я не смогу туда заглянуть, папка.

— Тебе и не надо, — сказал я и вновь поднял деревянную крышку. Подумал, что лучше бы оставил ее поднятой. *Работай головой, чтобы не делать лишней работы руками*, обычно говорил мой отец. Но я знал, что не смог бы так поступить. Особенно после того, как куль дернулся у меня в руках.

Теперь я увидел дно колодца и ужаснулся. Она приземлилась, оказавшись в положении сидя, ноги были вытянуты вперед. Наволочка разорвалась и лежала у нее на коленях. Стеганое одеяло и покрывало размотались и охватывали ее плечи, как изысканный дамский палантин. Джutowый мешок, превратившийся в сеточку для волос, дополнял картину: она словно приделалась, чтобы провести вечер в городе.

Да! Вечер в городе! Вот почему я так счастлива! Вот почему улыбаюсь во весь рот, от уха до уха! А ты обратил внимание, какая красная у меня помада, Уилф? Я никогда не пошла бы с такой помадой в церковь. Нет, и это не та помада, которой женщина красит губы, когда хочет сделать кое-что непристойное со своим мужчиной. Спускайся, Уилф, чего ты ждешь? И лестница тебе не нужна, просто прыгни! Покажи мне, как сильно ты меня хочешь! Ты поступил по отношению ко мне непристойно, а теперь позволь мне последовать твоему примеру.

— Папка! — Генри стоял лицом к амбару, ссутулившись, словно ожидал, что его сейчас высекут. — Все в порядке?

— Да. — Я бросил вниз узел с постельным бельем, надеясь, что он упадет на нее и закроет ее обращенную вверх жуткую ухмылку, но почему-то узел приземлился ей на колени. И теперь создавалось впечатление, что она сидит в странном, запятнанном кровью облаке.

— Она накрыта? Она накрыта, папка?

Я схватил матрас и отправил его следом. Один конец матраса ушел в мутную воду, другой проскользнул вдоль цилиндрической, выложенной камнем стены, прикрыв Арлетт, как навесом, и наконец-то спрятав ее вскинутую голову и кровавую ухмылку.

— Теперь да. — Я вернул на место деревянную крышку, зная, что впереди еще одно большое дело: наполнить колодец. Давно следовало засыпать его. Пустой колодец представлял собой опасность, вот почему я и огородил его стойками.

— Пошли в дом, позавтракаем.

— Я не смогу проглотить ни единого куса.

Но он проглотил. И я тоже. Я поджарил яйца, бекон и картошку, и мы съели все. Тяжелая работа разжигает аппетит. Это все знают.

Генри проспал чуть ли не до вечера. Часть этого времени я провел за кухонным столом, чашку за чашкой поглощая черный кофе. А еще погулял посреди кукурузы. Проходил от начала до конца ряд за рядом, прислушиваясь к шелесту под ветром похожих на мечи листьев. В июне, когда кукуруза идет в рост, кажется, что побеги ведут между собой беседу. Это тревожит некоторых людей (и среди них есть глупцы, которые утверждают, будто эти звуки сопровождают рост кукурузы), но меня шелест листьев всегда успокаивал. Способствовал ясности мышления. И сейчас, когда я сижу в номере городского отеля, мне его недостает. Городская жизнь — не жизнь для сельчанина. Для него это все равно что жизнь в аду.

Признание, как выяснилось, — тоже тяжелая работа.

И вот я шагал, слушал кукурузу, пытался планировать будущее и в конце концов *спланировал*. Пришлось, и не только для себя.

Каких-то двадцать лет назад мужчина, оказавшийся в таком же положении, как я, мог не волноваться. Тогда никто не совал нос в чужие дела, особенно если речь шла об уважаемом фермере, человеке, который платил налоги, по воскресеньям ходил в церковь, болел за бейсбольную команду «Звезды Хемингфорда» и голосовал за республиканцев. Я думаю, тогда

много чего случалось на фермах, расположенных в глубинке. Об этом не судачили и, уж конечно, не сообщали в полицию. Тогда мужчина поступал с женой так, как считал нужным, и если она исчезала, ее забывали.

Но те дни ушли, и даже если бы ничего с тех пор не изменилось... оставалась земля. Сто акров. «Фаррингтон компани» хотела заполучить эти акры для своей чертовой свинобойни, и Арлетт заверила ее представителей, что эту землю они получат. Это таило в себе опасность, а опасность указывала на то, что одних грез и неопределенных планов теперь недостаточно.

Домой я вернулся во второй половине дня, уставший, но с ясной головой. Я наконец-то успокоился. Несколько наших коров ревели, поскольку час утренней дойки давно прошел. Я их подоил, а потом отправил на пастбище, где оставил до заката, вместо того чтобы загнать на вторую дойку сразу после ужина. Они не возражали; коровы все принимают как есть. Будь Арлетт такой же, подумал я, осталась бы жива и сейчас доставала бы меня покупкой стиральной машины по каталогу «Монки Вард». И я, наверное, купил бы ее. Умела она меня уговорить. Во всем, кроме земли. И ей следовало об этом знать. Земля — это мужская забота.

Генри еще спал. В последующие недели он вообще спал много, и я ему разрешал, хотя в другое время заполнил бы его дни работой, раз уж занятия в школе закончились. А вечера он заполнял бы сам — визитами к Коттери или прогулками по проселочной дороге с Шеннон. Они держались бы за руки и наблюдали за восходом луны между поцелуями. Я надеялся, что содеянное нами не испортит ему подобные сладостные мгновения, но все же понимал, что испортит. И не ошибся в этом.

Я отогнал назойливые мысли, говоря себе, что сейчас он спит, и это хорошо. Мне предстояло еще раз прогуляться к колодцу, и я хотел проделать это в одиночку. Наша семейная кровать, с которой содрали постельное белье, казалось, кричала об убийстве. Я подошел к стенному шкафу и принялся осматривать одежду Арлетт. У женщин всегда так много всего. Юбки, и платья, и блузки, и свитера, и нижнее белье. Среди послед-

него попадает кое-что такое сложное и странное, что мужчине и не понять, где перед. Я знал: взять все — это ошибка, поскольку грузовик по-прежнему стоял в амбаре, а «Модель Т» — под вязом. Она ушла пешком, то есть взяла с собой только то, что смогла унести. Почему не уехала на «Т»? Потому что я мог услышать, как завелся двигатель, и остановил бы ее. Звучало правдоподобно. Следовательно... один чемодан.

Я набил его вещами, как мне представлялось, необходимыми женщине, без которых уйти она не могла. Положил в чемодан несколько красивых украшений и фотографию ее родителей в золотой рамке. Посмотрел на ее туалетные принадлежности в ванной и оставил все, за исключением духов «Флориен» и щетки для волос. На ночном столике лежала Библия, которую дал Арлетт пастор Хокинс, но я ни разу не видел, чтобы она читала ее, поэтому трогать не стал. Зато взял пузырек с таблетками железа, которые она принимала при месячных.

Генри по-прежнему спал, но теперь метался по кровати, охваченный каким-то кошмаром. Я поспешил, чтобы быстрее все закончить и вернуться в дом до того, как он проснется. Подошел к колодцу. Поставил чемодан на землю, в третий раз поднял деревянную крышку. Слава Богу, Генри со мной не было. Слава Богу, он не увидел того, что увидел я. Думаю, это зрелище свело бы его с ума. Даже меня чуть не свело.

Матрас сполз в сторону. Прежде всего я подумал, что она откинула его, чтобы выбраться из колодца. Потому что она не умерла. Она дышала. Так мне сначала показалось. А потом, когда здравый смысл начал пробиваться сквозь туман, окутавший разум, когда я спросил себя, какое дыхание может заставить женское платье подниматься и опускаться не на груди, а от талии и ниже... в этот самый момент челюсть ее зашевелилась, словно она пыталась заговорить. Но не слова возникли из сильно расширившегося рта, а крыса, которая лакомилась ее нежным языком. Первым появился хвост. Потом нижняя челюсть Арлетт опустилась ниже, и когти задних лапок впились в подбородок в поисках опоры.

Крыса прыгнула к ней на колени. А когда она это сделала, из-под платья во множестве повылезали ее братья и сест-

ры. У одной крысы в усиках застряло что-то белое — клочок комбинации или, возможно, трусиков. Я швырнул в них чемо-дан. Не думал об этом — плохо соображал от отвращения и ужаса, просто швырнул. Он упал ей на ноги. Большинство грызунов — вероятно, все — легко избежали удара. Нырнули в круглую черную дыру, которую раньше закрывал матрас (наверное, они сдвинули его общими усилиями), и исчезли в мгновение ока. Я хорошо знал, что это за дыра: вход в трубу, через которую вода подавалась в амбар, пока ее уровень не опустился слишком низко.

Платье застыло. Ложное дыхание оборвалось. Но она *смотрела* на меня, и это был пристальный взгляд горгоны. Я видел крысиные укусы на ее щеках, одна мочка исчезла.

— Господи, — прошептал я. — Арлетт, мне так жаль.

Твои сожаления не принимаются, казалось, говорил ее взгляд. И когда меня найдут в таком виде, с крысиными укусами и в изгрызенном нижнем белье, ты точно усядешься на электрический стул в Линкольне. И мое лицо станет последним, что ты увидишь перед смертью. Ты увидишь меня, когда электричество подожарит тебе печень и подожжет сердце, а я буду улыбаться.

Я опустил крышку и поплелся к амбару. Внезапно ноги отказались служить мне, и будь я на солнце — точно потерял бы сознание, как Генри прошлой ночью. Но я находился в тени, поэтому, посидев минут пять с опущенной головой, более или менее оклемался. Крысы добрались до нее — и что такого? Разве, в конце концов, крысы и жуки не добираются до всех нас? Рано или поздно самый крепкий гроб не выдерживает и выпускает жизнь, чтобы она покормилась на смерти. Так устроен мир, и какое это имеет значение? После того как сердце останавливается, а мозг задыхается, наши души или куда-то отправляются, или просто исчезают. В любом случае мы не чувствуем, как кто-то гложет нашу плоть или выедаст что-то из костей.

Я двинулся к дому и уже добрался до ступенек, ведущих на крыльцо, когда новая мысль остановила меня: а что тогда дернулось? Вдруг она была еще жива, парализованная, неспособная шевельнуть даже разрезанным пальцем, когда крысы вылезли из трубы и принялись ее пожирать? Что, если она по-

чувствовала, как одна пробралась в ее располосованный рот и начала...

— Нет, — прошептал я. — Она ничего не почувствовала, потому что не дергалась. Никогда. Вниз я сбросил ее мертвой.

— Папка? — сонным голосом позвал Генри. — Пап, это ты?

— Да.

— С кем ты говоришь?

— Ни с кем. Сам с собой.

Я вошел. В майке и трусах он сидел за кухонным столом и выглядел ошеломленным и несчастным. Волосы торчали во все стороны, напомнив мне время, когда сын, еще маленький, гонялся по двору за курами, а его верный пес Бу (к тому лету давно умерший) не отставал от него ни на шаг.

— Лучше бы мы этого не делали, — прошептал он, когда я сел напротив него.

— Сделанного не вернешь, — ответил я. — Сколько раз я тебе это говорил, парень?

— Пожалуй, миллион. — Он на какое-то мгновение опустил голову, потом вновь посмотрел на меня. Его глаза, окаймленные красным, налились кровью. — Нас поймают? Мы отправимся в тюрьму? Или...

— Нет. У меня есть план.

— У тебя был план не причинять ей боли! Посмотри, что из этого вышло!

Моей руке просто не терпелось отвесить ему за это пощечину, так что я придавил ее другой рукой. Не время сейчас для встречных обвинений. Кроме того, он говорил правду. Во всем, что пошло не так, вина лежала на мне. *За исключением крыс*, подумал я. *Крысы — не моя вина*. Нет, и они тоже. Разумеется, и они тоже. Если б не я, она сейчас стояла бы у плиты, готовила ужин. Вероятно, говорила бы и говорила об этих ста акрах, но живая и здоровая, а не лежала бы в колодце.

Крысы, должно быть, уже вернулись, прошептал голос в глубинах моего сознания. *Едят ее. Скоро закончат лучшее, самое вкусное, деликатесы, а потом...*

Генри перегнулся через стол, чтобы коснуться моих сцепленных рук. Я вздрогнул.

— Извини. Мы вместе это сделали.

И я любил его за эти слова.

— Все будет хорошо, Хэнк; если мы не запаникуем, все будет хорошо. А теперь слушай меня.

Он слушал. В какой-то момент начал кивать. Когда я закончил, задал только один вопрос: «Когда мы засыпем колодец?»

— Не сейчас.

— Разве это не рискованно?

— Есть такое, — согласился я.

Двумя днями позже я чинил изгородь в четверти мили от фермы, когда увидел большое облако пыли, движущееся по нашей дороге от шоссе Омаха — Линкольн. На нашу территорию вторгался мир, частью которого Арлетт так хотелось стать. Я направился к дому, сунув молоток в петлю на поясе, в плотничком фартуке, в кармане которого позвякивали гвозди. Генри ничего не увидел. Возможно, он побежал на речку купаться. А может, спал в своей комнате.

Во дворе я сел на колоду для колки дров, и тут же из кукурузы выехал автомобиль, поднимавший за собой беличий хвост пыли: грузовичок «Красная крошка» Ларса Олсена, кузнеца и молочника из Хемингфорд-Хоума. Иногда он подрабатывал и шофером, и именно в этом качестве прибыл на мою ферму в тот июньский день. Грузовичок въехал во двор, обратив в бегство Джорджа, нашего вспыльчивого петуха, и его маленький гарем. Мотор еще не успел заглухнуть, когда из кабины с пассажирской стороны вылез пузатый мужчина в сером пыльнике. Он снял очки, открыв большие (и смешные) белые круги у глаз.

— Уилфред Джеймс?

— К вашим услугам. — Я встал, чувствуя себя совершенно спокойно. Возможно, спокойствия у меня поубавилось бы, если бы подъехал принадлежащий округу «форд» со звездой шерифа на бортах.

— Эндрю Лестер, — представился он. — Адвокат.

Он протянул руку. Я на нее посмотрел.

— Прежде чем я ее пожму, вам лучше сказать, чей вы адвокат, мистер Лестер.

— В настоящее время я представляю «Фаррингтон лайв-сток компани» с отделениями в Чикаго, Омахе и Де-Мойне.

Да, подумал я, кто бы сомневался. Но я готов спорить, что на двери таблички с твоей фамилией нет. Большие люди из Омахи не глотают деревенскую пыль, чтобы заработать на хлеб, правда? Большие люди сидят, положив ноги на стол. Пьют кофе и любят красивые лодыжками секретарш.

— В этом случае, сэр, почему бы вам просто не изложить цель вашего приезда и не убрать руку? Только не обижайтесь.

Он так и поступил, с адвокатской улыбкой. Пот проложил светлые дорожки по его пухлым щекам, а ветер спутал и взъерошил волосы. Я прошел мимо него к Ларсу, который открыл боковину двигательного отсека и возился с мотором. Он что-то насвистывал и выглядел таким же счастливым, как и сидевшая на проводе птичка. В этом я ему завидовал. Подумал, что нам с Генри тоже может выпасть счастливый день, — в таком переменчивом мире, как наш, возможно всякое, — но не летом 1922 года. И не осенью.

Я пожал Ларсу руку, спросил, как самочувствие.

— Все в норме, но в горле пересохло. Я бы чего-нибудь выпил.

Я указал на восточную стену дома:

— Ты знаешь, где взять.

— Знаю. — Он захлопнул боковину с громким треском, от которого куры, вернувшиеся во двор, вновь бросились врассыпную. — Сладкая и холодная, как и всегда?

— Скорее да, чем нет, — согласился я и подумал: *Но если бы ты попробовал набрать воды из другого колодца, не думаю, что тебя волновал бы вкус.* — Попробуй — и увидишь.

Он направился к дому, обходя его с той стороны, где под навесом стояла дворовая колонка. Мистер Лестер проводил его взглядом, потом повернулся ко мне, расстегнув плащ. Костюм его определенно нуждался в чистке по возвращении в Линкольн, Омаху, Диленд или какой-нибудь другой город, в котором он вешал шляпу, когда не занимался делами Коула Фаррингтона.

— Я бы сам не отказался от глотка воды, мистер Джеймс.

— Я тоже. Ремонтировать изгородь — потная работа. — Я оглядел его с головы до ног. — Но, наверное, не такая потная, как проехать двадцать миль в грузовике Ларса.

Он потер зад и улыбнулся адвокатской улыбкой. Но на этот раз в ней промелькнуло сожаление. Я уже видел, как его глазки бегают по сторонам. Не следовало недооценивать этого человека только потому, что ему приказали протрястись двадцать миль по сельским дорогам в жаркий летний день.

— Мой зад уже никогда не будет прежним.

На одной из стоек навеса на цепочке висела кружка. Ларс наполнил ее и выпил до дна, его кадык ходил вверх-вниз по жилистой, загорелой шее. Наполнил второй раз и предложил Лестеру, который посмотрел на кружку примерно так же, как я — на его протянутую руку.

— Может, мы попьем воды в доме, мистер Джеймс? Там чуть прохладнее.

— Прохладнее, — согласился я, — но желания приглашать вас в дом у меня не больше, чем пожимать вам руку.

Ларс Олсен уловил, куда дует ветер, и, не теряя времени, вернулся к грузовику. Но сначала отдал кружку Лестеру. Мой гость пил воду не огромными глотками, как сделал Ларс, а маленькими брезгливыми глоточками, другими словами — как адвокат... Но он не остановился, пока не осушил кружку до дна, тоже как адвокат. Хлопнула сетчатая дверь, и из дома вышел Генри, в комбинезоне, босиком. Окинул нас взглядом, абсолютно безразличным, — умный мальчик! — и пошел туда, куда и полагалось идти нормальному деревенскому подростку: посмотреть, как Ларс возится со своим грузовиком, и, если повезет, чему-то научиться.

Я сел на укрытые брезентом дрова, которые мы держали с этой стороны дома.

— Как я понимаю, вы здесь по делу. По делу моей жены.

— Да.

— Что ж, раз уж воду вы выпили, давайте сразу к нему и перейдем. У меня еще полно работы, а на часах три пополудни.

— От рассвета до заката. У фермеров жизнь трудная. — Он вздохнул, как будто знал.

— Да, и своенравная жена только добавляет трудностей. Вас прислала она, как я понимаю, только не знаю зачем. Если речь идет о каких-то официальных бумагах, так я думал, что их привезет помощник шерифа.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Ваша жена не присылала меня, мистер Джеймс. Дело в том, что я приехал повидаться с ней.

Происходящее напоминало игру: теперь пришла моя очередь удивляться. Потом рассмеяться, потому что на сцене за удивленным взглядом обычно следует смех.

— Вот и доказательство.

— Доказательство чего?

— Мое детство прошло в Фордюсе, и там у нас был сосед, отвратительный старикан по фамилии Брэдли. Все его звали Папаша Брэдли.

— Мистер Джеймс...

— Моему отцу приходилось время от времени иметь с ним дело, и иногда он брал меня с собой в те уже далекие дни. Речь обычно шла о семенах кукурузы, особенно весной, но иногда он с Брэдли обменивался инструментами. Тогда по каталогам ничего не покупалось, и хороший инструмент мог обойти весь округ, прежде чем возвращался домой.

— Мистер Джеймс, я не понимаю, какое...

— И всякий раз, когда мы ехали к этому старику, моя мама наказывала мне затыкать уши, поскольку каждое второе слово, слетавшее с губ Папаши Брэдли, было ругательством или намеком на что-то непристойное. — Мне все происходящее уже начало нравиться. — Поэтому, само собой, я, наоборот, слушал, причем очень даже внимательно. И запомнил одну из любимых присказок Папаши Брэдли: «Никогда не садись на кобылу без уздечки, потому что никто не знает, куда эта сука побежит».

— И как мне вас понимать?

— Куда, по-вашему, побежала моя сука, мистер Лестер?

— Вы говорите мне, что ваша жена?..

— Сбежала, мистер Лестер. Сделала ноги. Ушла по-английски. Смылась. Мне нравится сленг, и эти слова сразу приходят

на ум. Ларс, однако, и остальные горожане, просто скажут: «Она убежала и оставила его», — когда об этом станет известно. Или «его и мальчика», как в данном случае. Я, естественно, подумал, что она направилась к своим любящим свиней друзьям из «Фаррингтон компани» и следующей весточкой от нее будет уведомление о том, что она продает землю своего отца.

— И она собиралась это сделать.

— Она уже что-то подписала? Если да, тогда мне, полагаю, придется обратиться в суд.

— Если на то пошло, не подписала. Но когда подпишет, я настоятельно рекомендую вам не тратить деньги на судебный процесс, который вы, несомненно, проиграете.

Я встал. Одна лямка комбинезона упала с плеча, и большим пальцем я вернул ее на место.

— Что ж, раз ее здесь нет, это, как говорят юристы, «вопрос спорный», не правда ли? Я бы на вашем месте поискал ее в Омахе. — Я улыбнулся. — Или в Сент-Луисе. Она постоянно говорила о переезде в Сент-Луис. И мне представляется, что она устала от вас точно так же, как от меня и сына, которого родила. Как говорится, счастливо избавилась от мусора. Чума на оба ваших дома. Это, между прочим, Шекспир. «Ромео и Джульетта». История любви.

— Вы уж извините, мистер Джеймс, но все это кажется очень странным. — Лестер достал носовой платок из внутреннего кармана пиджака — готов спорить, у таких, как он, странствующих адвокатов карманов очень много, — и принялся вытирать лицо. Щеки его не просто покраснели, а стали багрово-красными. — Действительно, очень странно, учитывая сумму, которую мой клиент соглашался заплатить за этот земельный участок, граничащий с Хемингфорд-Стрим и расположенный рядом с Большой западной железной дорогой.

— Мне тоже предстоит с этим свыкнуться, но в сравнении с вами у меня есть преимущество.

— Какое же?

— Я ее знаю. Уверен, вы и ваши клиенты думали, что уже заключили сделку, но Арлетт Джеймс... Скажем так: пригвоз-

дить ее к чему-либо — все равно что пригвоздить желе к полу. Нам всегда следует помнить, что говорил Папаша Брэдли, мистер Лестер. Это был наш деревенский гений.

— Могу я заглянуть в дом?

Я снова рассмеялся, на этот раз очень даже естественно. Наглости у этого парня хватало, ничего не скажешь, и я прекрасно понимал его желание не возвращаться с пустыми руками. Он трясся двадцать миль в пыльном грузовике, и ему предстояло протрястись еще столько же до Хемингфорд-Сити (а потом, несомненно, ехать на поезде), он отбил зад, и людей, пославших его сюда, наверняка не порадует отчет, с которым он вернется. Бедолага!

— Я отвечу своим вопросом: сможете вы скинуть штаны, чтобы я взглянул на ваше интимное местечко?

— Ваши слова оскорбительны.

— Ну... Думайте об этом не как о сравнении, это неправильно, а как об *аллегории*.

— Я вас не понимаю.

— Что ж, у вас есть час, чтобы все обдумать по пути в город... или даже два, если у «Красной крошки» Ларса лопнет колесо. И могу заверить вас, мистер Лестер, если бы я позволил вам заглянуть в мой дом — принадлежащий только мне, мою крепость, мое интимное местечко, — вы бы не нашли мою жену в стенном шкафу или... — В этот ужасный момент я едва не сказал *«или в колодце»*. Почувствовал, как на лбу выступил пот. — Или под кроватью.

— Я и не говорил...

— Генри! — позвал я. — Подойди на минутку!

Генри подошел, опустив голову, волоча ноги по пыли. Выглядел он встревоженным, даже виноватым, но значения это не имело.

— Да, сэр?

— Скажи этому человеку, где твоя мама.

— Я не знаю. Когда ты позвал меня к завтраку в пятницу утром, она уже ушла. Взяла чемодан и ушла.

Лестер пристально посмотрел на него.

— Сынок, это правда?

— Папка, могу я вернуться в дом? Пока я болел, у меня накопились уроки.

— Конечно, иди, только не затягивай с уроками, — ответил я. — Помни, вечером твоя очередь доить коров.

— Да, сэр.

Он, все так же волоча ноги, поднялся по ступеням и скрылся в доме. Лестер проводил его взглядом, потом повернулся ко мне:

— Что-то здесь нечисто.

— Я вижу, у вас нет обручального кольца, мистер Лестер. К тому времени, когда вы будете носить его столько же лет, сколько и я, вы поймете, что в семьях иначе и не бывает. И вы поймете кое-что еще: никому не дано знать, куда побежит кобыла.

Он поднялся.

— Мы еще не закончили.

— По мне, так точка поставлена, — заявил я, зная, что это не так. Но если все пойдет хорошо, можно будет считать, что мы значительно приблизились к этой самой точке. *Если...*

Он зашагал через двор, потом вдруг повернулся ко мне. Вновь воспользовался шелковым носовым платком, чтобы вытереть пот с лица, потом заговорил:

— Если вы думаете, что эти сто акров ваши только потому, что вы запугали жену и заставили ее уехать к тетушке в Де-Мойн или к сестре в Миннесоту...

— Начните с Омахи. — Я улыбнулся. — Или с Сент-Луиса. С родственниками она отношений не поддерживала, но ей всегда хотелось жить в Сент-Луисе. Одному Богу известно почему.

— Если вам кажется, что вы сможете засеять эти акры, а потом собрать урожай, дважды подумайте, прежде чем начать работу. Эта земля не ваша. Если вы бросите в нее хотя бы семечко, мы встретимся с вами в суде.

— Я уверен, вы получите весточку, как только у нее возникнут проблемы с деньгами, — ответил я.

Сам же хотел сказать: *Да, эта земля не моя... но и не ваша. Она просто будет ничейной. И это хорошо, поскольку она станет моей через семь лет, когда я пойду в суд и попрошу официаль-*

но признать Арлетт мертвой. Я могу подождать. Зато семь лет мне не придется нюхать свиное дерьмо, когда ветер будет дуть с запада. Семь лет не придется слышать визга убиваемых свиней (очень похожий на крики женщины, которую убивают), не придется видеть их внутренности, плывущие по реке, и вода не покраснеет от крови. Мне представляется, что это будут семь прекрасных лет.

— Удачного вам дня, мистер Лестер. И берегитесь солнца на обратном пути. Под вечер оно сильно жжет и будет светить вам в лицо.

Он залез в кабину, не ответив. Ларс помахал мне рукой, и Лестер что-то резко ему сказал. Ларс бросил на него взгляд, который говорил: *Гавкай сколько хочешь, но до Хемингфорд-Сити все равно те же двадцать миль!*

Когда от них остался только беличий хвост пыли, Генри вышел на крыльцо.

— Я все сделал правильно, папка?

Я взял его за руку, сжал, притворился, что не почувствовал, как его рука на мгновение напряглась под моими пальцами, словно он подавлял желание вырваться.

— Не то слово. Идеально.

— Завтра мы засыпем колодец?

Я долго об этом думал, потому что наша дальнейшая жизнь могла зависеть от моего решения. Шериф Джонс старел и набирал вес. Ленивым он не считался, но не привык шевелить пальцем без веской на то причины. Лестер со временем мог убедить Джонса приехать к нам, но, вероятно, лишь после того, как стараниями Лестера один из сыновей Коула Фаррингтона, по которым давно плакал ад, позвонит Джонсу и напомним, что их компания — один из самых крупных налогоплательщиков округа Хемингфорд (не говоря уж о соседних округах — Клее, Филлморе, Йорке и Сьюарде). Однако я полагал, что у нас по-прежнему есть как минимум пара дней.

— Не завтра, — ответил я. — Послезавтра.

— Папка, почему?

— Потому что сюда приедет шериф округа, а шериф Джонс старый, но не глупый. У него могут возникнуть подозрения,

если он увидит неровно засыпанный колодец... А вот если будут засыпать колодец прямо при нем, по причине...

— По какой причине? Скажи мне!

— Скоро скажу, — пообещал я. — Скоро.

Весь следующий день мы ждали, что на нашей дороге закружится пыль, поднятая уже не грузовиком Ларса Олсена, а автомобилем шерифа округа. Не дождались. Зато пришла Шеннон Коттери, очень миленькая, в блузке из хлопка и клетчатой юбке, чтобы спросить, здоров ли Генри и может ли поужинать с ней, ее мамой и папой.

Генри ответил, что он здоров, и я, охваченный дурным предчувствием, вскоре смотрел, как они уходят по дороге, держась за руки. Он хранил ужасный секрет, а ужасные секреты — тяжелая ноша. И желание поделиться ими — самое естественное желание, какое только может быть в этом мире. И он любил эту девочку (или думал, что любит, а это одно и то же, когда тебе идет пятнадцатый год). Более того, ему предстояло солгать, а она могла почувствовать ложь. Есть мнение, что любящие глаза слепы, но это аксиома дураков. Иногда они видят слишком многое.

Я занялся прополкой огорода (выполол больше гороха, чем сорняков), потом сидел на крыльце, курил трубку, ждал возвращения Генри. Он вернулся перед самым восходом луны. Шел, наклонив голову, ссутулившись, не шел — тащился. Не понравился мне такой его вид, но все же я испытал облегчение. Если бы он поделился своим секретом или хотя бы чуть приоткрыл его, то так не шел бы. Если бы он поделился своим секретом, он вообще мог не вернуться.

— Ты обо всем рассказал, как мы решили? — спросил я, когда сын сел.

— Как *ты* решил. Да.

— И она пообещала не говорить родителям?

— Да.

— Но она скажет?

Он вздохнул:

— Скорее всего. Она любит родителей, а они любят ее. Полагаю, они увидят что-то в ее лице и вытянут из нее все. А если

они не вытянут, она расскажет шерифу, если он сочтет необходимым поговорить с кем-то из ее семьи.

— Лестер за этим проследит. Будет давить на шерифа, потому что его боссы в Омахе будут давить на него. Он будет гнать волну, и непонятно, когда все закончится.

— Не следовало нам этого делать. — Генри задумался, потом повторил эти слова яростным шепотом.

Я промолчал. Какое-то время и он не произносил ни слова. Мы оба наблюдали, как луна, красная и большущая, поднимается над кукурузой.

— Папка? Можно мне выпить стакан пива?

Я взглянул на Генри, и удивленный, и нет. Прошел в дом, налил нам по стакану пива. Один дал ему со словами:

— Ничего такого ни завтра, ни послезавтра, ни днем позже, понял?

— Понял. — Он отпил глоток, скривился, отпил снова. — Не нравится мне лгать Шеннон. Так все грязно...

— Грязь отмывается.

— Только не эта. — Вновь глоток. Уже без гримасы.

Через какое-то время, когда луна сменила цвет на серебряный, я пошел в туалет, а потом послушал, как кукуруза и ночной ветер обмениваются друг с другом древними секретами земли. Когда я вернулся на крыльцо, Генри там не было. Его недопитый стакан стоял на парапете у лестницы. Потом я услышал его голос, доносящийся из амбара:

— Тихо, моя хорошая. Тихо.

Я пошел посмотреть. Он обнимал шею Эльпис и гладил ее. Думаю, он плакал. Какое-то время я постоял там, но ничего не сказал. Вернулся в дом, разделся, лег на кровать, на которой перерезал горло жене. Прошло немало времени, прежде чем я заснул. И если вы не поняли почему — не поняли *всех* причин, — тогда читать дальше совершенно незачем.

Я дал всем нашим коровам имена второстепенных греческих богинь, но с Эльпис* то ли ошибся в выборе, то ли дал это имя в шутку. На случай если вы не помните, как зло пришло в

* Эльпис — греческая богиня надежды.

наш грустный старый мир, позвольте освежить вашу память: все плохое вырвалось наружу, когда Пандора, уступив своему любопытству, открыла сосуд, оставленный ей на хранение. А когда Пандоре хватило ума вновь закрыть сосуд, на дне осталась только Эльпис, богиня надежды. Но летом 1922 года для нашей Эльпис никакой надежды не осталось. Старая, с дурным характером, она уже давала мало молока, и мы не пытались взять ту малость, которую она еще могла дать, — как только ты сидел рядом с ней на табуретку, она начинала лягаться. Нам следовало еще в прошлом году пустить Эльпис на мясо, но меня возмутила цена, которую потребовал Харлан Коттери за ее забой, а сам я умел забивать только свиней... думаю, что теперь вы, Читатель, поймете меня лучше.

«И мясо у нее жесткое, — указывала Арлетт (почему-то она благоволила к Эльпис, возможно, по той причине, что никогда ее не доила). — Лучше ее оставить в покое». Но теперь появился способ толково использовать Эльпис, — сбросить в колодец, как вы понимаете, — и это могло принести большую пользу, чем килограммы жилистого мяса.

Через два дня после визита Лестера мы с сыном продели веревку через кольцо в носу Эльпис и вывели ее из амбара. На полпути к колодцу Генри остановился. Его глаза заблестели от ужаса.

— Папка! Я ее чую!

— Тогда иди в дом и возьми ватные шарики для носа. С ее туалетного столика.

И хотя сын опустил голову, я заметил его взгляд, брошенный на меня исподтишка. *Это твоя вина*, говорил взгляд. *Целиком твоя вина, потому что ты не хотел уезжать.*

Тем не менее я не сомневался, что Генри поможет мне довести до конца намеченное. Что бы он обо мне ни думал, неподалеку жила некая девушка, и он не хотел, чтобы она узнала о содеянном им. Я его к этому принуждал, но она этого никогда бы не поняла.

Мы подвели Эльпис к крышке колодца, и она — вполне закономерно — встала как вкопанная. Мы обошли крышку с другой стороны и в четыре руки потянули корову на гнилое дере-

во. Крышка, треснув под ее весом, продавилась... но все еще держалась. Старая корова, показывая нам зеленовато-желтые сточенные зубы, стояла на ней, наклонив голову, и казалась такой же глупой и упрямой, как и всегда.

— Что теперь? — спросил Генри.

Я начал было говорить, что не знаю, но в этот момент крышка с громким треском разломилась надвое. Мы по-прежнему держались за веревку, и я уже подумал, что сейчас нас, с вывихнутыми руками, утянет в колодец. В следующий миг кольцо вырвалось из носа коровы и подскочило вверх. Эльпис, оказавшись внизу, замычала в агонии и принялась лупить копытами по каменным стенкам колодца.

— *Папка!* — закричал Генри. Он поднес ко рту сжатые в кулаки руки. Костяшки пальцев вдавливались в верхнюю губу. — *Заставь ее это прекратить!*

Эльпис издала долгий, протяжный стон, продолжая лупить копытами по камню.

Я взял Генри за руку и повел его, спотыкающегося, к дому. Толкнул его на диван, купленный Арлетт по почтовому каталогу, и велел сидеть, пока я за ним не приду.

— И помни: все почти закончилось.

— Это никогда не закончится, — ответил он и улегся лицом вниз, закрыв уши руками, хотя мычания Эльпис здесь слышать не мог. Но только Генри *слышал* его, да и я тоже.

На верхней полке в кладовой я нашарил винтовку, с которой иногда охотился на птиц. Пусть и двадцать второго калибра, она вполне годилась для того, что я собирался сделать. А если бы Харлан услышал выстрелы, докатись они через кукурузное поле до его фермы? Показания соседа только подтвердили бы нашу версию. Лишь бы Генри хватило выдержки не отступать от нее.

Вот что мне удалось понять в 1922 году: впереди всегда ждет худшее. Ты думаешь, что видел самое ужасное в своей жизни, то самое, что объединяет все твои кошмарные сны в невероятный ужас, существующий наяву, и утешение тебе только одно — хуже уже ничего быть не может. А если и может, то разум не

выдержит и ты этого не узнаешь. Но худшее происходит, и разум выдерживает, и ты продолжаешь жить. Ты понимаешь, что вся радость ушла из твоей жизни, что содеянное тобой лишило тебя всех надежд, что именно тебе лучше было бы умереть... но ты продолжаешь жить. Понимаешь, что ты в аду, сотворенном собственными руками, но все же живешь и живешь. Поэтому что другого не дано.

Эльпис упала на тело моей жены. Ухмыляющееся лицо Арлетт по-прежнему оставалось на виду, обращенное к залитому солнцем миру наверху. Казалось, она по-прежнему смотрит на меня. И крысы возвращались. Упавшая корова, несомненно, заставила крыс метнуться в трубу, о которой я теперь думал, как о Крысином бульваре, но потом они почуяли свежее мясо и поспешили обратно. Они быстро опробовали бедную Эльпис, которая мычала и лягалась (теперь гораздо слабее), а одна сидела на голове моей жены, напоминая жуткую корону. Она прогрызла дыру в джутовом мешке и лапками дергала клочок волос. Щеки Арлетт, когда-то кругленькие и симпатичные, висели клочьями.

Хуже этого ничего быть не может, подумал я. Конечно же, это самое ужасное, что я когда-нибудь увижу.

Увы, впереди всегда ждет что-то худшее. Когда я, застывший в изумлении и отвращении, смотрел вниз, Эльпис вновь лягнулась, и на этот раз ее копыто угодило в и без того изуродованное лицо Арлетт. Я услышал, как хрустнула челюсть моей жены, и все, что находилось ниже носа, сместилось влево, словно повисло на петле. Осталась только ухмылка, от уха до уха. И оттого, что рот теперь не был симметричен глазам, стало еще хуже. Казалось, вместо одного лица мертвой жены на меня таррашились два. Тело Арлетт повалилось на матрас, сдвинув его. Крыса, которая сидела на ее голове, прыгнула куда-то вниз. Эльпис опять замычала. Я подумал, что Генри, подойди он сейчас к колодцу и загляни в него, убил бы меня за то, что я втянул его во все это. И я, наверное, заслуживал того, чтобы меня убили. Но тогда он остался бы один, совершенно беззащитный.

Часть крышки упала в колодец, часть только свешивалась вниз. Я зарядил винтовку, оперся об оставшуюся, наклонную

часть крышки, прицелился в Эльпис, которая сломала шею и лежала, привалившись головой к каменной стене. Подождал, пока руки перестанут трястись, и нажал на спусковой крючок.

Одного выстрела хватило.

Вернувшись в дом, я обнаружил, что Генри заснул на диване. Я был совершенно разбит и подавлен, поэтому не нашел в этом ничего странного. В тот момент решил, что это нормально и вселяет надежду: он, конечно, запачкался, но не настолько, чтобы не оттереться от грязи до конца жизни. Я наклонился и поцеловал его в щеку. Он застонал и отвернулся. Оставив его, я пошел в амбар за инструментами. Когда сын присоединился ко мне тремя часами позже, я уже убрал уцелевшую часть сломанной крышки колодца и начал засыпать его.

— Я помогу. — Голос Генри звучал мертво и бесстрастно.

— Хорошо. Возьми грузовик и съезди к земляной куче у Восточной изгороди.

— Сам? — Он просто не верил своим ушам, а я порадовался, что в голосе появились эмоции.

— Ты знаешь, где передние передачи, так что найдешь и заднюю.

— Да...

— А потом все у тебя получится. Мне есть чем заняться, а когда ты вернешься, худшее будет позади.

Я ожидал вновь услышать от него, что худшее никогда не закончится, но он ничего не сказал. Продолжая засыпать колодец, я все еще видел голову Арлетт и джутовый мешок, из дыры в котором торчал клочок ее волос. Возможно, между бедер моей жены уже устраивался выводок только что родившихся крысят.

Я услышал, как двигатель грузовика кашлянул раз, потом другой. Надеялся, что заводная ручка не вырвется и не сломает Генри руку.

Когда сын крутанул ручку в третий раз, двигатель нашего старого грузовика ожил. Генри пару раз резко газанул и уехал. Вернулся через час, — в кузове была земля и камни. Он подъехал к самому краю колодца, заглушил двигатель. Рубашку он

снял, и тело — очень уж худенькое — блестело от пота. Я мог пересчитать все ребра. Попытался вспомнить, когда вдоволь кормил его. Поначалу не смог, потом осознал, что нормальным был лишь завтрак, после той ночи, когда мы с ней разобрались.

Этим вечером он получит все, что надо, подумал я. Говядины нет, но свинины в леднике хватает...

— Посмотри. — Его голос вновь стал бесстрастным. И он указал, куда смотреть.

Я увидел приближающийся к нам беличий хвост пыли. Посмотрел вниз. Из земли еще вылезала половина Эльпис. Это меня вполне устраивало, но рядом с коровой виднелся и край замазанного кровью матраса.

— Помоги мне, — велел я.

— Нам хватит времени, папка? — с легким интересом спросил он.

— Не знаю. Возможно. Только не стой, помогай мне.

Еще одна лопата стояла у стены амбара, рядом с разломанной деревянной крышкой. Генри схватил ее, и мы, стараясь действовать быстро, продолжили сбрасывать в колодец землю и камни.

Когда автомобиль шерифа округа с золотой звездой на дверце и прожектором на крыше подъехал к колоде для колки дров (вновь обратив в бегство Джорджа и кур), мы с Генри, оба без рубашек, сидели на ступеньках крыльца и допивали кувшин лимонада — последнее, что приготовила в этом доме Арлетт. Шериф Джонс вылез из-за руля, подтянул штаны, снял стетсон, пригладил седеющие волосы и вернул шляпу на место, точно по линии загара. Он приехал один. Я это воспринял как добрый знак.

— Добрый день, господа, — поздоровался он, взглянув на наши голые плечи, грязные руки, потные лица. — Занимались тяжелой работой, так?

Я сплюнул.

— Черт побери, и я в этом виноват.

— Неужели?

— Одна наша корова упала в старый колодец, — ответил Генри.

— Неужели? — повторил Джонс.

— Да, — кивнул я. — Хотите стакан лимонада, шериф? Его приготовила Арлетт.

— Арлетт? Так она решила вернуться?

— Нет, — ответил я. — Она забрала любимую одежду, но оставила лимонад.

— Я выпью. Но сначала мне надо воспользоваться вашим туалетом. После того как я перевалил за пятьдесят пять, мне, похоже, приходится отливать под каждым кустом. Чертовски неудобно.

— Это за домом. Идите по тропинке и ищите полумесяц на двери.

Он захохотал, будто услышал шутку года, и ушел за дом. Интересно, подумал я, он остановится, чтобы заглянуть в окна? Обязательно, если что-то смыслил в своей работе, а я слышал, что смыслил. Во всяком случае, когда был молодым.

— Папка, — прошептал Генри.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Если он догадается, мы больше ничего не сможем сделать. Я могу солгать, но убивать больше не буду.

— Хорошо, — ответил я. Над этим коротким разговором я размышлял все последующие восемь лет.

Шериф Джонс вернулся, застегивая ширинку.

— Пойди в дом и принеси шерифу стакан, — попросил я Генри.

Сын ушел. Шериф разобрался с ширинкой, снял шляпу, вновь пригладил волосы, надел шляпу. На бедре у Джонса висел большой револьвер, и хотя по возрасту он никак не мог участвовать в Великой войне*, кобура выглядела как собственность АЭС**. Может, осталась после сына. Сын шерифа погиб на той войне.

— Нормальный запах в туалете, — прокомментировал он. — Не страшно зайти в жаркий день.

* Имеется в виду Первая мировая война.

** АЭС — Американские экспедиционные силы (American Expeditionary Forces), американская армия, участвовавшая в Первой мировой войне.

— Арлетт постоянно сыпала туда негашеную известь, — ответил я. — Постараюсь так тоже делать, пока она не вернется. Давайте поднимемся на крыльцо и посидим в тени.

— Тень — это хорошо, но я лучше постою. Надо давать нагрузку на позвоночник.

Я сел в свое кресло-качалку с вышитым на сиденье «ПА». Он встал рядом со мной, глядя на меня сверху вниз. Мне это не очень нравилось, но я делал вид, будто мне без разницы. Генри вернулся со стаканом. Шериф Джонс сам налил себе лимонад, попробовал, одним глотком осушил его чуть ли не до дна, вытер губы.

— Хороший, правда? Не кислый, но и не сладкий, а какой надо. — Он рассмеялся. — Я говорю, как Златовласка, да? — Он допил остальное, но покачал головой, когда Генри предложил вновь наполнить стакан. — Хочешь, чтобы я останавливался у каждого столба по пути в Хемингфорд-Хоум? А потом и в Хемингфорд-Сити?

— Вы перевели свое управление? — спросил я. — Я думал, оно здесь, в Хемингфорд-Хоуме.

— Точно. В тот день, когда меня заставят перевести управление шерифа в административный центр округа, я уйду в отставку и позволю Хэпу Бердуэлли занять должность, на которую он так рвется. Нет, нет, просто в Хемингфорд-Сити проводится судебное слушание. Вроде бы речь пойдет только о бумагах, но вы знаете, как судья Криппс... нет, пожалуй, не знаете, будучи законопослушным гражданином. Он очень раздражительный, и его характер становится только хуже, если человека вовремя нет на месте. Поэтому, даже если от меня требуется только сказать: «Да поможет мне Бог», — а потом расписаться в куче судебных бумаг, мне приходится спешить туда, отложив все здешние дела, и надеяться, что этот чертов «макси» не сломается на обратной дороге.

Я на это ничего не ответил. Не выглядел шериф, как человек, который куда-то спешил. Но возможно, такая уж у него была манера.

Он опять снял шляпу, пригладил волосы, но на этот раз надевать ее не стал. Пристально посмотрел на меня, на Генри, потом снова на меня.

— Полагаю, вы понимаете: я здесь не по собственной воле. Уверен, что все происходящее между мужем и женой — их личное дело. Так и должно быть, да? Библия говорит: мужчина для женщины голова, и все, что положено знать женщине, она должна узнавать от своего мужа дома. Книга Коринфян. Будь Библия единственным моим боссом, я бы все делал, как в ней говорится, и жизнь была бы проще.

— Я удивлен, что с вами нет мистера Лестера, — заметил я.

— Он хотел приехать, но я ему запретил. Еще он хотел, чтобы я запасася ордером на обыск, но я сказал ему, что мне ордер не нужен. Сказал, что просто вы или позвольте мне все осмотреть — или не позвольте. — Он пожал плечами. Его лицо оставалось спокойным, но глаза — настороженными и пребывали в непрерывном движении, улавливая все, не упуская никаких деталей.

Когда чуть раньше Генри заволновался насчет колодца, я ответил: «Мы присмотримся к шерифу и решим, насколько он сообразительный. Если сообразительный, покажем все сами. Мы должны держаться так, словно нам нечего скрывать. А если увидим, что он туповат, думаю, нам лучше рискнуть. Но мы должны быть заодно, Хэнк. И если я увижу, что ты справляешься сам, то рта раскрывать не буду».

Я поднял стакан и допил лимонад. Когда заметил, что Генри смотрит на меня, согнул большой палец. Чуть-чуть. Словно он сам дернулся.

— А что этот Лестер думает? — В голосе Генри слышалось негодование. — Что мы связали ее и держим в подвале? — Его руки не двигались, а безвольно висели.

Шериф Джонс добродушно рассмеялся, его большой живот заколыхался под ремнем.

— Я не знаю, *что* он думает. Да мне и без разницы. Адвокаты — мухи на шкуре человечества. Я могу так говорить, поскольку работал с ними — или против них — всю свою взрослую жизнь. Но... — Его пронизательные глаза встретились с моими. — Я не против того, чтобы все осмотреть, только потому, что ему вы не позволили войти. Его это взбесило.

Генри почесал руку. Я дважды согнул большой палец.

— Он мне не понравился, вот я ему и не позволил, — объяснил я. — Хотя, если по-честному, я не позволил бы и апостолу Иоанну, если бы он пришел сюда, представляя интересы Коула Фаррингтона.

Шериф Джонс громко захохотал: «Ха-ха-ха!» Но глаза его не смеялись.

Я встал. Теперь я возвышался над шерифом на три или четыре дюйма. Мне разом стало легче.

— Вы можете смотреть где угодно и сколько угодно.

— Я вам за это признателен — упрощает мою жизнь. У меня еще встреча с судьей Криппсом, а это уже тяжелая работа. И я не хочу слушать тявканье ищеек Фаррингтона, если есть возможность этого избежать.

Мы вошли в дом, я — впереди, Генри — последним. После нескольких дежурных фраз о том, как уютно в гостиной и чисто на кухне, мы двинулись в коридор. Шериф Джонс для приличия заглянул в комнату Генри, а потом мы прибыли туда, куда он стремился. Распахивая дверь в нашу спальню, я почему-то был уверен в том, что кровь вернулась и мы увидим ее брызги на стенах, лужи на полу, пятна на матрасе. А шериф Джонс, увидев это, повернется ко мне, снимет с ремня наручники (кобура с револьвером висела на одном мясистом бедре, наручники — на другом) и скажет: «Я арестую тебя за убийство Арлетт Джеймс, так?»

Но в спальне не было не только крови, но и запаха крови, ведь комната несколько дней проветривалась. Кровать я застилал не так, как Арлетт, более строго, в армейском стиле, хотя ноги уберегли меня от войны, с которой не вернулся сын шерифа. Тех, у кого плоскостопие, не отправили убивать фрицев. Мужчины с плоскостопием годились только на убийство собственных жен.

— Милая комната, — отметил шериф. — Ранним утром здесь уже светло, так?

— Да, — кивнул я, — а во второй половине дня прохладно, потому что солнце уже с другой стороны дома. — Я подошел к стенному шкафу и открыл его. Вновь накатило ощущение уверенности, еще более отчетливое, чем раньше, что сейчас по-

следует вопрос: *«А где стеганое одеяло? Которое лежало на верхней полке, посередине?»*

Шериф, разумеется, этого не спросил, но тут же заглянул в стенной шкаф. Его пронизательные глаза — ярко-зеленые, почти звериные — метались из стороны в сторону.

— Много нарядов.

— Да, — признал я. — Арлетт нравилась одежда и нравились каталоги «Товары — почтой». Но поскольку она взяла только один чемодан — у нас их два, второй все еще у дальней стены, видите? — она упаковала только ту одежду, которая ей нравилась больше всего. Ну и, наверное, самую практичную. У нее были двое слаксов и джинсы, а теперь их нет, хотя брюки она не особенно часто носила.

— Брюки удобны в поездке, так? Независимо от того, мужчина ты или женщина, брюки удобны в поездке. И женщина может остановиться на брюках. Допустим, если торопится.

— Пожалуй, — согласился я.

— Она взяла драгоценности и фотографию бабушки и дедушки, — послышался сзади голос Генри. Я даже подпрыгнул — совсем забыл о его присутствии.

— Правда? Наверное, не могла не взять.

Шериф еще раз внимательно осмотрел одежду Арлетт и закрыл дверь стенного шкафа.

— Милая комната. — Он направился к коридору со стетсом в руке. — Милый дом. Только рехнувшаяся женщина может бросить такую спальню и такой дом.

— Мама много говорила о жизни в городе. — Генри вздохнул. — Ей хотелось открыть там магазин.

— Правда? — Зеленые глаза шерифа уставились на него. — Что ж! Но для этого требуются деньги, так?

— Она унаследовала землю от отца, — вставил я.

— Да, да. — Шериф застенчиво улыбнулся, будто совсем забыл об этом. — Может, оно и к лучшему. Лучше жить в пустоши, чем со сварливой, злой женщиной. Книга Притч. Ты рад, что она уехала, сынок?

— Нет. — Глаза Генри наполнились слезами.

Я мысленно благословлял каждую слезинку.

— Ладно, ладно. — Шериф сочувственно покивал, а потом, опираясь руками на пухлые колени, заглянул под кровать. — Вроде бы там женские туфли. На широком каблуке, удобные для ходьбы. Она же не могла убежать из дома босиком, так?

— Она обычно ходила в холщовых туфлях. Они тоже пропали.

Конечно, пропали. Выцветшие, зеленые, которые она называла садовыми туфлями. Я вспомнил о них, перед тем как начал засыпать колодец.

— Ага! — кивнул шериф. — Еще одна тайна раскрыта. — Он вытащил из кармана жилетки серебряные часы и взглянул на них. — Пожалуй, мне пора. Время поджигает.

Мы направились к крыльцу. Генри вновь шел последним, возможно, чтобы никто не видел, как он вытирает слезы. Мы сопроводили шерифа к седану «максвелл» со звездой на дверце. Я уже собирался спросить его, хочет ли он взглянуть на колодец, когда он остановился и с путающей добротой посмотрел на моего сына.

— Я заезжал к Коттери, — сообщил он.

— Да? — переспросил Генри. — Правда?

— Я же говорил, что теперь останавливаюсь чуть ли не под каждым кустом, но всегда пользуюсь туалетом, если знаю, что хозяева содержат его в чистоте и можно не волноваться из-за ос, дожидаясь, пока из моего крантика вытечет жидкость. Коттери очень чистолюбивые. У них такая симпатичная дочь. Почти твоего возраста, так?

— Да, сэр. — На последнем слове Генри чуть возвысил голос.

— Нравится она тебе, правда? И ты ей, судя по словам ее мамы.

— Она так сказала? — спросил Генри, явно удивленный и при этом довольный.

— Да. Миссис Коттери сказала, что ты тревожишься из-за своей мамы и что-то говорил насчет этого Шеннон. Я спросил, что именно, а она ответила, что у нее нет права об этом рассказывать, но я могу спросить у Шеннон. Вот я и спросил.

Генри смотрел себе под ноги.

— Я сказал ей, чтобы она никому не говорила.

— Ты же не будешь из-за этого обижаться на нее, так? — задал вопрос шериф Джонс. — Когда большой дядька со звездой на груди спрашивает такую малышку, как она, что ей известно, малышке трудно удержать рот на замке, правда? Ей ничего не остается, как сказать, разве нет?

— Не знаю. — Генри по-прежнему смотрел себе под ноги. — Вероятно. — Он не играл несчастного — он был несчастным, пусть события и развивались, как мы рассчитывали.

— Шеннон говорит, твои отец и мать крепко поругались из-за продажи этих ста акров, а когда ты взял сторону отца, миссис Джеймс достаточно сильно тебя ударила.

— Да, — сухо ответил Генри. — Она слишком много выпила.

Шериф Джонс повернулся ко мне:

— Она напилась или просто была навеселе?

— Где-то между, — ответил я. — Если бы напилась, то продрхла бы всю ночь, вместо того чтобы встать, собрать чемодан и тихонько, как вор, выскользнуть из дома.

— Вы думали, она вернется, как только протрезвеет?

— Да. До асфальтовой дороги больше четырех миль. Я не сомневался, что она вернется. Но должно быть, кто-то ехал мимо и подвез ее к себе до того, как у нее прочистилась голова. Наверное, водитель какого-нибудь грузовика, которые курсируют между Линкольном и Омахой.

— Да, да, и я бы так подумал. Уверен, вы услышите о ней, когда она свяжется с мистером Лестером. Если она собирается начать новую жизнь в городе, если она так решила, ей понадобятся деньги.

Что ж, он тоже это знал.

Шериф вновь пристально посмотрел на меня.

— У нее были деньги, мистер Джеймс?

— Ну...

— Давайте не будем стесняться. Признание полезно для души. Католики в этом правы.

— Я держал жестянку в комод. Примерно двести долларов, чтобы платить сборщикам урожая, которые приступят к работе в следующем месяце.

— И мистеру Коттери, — напомнил Генри. Повернувшись к шерифу Джонсу, он добавил: — У мистера Коттери есть жатка «харрис джайант» для кукурузы. Почти новая. Классная штука-ковина.

— Да, да, видел у него во дворе. Большущая мерзавка, да? Деньги из жестянки исчезли, так?

Я кисло улыбнулся — только в действительности улыбался не я: Коварный Человек правил бал с того самого момента, как шериф Джонс подъехал к колоде для колки дров.

— Она оставила двадцатку. Щедро, ничего не скажешь. Но именно двадцатку Коттери берет за использование жатки, так что все в порядке. Что же до сборщиков урожая, я думаю, Стоппенхаузер из банка выдаст мне краткосрочную ссуду. Если только он не в долгу перед «Фаррингтон компани». В любом случае лучший помощник у меня есть. — Я попытался потрепать Генри по волосам. Он, смущаясь, отпрянул.

— Пожалуй, мне есть что сообщить мистеру Лестеру, так? Ему все это не понравится, но если он умен, а он считает себя умником, то поймет: ему остается только ждать, когда она появится у него в офисе, и это произойдет скорее раньше, чем позже. Пропавшие обычно появляются, когда у них заканчиваются зелененькие, да?

— По моему опыту, да, — ответил я. — Если вы закончили, шериф, мы с сыном вернемся к работе. Этот бесполезный колодец следовало засыпать тремя годами раньше. Моя старая корова...

— Эльпис. — Генри говорил как во сне. — Ее звали Эльпис.

— Эльпис, — согласился я. — Она вышла из амбара, забралась на крышку, а дерево не выдержало. Мне пришлось ее пристрелить. Пойдемте за амбар, и я покажу вам — эта ленивая тварь теперь в колодце. Мы собираемся похоронить ее там, где она сейчас и лежит, и отныне я буду называть старый колодец «Дурь Уилфреда».

— Что ж, я бы посмотрел, но у меня встреча со старым, вечно недовольным судьей. В другой раз. — Кряхтя, шериф уселся за руль. — Спасибо за лимонад и гостеприимство. Вы бы

могли его и не проявлять, учитывая то, с чьей подачи я сюда приехал.

— Все нормально, — ответил я. — Каждый должен выполнять свою работу.

— И нести свой крест. — Проницательный взгляд шерифа сместился на Генри. — Сынок, мистер Лестер сказал мне, что ты явно что-то скрывал. Он в этом не сомневается. И ты скрывал, так?

— Да, сэр, — ответил Генри все тем же бесстрастным и каким-то жутким голосом. Словно все его эмоции улетучились, как и напасти, лежавшие в сосуде Пандоры, когда она его открыла. Да только у Генри и у меня надежды не осталось:дохлая Эльпис лежала на дне колодца.

— Если он спросит меня, я скажу ему, что он ошибался, — продолжил шериф Джонс. — Адвокату компании не обязательно знать, что мать мальчика подняла на него руку, когда была пьяна. — Он пошуровал под сиденьем, достал длинный S-образный инструмент, хорошо мне знакомый, и протянул Генри: — Не побережешь спину и плечо старику, сынок?

— Да, сэр, конечно. — Генри взял ручку и направился к переднему бамперу «максвелла».

— Береги запястье! — прокричал Джонс. — Она лягается, как бык! — Потом повернулся ко мне. Блеск заинтересованности ушел из глаз. Вместе с зеленью. Теперь они выглядели тусклыми и серыми, как вода в озере в пасмурный день. Это были глаза человека, который мог чуть ли не до смерти забить бродягу, найденного в грузовом вагоне, и спать спокойно, нисколько об этом не жалея. — Мистер Джеймс, должен вас кое о чем спросить. Как мужчина мужчину.

— Хорошо. — Я попытался подготовиться к следующему вопросу, который, я в этом не сомневался, вот-вот должен слететь с губ шерифа: *«В вашем колодце есть еще одна корова? По имени Арлетт?»* Но я ошибся.

— Я могу передать по телеграфу ее имя и приметы, если будет на то ваше желание. Она не уедет дальше Омахи, правда? У нее всего сто восемьдесят зеленых. Женщина, которая всю жизнь вела домашнее хозяйство, понятия не имеет, как пря-

таться. Вряд ли она отправится в восточную часть города, где дешевые пансионаты. Я могу сделать так, что ее приведут к вам. Притащат за волосы, если вы захотите.

— Это великодушное предложение, но...

Тусклые серые глаза разглядывали меня.

— Подумайте об этом, прежде чем ответить «да» или «нет». Иногда женщина просто просит, чтобы к ней «приложили руку», если вы понимаете, о чем я, а потом она становится шелковой. Хорошая взбучка многим идет на пользу. Подумайте об этом.

— Ладно.

Взревел двигатель «максвелла». Я протянул руку — ту самую, которой резал горло жене, — но шериф Джонс этого не заметил. Он регулировал зажигание и газ.

Две минуты спустя о его визите напоминало лишь уменьшающееся на глазах облако пыли.

— Он даже не захотел посмотреть, — удивился Генри.

— Не захотел.

И, как оказалось, хорошо, что не захотел.

Мы быстро засыпали колодец, когда увидели, что он едет к нам. Из земли к тому моменту торчала только одна задняя нога Эльпис. Копыто находилось примерно на четыре фута ниже края колодца. Мухи вились тучей. Шериф удивился бы, с чего бы, это точно, но удивился бы еще больше, если б увидел, как земля перед выступающим из нее копытом начала пульсировать, поднимаясь и опускаясь.

Генри выронил лопату и схватил меня за руку. Несмотря на жару второй половины дня, пальцы его были холодными. Как лед.

— *Это она!* — прошептал мой сын. Глаза вдруг стали огромными, в пол-лица. — *Она пытается вылезти!*

— Черт возьми, не вежи себя, как девчонка! — бросил я, но тоже не мог отвести глаз от колышущегося круга земли. Колодец словно ожил, а мы, казалось, видели биение его спрятанного в глубине сердца.

Потом земля и камешки полетели в разные стороны, и на поверхности появилась крыса. Глаза, черные, как капли нефти, моргнули от яркого солнечного света. Размерами она практи-

чески не уступала взрослой кошке. К усикам прилип кусочек окровавленной джутовой ткани.

— *Ах ты срань!* — прокричал Генри.

Что-то просвистело в считанных дюймах от моего уха, а потом кромка штыка лопаты Генри рассекла пополам голову крысы, которая застыла, ослепленная солнечным светом.

— Это она послала ее. — Генри улыбался. — Крысы теперь принадлежат ей.

— Ничего подобного. Ты просто переволновался.

Он бросил лопату и пошел к куче камней, которые мы собирались навалить сверху после того, как засыпали бы колодец земель. Сын сел и посмотрел на меня, захваченный этой мыслью.

— Ты уверен? Ты уверен, что она не будет преследовать нас? Люди говорят, призрак убитого возвращается, чтобы донимать тех, кто...

— Люди много чего говорят. Молния никогда не бьет дважды в одно место, разбитое зеркало приносит семь лет неудач, крик козодоя в полночь означает, что в семье кто-то умрет... — Я пытался рассуждать здраво, но не мог отвести взгляд от мертвой крысы и окровавленного клочка джутовой мешковины. От *сеточки для волос* Арлетт. Она по-прежнему носила ее, внизу в темноте, только теперь в сеточке появилась дыра, из которой торчал клоч волос. *Этим летом такая прическа — писк моды для всех мертвых женщин*, подумал я.

— Когда был маленьким, я действительно верил, что сломаю спину моей матери, если наступлю на трещину, — улыбаясь, произнес Генри.

— Вот именно... теперь понимаешь?

Он поднялся, отряхнул пыль с зада и подошел ко мне.

— Я прибил эту тварь, да?

— *Прибил.* — И поскольку мне не понравился тон, которым он произнес эту фразу, — совершенно не понравился! — я хлопнул его по спине.

Генри по-прежнему улыбался.

— Если бы шериф подошел посмотреть, когда ты его приглашал, и увидел эту крысу, у него возникли бы новые вопросы, ты так не думаешь? — И Генри истерически расхохотался.

Прошло четыре или пять минут, прежде чем его безумный смех сошел на нет. Он напугал стаю ворон, которые взлетели с изгороди, отделявшей кукурузу от места для коров, но в конце концов он отсмеялся. Работу мы заканчивали уже после захода солнца и слышали, как совы обмениваются впечатлениями, пролетая над крышей амбара и дожидаясь восхода луны. Теперь на земле, которой мы засыпали колодец, камни лежали плотно, один к одному, и я не думал, что еще какой-нибудь крысе удастся выбраться на поверхность. Мы не стали класть на место разломанную крышку — в этом не было необходимости. Генри вроде бы полностью пришел в себя, и я подумал, что мы оба хорошо выспимся.

— Как насчет сосисок, фасоли и кукурузного хлеба? — спросил я его.

— А можно запустить генератор и послушать по радио «Пирушку на телеге?» — спросил он.

— Да, сэр, можно.

Он улыбнулся нормальной, прежней улыбкой:

— Спасибо, папка.

Еды я наготовил на четверых, и мы съели все.

Двумя часами позже я сидел в кресле в гостиной и клевал носом над «Сайлесом Марнером»*, когда Генри вышел из своей комнаты в одних летних подштанниках. Он очень серьезно посмотрел на меня.

— Мама всегда настаивала на том, чтобы я перед сном молился, ты это знал?

Я в удивлении моргнул.

— До сих пор? Нет. Не знал.

— Да. Даже после того, как она не смотрела на меня, если я был без штанов, и говорила, что я уже взрослый. Но теперь молиться у меня не получается, наверное, больше вообще не смогу молиться. Если опущусь на колени, думаю, Бог убьет меня.

— Если Он есть, — ответил я.

* Имеется в виду «Сайлес Марнер: ткач из Рейвлоу» — роман английской писательницы Джордж Элиот (1819—1880).

— Я надеюсь, что нет. Без Него одиноко, но я надеюсь, что Его нет. Думаю, все убийцы на это надеются. Потому что без рая нет и ада.

— Сынок, ее убил я.

— Нет... мы сделали это вместе.

Он ошибался. Он был ребенком, а я его в это втянул, но ему казалось, что убийцы мы оба, и я думал, что он навсегда останется при своем мнении.

— Но ты не тревожься из-за меня, папка. Я знаю, ты думаешь, что я проговорюсь... возможно, Шеннон. Или чувство вины заставит меня пойти в Хемингфорд-Хоум и во всем признаться шерифу.

Само собой, такие мысли приходили мне в голову.

Генри покачал головой, медленно и многозначительно.

— Этот шериф... ты видел, как все осматривал? Видел его глаза?

— Да.

— Он постарается усадить нас обоих на электрический стул, вот что я думаю, и даже не вспомнит, что мне исполнится пятнадцать только в августе. И он будет там, будет смотреть этими жестокими глазами, как нас привяжут и...

— Хватит, Хэнк. Этого достаточно.

Оказалось достаточно для меня — не для него.

— ...и врубят ток. Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы этого не допустить. Не хочу, чтобы эти глаза стали последним, что я увижу на этом свете. Никогда. Слышишь, *никогда*.

— Иди спать, Генри.

— Хэнк.

— Хэнк. Иди спать. Я тебя люблю.

Он улыбнулся:

— Я знаю, но не очень-то этого заслуживаю. — И он, волоча ноги, вышел из гостиной, прежде чем я смог ответить.

А теперь — на боковую, как говорил мистер Пипс*. Мы спали, пока совы охотились, а Арлетт сидела в чернейшей черноте с челюстью, свернутой набок ударом копыта. На сле-

* Сэмюэл Пипс (1633—1703) — английский чиновник морского ведомства, член парламента, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

дующее утро взошло солнце, вновь выдался хороший для кукурузы день, и мы занимались обычными делами. Когда я вернулся домой, потный и уставший, на крыльце стоял глиняный горшок с крышкой, в котором я обнаружил тушеные овощи с мясом. Из-под горшка выглядывала записка. Я прочитал:

Уилф! Мы очень сожалеем о случившемся и окажем всемерную помощь. Харлан говорит, в этом году ты можешь не платить за жатку. Пожалуйста, если получишь весточку от своей жены, дай нам знать.

С любовью, Салли Коттери.

P.S. Если Генри придет повидаться с Шен, я пришлю с ним черничный пирог.

Улыбаясь, я сунул записку в нагрудный карман комбинезона. Наша жизнь без Арлетт началась.

Если Бог награждает нас за добрые дела, — Ветхий Завет на это намекает, а пуритане в этом абсолютно уверены, — тогда, возможно, сатана награждает за дурные. Я не могу этого утверждать, но ответственно заявляю: то лето выдалось хорошим. Кукурузе хватало и тепла, и солнца, а дожди в достаточной степени поливали наш огород. Иной раз после обеда гремел гром и сверкали молнии, но обошлось без жутких, ломающих кукурузу ветров, которых так боятся фермеры Среднего Запада. Харлан Коттери приехал на своей жатке «харрис джайант», и она ни разу не сломалась. Я тревожился, что «Фаррингтон компани» будет вставлять мне палки в колеса, но обошлось. Я без проблем получил ссуду в банке и расплатился уже в октябре, поскольку в тот год цена на кукурузу взлетела до небес, тогда как железная дорога снизила цену за перевозки до минимума. Если вы изучали историю, то знаете, что эти две цены, за продукцию и за перевозку, к двадцать третьему году поменялись местами и с тех пор пребывают в таком состоянии. Для фермеров Среднего Запада Великая депрессия началась следующим летом — крахом Чикагской сельскохозяйственной биржи. Но

лето 1922 года выдалось идеальным, о таком фермер может только мечтать. Омрачил его лишь инцидент с еще одной нашей коровой-богиней, и я скоро расскажу вам об этом.

Мистер Лестер приезжал еще дважды. Пытался давить на нас, но давить ему было нечем, и он это знал, потому что в тот июль выглядел как побитая собака. Я могу представить, как жали на него боссы из «Фаррингтон компани», вот он и старался вовсю. В первый раз задавал массу вопросов, это даже не вопросы были, а намеки. Не думаю ли я, что с моей женой произошел несчастный случай? Нет ли у меня таких мыслей, раз уж она не связалась со мной, не связалась с ним, чтобы обратить в доллары свои сто акров, и не вернулась на ферму, поджав, как говорится, хвост? Не думаю ли я, что она стала жертвой какого-то насильника, который ее подвозил? Такое случается, правда? Время от времени? И разумеется, подобный вариант очень меня устроил бы, разве нет?

Когда Лестер появился второй раз, на его лице читалось отчаяние, и он выпалил сразу: не произошел ли с моей женой несчастный случай прямо здесь, на ферме? Именно поэтому ее нигде не нашли, ни живой, ни мертвой...

— Мистер Лестер, если вы спрашиваете, убил ли я свою жену, ответ — нет.

— Да, конечно, а как еще вы можете ответить на этот вопрос?

— Это был ваш последний вопрос, сэр. Идите к своему грузовику, уезжайте и больше сюда не возвращайтесь. Если вернетесь, я вас отлуплю рукояткой топора.

— И сядете в тюрьму за нападение и нанесение побоев. — В тот день он нацепил целлулоидный воротничок, который съехал набок. Наверное, стоило пожалеть мистера Лестера, когда он стоял передо мной с кривым воротничком, врезающимся в мягкую плоть под подбородком, с полосками, оставленными на его покрытом пылью, пухлом лице с капельками пота, с дрожащими губами и выпученными глазами.

— Как бы не так. Я вас предупредил: держитесь подальше от моей собственности. И я собираюсь отправить письмо вашей компании с таким же предупреждением и с уведомлени-

ем о вручении. Если появитесь здесь снова, это будет нарушением закона, и я вас изобью. Считайте, что вы предупреждены, сэр.

Ларс Олсен, который вновь привез Лестера на своем грузовике «Красная крошка», сложил ладони лодочкой и приставил к ушам, чтобы лучше слышать.

Подойдя к бездверной кабине со стороны пассажирского сиденья, Лестер повернулся ко мне и вытянул руку с указующим перстом, словно адвокат в зале суда, желающий произвести впечатление на присяжных.

— Я думаю, вы ее убили! Рано или поздно тайное станет явным!

Генри, или Хэнк — теперь он предпочитал это имя, — вышел из амбара. Он закидывал сено на сеновал, поэтому держал в руках вилы наперевес, совсем как винтовку.

— По-моему, вам лучше убраться отсюда до того, как вам пустят кровь. — Добрый и застенчивый мальчик, каким я знал Генри до лета 1922 года, никогда бы такого не сказал, а Хэнк сказал, и Лестер понял, что это не пустые слова. Он залез в кабину. Поскольку дверцу захлопнуть не мог, ограничился тем, что сложил руки на груди.

— Приезжай в любое время, Ларс. — Я посмотрел на Олсена. — Но этого не бери с собой, как бы много он ни предлагал тебе за перевозку своего толстого зада.

— Да, сэр, мистер Джеймс, — ответил Ларс, и они уехали.

Я повернулся к Генри:

— Ты бы ткнул его вилами?

— Да. Чтобы он заверещал. — А потом без тени улыбки он вернулся в амбар.

Но в то лето он, случалось, улыбался, и по понятной причине. Этой причиной была Шеннон Коттери. Он часто виделся с ней (и, как я выяснил осенью, она показывала ему больше, чем следовало). Шеннон взяла за правило приходить к нам по вторникам и четвергам, во второй половине дня, в длинном платье и шляпке, и приносила корзинку, наполненную чем-то вкусным. По ее словам, она знала, «что готовят мужчины»,

словно прожила на свете тридцать, а не пятнадцать лет, и намеревалась проследить, чтобы хотя бы два раза в неделю мы могли сытно поужинать. И хотя мне довелось только раз отве­дать тушеного мяса с овощами, приготовленного миссис Кот­тери, я могу сказать, что даже в пятнадцать лет эта девушка была отменной кухаркой. Мы с Генри просто поджаривали стейки на сковороде. Шеннон же использовала приправы, бла­годаря которым мясо приобретало божественный вкус. Она приносила в корзинке и свежие овощи — не только морковь и горошек, но и экзотическую (для нас) спаржу и толстую зеле­ную фасоль, которые готовила с луком-севком и беконом. По­том следовал десерт. Я могу закрыть глаза в этом обшарпанном номере отеля и вновь уловить аромат ее выпечки. Вновь уви­деть, как над столом покачивалась ее грудь, когда она взбива­ла яичный белок или сливки.

У Шеннон было большое сердце, как, впрочем, и грудь, и бедра. К Генри она относилась с нежностью, чувствовалось, что он ей дорог. Оттого она стала дорога и мне... только это, читатель, лишь в малой степени отражает мои чувства к ней. Я полюбил ее, и мы оба любили Генри. По вторникам и чет­вергам после обеда я сам убирал со стола, а их отправлял на крыльцо. Иногда, слыша, как они шепчутся, выглядывал на крыльцо и видел, как они бок о бок сидят в креслах-качалках, смотрят на западное поле и держатся за руки, как давно же­натая пара. Случалось, я замечал, как они целовались, и тут уж они не походили на супругов. В этих поцелуях чувствова­лись страсть и нетерпение, свойственные только очень моло­дым, и я отворачивался: щемило сердце.

Однажды во вторник она пришла рано. Ее отец жал куку­рузу на северном поле, Генри помогал ему, за жаткой шли сбор­щики, индейцы из резервации шошонов в Лайм-Биске, а по­следним ехал грузовик Старого Пирога. Шеннон попросила кружку холодной воды, и эту просьбу я с радостью исполнил. Она стояла в тени дома, в широком платье до пят и с длинны­ми рукавами, в квакерском платье. Оставалось только удив­ляться, как она в нем не запарилась. Шеннон была так зажата, даже испугана, что на какое-то мгновение я тоже испугался.

Он ей сказал, подумал я. Ошибся, конечно. Да только в каком-то смысле он ей действительно сказал.

— Мистер Джеймс, Генри болен?

— Болен? Разумеется, нет. Я бы сказал, здоров как бык. И ест так же. Ты сама видела. Хотя я думаю, даже больной человек не сможет отказаться от твоей готовки, Шеннон.

Своими словами я заработал улыбку, но, увы, мимолетную.

— В это лето он какой-то другой. Я всегда знала, о чем он думает, а теперь — нет. Он уходит в себя.

— Правда? — спросил я, пожалуй, с излишним жаром.

— Вы не заметили?

— Нет, мэм. — Я, конечно, заметил. — Для меня он все тот же Генри. Но к тебе он неровно дышит, Шен. Может, тебе кажется, что он уходит в себя, поскольку он влюблен.

Я думал, после этих слов могу рассчитывать на искреннюю улыбку, но нет. Она коснулась моего запястья. Холодными, как ручка кружки, пальцами.

— Я думала об этом, но... — И она тут же раскрыла причину своей тревоги. — Мистер Джеймс, если бы ему нравился кто-то еще... одна из девочек из нашей школы... вы бы мне сказали, правда? Не пытались бы... расстроить меня?

Я рассмеялся и увидел отразившееся на ее лице облегчение.

— Шен, послушай меня, я твой друг. Лето — время тяжелой работы, а с уходом Арлетт мы с Хэнком заняты, как однорукие оклейщики обоев. Вечером, приходя домой, мы едим — и очень вкусно, когда приходишь ты, — и еще час читаем. Иногда он говорит о том, как ему недостает его мамы. Потом ложимся спать, встаем, и все повторяется. Ему едва хватает времени, чтобы ухаживать за тобой, не говоря уж о какой-то другой девушке.

— За мной он ухаживает, это так. — Она посмотрела в ту сторону, откуда доносилось стрекотание жатки ее отца.

— Что ж... это ведь хорошо?

— Я просто думала... он теперь такой тихий... такой задумчивый... иногда смотрит вдаль, и мне приходится дважды или трижды повторять его имя, прежде чем он услышит меня и ответит. — Она густо покраснела. — Даже поцелуи его кажутся

другими. Не знаю, как это объяснить, но они другие. И если вы когда-нибудь повторите ему мои слова, я умру. Просто умру.

— Никогда не повторю. Друзей не предаю.

— Наверное, я веду себя глупо. И разумеется, ему не хватает мамы. Я знаю, что не хватает. Но в школе так много девочек, которые красивее... красивее меня...

Я приподнял ее подбородок, чтобы она смотрела на меня.

— Шеннон Коттери, когда мой мальчик смотрит на тебя, он видит самую красивую девочку на свете. И он прав. Черт, да будь я в его возрасте, тоже ухаживал бы за тобой.

— Спасибо, — ответила она. В уголках глаз, как маленькие бриллианты, застыли слезы.

— Единственное, о чем тебе надо волноваться, — это как возвращать его к действительности, если он забывается. Парни могут очень уж разгорячиться, знаешь ли. А в крайнем случае просто приди и скажи мне. Друзья могут поговорить и о таком, это нормально.

Тут она обняла меня, а я — ее. Но объятие это, наверное, доставило Шеннон больше удовольствия, чем мне. Потому что между нами стояла Арлетт. Она стояла между мной и всем, что происходило летом 1922 года, и думаю, то же самое ощущал и Генри. Шеннон только что рассказала мне об этом.

Одной августовской ночью, когда уборка кукурузы закончилась и бригада Старого Пирога, получив причитающиеся деньги, вернулась в резервацию, меня разбудило коровье мычание. *Я проспал дойку*, подумал я, нащупал на прикроватном столике карманные часы моего отца и, всмотревшись в циферблат, увидел, что еще четверть четвертого. Приложив часы к уху, убедился, что они тикают, да и взгляд в окно, за которым царила безлунная ночь, подсказал, что до дойки еще далеко. Впрочем, и по мычанию коровы чувствовалось: причина не в том, что ей хочется избавиться от молока. Животное мучилось от боли. Коровы так мычат, когда телятся, но наши «богини» давно вышли из этого возраста.

Поднявшись, я направился к двери, но тут же вернулся к стенному шкафу и достал винтовку двадцать второго калибра.

Я услышал, как Генри похрапывает за закрытой дверью своей комнаты, когда проходил по коридору с винтовкой в одной руке и сапогами в другой. Надеялся, что он не проснется и не захочет присоединиться ко мне в этом, возможно, опасном деле. К тому времени в наших краях почти не осталось волков, но Старый Пирог говорил, что около рек Платт и Медсин-Крик появились лисы с «летней болезнью». Так шошоны называли бешенство, и причиной мычания коровы вполне могла стать бешеная тварь, проникшая в амбар.

Когда я вышел из дома, мычание стало очень громким, но при этом отдавалось эхом. *Как корова в колоде*, подумал я. От этой мысли по коже побежали мурашки, и я еще крепче сжал винтовку.

К тому времени, как я добрался до амбара и плечом открыл правую створку ворот, другие коровы тоже замычали, но эти звуки напоминали спокойные расспросы и не шли в сравнение с отчаянным мычанием, которое разбудило меня... и я знал, что разбудит Генри, если я не устраню причину, его вызывающую. Справа от двери на крюке висела угольная лампа. Мы не пользовались открытым огнем в амбаре без крайней необходимости, особенно летом, когда рядом сено и собранная кукуруза.

Я нащупал кнопку зажигания и нажал. Амбар озарило синее-белое сияние. Поначалу я ничего не видел, только слышал наполненное ужасом мычание и удары копыт: одна из наших «богинь» пыталась разделаться с нападавшим. Это была Ахелоя*. Когда мои глаза чуть привыкли к свету, я увидел, что она мотает головой из стороны в сторону. Пятится назад, потом упирается задними ногами в дверь стойла — третьего справа, если идти по проходу, — и вновь бросается вперед. Паника начала охватывать и остальных коров.

Я подтянул подштанники и поспешил к стойлу, зажав винтовку под левой рукой. Распахнул дверь и отступил. Ахелоя означает «та, кто прогоняет боль», но на этот раз боль доставала

* В греческой мифологии Ахелой — божество одноименной реки или океана, отец сирен. Кличка коровы соответствует «фамилии» дочерей Ахелоя.

саму Ахелю. Когда она неуклюже вышла в проход, я увидел, что ее задние ноги в крови. Она вскинула их, как лошадь (никогда не видел, чтобы корова так делала), а когда вскинула, я заметил огромную серую крысу, вцепившуюся в один из ее сосков. Под весом крысы короткий розовый отросток удлинился в несколько раз, сузившись в трубку. Замерев от удивления и ужаса, я подумал о том, как Генри, еще ребенком, растягивал розовую жевательную резинку, оставляя один конец во рту. *Не делай этого*, обычно говорила ему Арлетт. *Никому не хочется смотреть на то, что ты жуешь.*

Я поднял винтовку. Потом опустил. Ахелю мычала и мотала головой из стороны в сторону, словно это могло как-то помочь. Как только все ее четыре ноги вернулись на пол, крыса тоже смогла коснуться деревянных половиц задними лапами. Она напоминала странного щенка с капельками запятанного кровью молока на усах. Я осмотрелся в поисках чего-то тяжелого, чем мог бы ударить ее, но, прежде чем успел схватить швабру, которую Генри оставил у стойла Фемонии*, Ахелю вновь вскинула задние ноги, и крыса спрыгнула на пол. Поначалу я подумал, что она просто отцепилась, но потом увидел розовый и сморщенный отросток, торчащий из ее пасти, как сигара. Чертова тварь оторвала сосок бедной Ахелю! Корова прижалась головой к стойке амбара и устало посмотрела на меня, как бы говоря: *Все эти годы я давала тебе молоко, со мной не было никаких проблем — в отличие от некоторых, кого ты знаешь, так почему ты допустил, чтобы такое случилось со мной?* Лужица крови натекла под ее выменем. Хотя случившееся потрясло меня и вызвало отвращение, я понимал, что от такой раны корова не умрет. Однако ее вид — и вид крысы со злополучным соском в пасти — разъярил меня.

Я не стал стрелять в крысу, отчасти опасаясь пожара, но главным образом из-за того, что не надеялся попасть в цель, держа в одной руке лампу. Вместо этого взмахнул винтовкой, рассчитывая ударом приклада убить крысу, как Генри лопатой убил другую, вылезшую из земли. Но Генри был мальчишкой

* Фемония — дочь Аполлона и первая жрица в Дельфах, ее имя обозначало «предсказательница».

с отличной реакцией, а я — мужчиной средних лет, еще не полностью проснувшимся. Крыса легко избежала удара и помчалась по центральному проходу. Откушенный сосок ходил взад-вперед в ее пасти, и я понял, что она ест его на ходу, он был теплый и, несомненно, полный молока. Я бросился за крысой, ударил еще дважды, но оба раза промахнулся. Потом понял, куда она бежит: к трубе, ведущей в засыпанный колодец, из которого мы когда-то поили домашний скот. Естественно! Крысиный бульвар! После того как мы засыпали колодец, выбраться из него можно было только по трубе. Иначе крысы остались бы там навсегда. Похороненными с ней.

Но, конечно же, думал я, эта тварь слишком большая, чтобы пролезть в трубу. Она прибежала со двора. Возможно, из гнезда в навозной куче.

Крыса прыгнула к трубе, и когда залезала в отверстие, ее тело удивительным образом вытягивалось. Я взмахнул прикладом винтовки в последний раз, но с ударом опоздал. Крыса успела заползти в трубу. Когда я поднес лампу к срезу, то увидел безволосый хвост, исчезающий в темноте, услышал, как когти скребут по оцинкованному металлу. А потом крыса пропала, стихли и звуки. Мое сердце билось так сильно, что перед глазами запрыгали белые точки. Я глубоко вдохнул, но со вдохом пришла вонь гнилья и разложения, такая сильная, что я отпрянул, закрывая рукой нос. Рвавшийся из груди крик был заглушен рвотным позывом. Вонь застряла в носу, и я буквально увидел Арлетт на другом конце трубы, с насекомыми и червями, копошившимися в ее плоти, тающей с каждым часом и днем. Лицо сползало с черепа, ухмылка губ сменялась вечной костяной ухмылкой.

Я рванул прочь от этой жуткой трубы на всех четырех, выстреливая струи рвоты то направо, то налево, а когда окончательно распростился с ужином, за ним последовала желчь. Глаза слезились, но я увидел, что Ахелоя вернулась в стойло. И это радовало. По крайней мере отпала необходимость гоняться за ней по амбару.

Прежде всего я хотел заткнуть трубу, считая это самым неотложным делом, но едва рвота прекратилась, ко мне верну-

лось здравомыслие. Конечно же, сначала следовало заняться Ахелоей. Она всегда давала много молока, и, что более важно, я нес за нее ответственность. Я держал аптечку в маленькой комнате, которую использовал как кабинет. Здесь же хранились и бухгалтерские книги. В аптечке я нашел большую банку антисептической мази Роули. В углу лежал ворох тряпок. Я взял половину и вернулся к стойлу Ахелои. Закрыл дверь, чтобы не попасть под удар копытом, сел на табуретку для доения. Думаю, в глубине души я считал, что заслуживаю удара копытом. Но дорогая старушка Ахелоя стояла как вкопанная, когда я гладил ее по боку и шептал: «Тихо, моя хорошая, тихо, моя хорошая-прехорошая». И она действительно стояла спокойно, хотя и подрагивала, когда я смазывал мазью рану на вымени.

Предприняв необходимые меры для предотвращения заражения, я использовал тряпки, чтобы стереть мою блевотину. Тут требовалось поработать на совесть. Любой фермер скажет вам, что человеческая блевотина привлекает всякую живность точно так же, как не закрытая должным образом яма для пищевых отходов, — енотов, сурков, но главным образом крыс. Крысы обожают человеческие харчишки.

Несколько тряпок у меня осталось, но это были ветхие кухонные полотенца — слишком тонкие, они не годились для моей очередной цели. Я снял с крюка серп, осветил дорогу к поленнице и отрезал квадратный кусок плотного брезента, которым мы накрывали дрова. Вернувшись в амбар, присел у трубы, направил в нее свет лампы, желая убедиться, что ни одна крыса (та самая или какая-то другая, потому что там, где замечена одна крыса, их наверняка много) не собирается защищать свою территорию. Труба — во всяком случае, те четыре фута, которые я увидел, — была пустой. Я не заметил даже катышков, и меня это не удивило. Эта дорога активно использовалась — единственная оставшаяся у них дорога, — и на ней они не гадили, оправляясь уже в амбаре.

Я засунул брезент в трубу. Жесткий и объемный, он никак не хотел лезть в узкое отверстие, и мне пришлось воспользо-

ваться черенком швабры, чтобы затолкать его подальше, но я справился.

— Вот, — сказал я. — Посмотрим, как вам это понравится. Задыхайтесь на здоровье.

Я вернулся к стойлу Ахелои, чтобы проверить, как она. Корова стояла спокойно и даже печально посмотрела на меня, когда я погладил ее по боку. Я знал тогда и знаю теперь, что она была всего лишь коровой, — будьте уверены, фермерам редко приходят в голову романтические мысли в отношении животного мира, — но от этого взгляда у меня на глаза навернулись слезы, и мне пришлось подавить рыдание. *Я знаю, ты сделал все, что мог*, говорил этот взгляд. *Я знаю, это не твоя вина.*

Но вина была моей.

Я думал, что буду долго лежать без сна, а заснув, увижу крысу, с соском в пасти бегущую по деревянным половицам амбара к трубе, но заснул практически сразу, спал крепко, без сновидений и хорошо отдохнул. Проснулся в залившем спальню утреннем свете и с вонью разлагающегося тела моей мертвой жены на руках, простынях и наволочке. Резко сел, жадно хватая ртом воздух и уже понимая: этот запах — иллюзия, этот запах — мой кошмарный сон. Он пришел ко мне не ночью, а с утренним светом, когда я уже лежал с широко раскрытыми глазами.

Я опасался угрозы заражения от крысиного укуса, несмотря на мазь, но все обошлось. Ахелоя умерла в том же году, но не от этого. Больше, однако, она молока не давала. Ни единой капли. Мне следовало забить ее, но я никак не мог заставить себя это сделать. Из-за меня она и так настрадалась.

На следующий день я протянул Генри список покупок, велел взять грузовик, поехать в город и все купить. Широкая, изумленная улыбка расползлась по его лицу.

— Грузовик? Я? Сам?

— Ты по-прежнему помнишь передние передачи? И по-прежнему сможешь найти заднюю?

— Господи, конечно!

— Тогда, думаю, ты можешь ехать. Не в Омаху и даже не в Линкольн, но если не будешь гнать, без проблем доберешься до Хемингфорд-Хоума.

— Спасибо! — Сын обнял меня и поцеловал в щеку. На мгновение возникло ощущение, что мы с ним вновь друзья. Я даже позволил себе в это поверить, хотя сердцем понимал: это не так. Улики, возможно, спрятаны под землей, но правда стояла между нами — и будет стоять всегда.

Я дал ему кожаный бумажник.

— Это бумажник твоего деда. Можешь оставить его себе; я все равно собирался подарить его тебе осенью, на день рождения. В нем деньги. Все, что останется, — твое. — Я чуть не добавил: *«И не привози с собой бродячих псов»*, — но вовремя осекся. Эта фраза частенько слетала с губ его матери.

Он попытался поблагодарить меня снова, но не смог, слишком волновался.

— На обратном пути остановись у кузницы Ларса Олсена и залей полный бак. Не забудь об этом, иначе вернешься на своих двоих, а не за рулем.

— Я не забуду. И... папка?

— Что?

Он переступил с ноги на ногу и застенчиво посмотрел на меня.

— Могу я заехать к Коттери и предложить Шен прокатиться со мной?

— Нет, — ответил я. У него вытянулось лицо, прежде чем я продолжил: — Но ты можешь спросить у Салли или Харлана, можно ли Шен поехать с тобой. И обязательно скажи им, что никогда раньше в город не ездил. Я доверяю тебе, сынок, полагаюсь на твою честность.

Как будто мы оба не стали лжецами.

Я стоял у ворот, пока наш старый грузовик не исчез в облаке пыли. В горле застрял комок, который я не мог проглотить. У меня возникло необъяснимое, но отчетливое ощущение, предчувствие, что я больше его не увижу. Наверное, так бывает с большинством родителей, которые в первый раз ви-

дят, как ребенок впервые уезжает куда-то один, и осознают, что он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно выполнять те или иные поручения. То есть он уже больше, чем ребенок. Но я не мог долго раздумывать над этим. Мне предстояло важное дело, и я отослал Генри для того, чтобы заняться им в его отсутствие. Он все равно мог увидеть, что случилось с нашей коровой, и догадаться, кто это сделал, но я подумал, что следует немного смягчить удар.

Сначала я заглянул в стойло Ахелои. Она была несколько апатичной, но в полном здравии. Потом проверил трубу. Ее по-прежнему затыкал брезент, но я не питал особых иллюзий: со временем крысы все равно его прогрызли бы. Требовалась затычка покрепче. Я принес мешок цемента к колонке и в старом ведре замесил раствор. Вернувшись в амбар, подождал, пока он загустеет, после чего продвинул брезент еще глубже, как минимум на два фута, и освободившееся пространство набил цементным раствором. К тому времени, когда Генри вернулся (и в прекрасном настроении: в город он поехал с Шеннон, а сдачи хватило на газировку и мороженое), раствор затвердел. Полагаю, некоторые крысы могли в поисках еды выбраться из трубы до того, как я засунул туда брезент, но я не сомневался, что большинство остались замурованными в темноте, включая и ту, что покалечила бедную Ахелую. И там, внизу, им предстояло умереть. Если не от удушья, то от голода, когда опустеет их чудовищная кладовая.

Так я тогда думал.

В промежутке между 1916 и 1922 годами в Небраске процветали даже самые глупые фермеры. Харлан Коттери, далеко не глупый, жил лучше многих. Его ферма ясно говорила об этом. В 1919-м он добавил к ней амбар и силосную башню, в 1920-м пробурил глубокую скважину, которая давала невероятные шесть галлонов в минуту. Годом позже провел воду в дом (хотя ему хватило ума оставить туалет во дворе). И потом трижды в неделю он и его женщины могли наслаждаться невероятной для глубинки роскошью: ванной и душем, горячая вода для которых не подогревалась в ведрах на плите, а поступала по од-

ним трубам, чтобы по другим стечь в пруд. Именно благодаря душу открылся секрет, который хранила Шеннон Коттери, хотя, полагаю, я его уже знал с того дня, когда она сказала: *«За мной он ухаживает, это так»*, — сухо и тускло, очень уж не похоже на нее, и при этом смотрела не на меня, а на далекие силуэты жатки ее отца и идущих следом сборщиков урожая.

Произошло это в конце сентября, когда кукурузу давно собрали, но на огороде оставалось много работы. Как-то в субботу, когда Шеннон наслаждалась душем, ее мать шла по заднему коридору с охапкой белья, которое она сняла с веревки раньше, чем следовало, поскольку дело шло к дождю. Шеннон, вероятно, думала, что плотно закрыла дверь ванной, — большинство женщин стремятся к тому, чтобы никто не подсматривал за ними в душе, а у Шеннон, когда лето 1922 года перешло в осень, была для этого особая причина — но, возможно, защелка соскочила, и дверь чуть приоткрылась. Мать Шеннон заглянула в щелку, и пусть занавеска полностью отгораживала душевую, намочнув, она стала полупрозрачной. Салли могла и не видеть дочь; ей хватило одного взгляда на силуэт девушки, на этот раз без свободного квакерского платья, которое позволяло скрыть фигуру. И тут все стало ясно: пять месяцев беременности или около этого. Наверное, Шеннон все равно не смогла бы еще долго хранить свой секрет.

Двумя днями позже Генри вернулся из школы (теперь он ездил туда на грузовике) испуганный и с виноватым видом.

— Шен последние два дня не приходила в школу, — рассказал он, — и я завернул к Коттери, чтобы спросить, все ли с ней в порядке. Я подумал, она могла заболеть испанкой. В дом они меня не пустили. Миссис Коттери велела мне уезжать и сказала, что ее муж приедет сегодня вечером, чтобы поговорить с тобой, после того как закончит все дела. Я спросил, могли ли я что-нибудь сделать, и она ответила: *«Ты уже сделал достаточно, Генри»*.

Тут я вспомнил слова Шен, а Генри закрыл лицо руками.

— Она беременна, папка, и они это знают. Ясно, в этом все дело. Мы хотим пожениться, но теперь, боюсь, они нам не позволят.

— О них не думай, — отчеканил я. — Я тебе не позволю.

Он посмотрел на меня обиженными, влажными от слез глазами.

— Почему?

Я подумал: *Ты видел, что произошло между твоей матерью и мной, и все равно спрашиваешь?* Но ответил иначе:

— Ей пятнадцать лет, а тебе исполнится пятнадцать лишь через две недели.

— Но мы любим друг друга!

Ох, этот крик безумца! Этот бабский вопль. Мои руки, безвольно висевшие, сжались в кулаки, и я с трудом разжал пальцы. Злость помочь не могла. Мальчику требовалась мать, чтобы обсудить этот деликатный вопрос, но Арлетт сидела на дне засыпанного землей колодца в компании дохлых крыс.

— Я знаю, что любите, Генри...

— *Хэнк!* И другие женятся молодыми.

Раньше женились. А теперь, когда началось новое столетие и границы закрылись, это происходит все реже. Но я сказал ему другое:

— У меня нет денег, чтобы помочь вам начать новую жизнь. Может, году к двадцать пятому, если цены на зерно останутся высокими, но не теперь. И с учетом ребенка...

— Их *было бы* предостаточно! — воскликнул он. — Если бы ты так не стремился заполучить эти сто акров, их было бы *предостаточно!* И она поделилась бы со мной! Не стала бы говорить со мной, как ты сейчас!

Его слова так потрясли меня, что я лишился дара речи. Прошло шесть недель или около того с тех пор, как мы в последний раз упомянули в разговоре Арлетт, пусть даже назвав ее всего лишь «она».

Сын с вызывающим видом смотрел на меня. И тут, в самом начале нашей дороги, я увидел Харлана Коттери. Он направлялся к нам. Я всегда считал его своим другом, но то, что его дочь вдруг оказалась беременной, могло изменить сложившиеся отношения.

— Нет, она не стала бы так с тобой говорить, — согласился я и встретился с ним взглядом. — Она бы поговорила с тобой

гораздо хуже. И скорее всего высмеяла бы. Если заглянешь в свое сердце, сынок, ты это поймешь.

— Нет!

— Твоя мать назвала Шеннон маленькой шлюшкой, а потом посоветовала тебе держать свою штучку в штанах. Это был ее последний совет, и хотя прозвучал он грубо и обидно, как и многое из того, что она говорила, лучше бы ты ему последовал.

Злость Генри ушла.

— Это случилось после того... после той ночи... когда мы... Шен не хотела, но я ее уговорил. А как только мы начали, ей это понравилось так же, как и мне. Как только мы начали, она просила об этом снова и снова. — Он произнес это с какой-то странной, нездоровой гордостью, потом устало покачал головой. — А теперь сто акров зарастают сорняками, а у меня беда. Если бы мама была здесь, она помогла бы мне выкрутиться. Деньги решают все, как *он* говорит. — И Генри махнул рукой в сторону приближающегося шара пыли.

— Если не помнишь, с каким скрипом твоя мать расставалась с каждым долларом, тогда ты многое забываешь слишком уж быстро, — заметил я. — И если ты забыл, как она двинула тебе в зубы, когда...

— Я не забыл, — мрачно ответил Генри. А потом добавил еще более мрачно: — Я думал, ты мне поможешь.

— Попытаюсь. А пока я хочу, чтобы ты смылся. Ты подействуешь на отца Шен, как красная тряпка на быка, если будешь стоять здесь, когда он придет. Позволь мне разобраться с ситуацией, узнать, как он ко всему этому относится... и тогда, возможно, я позову тебя на крыльцо. — Я сжал запястье Генри. — Я сделаю для тебя все, что смогу, сынок.

Он высвободил руку.

— Да уж, постарайся.

Он ушел в дом, и прямо перед тем, как Харлан въехал в наш двор на своем новом автомобиле (это был «нэш»*, зеленый,

* «Нэш» — автомобиль компании «Нэш моторс», основанной в 1916 г. бывшим президентом «Дженерал моторс» Чарльзом Нэшем

поблескивающий под слоем пыли, как спинка падающей мухи), я услышал, как хлопнула сетчатая дверь черного хода.

«Нэш» грохнул обратной вспышкой в глушителе и затих. Харлан вылез из-за руля, снял пыльник, сложил, оставил на сиденье. Он приехал в пыльнике, принарядившись в соответствии с моментом: белая рубашка, галстук-шнурок, хорошие воскресные брюки, ремень с серебряной пряжкой. Он поправил пояс, с тем чтобы брюки сели, как ему хотелось, чуть ниже небольшого животика. Коттери всегда хорошо относился ко мне, и я видел в нем не просто друга, а близкого друга, но сейчас я его ненавидел. И не потому, что он приехал жаловаться на моего сына — Бог свидетель, я бы на его месте поступил точно так же. Нет, меня бесил новенький сверкающий зеленый «нэш». Меня бесила серебряная пряжка в форме дельфина. И новая силосная башня Коттери, выкрашенная в ярко-красный цвет, и водопровод в их доме. А больше всего — тот факт, что на ферме у него осталась послушная жена-мышка, которая, несмотря на все тревоги, в этот самый момент готовила ужин. Жена, которая при решении любой проблемы говорила: *Дорогой, как ты скажешь, так и будет.* Женщины, учтите, такой жене не приходится бояться, что ее последний вздох выйдет через перерезанное горло.

Харлан поднялся по ступенькам крыльца. Я встал и протянул руку, ожидая, пожмет он ее или нет. Он замялся, прикидывая все «за» и «против», но в итоге легонько пожал и тут же отпустил.

— У нас серьезная проблема, Уилф.

— Знаю. Генри только что мне сказал. Лучше поздно, чем никогда.

— Лучше просто никогда, — пробурчал он.

— Присядешь?

Он подумал, прежде чем опуститься в кресло-качалку Арлетт. Я видел, что садиться ему не хочется, — мужчине, который разозлен и расстроен, не сидится на месте, — но он все-таки сел.

— Хочешь холодного чаю? Лимонада нет, Арлетт его отлично готовила, но...

Он отмахнулся пухлой, но крепкой рукой. Харлан был одним из самых богатых фермеров округа Хемингфорд, но не отлынивал от работы. При заготовке сена или на жатве вкалывал наравне с наемными работниками.

— Я рассчитываю вернуться домой до захода солнца. Ни хрена не вижу в свете этих фар. У моей девочки булочка в духовке, и, полагаю, ты знаешь, кто этот чертов пекарь.

— Тебе станет легче, если я скажу, что сожалею?

— Нет. — Он плотно сжал губы, и я увидел, как пульсируют вены на его шее. — Я безумно зол, а что еще хуже — злиться-то мне не на кого. Не могу злиться на детей, потому что они дети, хотя, не будь Шеннон беременна, я бы уложил ее на колени и высек за то, что она сделала. Ее хорошо воспитывали как дома, так и в церкви.

Я хотел спросить, не следует ли из его слов, что Генри воспитан плохо, но не раскрыл рта, предоставив ему высказать все, что накипело у него в душе. Он готовил эту речь, и я понимал, что договариваться с ним будет проще после того, как он выплеснет все.

— Я хотел бы винить Салли за то, что она не заметила этого раньше, но у первородящих ребенок обычно высоко, все это знают и... Господи, ты видел, в каких платьях ходит Шен! При чем начала их носить давно. Она носит эти бабушкины платья с двенадцати лет, когда у нее начала расти... — Он поднял пухлые руки к груди.

Я молча кивнул.

— И я хотел бы винить тебя, потому что ты, похоже, увильнул от того разговора, который отцу полагается провести с сыном. — *Как будто ты что-то знаешь о воспитании сыновей*, подумал я. — Насчет того, что пистолет, который у него в штанах, надо держать на предохранителе. — Рыдание вырвалось из его груди, и он воскликнул: — Моя... маленькая... девочка... слишком молода, чтобы стать матерью!

Разумеется, на мне лежала вина, о которой Харлан ничего не знал. Если бы я не поставил Генри в отчаянное положение, когда ему так требовалась женская ласка, Шеннон, возможно, и не залетела бы. Я мог бы также спросить, а не следует ли Хар-

лану возложить часть вины на себя, раз уж ему так хочется перекинуть ее на других. Но я молчал. По характеру молчуном не был, но жизнь с Арлетт выдрессировала меня.

— Только я не могу винить и тебя, потому что этой весной от тебя сбежала жена и, естественно, в такое время внимание рассеивается. Поэтому, пытаясь стравить злость, я пошел во двор и переколол полтелеги дров, прежде чем приехать сюда, и это сработало. Я пожал тебе руку, так?

Самодовольство, прозвучавшее в его голосе, едва не заставило меня сказать: *Если речь не об изнасиловании, думаю, нужны двое, чтобы танцевать танго.* Но ограничился лишь простым «да, пожал» — и замолчал.

— Что ж, и теперь вопрос в том, что ты собираешься с этим делать. Ты и этот парень, который сидел за моим столом и ел еду, приготовленную для него моей женой.

Какой-то дьявол — существо, которое вселяется в тебя, как я это понимаю, когда уходит Коварный Человек, — заставил меня сказать:

— Генри хочет жениться на ней и дать ребенку свою фамилию.

— Это настолько нелепо, что я даже не хочу этого слышать. Я не говорю, что у Генри нет горшка, чтобы поссать в него, и окна, через которое выплеснуть мочу, я знаю, что у тебя все в порядке, Уилф, ты хорошо управляешься с хозяйством, но это все, что я могу сказать. Эти годы были тучными, и ты по-прежнему на шаг впереди банка. Но что будет, если годы вновь станут тощими? А это наверняка произойдет. Будь у тебя наличные за ту сотню акров, ситуация бы изменилась... наличные помогают пережить трудные времена, все это знают... но Арлетт ушла, и акры эти будут сидеть, как мучающаяся запором старая дева в сортире.

На мгновение я попытался представить себе, что было бы, уступи я Арлетт с этой гребаной землей, как уступал во многом другом. *Я бы жил в вони, вот что из этого вышло бы. Мне пришлось бы отрывать родник для коров, потому что коровы не смогли бы пить из реки, в которую спускают кровь и внутренности свиней.*

Это правда. Но я бы жил, а не существовал, Арлетт жила бы со мной, и Генри не превратился бы в мрачного, насупленного, своенравного подростка. Мальчика, навлекшего беду на девочку, с которой дружил с раннего детства.

— А что ты собираешься делать? — спросил я. — Сомневаюсь, что ты приехал сюда, не продумав плана действий.

Харлан, казалось, не слышал меня. Он смотрел поверх полей на силуэт своей новой силосной башни, видневшейся на горизонте. На его серьезном лице читалась печаль, но я пережил слишком многое, так что выражение его лица меня не тронуло. 1922-й стал худшим годом в моей жизни — я превратился в человека, которого больше не знал, и Харлан Коттери был для меня очередной выбоиной на тяжелой горной дороге.

— Она умная, — вновь заговорил Харлан. — Миссис Макреди из школы говорит, что Шен — лучшая ученица, которая у нее когда-либо была, а она проработала учителем почти сорок лет. Шен хороша в английском, а еще лучше в математике, что, по словам миссис Макреди, среди девочек редкость. Она разбирается в тригономии, Уилф. Ты это знал? Миссис Макреди сама не сильна в тригономии.

Нет, этого я не знал, но знал, как произносится это слово. Однако чувствовал, что сейчас не время поправлять соседа.

— Салли хотела отправить ее в хорошую школу в Омахе. Туда берут девочек, как и мальчиков, с 1918 года, хотя пока ни одна девочка школу не окончила. — Он бросил на меня взгляд, в котором читались отвращение и враждебность. — Женщинам, как ты понимаешь, прежде всего надо выйти замуж. *И рожать детей.* Вступай в «Восточную звезду»* и подметаай этот чертов пол. — Он вздохнул. — Шен могла бы стать первой. У нее есть и трудолюбие, и ум. Ты этого не знал, так?

По правде говоря, нет. Я предполагал — и ошибся в этом, как и во многом другом, — что из нее получится разве что жена фермера, никак не больше.

* Имеется в виду орден Восточной звезды — масонская организация, в которую принимаются и мужчины, и женщины. Основана в 1850 г.

— Она могла бы даже учиться в колледже. Мы планировали отправить ее в ту школу, как только ей исполнится семнадцать.

Салли планировала, ты это имеешь в виду, подумал я. Будь ты сам по себе, такая дикая мысль никогда не пришла бы в твою фермерскую голову.

— Шен хотела, и деньги мы отложили. Все к этому шло. — Он повернулся ко мне, и я услышал, как скрипнула его шея. — Это по-прежнему можно устроить. Но сначала — можно сказать, немедленно — она отправится в католический дом для девушек при монастыре Святой Евсевии в Омахе. Шен этого еще не знает, но так будет. Салли предлагала отправить ее в Дилленд — там живет ее сестра — или к моим тетке и дядьке в Лайм-Биске, но я не доверяю этим людям, не уверен, что они все сделают, как мы решили. Да и девушку, создающую такие проблемы, нельзя отправлять к тем, кого она знает и любит.

— А что вы решили, Харлан? Помимо того, чтобы послать свою дочь в... ну, не знаю... в сиротский приют?

Он разозлился:

— Это не приют! Это чистенькое, приличное заведение, где придерживаются принципов морали. Так мне сказали. Я наводил справки, и все говорят о нем только хорошее. Шен будет там что-то делать, она будет учиться и через четыре месяца родит. Когда это произойдет, ребенка отдадут на усыновление. Сестры монастыря Святой Евсевии об этом позаботятся. Потом она вернется домой, а через полтора года сможет поехать учиться в колледж, как и хочет Салли. И я, разумеется. Этого хотим мы с Салли.

— А в чем моя роль? Как я понимаю, она должна у меня быть.

— Ты меня подначиваешь, Уилф? Знаю, у тебя выдался тяжелый год, но я все равно не хочу, чтобы ты меня подначивал.

— Я тебя не подначиваю, но тебе следует знать: ты не единственный, кто зол и кому стыдно. Просто скажи мне, чего ты хочешь, и, возможно, нам удастся остаться друзьями.

Холодная полуулыбка, которой он отреагировал на мои слова, — всего лишь изгиб губ и морщинки, появившиеся в

уголках рта, — подсказала мне, что для него вероятность такого исхода минимальна.

— Мне известно, что ты не богат, но ты все равно должен взять на себя долю ответственности. Время, проведенное у монахинь — сестры называют это предродовым наблюдением за беременной женщиной, — обойдется мне в триста долларов. Сестра Камилла назвала это пожертвованием, когда я говорил с ней по телефону, но платеж — он и есть платеж.

— Если ты просишь разделить его...

— Знаю, что ста пятидесяти долларов у тебя нет, но ты все же найди семьдесят пять — именно столько будет стоить учитель. Тот, кто поможет Шен наверстать школьную программу.

— Я не в состоянии этого сделать. Арлетт обчистила меня, когда уходила. — И тут впервые у меня возникла мысль: а не осталось ли у нее какой-нибудь заначки? Двести долларов, которые она прихватила с собой, никогда не существовали, но даже мелочь, отложенная «на булавки», пригодилась бы в сложившейся ситуации. Я решил, что надо проверить все шкафчики и банки на кухне.

— Возьми еще одну краткосрочную ссуду, — предложил Харлан Коттери. — Я слышал, что по предыдущей ты рассчитался.

Разумеется, он слышал. Конечно, это конфиденциальная информация, но у таких людей, как мой сосед, очень чуткие уши. Меня вновь охватило негодование. Он позволил мне попользоваться его жаткой для кукурузы и не взял за это даже двадцати долларов. И что с того? Теперь он просил больше, как будто его драгоценная дочь сама не раздвигала ноги и не говорила: *Заходи и покрась стены*.

— У меня были деньги за урожай, чтобы заплатить, — ответил я. — Теперь их нет. У меня есть только земля, дом, а больше ничего.

— Ты найдешь, где взять деньги, — настаивал он. — Заложь дом, если потребуется. Семьдесят пять долларов — твоя доля, и в сравнении с тем, что твой парень мог начать менять подгузники в пятнадцать лет, я думаю, ты дешево отделаешься.

Он встал. Я тоже.

— А если я не найду способа? Что тогда, Харлан? Ты приплешь шерифа?

Его губы скривились в пренебрежительной гримасе, что вызвало у меня новый прилив ненависти к нему. Это длилось одно мгновение, но ту ненависть я ощущаю до сих пор, хотя многое другое перегорело в моем сердце.

— Я никогда не буду вмешивать в это законников. Но если ты не возьмешь на себя долю ответственности, между нами все кончено. — Он прищурился, взглянув на заходившее солнце. — Я уезжаю. Должен ехать, если хочу вернуться домой до темноты. Эти семьдесят пять долларов еще пару недель мне не понадобятся, так что время у тебя есть. И больше я спрашивать о них у тебя не буду. Если не принесешь, значит, не принесешь. Только не говори мне, что не можешь их раздобыть. Я знаю — это не так. Лучше бы ты позволил жене продать эти акры Фаррингтону, Уилф. Тогда она никуда не сбежала бы, а ты был бы при деньгах. И моя дочь, возможно, не носила бы под сердцем ребенка.

Мысленно я столкнул его с крыльца и обеими ногами прыгнул на его аккуратный, твердый животик, когда он попытался встать, потом я взял из амбара серп и проткнул острием один глаз. Но в действительности я стоял, взявшись рукой за перила крыльца, и смотрел, как он спускается по ступеням.

— Не хочешь поговорить с Генри? — спросил я. — Я могу его позвать. Он огорчен так же, как и я.

Харлан не сбавил шагу.

— Она была чистенькой, а он перепачкал ее. Если ты позовешь сюда сына, я могу и ударить его, просто не сдержусь.

Я задался вопросом: а смог бы он? Генри вырос, стал крепким парнем и — самое важное — знал, что такое убить человека. А Харлан Коттери — нет.

Ему не требовалось заводить мотор ручкой. «Нэш» заводился нажатием кнопки.

— Семьдесят пять долларов — это все, что мне нужно, чтобы поставить точку! — крикнул он, перекрывая грохот двигателя. Он объехал колоду для колки дров, обратив в бегство Джорджа и его свиту, и покатил к своей ферме, где имелся большой генератор и водопровод в доме.

Когда я повернулся, Генри стоял у меня за спиной, разъяренный донельзя.

— Они не могут вот так отослать ее!

Он подслушивал. Не могу сказать, что меня это удивило.

— Могут и отошлют. И если ты попытаешься совершить какую-нибудь глупость, то изменишь и без того плохую ситуацию к худшему.

— Мы можем убежать. Нас не поймают. Если мы с тобой сумели выйти сухими из воды... после того, что сделали... думаю, что смогу убежать в Колорадо с моей девушкой.

— Вы не сможете, поскольку у вас нет денег, — возразил я. — Он говорит, деньги решают все. Что ж, я скажу по-другому: отсутствие денег портит все. Я это знаю, а Шеннон еще узнает. Сейчас ей надо выносить ребенка...

— Нет, если его все равно заберут!

— Это не меняет того, что чувствует женщина, когда носит ребенка под сердцем. Благодаря младенцу она становится мудрее в том, чего мужчинам никогда не понять. Мое уважение к тебе или к ней не уменьшилось из-за того, что она забеременела, — вы не первые и далеко не последние, пусть даже мистер Надменность думал, что его дочь будет пользоваться тем, что у нее между ног, только в ватерклозете. Но если ты попросишь девушку на пятом или шестом месяце беременности убежать с тобой... и она согласится... я потеряю уважение к вам обоим.

— Да что ты в этом понимаешь? — бросил он с безграничным презрением. — Ты даже горло не можешь перерезать, не перепачкав все вокруг.

Я потерял дар речи. Он это увидел и оставил меня на крыльце.

На следующий день Генри без единого возражения отправился в школу, хотя и знал, что его возлюбленная там не появится. Вероятно, потому, что я разрешил ему взять грузовик. Парень рад был любому поводу сесть за руль, пока вождение автомобиля для него оставалось чем-то новым. Но разумеется, со временем ощущение новизны сойдет на нет. Все новое в

конце концов приедается, и много времени для этого не требуется. И по большей части становится серым и убогим, как крысиная шкура.

Как только сын уехал, я пошел на кухню. Высыпал сахар, муку и соль из жестяных контейнеров, но ничего не нашел. Перебрался в спальню и обыскал ее одежду. Ничего. Заглянул во все туфли. Ничего. Но всякий раз, когда я ничего не находил, у меня крепла уверенность, что где-то есть *что-то*.

Меня ждала работа на огороде, но вместо этого я обошел амбар, направляясь к тому месту, где раньше был старый колодец. Теперь тут росли сорняки: ведьмина трава и включенный золотарник. Здесь под землей покоилась Эльпис... и Арлетт. Арлетт со свернутой набок челюстью. Арлетт с клоунской улыбкой. Арлетт *в сетке для волос*.

— Где они, своевольная сука? — спросил я ее. — Куда ты их спрятала?

Я попытался отвлечься от всех мыслей, как советовал мне отец, если я забывал, куда положил какой-то инструмент или одну из моих драгоценных книг. Через какое-то время вернулся в дом, в спальню, открыл стенной шкаф. На верхней полке лежали две коробки для шляп. В первой я нашел только шляпу — белую, ее она надевала, когда шла в церковь (если решала туда пойти, а случалось такое примерно раз в месяц). В другой коробке оказалась красная шляпа, и я ни разу Арлетт в ней не видел. По мне, в такой могла показаться на людях только шлюха. И под атласной внутренней лентой, многократно сложенные, размером не больше таблетки, лежали две двадчатки. И я говорю вам теперь, сидя в номере дешевого отеля и слушая, как крысы скребутся в стенах (да, мои давние друзья здесь), что эти две двадчатки запечатали проклятие моей души.

Потому их не хватало. Вы это понимаете, так? Разумеется, понимаете. Не обязательно разбираться в тригономии, чтобы знать: получить семьдесят пять можно, лишь прибавив к сорока тридцать пять. Вроде бы не такая большая сумма, правда? Но в те дни тридцати пяти долларов хватало, чтобы купить съестного на два месяца или приобрести хорошую, пусть и по-

держанную сбрую в кузнице Ларса Олсена. Или оплатить билет на поезд до Сакраменто... иногда я сожалел, что не сделал именно этого.

35...

Иной раз, лежа в постели, я буквально вижу это число. Оно вспыхивает красным, как сигнал, предупреждающий о том, что нельзя пересекать железную дорогу, поскольку к переезду приближается поезд. Но я все равно пытался пересечь, и поезд давил меня. Если в каждом из нас сидит Коварный Человек, в каждом из нас есть еще и Лунатик. И в те ночи, когда я не могу спать, потому что мерцающее число не дает мне заснуть, мой Лунатик твердит о заговоре, в котором участвовали Коттери, Стоппенхаузер и эта фаррингтоновская компания. Я, разумеется, знаю, что это не так, во всяком случае, понимаю при дневном свете. Коттери и этот адвокат Лестер потом, возможно, и общались со Стоппенхаузером, но начиналось-то все совершенно невинно. Стоппенхаузер искренне пытался мне помочь... и заработать немного денег для «Хоум бэнк энд траст», само собой. Но когда Харлан или Лестер — а может, они оба — увидели представившуюся возможность, они сразу ею воспользовались. Коварный Человек столкнулся с еще большим коварством: как вам это нравится? К тому времени меня это особенно не волновало, поскольку я уже потерял сына, но вы знаете, кого я действительно виню?

Арлетт.

Да.

Потому что именно она оставила эти две купюры в красной шляпе продажной женщины, чтобы я их нашел. Теперь вы видите ее дьявольский замысел? Не эти сорок долларов добились меня, а разница между ними и суммой, которую Коттери потребовал на учителя для своей беременной дочери. Он хотел, чтобы она изучала латынь и не отставала в *тригономии*.

35, 35, 35.

Я думал о деньгах, которые требовались Харлу на учителя, остаток недели и выходные дни тоже. Иногда доставал эти две купюры — я их расправил, но все перегибы остались — и смотрел на них. В воскресенье принял решение. Сказал Генри, что-

бы в понедельник он отправлялся в школу на «Модели-Т», потому что грузовик требовался мне самому для поездки в Хемингфорд-Хоум. Надо было повидаться с мистером Стоппенхаузером из банка насчет краткосрочной ссуды. Маленькой ссуды. Всего тридцать пять долларов.

— Зачем тебе эти деньги? — Генри сидел у окна и задумчиво смотрел на темневшее западное поле.

Я ему рассказал. Думал, мой ответ приведет к очередному спору о Шеннон, и в каком-то смысле мне этого хотелось. Он ничего не говорил о ней всю неделю. Я знал, что Шен увезли. Мерт Donovan просветил меня, когда заглянул за посевной кукурузой. «Поехала в какую-то модную школу в Омахе. Что ж, будет очень умной, вот что я думаю. Если женщины хотят голосовать, им лучше учиться. Хотя, — продолжил он после паузы, — моя делает то, что я ей говорю. И правильно, это для ее же блага».

Если я узнал, что Шеннон увезли, Генри тоже узнал и, возможно, раньше меня: в школе новости распространяются быстро. Но со мной он не поделился. Наверное, я пытался дать ему шанс выплеснуть все обиды и обвинения. Неприятно, конечно, но в долгосрочной перспективе могло принести пользу. Язве нельзя позволять гноиться — ни на лбу, ни под ним, в мозгу. Если такое происходит, заражение расплзается по всему организму.

Но сын лишь буркнул что-то невразумительное, и я попытался задеть его сильнее:

— Мы с тобой разделим расходы. К Рождеству придется возвращать уже тридцать восемь долларов. По девятнадцать на каждого. Я вычту твои из тех денег, которые причитаются тебе за работу на ферме.

Конечно же, думал я, он вспылит... но вновь услышал в ответ невразумительное бурчание. Он даже не стал возражать против того, чтобы поехать в школу на «Модели-Т», хотя говорил, что другие ученики смеются над этой колымагой, называют ее «Жоподробилка Хэнка».

— Сынок!

— Что?

— Ты в порядке?

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Во всяком случае, его губы изогнулись.

— Все у меня хорошо. Удачи тебе завтра в банке, папка. Я пошел спать.

— Ты меня поцелуешь? — спросил я, когда он встал.

Он поцеловал меня в щеку. Последний раз.

Генри поехал на машине в школу, я — на грузовике в Хемингфорд-Хоум, где мистер Стоппенхаузер пригласил меня в свой кабинет после короткого пятиминутного ожидания. Я изложил причину приезда, но не стал вдаваться в детали, сказав, что деньги нужны мне на личные нужды. Полагал, что такая мизерная сумма не требует дополнительных объяснений, и не ошибся. Когда я закончил, он, сцепив пальцы, положил руки на стол и посмотрел на меня чуть ли не с отеческой строгостью. В углу напольные часы «Регулятор» тихонько отсчитывали секунды. С улицы донесся куда более громкий треск двигателя. Его заглушили, последовала пауза, потом завелся другой двигатель. Мой сын приехал на «Модели-Т» и теперь уезжал на моем грузовике? Я не мог знать этого наверняка, но предполагал, что так и есть.

— Уилф, — начал мистер Стоппенхаузер, — прошло слишком мало времени, чтобы ты пережил случившееся с твоей женой — я про ее внезапный отъезд. Ты уж извини, что я коснулся столь болезненной темы, но мне кажется, это правильно, поскольку кабинет банкира в чем-то сравним с исповедальной священника. И я собираюсь поговорить с тобой, как голландский дядюшка*. И это логично, ведь мои родители прибыли оттуда.

Однажды я эту шутку слышал — и скорее всего ее слышали едва ли не все посетители этого кабинета — и почтительно улыбнулся, как бы признавая за ним право на иронию и поучение.

* To talk like a Dutch uncle — говорить, как голландский дядюшка (англ.), то есть учить уму-разуму

— Одолжит тебе «Хоум бэнк энд траст» тридцать пять долларов? Безусловно. Я бы одолжил их сам, достав из собственного бумажника, да только обычно ношу с собой сумму, необходимую на ленч в «Превосходном ресторане» да на чистку обуви. Деньги — постоянное искушение, даже для такого хитрого, умудренного жизненным опытом парня, как я, а кроме того, бизнес превыше всего. Но! — Он назидательно поднял палец. — Тебе не нужны тридцать пять долларов.

— Увы, нужны. — Я задался вопросом: а знает ли он, зачем именно? Он действительно был хитрым, умудренным жизненным опытом парнем. Но таким же был и Харлан Коттери, а тот, как выяснилось, дал маху.

— Нет, не нужны. Тебе нужны семьсот пятьдесят долларов, вот что тебе нужно, и ты можешь получить их сегодня. Или положи их на счет, или выйди с ними на улицу, мне все равно. Ты оплатил закладную за свой дом три года назад. Дом целиком и полностью принадлежит тебе. Так что нет абсолютно никакой причины не подписать еще одну закладную. Это делается постоянно, мой мальчик, причем нашими лучшими людьми. Ты бы удивился, узнав, какие бумаги лежат в нашем сейфе. От лучших людей. Да, сэр.

— Премного вам благодарен, мистер Стоппенхаузер, но я так не думаю. Эта закладная серым облаком висела над моей головой, пока я по ней не расплатился, и...

— Уилф, так об этом же и речь! — Палец вновь поднялся. На этот раз закачался из стороны в сторону, словно маятник «Регулятора». — Именно об этом! Люди, которые берут деньги под закладную, думают, будто вышли под ясное солнышко, а заканчивают тем, что не выполняют своих обязательств и лишаются ценной собственности. А такие, как ты, для кого закладная — тачка с камнями, которую надо везти и везти, всегда расплачиваются по долгам. Или ты хочешь мне сказать, что в ферму не надо вкладывать деньги? Не надо чинить крышу? Не надо подкупить домашней скотины? — Он с озорным видом взглянул на меня. — Может, даже провести в дом водопровод, как сделал твой сосед? Все это окупается, знаешь ли. После разных улучшений ферма подорожает на сумму, значительно

превышающую закладную, Уилф! Вложенные деньги окупятся многократно!

Я обдумал его слова.

— Искушение велико, сэр. Не буду лгать насчет этого...

— И не надо. Кабинет банкира, исповедальня священника — разница невелика. Лучшие люди округа сидели в этом кресле, Уилф. Самые лучшие.

— Но я пришел лишь за краткосрочной ссудой, которую вы — и за это вам огромное спасибо — одобрили. А это ваше неожиданное предложение... Над ним нужно подумать. — Новая мысль пришла в голову и сразу мне понравилась. — Я должен поговорить об этом с моим мальчиком, Генри — Хэнком, как ему теперь нравится себя называть. Он уже в таком возрасте, когда с ним следует советоваться, ведь все мое со временем будет принадлежать ему.

— Понимаю, очень даже понимаю. Но, подписав закладную, ты поступишь правильно, поверь мне. — Стоппенхаузер поднялся и протянул руку. Я ее пожал. — Ты пришел сюда, чтобы купить рыбку, Уилф. Я предлагаю тебе приобрести удочку. Гораздо лучшая сделка.

— Спасибо вам, — ответил я, а уходя из банка, подумал: *Я переговорю об этом с сыном.* Хорошая мне пришла в голову мысль. Теплая мысль, согревшая сердце, которое зябло не один месяц.

Разум так странно устроен, правда? Сосредоточившись на предложении мистера Стоппенхаузера, я почти не обратил внимания на то, что грузовик, на котором я приехал, заменен легковушкой, на которой Генри уезжал в школу. Не представляю, какотреагировал бы, даже если бы голову занимали менее важные проблемы. Оба автомобиля я знал как свои пять пальцев. Оба принадлежали мне. До меня дошло, что машина другая, лишь когда я сунулся в кабину, чтобы взять заводную ручку, и увидел прижатый камнем сложенный лист бумаги, лежавший на водительском сиденье.

Я на какие-то мгновения застыл, заглядывая в кабину легковушки, одной рукой опираясь о борт, а вторую сунув под си-

день, где мы держали заводную ручку. Наверное, я знал, почему Генри удрал из школы и поменял автомобили, даже до того, как вытащил листок из-под импровизированного пресс-папье. Для дальней поездки грузовик надежнее. Скажем, для поездки в Омаху.

Папка!

Я должен взять грузовик. Полагаю, ты догадался, куда я еду. Оставь меня в покое. Я знаю, ты можешь послать шерифа Джонса, чтобы он привез меня домой, но я расскажу все, если ты это сделаешь. Ты, возможно, думаешь, что я изменю свое мнение, потому что я «всего лишь ребенок», НО Я НЕ ИЗМЕНЮ. Без Шен мне на все наплевать. Я люблю тебя, папка, пусть даже и не знаю почему, раз уж все, что мы сделали, приносит мне несчастье.

Твой любящий сын

Генри Хэнк Джеймс.

Домой я ехал как в забытии. Думаю, кто-то махал мне рукой... кажется, даже Салли Коттери, которая стояла в придорожном овощном киоске Коттери, и, наверное, я помахал в ответ, но точно не помню. Впервые после того, как шериф Джонс появился на ферму, задавая свои веселые, не требующие ответа вопросы и разглядывая все холодными, ничего не упускающими глазами, электрический стул представился мне реальной перспективой, настолько реальной, что я буквально чувствовал, как кожаные ремни затягиваются на моих запястьях и лодыжках.

Я знал, что Генри поймают, независимо от того, обращусь я к шерифу или нет. Мне это казалось неизбежным. Денег у него не было, даже жалких центов, чтобы заправить бак, так что он не доехал бы и до Элкхорна, а потом ему пришлось бы идти пешком. А если бы ему удалось украсть горючку, его поймали бы на подходе к тому месту, где теперь жила Шеннон. (Генри предполагал, что она там как заключенная, ему и в голову не приходило, что она может быть гостьей.) Конечно же, Харлан сообщил тамошней начальнице — сестре Камилле — приметы Генри. Даже если он и не рассматривал возможности того, что разъяренный лебедь появится там, где поселили его

возлюбленную, сестра Камилла об этом думала. По роду своей деятельности ей, конечно, доводилось сталкиваться с разъяренными лебедями.

Я надеялся только на одно: попав в полицию, Генри будет хранить молчание достаточно долго, чтобы сообразить — причиной его задержания стали собственные глупые романтические идеи, а не мое вмешательство. Надеяться, что подросток поведет себя здраво — все равно что поставить на скачках на заведомого аутсайдера и уйти с ипподрома с выигрышем, но что еще мне оставалось?

И когда я въехал во двор, у меня появилась дикая мысль: не выключая двигателя легковушки, собрать вещи и укатить в Колорадо. Идея прожила не дольше двух секунд. Деньги у меня были — семьдесят пять долларов, — но машина сломалась бы задолго до того, как я пересек бы границу штата в Джулсбурге. Но эту проблему, будь она главной, я бы решил. Всегда мог поехать в Линкольн и обменять «Модель-Т», доплатив шестьдесят долларов, на более надежный автомобиль. Нет, меня остановила ферма. Дом. Мой дом. Я убил жену, чтобы сохранить его, и не собирался покидать дом только потому, что глупый, не успевший повзрослеть сын отправился в свой романтический поход. Если бы я и покинул ферму, то не для того, чтобы сбежать в Колорадо. Отсюда я мог уехать только в одно место — в тюрьму штата. И туда меня доставили бы в цепях.

Случилось все это в понедельник. Вторник и среда не принесли никаких вестей. Шериф Джонс не приезжал, желая сказать, что Генри арестовали, когда он голосовал на шоссе Линкольн — Омаха, и Харлан Коттери не появлялся с сообщением (демонстрируя пуританскую удовлетворенность, конечно же), что полиция Омахи арестовала Генри по требованию сестры Камиллы и в настоящее время он сидит в кутузке, рассказывая дикие истории о ножах, колодцах и джутовых мешках. На ферме царила тишина и покой. Я работал в огороде — собирал урожай овощей, чинил изгороди, доил коров, кормил кур, но делал все как автомат. В глубине души я верил, действительно верил, что все это — долгий и ужасный, невероятно запутанный сон,

и, проснувшись, я увижу похрапывающую рядом со мной Арлетт и услышу стук топора Генри, колпощего дрова, чтобы ут-ром разжечь печь.

Наконец, в четверг миссис Макреди — милая и полная вдова, преподававшая основные предметы в школе Хемингфорда, — приехала на своей «Модели-Т», чтобы узнать, все ли в порядке с Генри.

— Вы знаете, по городу ходит какая-то желудочная инфекция. Вот я и подумала, а вдруг он заболел. Он так внезапно ушел из школы, — объяснила она свой приезд.

— Он заболел, это точно, — кивнул я, — только болезнь эта называется любовь, а не расстройство желудка. Он убежал из дома, миссис Макреди. — Неожиданно на глаза навернулись слезы, горячие и жгучие. Я достал платок из нагрудного кармана комбинезона, но несколько слезинок скатились по щекам до того, как я их вытер.

Когда в глазах у меня вновь прояснилось, я увидел, что миссис Макреди, любившая всех своих учеников, даже самых трудных, сама на грани слез. Она, должно быть, и без меня знала про «болезнь» Генри.

— Он вернется, мистер Джеймс. Не беспокойтесь. Я видела такое раньше и рассчитываю увидеть еще не раз до того, как выйду на пенсию, хотя ждать этого осталось недолго. — Она понизила голос, словно боялась, что петух Джордж или кто-то из его гарема мог оказаться шпионом. — Кого вы должны опасаться, так это ее отца. Он безжалостный и непреклонный. Не такой уж плохой человек, но безжалостный.

— Знаю, — ответил я. — И полагаю, вам известно, где сейчас его дочь.

Она опустила глаза. Другого ответа мне не требовалось.

— Спасибо, что приехали, миссис Макреди. Могу я попросить вас никому не рассказывать о нашей встрече?

— Разумеется... но дети уже шепчутся.

Да. Не могут не шептаться.

— У вас есть телефон, мистер Джеймс? — Она осмотрелась в поисках телефонных проводов. — Я вижу, нет. Не важно. Если я что-нибудь услышу, то просто приеду и скажу вам.

— Услышите раньше Харлана Коттери и шерифа Джонса?

— Бог позаботится о вашем сыне. И о Шеннон тоже. Знаете, они действительно были такой славной парой, все это видели. Иногда фрукт созревает слишком рано и мороз его убивает. Так печально. Очень, очень печально.

Она пожала мне руку — крепко, как мужчина, — и уехала на своем дешевом автомобильчике. Не думаю, что она отдавала себе в этом отчет, но в конце она заговорила о моем сыне и Шеннон в прошедшем времени.

В пятницу приехал шериф Джонс, за рулем автомобиля с золотой звездой на дверце. И не один — следом катил мой грузовик. Мое сердце радостно подпрыгнуло, когда я увидел грузовик, и упало, когда я рассмотрел водителя — Ларса Олсена.

Я изо всех сил старался сохранять спокойствие, пока Джонс исполнял Ритуал прибытия: подтянуть штаны, вытереть лоб (хотя день выдался холодным, а небо затягивали облака), пригладить волосы. Не получилось.

— Он в порядке? — спросил я. — Вы его нашли?

— Нет, к сожалению, не могу сказать, что нашли. — Шериф поднялся по ступенькам на крыльцо. — Обходчик обнаружил грузовик к востоку от Лайм-Биска, но никаких следов парня. Мы могли бы больше знать о его состоянии, если бы вы сразу сообщили о его побеге, так ведь?

— Я надеялся, Генри вернется сам, — пробубнил я. — Он уехал в Омаху. Не знаю, скажу ли я вам что-то новое, шериф...

Ларс Олсен крутился на границе зоны слышимости, жадно ловя каждое слово.

— Сядь в мой автомобиль, Олсен, — велел ему Джонс. — Это приватный разговор.

Ларс, смиренная душа, ретировался без единого слова. Джонс вновь повернулся ко мне. Менее приветливый, чем в прошлый приезд сюда, и совсем не такой добродушный.

— Я уже знаю достаточно, так? Этот твой мальчик обрюхатил дочь Харлана Коттери и, вероятно, помчался за ней в Омаху. Он съехал с дороги на поле с высокой травой, когда понял, что бак практически пуст. Это умно. Ум у него от тебя? Или от Арлетт?

Я промолчал, но шериф подал мне идею. Пустяковую, конечно, но она могла прийти очень даже кстати.

— Он сделал кое-что еще, и за это мы все ему благодарны. Возможно, это даже поможет ему избежать тюрьмы. Он выдрал всю траву из-под грузовика, прежде чем продолжил путь на своих двоих. Так что выхлоп ее не поджег, знаете ли. Послужи грузовик причиной пожара, от которого пострадала бы пара тысяч акров прерий, присяжные могли отнестись к нему сурово, так? Несмотря на то что ему только пятнадцать.

— Что ж, этого не произошло, шериф, он все сделал правильно. Так о чем, собственно, речь? — Я, разумеется, знал ответ. Шериф Джонс мог недолюбливать Эндрю Лестера, адвоката, но он дружил с Харланом. Они состояли в только что созданном местном отделении ордена Лосей*, а Коттери затаил зло на моего сына.

— Немного нервничаете, так? — Шериф вновь вытер лоб, потом вернул на место стетсон. — Что ж, я бы тоже нервничал, будь это мой сын. И знаете что? Будь это мой сын, а Харлан Коттери — мой сосед, мой хороший сосед, я мог бы поехать к нему и сказать: «Харл, знаешь что? Думаю, мой сын мог поехать в Омаху, чтобы попытаться увидеться с твоей дочерью. Ты, вероятно, захочешь дать знать кому-нибудь, чтобы он не застал там никого врасплох». Но вы этого не сделали, так?

Идея, которую он мне подал, окончательно сформировалась. Пришла пора озвучить ее:

— Он не показался там, где она живет, да?

— Еще нет, не показался, но, возможно, он ищет это место.

— Не думаю, что он убежал, чтобы повидаться с Шеннон, — заявил я.

— Тогда зачем? Или вы считаете, что в Омахе более вкусное мороженое? Потому что он и поехал именно туда?

— Я считаю, он поехал на поиски матери. Думаю, она, возможно, как-то связалась с ним.

Мои слова заставили шерифа замолчать на добрых десять секунд. Этого ему хватило, чтобы вновь вытереть лоб и пригладить волосы.

* Имеется в виду благотворительный орден Лосей.

— Как она смогла это сделать? — наконец спросил он.

— Я предполагаю, письмом. — «Бакалея» в Хемингфорд-Хоуме служила также и почтовым отделением, куда приходили письма. — В магазине могли передать Генри письмо, когда он зашел туда за сладостями или пакетиком орешков, как он часто делает, возвращаясь из школы. Я не знаю этого наверняка, шериф, как и не знаю, почему, появляясь здесь, вы ведете себя так, будто я совершил преступление. Это не я накачал ее.

— Не надо так говорить о хорошей девочке.

— Может, и не надо, но для меня случившееся стало таким же сюрпризом, как и для Коттери, а теперь моего мальчика нет. Харлан и Салли по крайней мере знают, где сейчас их дочь.

Вновь мои слова поставили его в тупик. Достав из заднего кармана брюк маленький блокнот, он что-то записал. Убрав блокнот, спросил:

— Но вы не можете с уверенностью утверждать, что ваша жена связывалась с ним... Это вы мне говорите? Речь всего лишь о предположении?

— Генри часто вспоминал о матери после ее отъезда, а потом перестал. И сейчас я знаю, что он не появился там, куда Харлан и его жена отвезли Шеннон. — Это меня удивляло ничуть не меньше, чем шерифа Джонса... но и радовало. — И что мы получим, если сложить два и два?

— Не знаю. — Джонс хмурился. — Действительно, не знаю. Я думал, что во всем разобрался, но я ошибался и раньше, так? Да, и еще буду ошибаться. Мы все ошибаемся, вот что говорит Книга. Но, Бог свидетель, дети усложняют мне жизнь. Если ваш сын свяжется с вами, Уилфред, предложите ему вернуться домой и держаться подальше от Шеннон, пусть он и знает, где она. Она не захочет его видеть, это я гарантирую. Хорошая новость — обошлось без пожара в прериях и мы не можем арестовать его за кражу грузовика собственного отца.

— Не можете, — мрачно согласился я. — Вы не заставите меня обвинить его в чем-либо.

— Но!.. — Шериф поднял палец, напомнив мне мистера Стоппенхаузера из банка. — Тремя днями раньше, на окраине

Лайм-Биска, неподалеку от места, где нашли грузовик, кто-то ограбил бакалейную лавку и заправочную станцию, с девочкой в синем чепчике на вывеске. Взяли двадцать три доллара. Сообщение об этом лежит на моем столе. Молодой парень в потрепанной ковбойской одежде, с банданой, закрывшей рот, и в надвинутой на глаза шляпе с широкими полями. За прилавком стояла мать хозяина, и грабитель пригрозил ей чем-то тяжелым. Она думала, это лом или кочерга, но кто знает? Ей за восемьдесят, и она наполовину слепа.

Теперь пришла моя очередь молчать. Меня словно оглушили. Наконец я выдавил:

— Генри уехал из школы, шериф, и, насколько помню, в тот день он был во фланелевой рубашке и вельветовых брюках. Одежду он с собой не взял, да и в любом случае ковбойской у него нет, если вы про сапоги и все такое. Нет у него и шляпы с широкими полями.

— Но он ведь мог все это украсть?

— Если вы больше ничего об этом не знаете, то лучше останьтесь. Мне известно, что вы дружите с Харланом...

— Ладно, ладно, это совершенно ни при чем.

Но мы оба знали, что очень даже при чем, однако идти и дальше этой дорогой никаких причин не было. Возможно, мои восемьдесят акров не могли тягаться с четырьмя сотнями акров Харлана Коттери, но я оставался землевладельцем и налогоплательщиком и не желал, чтобы меня запугивали. На это я намекал, и шериф Джонс прекрасно меня понял.

— Мой сын не грабитель, и он не угрожает женщинам. Он так себя не ведет, потому что его не так воспитывали.

Во всяком случае, до последнего времени, вступил внутренний голос.

— Возможно, грабил бродяга, искавший способ быстренько разжиться деньгами, — пожал плечами Джонс. — Но я чувствовал, что должен об этом упомянуть, вот и упомянул. Мы не можем знать, что скажут люди, правда? Разговоры идут. Все говорят, так? Слова ничего не стоят. Для меня дело закрыто. Пусть шериф округа Лайм тревожится о том, что происходит в Лайм-Биске. Таков мой девиз, но вам следует знать: полиция Омахи

приглядывается за тем местом, где находится Шеннон Коттери. Вы понимаете, на случай, если ваш сын с вами свяжется. — Он пригладил волосы и в последний раз надел шляпу. — Может, он вернется сам, никому не причинив вреда, и тогда мы сможем списать все это дело, как... ну, не знаю... как безнадежные долги.

— Отлично. Только не называйте его плохим сыном, если, конечно, не будете называть Шеннон Коттери плохой дочерью.

Судя по тому, как раздулись ноздри шерифа, мои слова ему не понравились, но развивать тему он не стал.

— Если Генри вернется и скажет, что виделся с матерью, дайте мне знать, хорошо? Она у нас числится в списке без вести пропавших. Глупо, я понимаю, но закон есть закон.

— Обязательно это сделаю.

Он кивнул и направился к своему автомобилю. Ларс сидел за рулем. Джонс его шуганул — он относился к тем, кто всегда сам водит свою машину. А я думал о молодом человеке, ограбившем лавку и заправочную станцию, и пытался убедить себя, что мой Генри никогда бы такого не сделал, даже если бы его загнали в угол. Ему не хватило бы дерзости и ловкости украсть одежду из чужого амбара или сарая. Но теперь Генри стал другим, а убийцы обучаются многому и быстро, так? Речь же идет о выживании. Я подумал, что, возможно...

Нет. Таким образом я это представлять не стану. Слишком уж неубедительно. Это мое признание, мое последнее слово и все такое, и, если не смогу написать правду, всю правду и ничего, кроме правды, какой от него прок? Кому нужно такое признание?

И все же это был он. Генри. Я видел по глазам Джонса, что он заговорил о придорожном ограблении только по одной причине: я не вилял перед ним хвостом, как ему того хотелось, но я в это поверил. Потому что знал больше, чем шериф Джонс. Генри помог отцу убить свою мать, а что в сравнении с этим кража чужой одежды или размахивание ломом перед старушкой? Сущий пустяк. И если он пошел на кражу один раз, то пойдет и второй, как только закончатся двадцать три доллара. Вероятно, в Омахе. Там его и поймают. А потом всплывет все остальное. Почти наверняка всплывет.

Вернувшись на крыльцо, я сел и закрыл лицо руками.

* * *

День сменялся днем. Я не знал, сколько их прошло, только все выдалось дождливыми. Когда осенью зарядит дождь, все дела под открытым небом приходится откладывать, а у меня не было такого количества домашнего скота или приусадебных построек, чтобы заполнить все долгие часы работой под крышей. Я пытался читать, но слова не желали складываться в предложения, хотя время от времени отдельные из них просто прыгали со страницы в глаза и кричали. Убийство. Вина. Предательство. Такие вот слова.

Днями я в овчинном полушубке, защищающем от сырости и холода, просиживал на крыльце с книгой на коленях и смотрел, как дождевая вода капает с крыши. Ночами лежал без сна чуть ли не до рассвета, слушая, как стучит дождь по крыше. Словно кто-то застенчиво просил открыть дверь и пустить на ночлег. Я слишком много думал об Арлетт, которая теперь делила колодец с Эльпис. Начал представлять, что она... нет, не ожила (нервное напряжение не отпускало меня, но с ума-то я не сошел), но каким-то образом осознает происходящее. Каким-то образом наблюдает за разворачивающимися событиями из убогой могилы и получает удовольствие.

Тебе нравится, как все обернулось, Уилф? — спросила бы она, если бы смогла (и в моем воображении спрашивала). Оно того стоило? Что скажешь?

Примерно через неделю после визита шерифа, когда я сидел, пытаясь читать «Дом о семи фронтонах»*, Арлетт пробралась мне за спину, перегнулась через плечо и постучала по моей переносице холодным, мокрым пальцем.

Я отбросил книгу на напольный вязанный крючком ковер гостиной и, вскрикнув, вскочил. Когда я это сделал, холодная подушечка пальца прошла по уголку моего рта. Потом коснулась макушки, там, где волосы начали редеть. На этот раз я рассмеялся — нервно и зло — и наклонился, чтобы поднять

* «Дом о семи фронтонах» — роман американского писателя Натаниэла Готорна (1804—1864).

книгу. При этом последовало новое прикосновение — к загривку, словно моя жена интересовалась: *Теперь я завладела твоим вниманием, Уилф?* Я отступил в сторону — чтобы холодный и мокрый палец не угодил в глаз — и поднял голову. Потолок над головой изменил цвет — с него капало. Штукатурка еще не начала отслаиваться, но если бы дождь продолжился, так бы и произошло. Куски штукатурки могли даже падать на пол. Протечка обнаружилась именно над тем местом, где я всегда читал. Понятное дело. В других местах с потолком ничего не случилось, во всяком случае, пока.

Мне вспомнились слова Стоппенхаузера: *Или ты хочешь мне сказать, что в ферму не надо вкладывать деньги? Не надо чинить крышу?* И его озорной взгляд. Как будто он знал. Как будто он и Арлетт были в этом заодно.

Выбрось эту глупость из головы, приказал я себе. Ты думаешь о ней, пребывающей там, внизу, и одно это уже плохо. Выели черви ей глаза? Съели насекомые ее острый язык или хотя бы затупили его?

Я подошел к столу в углу комнаты, взял бутылку, которая на нем стояла, и налил себе добрую порцию виски. Рука дрожала, но не так чтобы сильно. Выпил виски в два глотка. Я знал, это плохо, если выпивка войдет в привычку, но не каждый вечер мужчина чувствует, как мертвая жена постукивает его по носу. Спиртное подняло мне настроение. Уверенности в себе прибавилось. Мне не требовались семьсот пятьдесят долларов по закладной, чтобы залатать крышу. Я мог это сделать одной доской после того, как закончится дождь. Конечно, латка будет выглядеть уродливо. Из-за нее дом станет напоминать, как сказала бы моя мать, лачугу. Да и ушло бы на ремонт день-два. Мне же требовалась работа на всю зиму. Тяжелая работа, способная отогнать все мысли об Арлетт на ее земляном троне, об Арлетт в джутовой сеточке для волос. Мне необходима была работа, после которой от усталости я валился бы в кровать и засыпал сразу, а не лежал, прислушиваясь к стуку дождя и гадая, не попал ли под него Генри, не кашляет ли сейчас от простуды. Иногда работа служила единственным спасением, единственным ответом.

На следующий день я поехал на грузовике в город и сделал то, о чем никогда не подумал бы, не возникни у меня необходимость одолжить тридцать пять долларов, — заложил дом за семьсот пятьдесят долларов. В конце концов мы попадаем в ловушки, которые сами же и расставляем. Я в это верю. В конце концов мы всегда попадаемся.

На той самой неделе в Омахе молодой человек в шляпе с широкими полями вошел в ломбард на Додж-стрит и купил никелированный пистолет тридцать второго калибра. Он заплатил пять долларов, несомненно, из тех, которые отобрал у полуслепой старухи, торговавшей бакалеей под вывеской с девочкой в синем чепчике. На следующий день молодой человек в надвинутой на глаза шляпе с широкими полями и в красной бандане, закрывавшей рот и нос, вошел в расположенное в Омахе отделение Первого сельскохозяйственного банка, направил пистолет на симпатичную молодую кассиршу, ее звали Рода Пенмарк, и потребовал отдать ему все деньги. Она протянула двести долларов, по большей части купюрами по одному и пять долларов, их обычно достают фермеры из нагрудных карманов комбинезонов.

Когда парень уходил, одной рукой засовывая деньги в карман брюк (он явно нервничал, поскольку несколько банкнот упали на пол), пузатый охранник — вышедший на пенсию полицейский — сказал ему:

— Сынок, ты же не хочешь этого делать.

Молодой человек выстрелил из своего пистолета тридцать второго калибра в воздух. Вокруг закричали.

— Пока еще я не хочу застрелить вас, — сказал молодой человек сквозь бандану, — но застрелю, если придется. Отойдите к этой колонне, сэр, и оставайтесь там, если хотите, чтобы все для вас хорошо кончилось. Мой друг ждет на улице, так что не дергайтесь.

Молодой человек выбежал за дверь, на ходу сдергивая бандану с лица. Охранник выждал минуту или около того, потом вышел из банка с поднятыми руками (оружия у него не было), на тот случай, если за дверью стоит кто-то еще. Никого, разу-

меется, не было. В Омахе знакомых у Генри не имелось, за исключением подруги, в животе которой рос ребенок.

Из денег по закладной двести долларов я взял наличными, а остальные положил на счет в банке мистера Стоппенхаузера. Поехал за покупками в магазин скобяных товаров, на лесопилку, в бакалею, где Генри мог получить письмо от матери... будь она жива и могла что-то написать. Выезжал из дома в морозящий дождь, а когда вернулся, уже шел дождь со снегом. Я разгрузил доски, стойки и кровельную дранку, покормил кур, покормил и подоил коров, разложил продукты, в основном макароны и крупы, которыми я в отсутствие Арлетт главным образом и питался. Покончив с этим, поставил на дровяную плиту кастрюлю с водой, чтобы помыться, и стянул с себя мокрую одежду. Вытащил пачку денег из нагрудного кармана, сосчитал: у меня оставалось чуть меньше ста шестидесяти долларов. Почему я взял наличными такую большую сумму? Потому что думал совсем о другом. *И о чем или о ком, позвольте узнать?* Об Арлетт и Генри, разумеется. В эти дождливые дни я практически все время думал только о них.

Я знал, что иметь при себе столько денег — идея не из лучших. Их следовало положить в банк, где мог бы набежать небольшой процент (гораздо меньше того, что мне предстояло выплачивать по закладной), пока я раздумывал, как наилучшим образом ими распорядиться. Но раз уж я их взял, предстояло спрятать их в безопасном месте.

Вспомнилась коробка с вульгарной красной шляпой. Там она хранила свою заначку: эти сорок долларов пролежали в коробке бог знает сколько времени, и ничего с ними не случилось. Мои деньги под лентой не уместились бы, и я подумал, что просто суну их в шляпу, где они и останутся до моей следующей поездки в город.

Я прошел в спальню — в чем мать родила — и открыл дверцу стенного шкафа. Отодвинул коробку с белой церковной шляпой Арлетт, потом потянулся ко второй. Я тогда задвинул

ее подальше на полку, и мне пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до нее. Коробку охватывала эластичная лента. Я засунул под нее палец, чтобы потянуть на себя, и тут же понял, что коробка слишком тяжелая, словно вместо шляпы там теперь лежал кирпич. И еще возникло странное ощущение: казалось, руку обдало ледяной водой. А в следующее мгновение холод сменился жаром. Это была боль, такая сильная, что все мышцы руки парализовало. Я отшатнулся, закричав от изумления и боли, роняя купюры. Мой палец прилип к эластичной ленте, так что я потащил за собой всю коробку. На ней сидела большая серая крыса, которая казалась мне знакомой.

Вы можете сказать: Уилф, одна крыса ничем не отличается от другой, — и я мог бы с вами согласиться, но эту крысу я знал. Разве я не видел, как она убегала от меня с коровьим соском, который торчал из ее пасти, как окурочка сигары?

Коробка для шляпы отцепилась от моей руки, и крыса свалилась на пол. Будь у меня время подумать, она бы удрала и на этот раз, но здравомыслие заблокировалось болью, удивлением и ужасом, которые, полагаю, испытал бы любой человек, глядя, как из него хлещет кровь. Напрочь забыв, что я совершенно голый, как в момент появления на свет божий, я просто опустил правую ногу на крысу. Услышал, как хрустнули кости и расплющилось ее тело. Кровь и раздавленные внутренности полезли из-под хвоста и обдали мою левую лодыжку теплом. Крыса пыталась извернуться, чтобы укусить вновь. Я видел оскаленные передние зубы, но до меня она дотянуться не могла. Не дотягивалась, пока моя нога твердо стояла на ее спине. Поэтому убирать ногу я не собирался. Наоборот, еще сильнее вдавил в пол, прижимая укушенную руку к груди и чувствуя, как теплая кровь смачивает густую поросль волос. Крыса извивалась и дергалась, словно уж. Кровь хлынула из пасти. Глаза вылезли из орбит.

Я долго давил ногой на умирающую крысу. Внутренности уже превратились в кровавую пульпу, но крыса все равно дергалась и пыталась меня укусить. Наконец затихла. Но я про-

стоял так еще долгую минуту, желая убедиться, что она не изображает опоссума* (крыса, изображающая опоссума, — ха!), и лишь удостоверившись, что она мертва, захромал на кухню, оставляя кровавые следы и думая почему-то об оракуле, предупредившем Пелия** остерегаться мужчину в одной сандалиии. *Но я был не Ясоном, а обычным фермером, наполовину рехнувшимся от боли и изумления, фермером, похоже, обреченным мारать кровью место, где спал.*

Сунув руку под ледяную воду, текущую из колонки, я услышал, как кто-то твердит: *Хватит, хватит, хватит.* Говорил это я сам и знал это, но слышал голос глубокого старика, которому осталось только одно: молить о пощаде.

Я помню остаток той ночи, но смутно, словно смотрю на фотографии в старом, заплесневелом альбоме. Крыса прокусила мне перепонку между большим и указательным пальцами левой руки — ужасная рана, но в определенном смысле мне повезло. Если бы она куснула палец, который я подсунул под эластичную ленту, то могла просто его отхватить. Я это понял, когда вернулся в спальню, поднял моего противника за хвост (правой рукой, левая онемела, и любое движение пальцев вызывало боль). При длине как минимум два фута, весила крыса никак не меньше шести фунтов.

Тогда это не та крыса, которая ускользнула по трубе, слышу я ваш голос. Не могла быть той. Но речь именно о ней, можете поверить. Никаких отличительных признаков я не видел, скажем, полоски белой шерсти или откушенного уха, но мог точно сказать: именно эта крыса покалечила Ахелою. И точно так же я знал, что в стенном шкафу и на шляпной коробке она оказалась не случайно.

Держа за хвост, я отнес ее на кухню и бросил в ведро для золы. Потом выкинул на помойку. Вышел голым под проливной дождь, но не заметил этого. Чувствовал только боль в левой руке, такую сильную, что она грозила забить все мысли.

* Раненый или сильно напуганный опоссум часто падает, притворяясь мертвым.

** Пелий — в древнегреческой мифологии сын Посейдона.

Вернувшись в дом, снял с крючка пыльник (это удалось мне с трудом), кое-как надел его и вновь вышел во двор, на этот раз направившись в амбар. Смазал укушенную руку мазью Роули. Она уберегла от заражения Ахелю и могла точно так же спасти мою руку. Я собрался уходить, когда вдруг вспомнил, каким образом крысе удалось убежать от меня в прошлый раз. Труба! Я пошел к ней, наклонился, ожидая увидеть, что цементная пробка прогрызена насквозь или ее нет вообще, но там все было в порядке. Даже шестифунтовым крысам с огромными зубами не справиться с цементом. Само возникновение такой мысли показывает, в каком я был состоянии. На мгновение мне удалось посмотреть на себя со стороны: мужчина в расстегнутом пыльнике на голое тело, с окровавленными волосами на груди, животе и лобке, с прокушенной левой рукой, на которой поблескивал толстый слой коровьей мази, по цвету напоминавшей соплю, и с выпученными глазами. Совсем как у крысы после того, как я наступил на нее.

Это не та крыса, сказал я себе. Та крыса, что укусила Ахелю, мертва и лежит в трубе или на коленях Арлетт.

Но я знал, что крыса та самая. Знал это тогда и знаю теперь.

Та самая.

В спальне я опустился на колени и стал подбирать перепачканные кровью деньги. Подбирал долго, одной рукой. Один раз ударился прокушенной рукой о край кровати и взвыл от боли. Увидел свежую кровь, проступившую сквозь мазь и окрасившую ее в розовый цвет. Я положил деньги на комод, даже не прикрыв книгой или одной из декоративных тарелок Арлетт. Потом не мог вспомнить, почему так стремился спрятать их. Коробку с красной шляпой я пинком отправил в стеной шкаф и захлопнул дверцу. Она могла там оставаться до скончания веков, больше прикасаться к ней я не собирался.

Любой, кому когда-то принадлежала ферма или кто работал на ней, скажет вам, что несчастные случаи там — не редкость, а потому у фермеров все наготове. Большой моток бинта лежал в шкафчике у колонки на кухне. Арлетт всегда называла

этот шкафчик «гиблое место». Я уже доставал бинт, когда заметил пар, поднимавшийся над кастрюлей с водой, которая стояла на плите. Эту кастрюлю я поставил на плиту, собираясь помыться, когда и представить не мог той чудовищной боли, от которой теперь страдал. Мне пришло в голову, что мыльная вода пойдет на пользу моей руке. Боль не стала бы сильнее, а вот погружение в воду могло очистить рану. Я ошибся и по части первого, и по части второго, но откуда я мог это знать? Даже годы спустя эта мысль представляется мне здоровой. Полагаю, все обернулось бы к лучшему, если бы меня укусила обыкновенная крыса.

Взяв в правую руку черпак, я наполнил таз горячей водой (о том, чтобы наклонить кастрюлю и перелить воду, не могло быть и речи), потом добавил кусок хозяйственного мыла Арлетт. Как выяснилось, последний кусок. Мужчина, не привыкший вести домашнее хозяйство, многое упускает из виду. Бросил туда и тряпку. Потом пошел в спальню, вновь опустился на колени. Принялся оттирать кровь и кишки крысы. Все время вспоминал (естественно) о том, как отчищал кровь в этой чертовой спальне в прошлый раз. Тогда по крайней мере этот ужас со мной делил Генри. Теперь, работая в одиночку и мучаясь от боли, я страдал куда сильнее. Моя тень металась и прыгала по стене, вызывая мысли о Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго.

Почти закончив работу, я остановился и склонил голову. Дыхание перехватило, глаза широко раскрылись, сердце, казалось, стучало в укушенной левой руке. Я услышал скребущий звук, который словно шел отовсюду. Со всех сторон ко мне сбегались крысы, коготки которых скребли по дереву. На мгновение у меня не возникло никаких сомнений в том, что так и есть. Ко мне устремились крысы из колодца. *Ее* верные посланцы. Каким-то образом они нашли путь на поверхность. Та, что сидела на коробке с красной шляпой, оказалась лишь первой и самой храброй. Они проникли в дом, они сидели в стенах и в самом скором времени намеревались покинуть свое убежище и наброситься на меня. Так Арлетт отомстила бы мне. Я услышу ее смех, когда они будут рвать меня на куски.

Ветер, прибавив силы, потрянул дом и завыл под карнизами. Скребущий звук усилился, потом чуть ослабел вместе с ветром. Безмерное облегчение охватило меня, я даже забыл про боль (пусть всего на несколько секунд). Это не крысы, а ледяной дождь. С наступлением темноты температура заметно упала, и капли замерзали на лету. Я вновь принялся оттирать пол.

Когда закончил, вылил кровавую воду через ограждение крыльца, пошел в сарай, чтобы наложить на руку свежую мазь. Теперь, когда рана полностью очистилась, я видел, что перепонка между большим и указательным пальцами разорвана в трех местах, которые выглядели, будто сержантские нашивки. Большой палец висел как неприкаянный: вероятно, крысиные зубы перегрызли какой-то важный кабель, соединяющий его с рукой. Я замазал рану и поплелся в дом, думая: *Болит, конечно, но теперь она хотя бы чистая. Ахелоя поправились, значит, я тоже поправлюсь. Все хорошо.* Я попытался представить, как защитные силы моего организма мобилизуются и прибывают к месту укуса, такие крохотные пожарные в красных шлемах и длинных брезентовых плащах.

На нижней полке «гиблого места» я нашел пузырек с таблетками, завернутый в кусок шелка, оторванный от женской комбинации. Пузырек попал в наш дом из «Аптечного магазина Хемингфорд-Хоума». На этикетке я прочитал надпись печатными буквами, сделанную перьевой ручкой:

«АРЛЕТТ ДЖЕЙМС. Таблетки по 1 или 2 перед сном при месячных».

Я сунул в рот три, запив большим глотком виски. Не знаю, что было в этих таблетках — может, и морфий, — но они помогли. Боль не исчезла, но теперь составляла неотъемлемую часть Уилфреда Джеймса, обретающегося на каком-то другом уровне реальности. В голове гудело, потолок начал медленно вращаться надо мной, образ миниатюрных пожарных, спешащих потушить пожар инфекции, прежде чем она укоренится, стал более отчетливым. Ветер вновь набрал силу, постоянная барабанная дробь ледяных капель еще больше напоминала звук скребущих коготков крыс, но теперь-то я знал, что это за звук.

Думаю, я даже воскликнул: «Я все знаю, Арлетт. Тебе меня не одурачить!»

Сознание уходило, связь с реальностью истончалась, и я понимал, что, возможно, уйду навсегда: сочетание шока, спиртного и морфия могло оборвать мою жизнь. И меня найдут в холодном фермерском доме, с сине-серой кожей, прокушенной рукой, покоящейся на животе. Картина эта меня не испугала, наоборот — принесла умиротворенность.

Пока я спал, ледяной дождь перешел в снег.

Когда я проснулся на следующее утро, дом выстудило, как могилу, а левая кисть раздулась, увеличившись в размере в два раза. Кожа вокруг укуса стала пепельно-серой, три пальца — тускло-розовыми, а к концу дня — красными. Прикосновение к кисти в любом месте, кроме мизинца, вызывало дикую боль. Тем не менее я как мог туго замотал кисть, и пульсирующая боль чуть утихла. Я разжег кухонную печь. Для однорукого работа оказалась не из легких, но я справился. Потом подсел поближе, пытаюсь согреться. Все тело пронзал холод, но только не укушенную кисть. Она горела. И еще пульсировала, как перчатка с залезшей в нее крысой.

Во второй половине дня у меня подскочила температура, а рука так сильно раздулась, что пришлось ослабить повязку. Я кричал от боли, когда это делал. Мне требовался врач, а снег валил все сильнее. Я не смог бы добраться до Коттери, не говоря уж о Хемингфорд-Хоуме. Даже если бы день выдался ясным и сухим, я сомневался, что одной рукой сумел бы завести двигатель грузовика. Я сидел на кухне, подкладывал дрова в печь, пока она не заревела, как дракон. То потея от жары, то дрожа от холода, я прижимал завязанную, раздутую руку к груди и вспоминал, как добрая миссис Макреди оглядывала мой замусоренный, не такой уж уютный двор. *У вас есть телефон, мистер Джеймс? Я вижу, что нет.*

Нет. Телефона у меня не было. Я остался в полном одиночестве на ферме, ради которой убил, и не мог вызвать помощь. Я видел, как кожа все больше краснела над повязкой: на запястье, полном вен, которые могли разнести отраву по всему телу.

Пожарные не справились. Я думал перетянуть запястье жгутом — убить левую кисть, чтобы спастись самому, или даже ампутировать ее топором, которым мы рубили щепки на растопку да иногда обезглавливали кур. И то, и другое представлялось оправданным, но для этого требовалось затратить очень уж много усилий. Так что я лишь дотащился до «гиблого места» за таблетками Арлетт. Вновь принял три, на этот раз запив холодной водой — горло горело, — и вернулся к печи. Меня ждала смерть от крысиного укуса. Я это знал и смирился с этим. Смерть от укусов животных и заражения — обычное дело, таких случаев полно. Если бы боль стала совершенно невыносимой, я бы сразу проглотил все оставшиеся таблетки. Удержало меня от этого только одно — помимо страха смерти, который, как я полагаю, свойственен нам всем, в той или иной степени, — шанс, что кто-то может прийти: Харлан, или шериф Джонс, или добрая миссис Макреди. Мог заявиться даже адвокат Лестер, чтобы вновь донимать меня злополучными ста акрами.

Но больше всего я надеялся на возвращение Генри. Он, правда, не вернулся.

Кто пришел, так это Арлетт.

Вы, возможно, задавались вопросом, как я узнал о пистолете, который Генри купил в ломбарде на Додж-стрит, и ограблении банка на Джефферсон-сквер. Если задавались, то скорее всего ответили на него сами: *между 1922 и 1930 годами прошло немало времени; вполне достаточно, чтобы выудить все подробности в библиотеке, из соответствующих номеров издававшейся в Омахе ежедневной газеты «Уорлд геральд».*

Разумеется, я *просматривал* газеты. И писал тем, кто встречал моего сына и его беременную подружку на их коротком и гибельном пути из Небраски в Неваду. В большинстве своем эти люди мне отвечали, с готовностью сообщая разные мелочи. Такой подход к расследованию логичен, и, несомненно, вы сочтете его правильным. Но письма эти я написал гораздо позднее, после того, как покинул ферму, и ответы лишь подтвердили то, что я уже знал.

Уже? — переспросите вы, и на это я отвечу просто: «Да. Уже. И знал не после того, как все произошло, а до того, во всяком случае, часть. Последнюю часть».

Как? Ответ прост. Мне рассказала моя мертвая жена.

Вы, разумеется, не верите. Я понимаю. Любой здравомыслящий человек не поверит. В моих силах только одно — рассказать об этом в моем признании, это мои последние слова, и все, что я тут пишу, — правда, от первого до последнего слова.

Я проснулся у печи следующим вечером (или еще через сутки; после того как поднялась температура, я потерял счет времени) и вновь услышал, как кто-то шуршит и скребется. Поначалу предположил, что это все тот же ледяной дождь, но когда поднялся, чтобы отломить кусок от засыхающего батона, который лежал на столешнице, увидел оранжевую закатную полосу на горизонте и сверкавшую в небе Венеру. Буря закончилась, но странные звуки становились все громче, только доносились не от стен, а с заднего крыльца.

Защелка двери пришла в движение. Сначала она только дрожала, словно руке, которая пыталась ее повернуть, не хватало для этого силы, потом это прекратилось, и я решил, что мне все привиделось, но тут защелка поднялась над скобой и дверь открылась с холодным дуновением ветра. На крыльце стояла моя жена. Все в той же джутовой сетке для волос, но теперь припорошенной снегом. Должно быть, она проделала медленное и мучительное путешествие от того места, где ей следовало упокоиться. Лицо наполовину разложилось, нижняя челюсть сместилась в одну сторону, клоунская ухмылка стала еще шире. Многозначительная ухмылка, почему бы и нет? Мертвые знают все.

Ее окружала придворная свита. Это они каким-то образом вытащили ее из колодца. Это они удерживали ее на ногах. Без них она оставалась бы призраком, злобным, но беспомощным. Но они оживили ее. Арлетт была их королевой и при этом их марионеткой. Она прошла в кухню, и ее жуткая походка никоим образом не напоминала ходьбу. Крысы окружали ее плотным кольцом, одни смотрели на нее с любовью, другие — на меня с

ненавистью. Покачиваясь, она обошла кухню, заново знакомясь со своими прежними владениями, при этом с ее платья падали на пол комья земли (стеганое одеяло и покрывало отсутствовали), а голова моталась из стороны в сторону на перерезанной шее. Один раз голова даже откинулась назад до самых лопаток, прежде чем подняться с тихим и чмокающим звуком.

Наконец взгляд ее затуманенных глаз добрался до меня. Я попятился в угол, где стоял ящик для дров, теперь практически пустой.

— Оставь меня в покое, — прошептал я. — Тебя здесь нет. Ты в колодце и не можешь выбраться оттуда, даже если и не умерла.

В горле у нее что-то булькнуло, словно она подавилась густой подливой, и она продолжила движение, реальная до такой степени, что отбрасывала тень. И я ощущал запах разлагающейся плоти женщины, которая в порыве страсти иногда просовывала свой язык мне в рот. Она была здесь. Настоящая. Как и ее королевская свита. Я чувствовал, как крысы бегают по моим ногам, щекочут лодыжки усиками, обнюхивают мои кальсоны.

Упершись пятками в ящик для дров, я попытался отклониться назад, чтобы увеличить расстояние между собой и приближавшимся трупом, потерял равновесие и уселся в ящик. Ударившись воспаленной и раздувшейся рукой, едва ощутил боль. Арлетт наклонилась надо мной, и ее голова... качнулась. Плоть отделилась от костей, и ее лицо свесилось вниз, будто нарисованное на воздушном шарике. Крыса забралась на стенку ящика для дров, прыгнула мне на живот, перебежала на грудь, понюхала кожу под подбородком. Я чувствовал, как другие шебуршат под моими согнутыми коленями. Но они меня не кусали. Все ограничилось одним укусом.

Арлетт наклонилась надо мной. Ее запах разил наповал, как и перекошенная ухмылка от уха до уха... Я вижу ее и сейчас, когда пишу эти строки. Я приказал себе — умри, но сердце продолжало биться. Ее висящее лицо скользнуло к моему. Я чувствовал, как моя щетина срывает частички кожи с ее лица, слышал, как ее сломанная челюсть скрипит, будто обледенев-

шая ветка. Потом ее ледяные губы прижались к моему горячему от температуры уху, и она принялась нашептывать мне секреты, которые могла знать только мертвая женщина. Я закричал. Пообещал покончить с собой и занять ее место в аду, если она замолчит. Но она не замолчала. Не желала замолкать. Мертвые не замолкают.

Теперь я это точно знаю.

Убежав из Первого сельскохозяйственного банка с двумя сотнями долларов в кармане (или, скорее, со ста пятьюдесятью — часть купюр рассыпалась по полу, вы помните), Генри на какое-то время исчез. Как говорят преступники — «залег на дно». Я вспоминаю об этом не без гордости. Думал, его поймут сразу после того, как он появится в городе, а он оказался не так прост. Влюбленный, доведенный до отчаяния, мучимый чувством вины и пребывавший в ужасе от преступления, которое мы с ним совершили... и несмотря на все эти факторы, отвлекавшие внимание (несмотря на их разъедавшее влияние), мой сын продемонстрировал храбрость, ум и даже в определенной степени благородство. Мысль об этом гнетет меня больше всего. Я до сих пор скорблю о его потерянной жизни (о трех жизнях, я не могу забыть и о бедной беременной Шеннон Коттери), и меня не отпускает чувство стыда, ведь это я привел его к гибели, совсем как теленка с веревкой на шее на заклание.

Арлетт показала мне лачугу, в которой он затаился, и велосипед, прислоненный к стене: на украденные деньги он прежде всего купил велосипед. Тогда я не смог бы сказать вам, где находилось его убежище, но в последующие годы определил местоположение лачуги и даже побывал в этом придорожном сарае с выцветшей рекламой колы «Королевская корона», нарисованной на стене. Сарай находился в нескольких милях от западной окраины Омахи и неподалеку от «Мальчишеского города»*, начавшего работу годом раньше. Одна комната, одно

* «Мальчишеский город» — приют для мальчиков-подростков, основанный в 1917 г. католическим священником Эдуардом Флейнагэном. Управление приютом осуществляли сами подростки.

окно, никакой печи. Генри замаскировал велосипед сеном и травой и принялся строить планы. Через неделю или чуть больше после ограбления Первого сельскохозяйственного банка — к тому времени интерес полиции к этому достаточно мелкому правонарушению в значительной степени угас — он начал ездить на велосипеде в Омахе.

Тупой парень сразу направился бы к католическому дому при монастыре Святой Евсевии, где его тут же схватили бы копы Омахи (шериф Джонс не сомневался, что так и будет), но Генри Фриман Джеймс оказался умнее. Он выяснил, где находится католический дом, но не приближался к нему. Вместо этого поискал ближайший магазин, где продавались сладости и газировка. Он предположил, что девушки будут посещать его, если предоставится такая возможность (при условии, что благодаря хорошему поведению им разрешат покидать территорию католического дома, а в сумочках найдутся деньги). И хотя обитательницы католического дома не носили особую форму, вычислить их не составляло труда: просторные платья, взгляд в пол и поведение, то кокетливое, то пугливое. И конечно же, бросались в глаза девицы с большим животом и без обручального кольца.

Тупой парень попытался бы завести разговор с одной из этих блудливых дочерей Евы прямо у прилавка с газировкой, привлекая к себе ненужное внимание. Генри же занял позицию рядом с проулком между магазином сладостей и галантереей, он сидел на ящике, читая газету, а велосипед стоял у бордюрного камня. Он поджидал девушку, более рисковую, чем те, кто приходил в магазин только за газировкой и мороженым, чтобы потом вернуться к сестрам. Он поджидал курящую девушку. И на третий день его дежурства у проулка такая девушка появилась.

Со временем я ее нашел и поговорил с ней. Для этого не пришлось демонстрировать способность супердетектива. Я уверен, Омаха показалась Шеннон и Генри мегаполисом, но в 1922 году это был не такой уж большой город даже по меркам Среднего Запада, он только мечтал о статусе мегаполиса. Виктория Холлет теперь уважаемая дама с тремя детьми, но осе-

нию 1922 года она была Викторией Стивенсон: молодой, любопытной, бунтующей, на седьмом месяце беременности и души не чающей в «Суйт кэпорелс»*. Она с радостью взяла сигарету, когда Генри предложил ей.

— Возьми еще парочку на потом, — добавил он.

Она рассмеялась:

— Надо быть сумасшедшей, чтобы это сделать. Сестры проверяют наши сумочки и выворачивают карманы, когда мы возвращаемся. Мне придется прожевать три пластинки «Черного Джека»**, чтобы отбить запах даже одной сигареты. — Она хлопала себя по животу, весело и демонстративно. — У меня проблема, как ты сам видишь. Плохая девочка! Мой кавалер сбежал. Плохой мальчик, но всем на это наплевать! Зато этот фронт упек меня в тюрьму, где надзирателями пингвины...

— Я тебя не понимаю.

— Ну что тут непонятного! Фронт — это мой отец! А пингвинами мы называем сестер. — Она рассмеялась. — Вижу, ты просто деревенщина. Ничего не соображаешь. А тюрьма, где я отбываю срок, называется...

— Монастырь Святой Евсевии.

— Вот теперь голова у тебя заработала, Джексон. — Она затынулась, прищурилась. — Слушай, а ведь я знаю, кто ты. Бойфренд Шен Коттери.

— Дайте этой девушке куклу Кьюпи***! — улыбнулся Хэнк.

— Что ж, на твоём месте я бы не подходил к нашему заведению ближе чем на два квартала. У копов есть твои приметы. — Она снова рассмеялась. — Твои и еще полдюжины других парней, но ни один из них не похож на такого зеленоглазого деревенского парня, как ты. И никто из девушек не сравнится красотой с Шеннон. Она настоящая королева Шебы. Да уж!

— Как ты думаешь, почему я здесь?

* «Суйт кэпорелс» — одна из самых старых марок сигарет, появившаяся на прилавках в 1878 г.

** «Черный Джек» — первая жевательная резинка с ароматом (лакрицы) в пластинках. Появилась в продаже в 1884 г.

*** Кукла Кьюпи — кукла-голыш, впервые появившаяся на рынке в начале 1910-х гг.

— Ума не приложу... Почему ты здесь?

— Мне надо с ней связаться, но я не хочу, чтобы меня поймали. Я дам тебе два бакса, если ты передашь ей записку.

Глаза Виктории широко раскрылись.

— Дружище, за два бакса я пронесу под мышкой горн и передам записку кому угодно.

— И еще два, если ты будешь держать рот на замке. Сейчас и после.

— За это платить не обязательно. — Виктория покачала головой. — Я только порадуюсь, если удастся посадить в лужу этих наисвятейших сук. Знаешь, они шлепают нас по рукам, если за обедом мы пытаемся взять лишний рогалик! Поступают прямо-таки как с Гулливером Твистом*.

Он дал Виктории записку, и та отнесла ее Шеннон. Записка лежала в дорожной сумке с вещами, когда полиция наконец-то нашла Шеннон и Генри в Элко, штат Невада, и у меня есть полицейская копия этой записки. Но Арлетт пересказала мне ее содержание гораздо раньше, и текст совпал слово в слово.

«Я буду ждать тебя от полуночи до рассвета за твоим домом в течение двух недель, — писал Генри. — Если ты не покажешься, я буду знать, что между нами все кончено. Я вернусь в Хемингфорд-Хоум и больше никогда тебя не потревожу, хотя любить буду вечно. Мы молодые, но сможем солгать насчет нашего возраста и начать новую жизнь в другом месте (в Калифорнии). У меня есть немного денег, и я знаю, где взять еще. Виктория найдет меня, если ты захочешь передать мне записку, но сделать это можно будет только один раз. Больше — опасно. Генри».

Я предполагаю, что Харлан и Салли Коттери видели эту записку. Если так, они знали, что свое имя мой сын обвел сердечком. Я задаюсь вопросом: может, именно это убедило Шеннон? Я задаюсь и другим вопросом: а требовалось ли ее убеждать? Возможно, она больше всего хотела, чтобы ребенок

* Намек на анекдот о сиротке-великане, пришедшем в Лилипутию и попросившем добавки. Гулливер Твист: «Пожалуйста, сэр, могу я взять добавки?» Император Лилипутии: «Что? Тебе не хватает нашей лилипутской порции? Отрубить ему голову!»

(которого она уже любила) остался с ней и на законных основаниях. Но этих вопросов Арлетт не коснулась, рассказывая историю своим жутким, тихим голосом. Возможно, на Шеннон ей было наплевать.

После разговора с Викторией Генри приходил к проулку у магазина сладостей каждый день. Я уверен, он понимал, что вместе с Викторией могли явиться копы, но чувствовал: выбора у него нет. На третий день Виктория наконец-то пришла. «Шен ответила сразу же, но я не могла сообщить раньше. В дыре, которую кое-кому хватает наглости называть музыкальной комнатой, нашли чью-то сигарету, и пингвины вышли на тропу войны».

Генри протянул руку за запиской, и Виктория отдала ее в обмен на сигарету. Записка состояла из четырех слов: «Завтра. В два часа ночи».

Генри обнял Викторию и поцеловал. Она радостно рассмеялась, ее глаза сверкали.

— Господи! Ну почему некоторым девчонкам так везет?!

Им, несомненно, везет. Но если принять во внимание, что в итоге Виктория вышла замуж, у нее трое детей и красивый дом на Кленовой улице в лучшей части Омахи, а Шеннон Коттери не пережила проклятия того года... так кому из них, по-вашему, улыбнулась удача?

«У меня есть немного денег, и я знаю, где взять еще», — написал Генри, и он знал. Спустя считанные часы после поцелуя с бойкой Викторией (она сообщила Шеннон: «Он там будет со свадебными колоколами») молодой человек в шляпе с широкими полями и бандане, закрывавшей рот и нос, ограбил Первый национальный банк Омахи. На этот раз добыча налетчика составила восемьсот долларов — приличный куш. Но на сей раз охранник оказался более молодым и более ответственно отнесся к своим обязанностям, что создало определенные трудности. Грабителю пришлось выстрелить ему в ногу, чтобы ретироваться с деньгами. Чарльз Грайнер выжил, но рана вызвала заражение (в этом я могу ему посочувствовать), и ногу пришлось ампутировать. Когда осенью 1925 года я встретился с

ним в доме его родителей, к случившемуся он относился философски.

— Мне повезло, что я вообще выжил. Когда наложили жгут на мою ногу, я лежал в луже крови глубиной в дюйм. Готов спорить, докторам пришлось использовать целую коробку «Дреф-та», чтобы отмыть кровь.

Когда я попытался извиниться за сына, он отмахнулся:

— Зря я вообще подошел к нему. Шляпу он надвинул на лоб, бандана закрывала рот и нос, но глаза я видел хорошо. Мне следовало понять, что он выстрелит не задумываясь, а у меня нет шансов вытащить оружие. Все это читалось в его глазах. Но я тогда был молодым. Теперь я старше. А вашему сыну стать старше не удалось. Я сочувствую вашей утрате.

После этого ограбления Генри располагал достаточной суммой, чтобы купить автомобиль — хороший автомобиль, надежный, для дальних поездок, — но устоял перед искушением. (Написав это, я вновь испытываю чувство гордости — не такое уж сильное, но не вызывающее сомнений.) Мальчишка, который выглядит так, словно начал бриться одной или двумя неделями раньше, может купить почти новый «олдсмобил»? Конечно же, представители закона заинтересуются им.

Поэтому вместо того, чтобы купить автомобиль, Генри его украл. Опять остановил выбор не на хорошей машине, а на не приметной модели «форд»-купе. Именно этот автомобиль он припарковал за католическим домом при монастыре Святой Евсевии. Именно в него села Шеннон, выскользнув из своей комнаты и прокравшись вниз с дорожной сумкой в руке. Она вылезла через окно в ванной, которая примыкала к кухне. У них было время на один-единственный поцелуй, — Арлетт мне этого не рассказала, но мое воображение это нарисовало, — а потом Генри направил «форд» на запад. К рассвету они уже катили по автостраде Омаха — Линкольн. Проехали мимо его старого дома — и ее тоже — около трех пополудни. Возможно, посмотрели в этом направлении, но я сомневаюсь, чтобы Генри сбросил скорость. Он не хотел останавливаться на ночь в тех местах, где их могли узнать.

Так началась их бродячая жизнь.

Арлетт нашептала мне об этой жизни больше, чем я хотел знать, но у меня так щемит сердце, что я могу описать только самые общие моменты. Если вы хотите знать подробности, напишите в Общественную библиотеку Омахи. За скромную плату вам пришлют гектографические копии статей о «влюбленных бандитах», как их стали называть (и как они называли себя сами). Вы, возможно, сможете найти какие-то истории и в подшивке вашей ежедневной газеты, если живете не в Омахе: финал этой истории оказался таким душещипательным, что получил общенациональную известность.

Красавчик Хэнк и Прелестная Шеннон — так окрестила их «Уорлд гералд». На фотоснимках они выглядят невероятно молодыми (и, разумеется, такими они и были). Я не хотел смотреть на эти фотографии, но смотрел. Крысы могут кусать поразному, не правда ли?

У украденного автомобиля лопнула шина среди песчаных холмов Небраски. Двое мужчин шли по дороге, когда Генри ставил запаску. Один выхватил обрез, висевший у него на особой перевязи под пальто, — в годы освоения Дикого Запада такой называли бандитским гвоздодером — и направил на влюбленных беглецов. У Генри не было шанса достать пистолет. Оружие лежало в кармане, и, попытайся мой сын сунуть туда руку, его бы убили. Вот так грабителя ограбили. Под холодным осенним небом Генри и Шеннон рука в руке дошли до ближайшего фермерского дома, а когда фермер открыл дверь и спросил, чем он может помочь, Генри нацелил пистолет ему в грудь и ответил, что ему нужен автомобиль и деньги.

Девушка, которая сопровождала его, сообщил фермер репортеру, стояла на крыльце и смотрела в другую сторону. По словам фермера, ему показалось, что она плакала. Он сказал, что ему стало ее жалко, поскольку она была такая миленькая, и беременная, как старушка, живущая в башмаке*, и путешест-

* Аллюзия на английскую детскую песенку о старушке, которая жила в башмаке и у которой было очень много детей (то есть она была вечно беременной).

вовала с молодым бандитом, что не могло привести ни к чему хорошему.

«Она пыталась остановить его? — спросил репортер. — Пыталась отговорить от ограбления?»

Фермер ответил, что нет. Она просто стояла, повернувшись спиной, словно думала: раз она ничего не видит, значит, ничего и не происходит. Старую колымагу фермера нашли около железнодорожной станции в Маккуке с запиской на сиденье:

Мы возвращаем ваш автомобиль. Вышлем украденные деньги, как только сможем. Мы взяли их у вас только потому, что попали в критическую ситуацию. Искренне ваши, влюбленные бандиты.

Кто придумал такую подпись? Вероятно, Шеннон, потому что записку написала она. Они не хотели подписываться настоящими именами, но именно так рождаются легенды.

Через день или два ограбили Земельный банк в Арапахоу, штат Колорадо. Грабитель — в низко надвинутой шляпе с широкими полями и бандане, закрывающей рот и нос, — действовал в одиночку. Ему досталось меньше ста долларов, и он уехал на «хапмобиле», украденном в Маккуке. На следующий день в Первом банке Кайенн-Уэллса (единственном банке в этом городке) к молодому человеку присоединилась молодая женщина. Лицо скрывала бандана, но скрыть беременность не представлялось возможным. Добыча составила четыреста долларов, и они уехали из города на большой скорости, направившись на запад. Дорогу в Денвер перегородила полиция, но Генри вновь продемонстрировал смекалку, и удача их не оставила. Покинув Кайенн-Уэллс, они повернули на юг и поехали проселками и коровьими тропами.

Неделей позже молодая пара, Гарри и Сьюзан Фриман, сели на поезд до Сан-Франциско в Колорадо-Спрингс. Почему они внезапно вышли в Гранд-Джанкшен, я не знаю, а Арлетт мне не сказала. Вероятно, что-то их насторожило. Мне только известно, что они ограбили банк и там, и еще один в Огдене, штат Юта. Наверное, так копили деньги на новую жизнь. И в Огде-

не, когда какой-то мужчина попытался остановить Генри на выходе из банка, Генри выстрелил ему в грудь. Мужчина все равно уцепился за Генри, и Шеннон столкнула его с гранитных ступеней. Они скрылись. Тот мужчина через два дня умер в больнице. Влюбленные бандиты стали убийцами. В Юте признанных виновными в убийстве вешали.

Все это началось до Дня благодарения* и продолжилось после праздника. Полиция к западу от Скалистых гор, приведенная в боевую готовность, располагала приметами Генри и Шеннон. На тот момент меня то ли уже укусила крыса, спрятавшаяся в стенном шкафу, — я так думаю — то ли еще собиравшаяся укусить. Арлетт сказала мне, что они мертвы, но на самом деле это было не так — когда она и ее свита нанесли мне визит, они еще не умерли. Она и солгала, и предрекла. Для меня ее ложь и пророчество слиты воедино.

Их предпоследней остановкой стал город Дит, штат Невада. День выдался холодным — был конец ноября или начало декабря. С белесого неба сыпал снег. Они хотели съесть яичницу и выпить кофе в единственном придорожном кафе Дита, но удача практически оставила их. За прилавком стоял уроженец Элхорна, что в штате Небраска, и хотя он много лет не появлялся в родном городе, мать по-прежнему раз в месяц пересылала ему все номера «Уорлд гералд». Последнюю посылку он получил несколькими днями раньше и узнал «влюбленных бандитов» из Омахи, которые устроились в одной из кабинок его кафе.

И вот вместо того, чтобы позвонить в полицию (или в службу безопасности соседней шахты по добыче медной руды, тогда охрана сработала бы куда эффективнее), повар-раздатчик решил совершить арест сам. Достал из-под прилавка старый ржавый ковбойский револьвер, наставил на них и приказал, как принято в вестернах, поднять руки. Генри ничего такого не сделал. Выскользнул из кабинки и направился к этому парню со словами: «Не делай этого, друг мой, мы не собираемся причинять тебе вреда, мы расплатимся и уйдем».

* День благодарения отмечается в четвертый четверг ноября

Повар-раздатчик нажал на спусковой крючок, но старый револьвер дал осечку. Генри отобрал его, откинул цилиндр и рассмеялся.

— Хорошие новости! — сказал он Шеннон. — Патроны от времени позеленели.

Он положил два доллара на прилавок — за еду, — а потом допустил чудовищную ошибку. До этого дня я уверен, что при любых раскладах все закончилось бы для них плачевно, но все равно мне хочется крикнуть ему через пропасть прошедших лет: *Не оставляй заряженное оружие! Не делай этого, сынок! Зеленые или нет, положи патроны в карман!* Но время могут преодолевать только голоса мертвых. Теперь я это знаю по собственному опыту.

И когда они уходили (*рука в руке*, прошептала Арлетт в мое горящее ухо), повар-раздатчик схватил брошенный на прилавок старый револьвер, поднял, держа обеими руками, и вновь нажал на спусковой крючок. На этот раз револьвер выстрелил. Вероятно, мужчина целился в Генри, но пуля попала в поясицу Шеннон Коттери. Она закричала и стала падать через порог на снег. Генри поймал ее, прежде чем она свалилась на землю, и помог добраться до их последнего автомобиля, еще одного украденного «форда». Повар-раздатчик выстрелил в них через окно, и тут старый револьвер разорвался. Кусок металла вышиб мужчине левый глаз. Я об этом не сожалел. В отличие от Чарльза Грайнера я не из тех, кто прощает.

У тяжело раненной, может, уже умирающей Шеннон начались роды, когда Генри гнал сквозь усиливающийся снег к Элко, городу, расположенному в тридцати милях к юго-западу, вероятно, рассчитывая найти там врача. Не знаю, нашел бы или нет, но полицейский участок в Элко был, и повар-раздатчик позвонил туда, когда ошметки глазного яблока еще засыхали у него на щеке. Двое местных копов и четверо патрульных дорожной полиции штата Невада поджидали Генри и Шеннон на окраине города, но так их и не увидели. Из тридцати миль между Дитом и Элко Генри и Шеннон проехали только двадцать восемь.

Уже за административной границей Элко, но достаточно далеко от первого дома удача окончательно покинула Генри. С кричавшей в голос, истекавшей кровью и державшейся за живот Шеннон, Генри наверняка ехал быстро — слишком быстро, а может, он угодил колесом в рытвину на дороге. Как бы то ни было, «форд» занесло, он угодил в кювет и заглох. Они застряли в пустыне под воющим ветром, швыряющимся в них снегом. И о чем тогда подумал Генри? О том, что содеянное им и мной в Небраске привело его и девушку, которую он любил, в это место в Неваде? Арлетт мне этого не сказала, да и зачем? Я и так знал.

Несмотря на снегопад, он разглядел контуры какого-то дома и вытащил Шеннон из автомобиля. Ей удалось сделать несколько шагов навстречу ледяному ветру, но не больше. Девушка, которая решала задачи по тригонометрии и могла стать первой представительницей прекрасного пола, окончившей нормальную школу в Омахе, положила голову на плечо своего молодого человека и прошептала:

— Я не могу идти дальше, милый, положи меня на землю.

— А ребенок? — спросил он.

— Ребенок мертв, и я тоже хочу умереть, — ответила она. — Не могу больше терпеть боль. Она невыносима. Я тебя люблю, милый, но положи меня на землю.

Он отнес ее к дому, очертания которого едва просматривались сквозь снег. Оказалось, что это сарайчик, практически ничем не отличавшийся от лачуги, в которой они прятались неподалеку от «Мальчишеского города», с нарисованной на стене выцветшей бутылкой колы «Королевская корона». Печь там была, но дров не нашлось. Генри вышел из сарая, собрал дровяшки, пока не заваленные снегом, притащил в сарай. Шеннон потеряла сознание. Генри растопил печь и положил ее голову себе на колени. Шеннон Коттери умерла до того, как прогорели положенные в печь дрова, и Генри остался один. Он сидел на сколоченной из досок койке, на которой раньше спали грязные ковбои, чаще пьяные, чем трезвые. Он сидел и гладил волосы Шеннон, а снаружи завывал ветер, заставлявший дрожать жестяную крышу сарая.

Все это Арлетт рассказала мне в тот день, когда обреченные дети были еще живы. Все это она рассказала мне, когда крысы ползали вокруг меня, идущая от нее вонь была в нос, а моя укушенная, воспаленная рука пылала огнем.

Я умолял ее убить меня, вспороть мне глотку, как я вспорол ей, но она этого не сделала.

Так она мне мстила.

Возможно, прошло еще два дня, прежде чем на ферму прибыл гость. Может, прошло даже три, но я так не думаю. Думаю, он прибыл уже на следующий день, поскольку не верю, что смог бы протянуть без посторонней помощи два или три дня. Я ничего не ел и практически ничего не пил. Однако мне удалось выбраться из кровати и дотрестись до двери, когда в нее принялись стучать. Я все еще робко думал, что это Генри, поскольку в глубине души смел надеяться, что визит Арлетт — сон, вызванный бредовым состоянием... и даже если она действительно приходила, то солгала.

Но на пороге стоял шериф Джонс. Мои колени подогнулись, когда я увидел его, и я повалился вперед. Если бы он меня не поймал, то я ткнулся бы носом в крыльцо. Я пытался сообщить ему о Генри и Шеннон — о том, что Шеннон подстрелят, что они окажутся в сарае на окраине Элко, что он, шериф Джонс, должен кому-то позвонить и предотвратить это. Слова путались, предложения не складывались, но имена он разобрал.

— Он действительно с ней убежал, — подтвердил шериф. — Но если Харл приходил сюда и рассказал вам, почему оставил в таком состоянии? Кто вас укусил?

— Крыса, — удалось произнести мне.

Он обхватил меня рукой, стащил со ступеней крыльца и повел к своему автомобилю. Петух Джордж, замерзший, лежал у поленницы, коровы мычали. Когда я в последний раз их кормил? Я не помнил.

— Шериф, вы должны...

Но он меня оборвал. Думал, у меня бред, и почему нет? Он ощущал, что я весь горю, видел, как пылает мое лицо. Он словно тащил раскаленную печь.

— Вам надо беречь силы и благодарить Арлетт, потому что, если бы не она, я бы сегодня не приехал.

— Мертвую... — пробормотал я.

— Да. Она мертва, это точно.

Тогда я и сказал ему, что убил ее, и тут же испытал огромное облегчение. Донимавший меня призрак наконец-то исчез.

Шериф опустил меня на сиденье, как мешок с продуктами.

— Мы еще поговорим об Арлетт, а пока мне надо доставить вас в больницу «Ангелы милосердия», и я буду очень признателен, если вы не блеваете в моей машине.

Когда он выезжал из двора, оставив позади дохлого петуха и мычащих коров (И крыс! Не забудьте про них! Ха!), я вновь попытался сказать ему, что для Генри и Шеннон не все кончено и можно попытаться их спасти. Я слышал, как говорю: *Это то, что только может случиться*, словно являл собой духа Рождества грядущего из «Рождественской песни» Диккенса. Потом я потерял сознание. Очнулся только второго декабря, когда все газеты американского Запада сообщили: **ВЛЮБЛЕННЫЕ БАНДИТЫ УСКОЛЬЗНУЛИ ОТ ПОЛИЦИИ ЭЛКО, ИМ ОПЯТЬ УДАЛОСЬ УЙТИ**. Им не удалось, но никто этого пока не знал. За исключением, разумеется, Арлетт. И меня.

Врач решил, что гангрена не распространилась на предплечье, и поставил на кон мою жизнь, ампутировав только кисть. Эту партию он выиграл. Через пять дней после того, как шериф Джонс доставил меня в больницу «Ангелы милосердия» в Хемингфорд-Сити, я, бледный и истощенный, лежал на больничной кровати, похудев на двадцать пять фунтов и лишившись левой кисти. Но я был жив.

Джонс с суровым лицом навестил меня. Я ждал его слов о том, что он арестовывает меня за убийство жены, после чего он приковал бы мою единственную руку к стойке кровати. Но ничего подобного не произошло. Он лишь выразил сожаление в связи с моей утратой. Моей утратой! Да что этот идиот знал об утратах?!

* * *

Почему я сижу в этом обшарпанном номере отеля, вместо того чтобы лежать в могиле убийцы? Я отвечу просто: все дело в моей матери.

Как и шериф Джонс, она пересыпала свою речь риторическими вопросами. Для него это был ораторский прием, которому его научила долгая служба в системе правопорядка. Он задавал свои глупые вопросы и пристально наблюдал за собеседником в ожидании реакции, указывающей на виновность: человек мог вздрогнуть, нахмуриться, его глаза начинали бегать. А для моей матери это была привычка, которую она переняла у своей матери, англичанки, и она передала ее мне. Я утратил английский акцент, с которым, возможно, когда-то говорил, но не унаследованную от матери склонность превращать утвердительные предложения в вопросы. «Тебе бы лучше войти в дом, правда?» — спрашивала она. Или: «Твой отец опять забыл ленч. Тебе придется отнести его ему, так?» Даже погоду она комментировала вопросами: «Еще один дождливый день, да?»

В тот ноябрьский день, когда шериф приехал ко мне, я температуры и ужасно себя чувствовал, но был в сознании. Я четко помню наш с ним разговор, как человек помнит подробности особенно яркого кошмарного сна.

«Вам надо беречь силы. И благодарить Арлетт, потому что, если бы не она, я бы сегодня не приехал».

«Мертвую», — пробормотал я.

«Да. Она мертва, это точно».

Вот тут я и произнес роковую фразу, но она была построенная в материнской манере разговора, которую я впитал в себя, еще сидя на ее коленях: «Я ее убил, так?»

Шериф Джонс воспринял риторический прием моей матери (и его собственный, не забывайте), как настоящий вопрос. Годы спустя — на заводе, где я работал после потери фермы, — я услышал, как бригадир отчитывает клерка, который отправил продукцию в Де-Мойн вместо Делавэра до получения накладной из заводоуправления. «Но по средам мы всегда отправляли продукцию в Де-Мойн, — оправдывался клерк, которого вскоре уволили. — Я предположил...»

«Предположение превращает нас с тобой в ослов», — ответил бригадир. Должно быть, это старая поговорка, но я услышал ее впервые. И стоит ли удивляться, что в тот момент я подумал о шерифе Джонсоне? Привычка моей матери превращать утверждения в вопросы спасла меня от электрического стула. Я избежал тогда суда присяжных по обвинению в убийстве жены.

И избежал до этого момента.

Они здесь, со мной, их гораздо больше двенадцати, они сидят вдоль плинтусов по периметру комнаты, смотрят на меня маслянистыми глазами. Если бы горничная принесла свежее постельное белье и увидела этих покрытых шерстью присяжных, то с криком бросилась бы прочь. Но горничная не войдет: двумя днями раньше я повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», и она там так и висит. Из номера я не выходил. Мог бы заказать еду из ресторана на другой стороне улицы, но подозреваю, что еда их спровоцирует. Я не голоден, так что еда мне особенно и не нужна. Пока они очень терпеливы, мои присяжные, но я боюсь, что они уже на пределе. Как и любые присяжные, когда хотят, чтобы им представили все материалы по делу, после чего они смогут вынести вердикт, получить положенное им вознаграждение (в данном случае с ними расплатятся плотью) и разойтись по домам к своим семьям. Поэтому я должен заканчивать. Много времени это не займет. Основная работа уже сделана.

— Как я понимаю, вы увидели это в моих глазах. Я прав? — спросил шериф Джонс, усаживаясь на стул рядом с моей больничной кроватью.

Я успел оклематься до такой степени, чтобы проявить осторожность.

— Увидел что, шериф?

— То, что я пришел вам сказать. Вы этого не помните, да? Меня это не удивляет. Вы находились на грани жизни и смерти, Уилф. Я практически не сомневался, что вы умрете, и даже думал, что это произойдет до того, как я привезу вас в город.

Но, как я понимаю, Бог еще не собирался забрать вас к себе, правда?

Кто-то еще не собрался забрать меня к себе, но я сомневался, что речь шла о Боге.

— Что-то с Генри? Вы приезжали, чтобы рассказать мне о Генри?

— Нет. — Он покачал головой. — Я приезжал, чтобы рассказать об Арлетт. Это плохая новость, самая худшая, но вы не можете винить себя. Вы же не выгоняли ее из дома, охаживая палкой. — Он наклонился вперед. — У вас, возможно, даже сложилось впечатление, что я отношусь к вам предвзято, Уилф, но это не так. Есть люди, которым вы не нравитесь, и мы знаем, кто они, так? Но не причисляйте меня к ним только потому, что я должен учитывать их интересы. Раз или два вы меня рассердили, и я уверен, вы по-прежнему дружили бы с Харланом Коттери, если б держали вашего мальчика на более коротком поводке, но я всегда уважал вас.

Я промолчал.

— Что же касается Арлетт, то я скажу это снова, потому что не грех и повторить: вы не можете винить себя.

Неужели? Я подумал, это довольно странный вывод даже для слуги закона, которого никто и никогда не принял бы за Шерлока Холмса.

— Генри в беде, если донесения, полученные мной, соответствуют действительности, — продолжил Джонс, — и он потащил на тонкий лед Шеннон Коттери. Конечно, они скоро провалятся. У вас достаточно проблем и без того, чтобы взваливать на себя ответственность за смерть жены. Вы не должны...

— Просто расскажите мне, — попросил я.

За два дня до его визита ко мне — возможно, в тот самый день, когда крыса укусила меня, может, и нет, но определенно примерно в то время — фермер, который вез в Лайм-Биск остатки собранного урожая, заметил трех койотов, которые дрались ярдах в двадцати к северу от дороги. Он мог бы проехать мимо, но увидел в кювете женскую кожаную туфлю и розовые трусы. Остановился, выстрелил из винтовки, чтобы разогнать койотов, и пошел посмотреть, из-за чего они сцепились. На-

шел женский скелет с остатками плоти на костях и в лохмотьях, в которые превратилось платье. Волосы, те, что остались, из сверкающих золотисто-каштановых волос Арлетт стали тускло-коричневыми. Сказалось многомесячное пребывание под солнцем и дождем.

— Двух последних зубов не было, — сообщил мне Джонс. — Арлетт потеряла пару коренных?

— Да, — солгал я. — После воспаления десен.

— Когда я приезжал на ферму вскоре после ее побега, ваш мальчик сказал, что она взяла с собой дорогие украшения.

— Да. — Дорогие украшения лежали на дне колодца.

— И когда я спросил, не могла ли она прихватить деньги, вы упомянули про двести долларов. Это правильно?

Ах да! Деньги, которые Арлетт якобы взяла из моего комода.

— Правильно.

Он кивнул.

— Что ж, тогда понятно, тогда понятно. Дорогие украшения и деньги. Это объясняет все, вы согласны?

— Я не понимаю...

— Потому что смотрите не с позиции представителя закона. Ее ограбили на дороге, вот и все. Какой-то плохой человек увидел женщину, голосующую между Хемингфордом и Лайм-Биском, посадил ее, убил, взял деньги и драгоценности, а труп отнес на ближайшее поле и бросил так, чтобы с дороги не увидели. — По лицу шерифа читалось, что ее изнасиловали, — он-то в этом не сомневается. — Однако тело так долго пролежало в поле, что теперь этого уже не определить.

— Да, возможно, так, — выдавил я, и пока шериф не ушел, мне удавалось изображать тоску-печаль. Но едва за ним закрылась дверь, я резко отвернулся к стене, ударившись при этом кулечей, и начал смеяться. Уткнулся лицом в подушку, но не смог полностью заглушить смех. Когда медсестра — старая, уродливая карга — заглянула в палату и увидела блестящие на моих щеках слезы, она предположила, что я плакал. Медсестра смягчилась — а я-то полагал такое немыслимым! — и дала мне дополнительную таблетку морфия. Я, в конце концов, был

скорбящим мужем и отцом, у которого отняли ребенка. То есть заслуживал утешения.

А знаете, почему я смеялся? Из-за благонамеренной глупости Джонса? Из-за счастливого совпадения: у дороги нашли тело женщины-бродяжки, после пьяной ссоры убитой приятелем, с которым они на пару брели неизвестно откуда и куда? Из-за этого тоже, но прежде всего из-за туфли. Фермер, решивший проверить, почему дерутся койоты, увидел в кювете женскую кожаную туфлю. Когда в тот летний день шериф Джонс спрашивал, в какой обуви ушла Арлетт, я говорил ему об исчезнувших зеленых холщовых туфлях. Этот идиот все забыл.

И так и не вспомнил.

К моему возвращению на ферму вся скотина передохла. Выжила только Ахелоя, которая укоризненно, голодными глазами посмотрела на меня и жалобно замычала. Я накормил ее, как домашнего любимца, да она, собственно, им и стала. Как еще можно назвать животное, которое уже нельзя отнести к разряду домашней скотины?

В не столь уж далеком прошлом Харлан и его жена позаботились бы о моей ферме, пока я находился в больнице, так обычно ведут себя соседи на Среднем Западе. Но теперь, даже если печальное мычание моих коров и долетало до него через поля, когда он садился за ужин, он не ударил пальцем о палец. И я на его месте мог бы поступить так же. С точки зрения Харлана Коттери (да и всех остальных), мой сын не стал удовлетворяться тем, что обесчестил его дочь, — он последовал за ней туда, где она могла найти убежище, выкрал ее и заставил стать преступницей. Можно представить, как слова «влюбленные бандиты» жгли сердце ее отца! Будто кислота! Ха!

Неделей позже, когда фермерские дома и Главная улица Хемингфорд-Хоума начали украшать к Рождеству, шериф Джонс вновь приехал на ферму. Одного взгляда на его лицо хватило, чтобы я понял, с какими он прибыл новостями, и замотал головой:

— Нет! Нет, хватит! Я этого не вынесу. Просто не вынесу. Уезжайте.

Я ушел в дом и попытался закрыть дверь перед его носом, но разве мог однорукий и ослабевший человек противостоять ему? Конечно же, Джонс легко сломил мое сопротивление и вошел.

— Крепись, Уилф. Ты с этим справишься. — Как будто он знал, о чем говорил.

Шериф достал из буфета декоративную керамическую пивную кружку, нашел почти пустую бутылку виски, вылил все, что в ней оставалось, и протянул кружку мне:

— Доктор не одобрит, но его здесь нет, а тебе это потребуется.

«Влюбленных бандитов» нашли в их последнем укрытии, Шеннон, погибшую от пули повара-раздатчика, и Генри — от пули, которую он пустил себе в голову. Тела перевезли в морг Элко до поступления дальнейших инструкций. Харлан Коттери распорядился относительно того, что касалось его дочери, но не моего сына. Понятное дело. Своим сыном я занимался сам. Он прибыл в Хемингфорд на поезде восемнадцатого декабря. Я ждал его на станции вместе с похоронным агентом из «Кастингс бразерс». Меня то и дело фотографировали. Мне задавали вопросы, на которые я даже не пытался отвечать. В «Уорлд гералд» и в гораздо более скромной «Хемингфорд уикли» подпись под опубликованными фотоснимками дали одинаковую: **«СКОРБЯЩИЙ ОТЕЦ»**.

Если бы репортеры увидели меня в похоронном бюро, когда там сняли крышку с простого соснового гроба, их глазам открылось бы настоящее горе, и они изменили бы подпись на **«КРИЧАЩИЙ ОТЕЦ»**. Мой сын выстрелил себе в висок, когда сидел, положив на колени голову Шеннон. Пуля пронзила мозг и вышла с левой стороны, оторвав немалый кусок черепа. Но это было не самое худшее. Генри лишился глаз. И нижняя губа исчезла, так что зубы торчали наружу. И от носа осталась только красная дыра. Прежде чем кто-то из дорожной полиции или какой-нибудь помощник шерифа нашел тела, крысы отменно закусилы моим сыном и его возлюбленной.

— Приведи его в порядок, — попросил я Герберта Кастингса, когда вновь обрел способность говорить связно.

— Мистер Джеймс... сэр... повреждения...

— Я вижу, какие тут повреждения. Приведи его в порядок. И достань из этого говенного ящика. Положи в лучший гроб, который только у тебя есть. Мне без разницы, сколько это будет стоить. Деньги у меня есть. — Я наклонился и поцеловал порванную щеку. Ни один отец не должен целовать сына в последний раз, но если какой-нибудь отец и заслужил такую жуткую судьбу, так это я.

Шеннон и Генри похоронили на кладбище методистской церкви Славы Господней. Шеннон — двадцать второго декабря, Генри — на Рождество. Отпевали Шеннон в набитой до отказа церкви, и от громкого плача едва не снесло крышу. Я тоже пришел на короткое время. Постоял в задних рядах, никем не замеченный, и ушел, не дослушав преподобного Терсби. Преподобный Терсби произнес прощальное слово и на похоронах Генри, но нет необходимости говорить вам, что народу в церковь пришло гораздо меньше. Терсби видел только одного человека, однако рядом со мной сидела Арлетт, никому не видимая, улыбающаяся, нашептывающая мне на ухо: *Тебе нравится, как все обернулось, Уилф? Дело того стоило?*

Расходы на подготовку похорон, на предание тела сына земле, на оплату услуг морга и перевозку составили чуть больше трехсот долларов. Я заплатил из денег, полученных под закладную. А что еще я мог сделать? После погребения я вернулся в пустой дом. Но по пути купил бутылку виски.

Напоследок 1922 год преподнес мне еще одну неприятность. В день после Рождества мощный буран пришел со стороны Скалистых гор. Выпало до фута снега, ветер достигал ураганной силы. С наступлением темноты снег перешел в ледяной дождь, потом просто в дождь. Около полуночи, когда я сидел в темноте и успокаивал ноющую культю маленькими глотками виски, с задней стороны дома донесся громкий треск — провалилась крыша, на починку которой я взял деньги под закладную. Когда холодный ветер стал обдывать плечи, я принес из раздевалки полушубок, надел, вновь уселся в кресло и выпил еще виски. В какой-то момент задремал. Очередной треск разбудил меня

около трех часов ночи. На этот раз обрушилась передняя часть амбара. Ахелоя пережила и это, и на следующую ночь я завел ее в дом. «Почему?» — спросите вы меня, и я отвечу: «Почему нет?» Только мы на ферме и выжили. Только мы и выжили.

Утром (я провел его в холодной гостиной, в компании единственной оставшейся в живых коровы) я пересчитал оставшиеся деньги и понял, что их не хватит на восстановление урона, нанесенного бурей. Меня это особенно не взволновало, потому что я потерял всякий интерес к жизни на ферме, но мысль о «Фаррингтон компани», строящей свинобойню и загрязняющей реку, все еще заставляла меня скрипеть зубами от ярости. Слишком высокую цену я заплатил, чтобы компании не достались эти трижды проклятые акры.

Внезапно меня осенило: раз Арлетт официально признана мертвой, а не без вести пропавшей, унаследованные ею акры теперь принадлежат мне. Двумя днями позже я зажал гордость в кулак и пошел к Харлану Коттери.

Мужчина, который открыл мне дверь, выглядел лучше, чем я, но прошедший год сказался и на нем. Он похудел, облысел и теперь вышел ко мне в жеваной рубашке, хотя складок на ней было меньше, чем морщин на лице, и все они убирались гладкой. В свои сорок пять он выглядел на двадцать лет старше.

— Не бей меня, — сказал я, увидев, что его пальцы сжались в кулаки. — Сначала выслушай.

— Я никогда не ударю однорукого мужчину, — ответил он, — но буду тебе благодарен, если наш разговор не затянется. И говорить мы будем на крыльце, потому что больше ноги твоей в моем доме не будет.

— Как скажешь, — ответил я. Я тоже похудел — очень даже — и дрожал на ветру, но холодный воздух благотворно сказывался на культе и невидимой кисти, в которую она, как мне все еще казалось, переходила. — Я хочу продать тебе сто акров хорошей земли, Харлан. Те самые, которые Арлетт настроилась продать «Фаррингтон компани».

Он улыбнулся, глаза, теперь глубоко заваленные, сверкнули.

— Наступили тяжелые времена, так? Половина твоего дома и половина амбара завалились. Герми Гордон говорит, что корова живет теперь в твоём доме.

Герми Гордон, наш сельский почтальон, был известным сплетником.

Я назвал цену такую низкую, что у Харлана отвисла челюсть, а брови взлетели вверх. Именно тогда до моих ноздрей долетел запах, идущий из всегда чистенького и ухоженного сельского дома Коттери, который совершенно не вязался с этим домом: запах подгоревшей еды. Видно, Салли Коттери сама больше не готовила. Когда-то это наверняка заинтересовало бы меня, но те времена канули в Лету. Ныне я думал только об одном: как избавиться от этих ста акров? И представлялось логичным продать их дешево, раз уж обошлись они мне столь дорого.

— Это же сущая мелочь, — наконец ответил он, а потом добавил не без удовлетворенности: — Арлетт перевернется в могиле.

Она сделала куда больше, чем просто перевернуться, подумал я.

— Чему ты улыбаешься, Уилфред?

— Да так. Просто земля меня больше не интересует. Я хочу лишь одного — не позволить чертову Фаррингтону построить там свинобойню.

— Даже если ты потеряешь собственную ферму? — Он кивнул, словно вопрос задал я. — Я знаю о закладной, под которую ты взял деньги. В маленьком городе секретов нет.

— Даже если потеряю, — согласился я. — Соглашайся на мое предложение, Харлан. Надо быть психом, чтобы отказаться. Река, которую они наполняют кровью, шерстью и кишками свиней, — это и твоя река.

— Нет, — ответил он.

Я лишь смотрел на него, от изумления лишившись дара речи. Но он вновь кивнул, будто я задал ему вопрос.

— По-твоему, ты знаешь, что ты со мной сделал, но ты не знаешь всего. Салли ушла от меня. Поехала к родителям в Маккук. Сказала, возможно, вернется, ей надо все обдумать, но я сомневаюсь, что она вернется. Мы с тобой оба оказались у раз-

битого корыта, так? Мы двое мужчин, которые начали год, имея детей, а теперь они мертвы. Разница лишь в том, что не я потерял половину дома и чуть ли не весь амбар во время бури. — Он обдумал свои слова. — И у меня две руки. Вот, наверное, и все. Так что когда приспичит подергать мой пестик — если такое желание вообще появится, — у меня будет выбор, какой рукой за него взяться.

— Как... почему она...

— А ты подумай. Она винит меня, как и тебя, в смерти Шеннон. Говорит, если бы я не закусил удила и не отправил дочь в Омаху, она жила бы сейчас с Генри на твоей ферме, совсем рядом, а не лежала в гробу под землей. Салли сказала, что у нее был бы внук или внучка. Она назвала меня самодовольным дураком, и она права.

Я потянулся к нему рукой, которая оставалась целой. Он хлопнул по ней.

— Не прикасайся ко мне, Уилфред. Второго предупреждения не будет.

Я опустил руку.

— И еще одно я знаю наверняка, — продолжил Харлан. — Если я приму твое предложение, каким бы выгодным оно ни казалось, мне придется об этом пожалеть. Потому что эта земля проклята. Мы можем во многом не соглашаться, но я готов спорить, что в этом мы едины. Если хочешь продать землю, продай банку. Ты получишь и закладную, и еще какие-то деньги.

— А банк тут же продаст эти сто акров Фаррингтону!

— Это твоя головная боль. — И с этими словами он захлопнул дверь.

В последний день 1922 года я поехал в Хемингфорд-Хоум и повидался с мистером Стоппенхаузером в его кабинете. Сказал ему, что больше не могу жить на ферме и хочу продать принадлежавшие Арлетт акры банку и использовать полученные деньги для выкупа закладной. Как и Харлан Коттери, он ответил отказом. Какие-то мгновения я просто сидел на стуле, не в силах поверить услышанному.

— Почему нет? Это же хорошая земля!

Он ответил, что работает в банке, а банк — не агентство, занимающееся куплей-продажей недвижимости. Называл он меня исключительно «мистер Джеймс». Дни, когда в этом кабинете я был для него просто Уилфом, ушли.

— Но это же... — На языке крутилось слово «нелепо», но я не произнес его, не желая спугнуть маленький шанс, если таковой и оставался, что он может передумать.

После того как я принял решение продать эту землю и корову — я понимал, что мне придется найти покупателя и на корову, возможно, незнакомца, который предложит мне за нее, как в сказке, мешочек волшебных фасоллин, — идея эта стала навязчивой. Я не повысил голоса и продолжил очень даже спокойно:

— Это не совсем так, мистер Стоппенхаузер. Прошлым летом банк купил ферму Райдаута, когда ее выставили на аукцион. И ферму «Трипл-Эм».

— Там была иная ситуация. У нас закладная на ваши восемьдесят акров, и нас это вполне устраивает. А что вы будете делать с той сотней акров пастбища, нас не касается.

— С кем вы уже поговорили? — спросил я, потом осознал, что мог без этого обойтись. — С Лестером, так? С этим прихвостнем Коула Фаррингтона?

— Понятия не имею, о чем вы, — ответил Стоппенхаузер, но я заметил, как забегали его глазки. — Думаю, ваше горе и ваше... ваше увечье... временно лишили вас здравого смысла.

— Ох, нет! — ответил я и начал смеяться. Даже для моих ушей смех этот звучал как смех безумца. — Со здравым смыслом у меня полный порядок, сэр. Лестер приходил к вам — он или кто-то еще, я уверен, что Коул Фаррингтон может нанять сколько угодно адвокатов, — и вы заключили сделку. Вы с-с-сговорились! — Я просто покатывался от смеха.

— Мистер Джеймс, боюсь, я должен попросить вас покинуть мой кабинет.

— А может, вы все спланировали заранее, — продолжил я. — Может, именно поэтому так уговаривали меня взять деньги под эту чертову закладную. А может, услышав о случившемся с моим сыном, Лестер увидел прекрасную возможность воспользовать-

ся моим несчастьем и сразу прибежал к вам. Может, он сидел на этом самом стуле и говорил: «Мы оба останемся в выигрыше, Стоппи. Банк получит ферму, мой клиент — участок у реки, а Уилфред Джеймс может катиться в ад». Разве все происходило не так?

Он нажал кнопку на столе, и дверь открылась. Банк был маленький, слишком маленький, чтобы здесь могли позволить себе охранника, но в кабинет вошел крепкий, мускулистый парень — кассир. Один из братьев Рорбагер. Я учился в школе с его отцом, а Генри — с его младшей сестрой, Мэнди.

— Возникли какие-то проблемы, мистер Стоппенхаузер? — спросил он.

— Нет, если мистер Джеймс уже уходит. Тебя не затруднит проводить его, Кевин?

Кевин приблизился и, поскольку я не спешил подниматься, сжал пальцами мою левую руку повыше локтя. Пусть одевался он, как банкир, включая подтяжки и галстук-бабочку, рука его оставалась крестьянской, крепкой и мозолистой. Моя все еще заживавшая культя завибрировала от боли.

— Пойдемте, сэр.

— Не тащи меня. Это вызывает боль там, где была моя кисть.

— Тогда пойдемте.

— Я ходил в школу с твоим отцом. Он сидел рядом со мной и обычно списывал у меня во время весенней недели контрольных.

Он поднял меня со стула, памятного тем, что раньше, когда я сидел на нем, со мной обращались иначе. Я был стариной Уилфом, который окажется дураком, если не согласится взять деньги под закладную. Стул чуть не упал.

— Счастливого Нового года, мистер Джеймс, — попрощался со мной Стоппенхаузер.

— И тебе тоже, подлец и жулик, — ответил я, и шок, отразившийся на его лице, стал последним хорошим воспоминанием, потому что потом в моей жизни ничего подобного больше не случалось. Я просидел пять минут, покусывая кончик ручки и пытаясь что-нибудь вспомнить — хорошую книгу, хороший обед, приятный день, проведенный в парке, — но не смог.

* * *

Кевин Рорбагер сопровождал меня через вестибюль к двери. Полагаю, я подобрал правильное слово — все-таки он меня не тащил. Мы шли по мраморному полу, и каждый шаг отдавался эхом. Стены обшили панелями из мореного дуба. Сидевшие за высокими окошечками кассы две женщины обслуживали маленькую группу предновогодних клиентов. Одна молодая, вторая пожилая, но обе смотрели на меня широко раскрытыми глазами и с одинаковым выражением лица. Мое внимание, однако, захватил не их интерес к моей особе, а нечто совершенно другое: над окошечками кассы тянулась дубовая рейка шириной в три дюйма, и по ней торопливо бежала...

— Берегись крысы! — крикнул я и указал на мерзкую тварь.

Молодая кассирша вскрикнула, потом переглянулась с пожилой. Никакой крысы, только мелькнувшая тень от лопасти потолочного вентилятора. Теперь уже все повернулись ко мне.

— Смотрите сколько хотите! — разрешил я им. — До посиения. Пока не вылезут ваши чертовы глаза!

Потом я оказался на улице, выдыхая холодный зимний воздух, напоминавший сигаретный дым.

— Возвращайтесь сюда только по делу, — предупредил Кевин, — и когда научитесь придерживать язык.

— В школе твой отец был самым отъявленным обманщиком, — поделился я с ним. Хотел, чтобы он ударил меня, но он уже ушел, оставив меня на тротуаре, перед моим старым грузовиком. Так Уилфред Лиланд Джеймс съездил в город в последний день 1922 года.

Вернувшись на ферму, я обнаружил, что Ахелоя покинула дом. Нашел ее во дворе. Она лежала на боку, выдыхая облака белого пара. Я увидел следы на снегу, оставленные ее копытами, когда она галопом сбегала с крыльца, и одну большую вмятину, где она упала, сломав обе передние ноги. Похоже, даже невинная корова не могла жить рядом со мной.

Я пошел в дом, чтобы взять винтовку, и увидел, что ее так напугало, заставив галопом выбежать во двор. Крысы, естест-

венно. Три сидели на дорогом серванте Арлетт, глядя на меня черными, строгими глазами.

— Возвращайтесь к ней и скажите, чтобы она оставила меня в покое, — велел я им. — Скажите, что она причинила достаточно вреда. Ради Бога, скажите ей, пусть отстанет от меня.

Они только смотрели на меня, их хвосты колечками свернулись вокруг толстых темно-серых боков. Я поднял винтовку и выстрелил в среднюю крысу. Пуля разорвала ее в клочья, запачкав обои, которые Арлетт с любовью выбирала девять или десять лет назад. Генри тогда был еще маленьким, и мы жили душа в душу.

Две другие убежали. Несомненно, в их тайное подземное убежище. К их разлагавшейся королеве. Что они оставили на серванте моей умершей жены, так это маленькие кучки крысиного дерьма и три или четыре клочка джутовой ткани от мешка, который Генри принес из сарая ранним летом 1922 года, ночью. Крысы приходили, чтобы убить мою последнюю корову и принести мне кусочки *сетки для волос* Арлетт.

Я вышел во двор и погладил Ахелою по голове. Она вытянула шею и жалобно замычала: *Положи этому конец. Ты хозяин, ты властелин моего мира, так положи этому конец.*

Я положил.

Счастливого Нового года.

Так закончился 1922 год, и это конец моей истории: все остальное — эпилог. Эмиссары, собравшиеся в комнате, — какой бы крик поднял управляющий этого славного старого отеля, если бы их увидел, — скоро вынесут свой вердикт. Она — судья, они — присяжные, но палачом буду я сам.

Естественно, я потерял ферму. Никто, включая «Фаррингтон компани», не желал покупать эти сто акров, пока я не расстался с фермой, а когда это произошло, мне пришлось продать их этим убийцам свиней за ничтожно низкую цену. План Лестера сработал идеально. Я уверен, что план предложил он, и я уверен, что он получил премию.

Да ладно! Я бы потерял тот маленький клочок земли в округе Хемингфорд, даже если бы располагал деньгами, и это вы-

зывает у меня какое-то извращенное чувство удовлетворения. Говорят, депрессия, которую мы сейчас переживаем, началась в Черную пятницу прошлого года*, но жители таких штатов, как Канзас, Айова и Небраска, знают: началось все в 1923 году, когда посевы, выдержавшие жуткие весенние бури, добила засуха, которая продолжалась два года. А за крохи собранного урожая давали нищенскую цену, как в больших городах, так и в маленьких. Харлан Коттери продержался до 1925 года, а потом банк забрал его ферму. Я узнал об этом, проглядывая раздел «Выставлено на продажу» в газете «Уорлд гералд». К 1925 году этот раздел в некоторых номерах занимал не одну страницу. Маленькие фермы уходили с молотка, и я верю, что лет через сто — а может, и семьдесят пять — они все исчезнут. К 2030 году (если в истории человечества будет такой год) вся Небраска к западу от Омахи превратится в одну большую ферму. Вероятно, она будет принадлежать «Фаррингтон компани», и тем несчастным, которые еще будут там жить, придется коротать дни под грязно-желтыми небесами и ходить в противогазах, чтобы не задохнуться от вони зарезанных свиней.

В грядущем 2030 году счастливы будут только крысы.

«Это же сущая мелочь», — сказал мне Харлан в тот день, когда я предложил ему купить землю Арлетт, но в итоге мне пришлось продать эти сто акров Коулу Фаррингтону еще дешевле. Эндрю Лестер, адвокат, принес все бумаги в пансион в Хемингфорд-Сити, где я тогда жил, и улыбался, когда я их подписывал. Разумеется, улыбался. Большие шишки всегда выигрывают. Это я по глупости думал, что бывает иначе. И из-за моей глупости всем, кого я любил, пришлось заплатить высокую цену. Я иногда задаюсь вопросом: вернулась ли Салли к Харлану или он поехал к ней в Маккук, когда потерял ферму? Этого я не знаю, но, думаю, смерть Шеннон скорее всего разрушила эту ранее счастливую семью. Яд растворяется, как чернила в воде.

* Имеется в виду 25 октября 1929 г. В этот день произошел резкий обвал котировок акций, который продолжился в понедельник и вторник, приведя к Великой депрессии.

Тем временем крысы, сидевшие у плинтусов, пришли в движение. Квадрат превратился в более узкий круг. Они знали, что это уже лишь *послесловие*, а послесловие не так и важно в сравнении с основным текстом. Однако я закончу. И я не дамся им, пока жив. Эта последняя маленькая победа будет за мной. Мой старый коричневый пиджак висит на спинке стула, на котором я сижу. В кармане лежит пистолет. Дописав несколько последних страниц, я им воспользуюсь. Говорят, самоубийцам и убийцам прямая дорога в ад. Если так, я там не потеряюсь, ведь последние восемь лет уже находился в аду.

Я поехал в Омаху, и если это действительно город дураков, как я всегда говорил, тогда я намеревался стать идеальным гражданином. Сначала пропивал деньги, полученные за сто акров Арлетт, и пусть это была сущая мелочь, но ее хватило на два года. Когда не пил, посещал те места, где побывал Генри в последние месяцы своей жизни: бакалею и заправку в Лайм-Биске с девочкой в синем чепчике на крыше (заведение это уже закрылось, а на заколоченной двери висело объявление: «ПРОДАЕТСЯ БАНКОМ»), ломбард на Додж-стрит (где я последовал примеру сына и купил пистолет, который теперь лежит в кармане моего пиджака), отделение Первого сельскохозяйственного банка в Омахе. Симпатичная молодая кассирша все еще там работала, правда, сменила фамилию Пенмарк на другую, по мужу.

— Когда я передала ему деньги, он меня поблагодарил, — сказала она мне. — Может, он пошел по кривой дорожке, но кто-то хорошо его воспитал. Вы его знали?

— Нет, — ответил я, — но я знал его семью.

Разумеется, я пошел к католическому дому при монастыре Святой Евсевии, но не предпринял попытки войти туда и навести справки о Шеннон Коттери у старшей воспитательницы, или матроны, или как там она себя называла. Здание казалось мрачным и отталкивающим, с толстыми каменными стенами и узкими окнами. Одного взгляда на нескольких беременных, с поникшими плечами выходивших из дома, опустив глаза, мне

вполне хватило, чтобы понять, почему Шеннон не терпелось покинуть это заведение.

Как ни странно, в проулке я буквально почувствовал присутствие сына. Он словно находился рядом с «Аптечным магазином и прилавком газировки на Гэллатин-стрит» («Наш фирменный товар — леденцы Шраффта и лучшие домашние молочные ириски»), в двух кварталах от католического дома при монастыре Святой Евсевии. У проулка стоял ящик, вероятно, слишком новый, чтобы быть тем самым, на котором сидел Генри, дожидаясь рискованной девушки, готовой обменять информацию на сигареты, но я мог представить, что тот самый, и не отказал себе в удовольствии. Пьяному не составляло труда представить такое, а на Гэллатин-стрит я обычно приходил очень пьяным. Иногда воображал, будто на дворе вновь 1922 год и это я жду Викторию Стивенсон. И если бы она пришла, я бы обменял целый блок сигарет на одну записку:

Когда молодой человек, который называет себя Хэнком, появится здесь, спрашивая о Шеннон Коттери, попроси его уйти. Скажи, что здесь ему делать нечего. Скажи, что отец ждет его в амбаре на ферме, что вдвоем они что-нибудь придумают и выпряят ситуацию.

Но ту девушку я найти уже не мог. Единственная Виктория, которую я встретил позже, заметно повзрослела, родила трех очаровательных детей и стала уважаемой миссис Холлет. Я к тому времени перестал пить, нашел работу на «Пошивочной фабрике Билт — Райта» и завел знакомство с бритвой и мылом для бритья. Учитывая налет уважительности, она приняла меня достаточно тепло. Я признался ей, кто я, только потому — если я хочу быть честным до конца, — что врать не имело смысла. По ее чуть расширившимся глазам я понял, что она заметила мое сходство с Генри.

— Слушайте, он был такой милый. И безумно влюбленный. И Шен мне так жалко. Отличная была девушка. Это прямо-таки шекспировская трагедия, так?

Возможно, и шекспировская, только после разговора с Викторией я больше не возвращался к проулку на Гэллатин-стрит, поскольку для меня убийство Арлетт отравило даже попытку этой безупречной молодой дамы из Омахи сделать доброе дело. Она воспринимала смерть Генри и Шеннон как шекспировскую трагедию. Она думала, что это романтично. И я задаюсь вопросом: не возникли бы у нее другие мысли, если б она услышала, как моя жена кричит в надетом на голову, пропитанном кровью джутовом мешке? Или увидела бы лишенное глаз и губ лицо моего сына?

За годы, прожитые в Городе-Воротах*, также известном, как Город Дураков, я работал в двух местах. Вы скажете, разумеется, что я держался за работу, иначе оказался бы на улице. Но люди более честные, чем я, продолжали пить, даже когда хотели остановиться, и люди более достойные, чем я, заканчивали тем, что спали в подворотнях. Полагаю, могу сказать, что после потерянных лет я предпринял еще одну попытку начать новую жизнь. Иной раз даже в это верил, но по ночам, лежа в кровати (и слушая, как крысы скребутся в стенах — они стали моими постоянными спутниками), я всегда знал правду: я по-прежнему старался выиграть. Даже после смерти Генри и Шеннон, даже после потери фермы я старался взять верх над трупом в колодце. Над ней и ее прислужниками.

Джон Ханрэн, бригадир склада «Пошивочной фабрики Билт — Райта» поначалу не хотел нанимать человека с одной рукой, но я уговорил его взять меня на испытательный срок. И когда он убедился, что я способен катить тележку, нагруженную рубашками или комбинезонами, не хуже любого другого, работу я получил. Я катал эти тележки четырнадцать месяцев и, часто прихрамывая, возвращался в пансион, не обращая внимания на горевшие огнем спину и культю. Я никогда не жаловался, даже находил время, чтобы учиться шить. Это я делал во время обеденного часа (на самом деле он составлял пятнадцать минут) и в перерыве во второй половине дня. Пока другие мужчины си-

* Прозвище Город-Ворота (точнее, Ворота-на-Запад) Омаха получила как транспортный центр США в середине XIX в.

дели на разгрузочной площадке, курили и рассказывали похабные анекдоты, я учился отстрачивать швы — сначала на джутовых мешках, которые мы использовали, потом на комбинезонах, которые являлись основной продукцией фабрики. Как выяснилось, у меня к этому имелось призвание. Я мог даже вшить молнию, что умели далеко не все работники пошивочного цеха. Материал я прижимал культей, а ногой давил на педаль, включавшую подачу электричества к швейной машинке.

За пошив платили больше, чем на складе, и спина не так уставала, но в огромном пошивочном цехе царил полумрак, и после четырех месяцев работы мне начали мерещиться крысы — они сидели на кучах синей джинсовой ткани или прятались под тележками, на которых привозили материю и увозили готовые вещи.

Несколько раз я обращал внимание других рабочих на этих тварей. Они заявляли, что не видят их. Может, действительно не видели. Но, что более вероятно, они боялись временного закрытия цеха для того, чтобы пришли крысоловы и выполнили свою работу. Люди могли потерять жалованье за три дня, а то и за неделю. Для мужчин и женщин, кормивших целые семьи, такое могло стать катастрофой. И они предпочитали говорить мистеру Ханрэну, что крысы мне чудятся. Я их понимал. А когда они начали звать меня Рехнувшийся Уилф, я и тут их понимал. И уволился не из-за этого.

Я уволился, потому что крысы продолжали рыскать по цеху.

Я постоянно откладывал немного денег, полагая, что проживу на них, пока буду искать другую работу, но их даже не пришлось тратить. Через три дня после ухода с пошивочной фабрики я увидел в газете объявление: в Общественную библиотеку Омахи требовался библиотекарь, с рекомендациями или дипломом. Диплома у меня не было, но книги я читал всю жизнь, а если события 1922 года чему-то и научили меня, так это обманывать. Я подделал рекомендательные письма из библиотек Канзас-Сити и Спрингфилда, штат Миссури, и получил работу. Я чувствовал: мистер Куэрлс может проверить мои рекомендации и выяснить, что это фальшивки, а потому рабо-

тал, как лучшие библиотекари Америки, и работал быстро. И если бы он разоблачил мой обман, я бы честно во всем признался и уповал на его милосердие, надеясь на лучшее. Но обошлось без конфронтации. В Общественной библиотеке Омахи я проработал четыре года. Собственно говоря, я и сейчас там работаю, хотя не появлялся в библиотеке уже неделю и не позвонил, чтобы сказать, что заболел.

Крысы, вы понимаете. Они нашли меня и там. Я начал видеть их на горах старых книг в переплетной. Они бегали по самым высоким полкам и многозначительно поглядывали на меня сверху вниз. На прошлой неделе, в зале справочной литературы, доставая том энциклопедии «Британника» для пожилой посетительницы (с *Rad St*, то есть, несомненно, содержащий статью «*Rattus norvegicus*»*, не говоря уж про «*Slaughterhouse*»**), я увидел голодную серо-черную морду, которая смотрела на меня из щели. Та самая крыса, которая откусила сосок бедной Ахелои. Не знаю, как такое могло быть, ведь я точно убил ту крысу, но сомнений, что это именно она, не было. Я ее узнал. Да и как мог не узнать? В ее усиках застрял клочок джутовой мешковины, *окровавленной* джутовой мешковины.

Сетки для волос!

Я принес том пожилой даме, которая попросила его (она пришла в библиотеку в горностаевом палантине, и черные глазки зверька холодно смотрели на меня). Потом просто покинул библиотеку. Много часов бродил по улицам и наконец забрел сюда, в отель «Магнолия». Здесь с того момента и пребываю, трачу деньги, которые заработал библиотекарем — что значения уже не имеет, — и пишу признание, которое как раз значение имеет. Я...

Одна из них только что прихватила меня за лодыжку, как бы говоря: *Заканчивай, твое время почти истекло*. Кровь запятнала носок. Меня это не тревожит ни в малейшей степени. В свое время я видел крови и побольше. В 1922 году кровь залила целую комнату.

И теперь я думаю, что слышу... или это мое воображение?

* *Rattus norvegicus* — серая крыса (лат.).

** *Slaughterhouse* — скотобойня (англ.).

Нет.

Кто-то пришел в гости.

Я заткнул трубу, но крысы все равно смогли выбраться. Я засыпал колодец, но она тоже нашла путь вверх. И на этот раз я не думаю, что она одна. Я думаю, что слышу шаркающие шаги двух пар ног — не одной. Или...

Трех? Их трое? Девушка, которая могла стать моей невесткой, в лучшем мире вместе с ними?

Я думаю, да. Три трупа тащатся по коридору, их лица (то, что от них осталось) обезображены крысами. У Арлетт лицо к тому же еще и перекошено... ударом копыта коровы.

Еще укус в лодыжку.

И еще!

Как управляющий допустил...

Ох! Еще. Только они до меня не доберутся. И гости тоже, хотя я вижу, как поворачивается ручка, и до моих ноздрей долетает их запах, оставшаяся плоть висит на костях и воняет скотобойней...

ското...

Пистолет

Господи, где пи...

Прекратите

ОХ, ЗАСТАВЬ ИХ ПРЕКРАТИТЬ КУСАТЬ МЕ...

Статья из издающейся в Омахе ежедневной газеты
«Уорлд гералд», опубликованная 14 апреля 1930 года

САМОУБИЙСТВО БИБЛИОТЕКАРЯ В МЕСТНОМ ОТЕЛЕ

Странная картина предстала перед детективом отеля

Тело Уилфреда Джеймса, библиотекаря Общественной библиотеки Омахи, найдено в номере местного отеля в воскресенье, после того как все попытки сотрудников отеля связаться с ним остались без ответа. Мужчина, занимавший соседний номер, пожаловался на «запах тухлого мяса», и горничная сообщила, что слышала «сдавленные крики или плач, словно человек мучился от боли», в пятницу, ближе к вечеру.

Неоднократно постучав в дверь и не получив ответа, детектив отеля воспользовался дубликатом ключа и обнаружил мистера Джеймса, навалившегося на письменный стол. «Я увидел пистолет и предположил, что мистер Джеймс застрелился, — сообщил детектив, — но никто не слышал выстрела, и в номере не пахло сгоревшим порохом. Проверив пистолет, я выяснил, что он двадцать пятого калибра, нечищенный и незаряженный.

К тому времени я, конечно, уже видел кровь. Однако никогда не видел такого раньше и надеюсь никогда не увидеть в будущем. Он искушал всего себя — руки, ноги, лодыжки, даже пальцы ног. Но это еще не все. Он что-то писал, а потом изжевал и изорвал все листы. Они валялись на полу. Такое происходит с бумагой, если крысы

рвут ее зубами и когтями, чтобы потом строить гнезда. В конце концов он перегрыз себе вены. Я уверен, это и стало причиной смерти. Он, несомненно, повредился умом».

О мистере Джеймсе известно немного. Рональд Куэрлс, старший библиотекарь Общественной библиотеки Омахи, взял мистера Джеймса на работу в конце 1926 года. «Ему не повезло в жизни, и потеря руки ограничивала его возможности, но в книгах он разбирался и представил хорошие рекомендации, — сообщил мистер Куэрлс. — Дело свое он знал, но было несколько замкнутым. Насколько я могу сказать, до того, как поступить сюда, мистер Джеймс работал на фабрике, и он говорил другим сотрудникам, что прежде, пока он не был инвалидом, ему принадлежала маленькая ферма в округе Хемингфорд».

«Уорлд гералд» непременно опубликует дополнительную информацию о мистере Джеймсе, полученную от читателей, которые, возможно, его знали. Тело отправлено в морг округа Омаха для последующей передачи родственникам. «Если родственники не объявятся, — сказал доктор Тэттерсол, заместитель главного врача морга, — полагаю, его предадут земле на окружном кладбище».

ГРОМИЛА*

* Big Driver © 2011. М.В. Жученков. Перевод с английского.

Тесс по возможности соглашалась на двенадцать выступлений в год. По тысяче двести долларов каждое — у нее выходило более четырнадцати тысяч. Это был ее пенсионный фонд. Она доблестно продолжала свою серию о Клубе любителей вязания «Уиллоу-Гроув». Однако после двенадцати книг прекрасно понимала, что не сможет вымучивать эту тему до самой старости, даже если дамские общества книголюбов, которые составляли основу ее читательской аудитории, и продолжат — что вполне вероятно — читать ее сочинения. Нет, конечно же, нет: так можно дописаться и до «шедевров» типа «Клуб любителей вязания «Уиллоу-Гроув» отправляется в Терре-Хот»* или «Клуб любителей вязания «Уиллоу-Гроув» на международной космической станции».

Словно маленький трудолюбивый бельчонок, Тесс благополучно жила на вырученные за свои труды денежки, не забывая при этом делать «запасы на зиму». В последние десять лет ее накопления возрастали на двенадцать — шестнадцать тысяч долларов. Конечно, из-за резких колебаний фондового рынка накопленная сумма была не совсем такой, как ей хотелось, но, говорила она себе, если постараться — как маленький парово-

* Терре-Хот — город в округе Виго, штат Индиана, США. Там находится тюрьма, где содержатся приговоренные к смертной казни и приговоры приводятся в исполнение.

зик, который знал свое дело, — все должно получиться. Помимо этого, она еще трижды в год выступала бесплатно — так сказать, для успокоения совести — эдакого беспокойного человеческого органа, который, несмотря ни на что, время от времени все же давал о себе знать, когда она забирала свои честно заработанные деньги. Возможно, это происходило, оттого что болтовня и раздача автографов не совсем укладывались в давно сформировавшиеся представления Тесс о труде.

Помимо гонорара размером как минимум в тысячу двести долларов, было у нее и еще одно требование к организаторам: путь на машине в один конец до места должен предполагать только одну остановку на ночь. Это означало, что она редко выбиралась дальше Ричмонда на юг и дальше Кливленда на запад. Провести единственную ночь в мотеле было хоть и утомительно, но терпимо; две же ночевки подряд выбивали ее из колеи на неделю. Да и Фрицик, кот Тесс, не любил оставаться дома без хозяйки. Всякий раз, когда она возвращалась домой, он недвусмысленно напоминал ей об этом, навязчиво путаясь под ногами или предательски выпуская когти, устроившись у нее на коленях. И хоть Пэтси Макклейн, соседка, его исправно кормила, он в отсутствие Тесс почти ничего не ел.

Дело было не в том, что она боялась авиаперелетов или стеснялась выставять приглашавшим ее организациям счета за дорожные расходы, точно так же, как она предъявляла им чеки за проживание в отелях (что касается номеров, они никогда не были роскошными). Тесс попросту ненавидела толпы людей в аэропортах, беспардонный личный досмотр с полным сканированием, бесконечные задержки и то, как авиакомпании бессовестно стремятся брать деньги за все, что раньше предлагалось бесплатно. И еще это постоянное ощущение «невладения ситуацией» — вот оно-то было хуже всего. Стоило преодолеть нескончаемые проверки служб безопасности и получить приглашение на посадку, как приходилось вверять самое ценное, что у тебя было — жизнь, — в руки незнакомцев.

Разумеется, так же в определенном смысле происходило и на скоростных шоссе, куда ей неминуемо приходилось выби-

раться во время своих поездок, — какой-нибудь пьяный, не справившись с управлением, мог запросто перелететь через разделительную полосу и спровоцировать лобовое столкновение (и при этом, конечно же, выжить: пьяницам всегда везет). Однако за рулем у Тесс по крайней мере возникала иллюзия «владения ситуацией». Да и к тому же ей просто нравилось водить машину. Это ее успокаивало. Лучшие мысли подчас приходили ей в голову именно за рулем, когда она, выключив магнитолу, «на автомате» ехала по шоссе.

— В прошлой жизни ты наверняка была дальнбойщицей, — сказала как-то Пэтси Макклейн.

Тесс не верила ни в прошлые, ни в будущие жизни, придерживаясь мнения «имею то, что вижу». Однако ей нравилась идея некой жизни, где она представляла себя не миниатюрной женщиной с милым личиком и застенчивой улыбкой, зарабатывающей на жизнь сочинением незамысловатых детektivчиков, а рослым парнем в ковбойской шляпе, отбрасывающей своими широкими полями тень на его обветренное лицо с выгоревшими от солнца бровями. Этот парень колесил по бесконечным дорогам страны на машине с живописно намаляванным на капоте бульдогом. И ему не требовалось тщательно подбирать наряд для очередного выступления — всегда лишь потертые джинсы да сапоги с пряжками по бокам. Впрочем, писать книги Тесс нравилось, не возражала она и против выступлений перед публикой, однако больше всего она любила управлять автомобилем. После поездки в Чикопи ей представлялось это забавным... Ну, не в том смысле, чтобы взять да пошутить — нет-нет, это было вовсе не смешно.

2

Приглашение от «Букс энд браун бэггерз»* полностью удовлетворяло ее требованиям. Чикопи располагался в пределах шестидесяти миль от Стоук-Виллиджа; все мероприятие укла-

* Имеется в виду общество книголюбов «Коричневые портфели». В тридцатых годах XX в. в Великобритании студенты повсюду таскали с собой книги в коричневых портфелях.

дывалось в один день, а в качестве гонорара книголюбы предлагали не тысячу двести, а целых полторы тысячи долларов. Плюс, разумеется, дорожные расходы. Правда, последние в данном случае ожидались минимальными — даже без ночевки в каком-нибудь там «Кортъярд съютс» или «Хэмптон инн». Пригласительное письмо пришло от некой Рамоны Норвил, которая объясняла, что хоть и является старшим библиотекарем Центральной библиотеки Чикопи, приглашение шлет как президент «Букс энд браун бэггерз», которое ежемесячно устраивало подобные дневные лекции. Людям предлагалось приносить с собой еду в пресловутых коричневых пакетах, и эти мероприятия пользовались большой популярностью. На двенадцатое октября была запланирована Джанет Иванович, однако та была вынуждена отменить свое выступление по семейным обстоятельствам — то ли свадьба, то ли похороны, Рамона Норвил не уточнила.

«Понимаю, что мы, не предупредив Вас заранее, вдруг вот так неожиданно нарушаем Ваши планы, — чересчур галантно указывала в послании мисс Норвил, — но, судя по Википедии, Вы живете тут по соседству, в Коннектикуте, а у нас в Чикопи так много поклонников Ваших “девочек” из Клуба любителей вязания, так что, помимо упомянутого гонорара, Вы получите самую глубокую благодарность. Вас будут помнить здесь вечно».

Тесс подумала, что помнить ее будут не дольше одного-двух дней, к тому же в октябре у нее уже имелось одно запланированное выступление на Литературной неделе в Хэмптонсе. Однако по Восемьдесят четвертому шоссе было совсем недалеко до Девяностого, а там до Чикопи рукой подать — туда-сюда, Фририк и не заметит ее отсутствия.

Разумеется, в письме Рамоны Норвил был указан ее электронный адрес, и Тесс тотчас же ответила ей, сообщив, что размер гонорара и дата выступления ее устраивают, а по обыкновению, добавила, что раздача автографов продлится не более часа. «Мой кот начинает меня терроризировать, если меня нет дома к ужину и я собственноручно не покормлю его», — пояснила она. Затем Тесс попросила уточнить еще кое-какие моменты, хотя прекрасно знала, что от нее требуется, поскольку

ку принимала участие в подобных мероприятиях с тридцати лет. Однако если таким «общественным деятелям» не задавать вопросов, они начинают волноваться, опасаясь, не явится ли очередная приглашенная гостя в каком-нибудь вызывающем виде — подшофе или без лифчика, например.

У Тесс возник соблазн намекнуть, что можно было бы оценить ее выступление и в две тысячи долларов, за то, что она оказалась, как говорится, «на подхвате». Однако она все же решила не перегибать палку. К тому же она сильно сомневалась, что продажи ее книг о любительницах вязания — а их накопилось ровно двенадцать — могли сравниться хотя бы с одним из походов Стефани Плам*. Так или иначе — по правде говоря, Тесс это не особенно и волновало, — она была для Рамоны Норвил запасным вариантом. И требование «надбавки» смахивало бы на вымогательство. Полторы тысячи тоже вполне достойный гонорар. Правда, когда Тесс очнулась с расквашенным носом и разбитыми губами в подземной дренажной трубе, эта сумма уже не казалась ей достойной. Но намного ли достойнее все выглядело бы, окажись она там с двумя тысячами долларов? Или с двумя миллионами?

Вопрос, можно ли установить цену боли, насилию или страху, никогда Клубом любительниц вязания не рассматривался. Да и дело-то они по большей части имели не столько с самими преступлениями, сколько с их замыслами. Однако когда аналогичный вопрос вдруг возник у Тесс, она для себя ответила на него отрицательно. Ей представлялось, что за подобные преступления может быть лишь один вариант расплаты. И «Том» с Фрициком с ней согласились.

3

Рамона Норвил оказалась широкоплечей, пышногрудой, энергичной дамой лет шестидесяти, с румяными щеками, стрижкой «под ежик» и мощным как тиски рукопожатием. Она

* Стефани Плам — главный персонаж серии детективных романов Джанет Иванович.

уже поджидала Тесс на автостоянке возле библиотеки прямо там, где паркуются «почетные гости». Вместо того чтобы пожелать Тесс «доброго утра» и отметить ее серьги (бриллиантовые «капельки» — каприз, стоивший нескольких ужинов и стольких же аналогичных выступлений), мисс Норвил чисто «по-мужски» поинтересовалась, по какому шоссе Тесс ехала.

Узнав, что по Восемьдесят четвертому, она, вытаращив глаза и надув щеки, присвистнула.

— Рада, что вы живы-здоровы: на мой взгляд, в Америке хуже шоссе не сыщешь. К тому же это самый длинный путь. Ничего, на обратном пути мы все исправим — ведь, если верить Интернету, вы живете в Стоук-Виллидже?

Тесс подтвердила, хотя ей и не слишком нравилось, когда посторонним — будь то просто милая библиотекариша — было известно, куда она удалялась после трудов праведных. Однако что толку сетовать: в наши дни обо всем можно узнать из Интернета.

— Могу подсказать, как сократить путь миль на десять, — заявила мисс Норвил, когда они уже поднимались по ступенькам. — У вас есть джи-пи-эс? Это гораздо лучше, чем что-то писать на обороте какого-нибудь конверта — сейчас столько замечательных изобретений.

Устройство джи-пи-эс «Том-Том» и впрямь дополняло приборную панель «форда» Тесс, и она совсем не возражала бы сократить обратный путь на десять миль.

— Лучше рвануть напрямую, чем тащиться в обход, — резюмировала мисс Норвил, легонько похлопав Тесс по спине. — Возражения есть?

— Никаких, — согласилась Тесс, и ее судьба была решена. Она вообще любила все сокращать.

4

Подобные «книжные» действия имели, как правило, четыре четко обозначенных акта. И выступление Тесс на ежемесячном мероприятии «Букс энд браун бэггерз» могло бы послужить тому наглядным примером. Единственным отступлением от

правил оказалось вступительное слово Рамоны Норвил, весьма короткое, если не лаконичное. В своей речи она обошлась без унылых библиографических сведений, без экскурсов в детство Тесс, деревенской девчушки из Небраски, и без хвalebных отзывов критиков о Клубе любителей вязания «Уиллоу-Гров» (что было весьма кстати, поскольку в этом контексте частенько и не всегда «в тему» всплывал образ мисс Марпл). Мисс Норвил сказала лишь, что книги Тесс невероятно популярны (простительное преувеличение), и поблагодарила автора за то, что та нашла возможность пожертвовать своим временем, несмотря на всю спонтанность приглашения (хотя едва ли можно было назвать «жертвой» то, за что платили полторы тысячи долларов). Затем она покинула подиум под весьма энергичные аплодисменты примерно четырехсотенной аудитории, собравшейся в небольшом, но вполне соразмерном лектории, и состоявшей в основном из дам, посещавших подобные публичные мероприятия исключительно в шляпках.

Вступительная часть, однако, больше напоминала антракт. Актом первым стала начавшаяся в одиннадцать часов «церемония», на которой публика «посолиднее» желала познакомиться с Тесс непосредственно, за чашечкой жидкого безвкусного кофе (в отличие от вечерних мероприятий, где присутствовало столь же плохое вино в одноразовых пластиковых стаканчиках, по утрам тут подавали кофе) с крекером и сыром. Кто-то просил автограф, но большинство хотели сфотографироваться, как правило, на сотовые телефоны. Спрашивали, откуда берутся идеи, традиционно получая «вежливо-забавный» ответ. С полдюжины присутствующих заинтересовались литагентом Тесс — в их глазах присутствовал нездоровый блеск, словно они заплатили по двадцать долларов сверх положенного только ради этого вопроса. Тесс ответила, что уйма писем в конечном итоге привела к тому, что кое-кто из наиболее активных согласился сотрудничать. Было это, разумеется, не совсем так, но о каком «так» можно говорить, когда речь заходит о литагенте?..

Актом вторым являлось само выступление, которое продолжалось минут сорок пять. Состояло оно по большей части из разных анекдотичных случаев (не слишком откровенных) и

рассказов о том, как она работала над книгами (в который раз). При этом стоило почаще упоминать свою очередную книгу — нынешней осенью она называлась «Клуб любителей вязания «Уиллоу-Гроув» осваивает спелеологию» (для тех, кто не знал, Тесс объяснила значение этого слова).

В акте третьем были «вопросы-ответы». Собравшиеся интересовались, откуда берутся идеи (ответы были шутливо-уклончивыми), являются ли книжные персонажи прототипами знакомых Тесс («ее собственные тетушки») и велика ли степень вовлеченности литагента в работу. А еще у нее захотели узнать, откуда у нее такая резинка для волос, и ответ «из “Джей-Си-Пенни”»^{*} неожиданно вызвал оживленные аплодисменты.

В последнем акте раздавались автографы, и Тесс добросовестно выполняла просьбы, надписывая пожелания именинникам, юбилеям и фразы типа «Моей преданной читательнице Джанет» или «Ли, надеюсь, этим летом вновь увидимся на озере Токсауэй!» (несколько странная просьба, поскольку Тесс никогда там не бывала, однако это, очевидно, не слишком тревожило явно побывавшую там обладательницу автографа).

После того как все книги были подписаны, а собравшиеся удовлетворены сделанными на сотовые телефоны снимками, Рамона Норвил препроводила Тесс в свой кабинет на чашечку настоящего кофе. Для Тесс не стало неожиданностью, что мисс Норвил предпочитала черный: хозяйка мероприятия была явно из «черной команды» и наверняка шлепала по выходным в ботинках «Мартенс». Удивление вызвала лишь висевшая в рамке на стене подписанная фотография. Лицо казалось знакомым, и вскоре Тесс, порывшись в закоулках памяти — это отлично умеют делать все писатели, — сумела выудить оттуда имя.

— Ричард Уидмарк?

Мисс Норвил несколько смущенно, но в то же время польщенно рассмеялась.

— Мой любимый актер. Сказать по правде, девчонкой я даже была в него влюблена. Удалось получить автограф за де-

^{*} «Джей-Си-Пенни» — сеть универмагов и интернет-магазин с широким ассортиментом товаров.

сять лет до его смерти. Он уже тогда был стар, но подпись настоящая — не факсимиле. Это вам.

На какое-то мгновение Тесс подумала, что мисс Норвил имеет в виду фотографию с автографом, но тут заметила в ее пухлых пальчиках конверт. Конверт был с «окошком», в котором виднелся вложенный чек.

— Благодарю, — забирая его, сказала Тесс.

— Не стоит благодарности — вы отработали все до последнего цента.

Тесс не стала протестовать.

— Теперь о том, как срезать путь.

Тесс приготовилась слушать. Одна из Клуба любителей вязания, Дорин Маркис, как-то сказала: «Самое приятное в жизни — поесть еще тепленьких круассанчиков и побыстрее оказаться дома» — так автор вложила в уста персонажа свое тайное желание.

— Ваш навигатор с перекрестками справляется?

— Да, «Том» очень сообразительный.

Мисс Норвил улыбнулась:

— Тогда задайте ему пересечение Сорок седьмого шоссе со Стэг-роуд. Мы называем его одиноким шоссе — там сейчас почти никто не ездит, с тех пор как появилось это чертово Восемьдесят четвертое. Но дорога живописная. Протрясетесь миль шестнадцать: асфальт залатанный, но не очень бугристый; по крайней мере был таким, когда я ехала в прошлый раз — кстати, весной, когда появляются все выбоины, как мне кажется.

— И мне тоже, — поддакнула Тесс.

— Доберетесь до Сорок седьмого, увидите указатель на Восемьдесят четвертое, но останется вам лишь миль двенадцать — в том-то и прелесть. И время сэкономите, и путь более безопасный.

— Надо же — столько прелестей сразу! — в тон подхватила Тесс, и они обе рассмеялись, как женщины, хорошо понимающие друг друга. А со стены им улыбался Ричард Уидмарк. До заброшенного магазина с болтающейся вывеской оставалось еще полтора часа езды, но он уже вкрался в будущее и поджидал, точно змея в норе. И еще водопропускная труба — как же без нее?..

5

У Тесс был не просто навигатор: она не поскупилась переплатить за его, так сказать, индивидуальное исполнение. Она любила такие игрушки. После того как она ввела маршрут (Рамона Норвил, просунув голову в окошко, наблюдала за всем этим с неподдельным, несвойственным женщинам интересом), штукавина, задумавшись не более чем на пару секунд, отозвалась:

— Рассчитываю время, Тесс.

— Ну и ну — ты только посмотри! — воскликнула мисс Норвил, восхитившись совершенством техники.

Тесс сдержанно улыбнулась, мысленно отметив, что индивидуально настроенный навигатор, который обращался к тебе по имени, являлся теперь не большей редкостью, чем висевшее на стене фото покойного любимого актера.

— Еще раз спасибо, Рамона. Все было организовано очень профессионально.

— У нас всегда так — стараемся. Ну что ж, вам пора. Я вам очень признательна.

— Пора, — согласилась Тесс. — А я вам очень благодарна: получила настоящее удовольствие. — И тут она не лукавила — ей действительно нравились подобные мероприятия, и откликнулась она на такие приглашения довольно охотно. Да и ее пенсионный фонд между тем пополнялся.

— Счастливого пути! — пожелала мисс Норвил, и Тесс показала ей в ответ поднятый большой палец.

Стоило ей тронуться, как заговорил навигатор:

— Привет, Тесс, отправляемся в путь-дорогу?

— Угадал, — отозвалась она. — И денек, по-моему, подходящий — что скажешь?

В отличие от компьютеров в научно-фантастических фильмах «Том» не слишком годился для подобной игривой беседы, несмотря на то что Тесс порой и пыталась ему помочь. Он сообщил ей, что через четыреста ярдов ее ждал поворот направо, а затем — первый поворот налево. На экране с картой навигатор высвечивал зеленые стрелки с названиями дорог — инфор-

мация, снизошедшая с некоего высокотехнологичного железного шара, болтавшегося где-то в небесах.

Тесс быстро добралась до окраины Чикопи, однако «Том» молча отправил ее мимо Восемьдесят четвертого шоссе прямо за город — в пылающую октябрьскими красками сельскую местность с запахом дымка от сжигаемой опавшей листвы. Миль через десять на шоссе под названием Старая окружная дорога, когда Тесс уже стала думать, что ее навигатор сбился с пути, «Том» вновь подал голос:

— Через одну милю поворот направо.

Сказано — сделано, и вскоре она увидела зеленый указатель на Стэг-роуд, настолько измятый ружейной дробью, что на нем едва можно было что-то прочесть. Однако «Том», разумеется, в знаках не нуждался: он, как говорится, был специально обучен и, если использовать термин из области социологии (а эта дисциплина и являлась для Тесс профилирующей, пока она не обнаружила в себе талант писать о пожилых детективах-любителях), «на других не ориентировался».

«Протрясаетесь миль шестнадцать», — говорила Рамона Норвил, однако Тесс удалось «протрястись» лишь двенадцать. Выскочив из-за поворота, она увидела впереди слева старое полуразвалившееся сооружение (полустертая вывеска заброшенной автозаправки все еще гласила «ESSO»*) и успела заметить — правда, слишком поздно — разбросанные по всей дороге здоровенные деревянные, из которых торчали ржавые гвозди. Подскочив на выбоине — по всей видимости, и послужившей причиной их выпадения из кузова какой-то деревенщины, — Тесс в попытке объехать это препятствие ушла в небольшой занос, уже чувствуя, однако, что у нее ничего не получится (иначе зачем ей было тогда громко охать)?

Из-под машины слышалось «трах-бум-бам» — куски дерева ударили по днищу автомобиля, ее «форд-экспидишн» — верная трудовая лошадка — вдруг, словно охромев, стал «припадать на ногу» — его потянуло влево. Тесс не без труда съехала на площадку перед заброшенным магазином, стремясь

* «ESSO» — название нефтяной компании.

побыстрее убраться с проезжей части, чтобы какой-нибудь лихач, вылетев из-за поворота, не угодил ей в задний бампер. Движение-то на Стэг-роуд было не особо оживленным, однако несколько автомобилей, включая пару тяжелых грузовиков, ей все же повстречались.

— Эх, чтоб тебя, Рамона! — вырвалось у Тесс. Она понимала, что в общем-то это была не совсем вина библиотекарши, ведь председатель (а вероятнее всего, и единственный член) филиала Клуба поклонников Ричарда Уидмарка в Чикопи искренне хотела как лучше. Однако Тесс не знала имени крестина, который, раскидав по дороге свое гвоздистое дерьмо, беспечно покатил дальше, так что досталось Рамоне.

— Хочешь, чтобы я сделал перерасчет маршрута, Тесс? — раздался голос «Тома», от которого она чуть не подскочила.

Тесс выключила навигатор и заглушила двигатель: пока она никуда не собиралась. Здесь казалось очень тихо. Слышалось лишь пение птиц да металлическое поскрипывание, напоминающее тиканье старых механических часов с заводом. Хорошей новостью явилось то, что ее «форд», похоже, лишь стал припадать на переднюю левую «ногу», а не полностью накренился влево. Возможно, дело было только в одной покрышке. И если так, то буксировка не понадобится — лишь небольшая помощь от AAA*.

Когда Тесс, выйдя из машины, взглянула на левое переднее колесо, то увидела, что в шину здоровенным ржавым шипом впиалась одна из валявшихся на дороге деревяшек. Односложное восклицание, сорвавшееся с губ Тесс, привело бы в ужас членов ее Клуба любителей вязания, и она полезла за лежавшим в отделении между передними сиденьями сотовым. Даже если ей удастся добраться домой до темноты, Фрицику все равно придется довольствоваться порцией хранившегося в кладовке сухого корма. Вот тебе и срезала путь по совету Рамоны Норвил... Хотя, говоря по совести, такое могло произойти и на любой другой дороге, зато опасность, которой всегда можно подвергнуться на скоростной магистрали, ее несомненно миновала.

* AAA — Американская ассоциация автолюбителей.

В разного рода страшилках — даже вполне невинных, нравившихся ее читателям, с трупами в количестве не более одного, — все происходило на удивление одинаково. «По сюжету какого-нибудь «ужастика», он бы сейчас не работал», — подумала Тесс, вынимая телефон. Это оказался один из случаев, когда в жизни все случилось именно так, как в книге: включив свою «Нокию», она увидела на экране уведомление: «Вне зоны действия сети». Ну разумеется — просто взять и воспользоваться телефоном было бы слишком просто.

Послышалось решительное гудение приближавшегося автомобиля. Тесс повернулась и увидела, как из-за поворота, оказавшегося для нее злополучным, вынырнул старенький белый мини-фургончик. Нарисованный на его боку «мультишный» скелет молотил по ударной установке из кексиков-барабанов, а над всем этим художеством (надо сказать, гораздо более изобретательным, нежели томное фото Ричарда Уидмарка на стене в кабинете его поклонницы-библиотекарши) красовалась надпись из обтекающе-капающих — в стиле «ужастиков» — букв: «ЗОМБИ БЕЙКЕРЗ»*. Тесс настолько оторопела, что не сообразила даже вовремя проголосовать, а когда опомнилась, водитель «пекарей» был уже поглощен объездом возникшего перед ним на дороге безобразия и не заметил ее.

В своем маневре он оказался проворнее Тесс, однако центр тяжести его автомобиля находился намного выше, чем у ее «Форда», и в какой-то момент она решила, что машина непременно повалится набок и скатится в кювет. Однако, несмотря на опасный крен, фургону все же удалось устоять и выровняться, благополучно минуя разбросанные на дороге деревянные обломки. Оставив позади себя сизое облачко выхлопа и запах горячего масла, автомобиль скрылся за поворотом.

— Чтоб ты провалился, чертов зомби! — взвизгнула Тесс и рассмеялась. Порой смех — единственное, что остается в подобных ситуациях.

Прицепив телефон к поясу брюк, она вышла на дорогу и принялась убирать разбросанные по асфальту деревянные обломки. Делать это приходилось медленно и осмотрительно, так

* *Zombie bakers* — пекари-зомби (англ.).

как при ближайшем рассмотрении все деревяшки — покрашенные белой краской и будто бы специально оторванные от какого-то дома в преддверии ремонта — оказались сплошь утыканы гвоздями. Большими и уродливыми. Не спешила она не только из опасения пораниться. В глубине души Тесс надеялась, что кто-нибудь увидит ее на дороге за работой добропорядочной христианки, когда случится проехать следующей машине. Однако к тому времени, когда она убрала с проезжей части и выкинула в кювет самое основное, оставив на дороге лишь несколько безобидных щепок, никто так и не появился. Похоже, подумалось ей, «пекари-зомби», расправившись со всеми в округе, поспешили на свою кухню, чтобы использовать приготовленный фарш для любимых пирожков.

Тесс вернулась на поросшую сорняками стоянку перед заброшенным магазином и задумчиво посмотрела на свой «охромевший» автомобиль. Железный агрегат стоимостью в тридцать тысяч долларов, полный привод, дисковые тормоза, Болтливый «Том» — а какая-то жалкая деревяшка с гвоздем взяла да и вывела все это из строя.

Правда, деревяшек там было много, причем все с гвоздями, размышляла она. И по канонам фильма ужасов они оказались там не случайно — в этом крылся чей-то злой умысел. Ловушка, не иначе.

— У тебя богатое воображение, Тесса Джин, — произнесла она, цитируя свою мать и, разумеется, усматривая здесь определенную иронию, поскольку именно воображение помогло ей зарабатывать на жизнь. Не говоря уж о доме на Дейтона-Бич, где ее мать прожила последние шесть лет своей жизни.

Она вновь услышала в тишине равномерное металлическое поскрипывание. Заброшенный магазин представлял собой довольно редкое для XXI века зрелище: у него имелось крыльцо с верандой. Левый угол обрушился, перила в нескольких местах сломаны, однако вся конструкция очаровывала своей подлинностью, даже несмотря на ветхость. А может, именно благодаря этой самой ветхости. Тесс подумала, что подобные типовые конструкции магазинов вышли из моды, так как они распола-

гали к тому, чтобы присесть и немного поболтать о бейсболе или о погоде, а не просто, расплатившись на выходе, нестись сломя голову в какое-нибудь новое место, чтобы вновь вставить кредитку в очередное считывающее устройство. С крыши крыльца криво свисала металлическая вывеска. Она выглядела сильнее, чем вывеска «ESSO». Тесс сделала пару шагов вперед и приставила ко лбу ладонь, прикрывая глаза. «ВЫ ПРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ». Чья же это реклама?

Она уже почти выдернула ответ из множества обрывков воспоминаний, но тут ход ее мыслей прервал шум мотора. Почти уверенная в том, что возвращаются «Зомби бейкерз», она повернулась на звук и услышала скрип дряхлых тормозов. Однако вместо белого фургончика там оказался старенький пикап «Форд-Ф-150», убого-синего цвета и с фарами, залепленными «Бондо»*. Сидевший за рулем мужчина в полукомбинезоне и бейсболке смотрел на сброшенные в кювет деревянные обломки.

— Здравствуйте! — окликнула его Тесс. — Сэр!

Он повернул голову, увидел ее на заросшей стоянке, поднял в знак приветствия руку и, подъехав к ее «форду», заглушил мотор — Тесс решила, что подобные звуки, вероятно, сопровождают убийство из милосердия.

— Привет! — воскликнул он. — Вы все эти «елки-палки» убрали с дороги?

— Да, все, кроме той, что вонзилась мне в переднее левое колесо. А... — *А у меня здесь почему-то не работает телефон*, чуть было не продолжила Тесс, но вовремя остановилась: она — всего-навсего хрупкая женщина «под сорок», а тут возникает этот незнакомец. Да еще к тому же такой здоровенный. — ...И вот я здесь, — несколько неуверенно закончила она.

— Могу помочь, если есть запаска, — предложил он, выбираясь из своего пикапа. — Так как?

Тесс на мгновение лишилась дара речи. Мужчина был не просто «здоровенным» — тут она ошиблась. Он оказался настоящим гигантом. Его рост был определенно под два метра,

* «Бондо» — двухкомпонентная шпатлевка, используемая как для авторемонтных, так и прочих бытовых нужд.

но еще этот человек отличался колоссальным животом, объемными бедрами и широченными плечами. Она отдавала себе отчет, что пялиться невежливо (одна из истин, усвоенных в детстве), однако ничего не могла с этим поделать. Рамона Норвил была дамой внушительных размеров, но на фоне этого парня она показалась бы балериной.

— Понимаю-понимаю, — лукавым тоном продолжил он. — Не ожидали встретить здесь, на задворках, веселого зеленого великана*, а?

Однако он был вовсе не зеленым, а загорелым настолько, что казался темно-коричневым. Глаза у него тоже были карими. И даже кепка — бурой, правда, местами выцветшей почти до белизны, словно в какой-то момент чересчур долгой жизни ее обрызгали отбеливателем.

— Извините, — сказала Тесс, — просто у меня создалось впечатление, что вы не садитесь в свой грузовичок, а словно надеваете его на себя.

Поставив руки на пояс, он задрал голову и расхохотался.

— Никогда не слышал ничего подобного, но вы тут здорово подметили. Выиграю в лотерею — куплю себе «хаммер».

— Ну, в покупке «хаммера» я вам посодействовать не могу, однако, если поменяете мне шину, с удовольствием заплачу пятьдесят долларов.

— Смеетесь? Да я вам бесплатно помогу! Вы ведь меня тоже выручили, собрав эти палки.

— Тут еще такой веселенький фургончик со скелетом на боку проехал, но ему удалось проскочить...

Здоровяк направился было к спущенному колесу ее машины, но вдруг обернувшись, нахмурился.

— Неужели кто-то проехал мимо, не предложив помочь?

— Думаю, меня не заметили.

— И даже не остановились, чтобы убрать с дороги весь этот хлам?

— Нет.

* Имеется в виду фигурка с эмблемы компании — производителя овощной продукции. В период войны во Вьетнаме так называли поисково-спасательные вертолеты американской армии.

— Просто взяли и поехали дальше?

— Да.

Что-то в его вопросах насторожило Тесс. Однако здоровяк улыбнулся, и она решила, что все в порядке.

— Запаска, надо полагать, под багажником?

— Да. Думаю, да. Вам надо только...

— ...дернуть за ручку — знаем-знаем, дело известное.

Когда он, сунув руки глубоко в карманы комбинезона, не спеша направился к багажнику «форда», Тесс заметила, что дверца его пикапа осталась приоткрытой, а в кабине горел свет. Решив, что состояние аккумулятора модели «Ф-150» могло вполне соответствовать ее внешнему виду, Тесс распахнула дверцу, заскрипевшую ничуть не слабее тормозов, и с силой ее хлопнула. В какой-то момент Тесс случайно бросила взгляд в кузов сквозь заднее окошко кабины. Там на ржавом ребристом полу валялись деревяшки. Они были окрашены белой краской, и из них торчали гвозди.

Тесс на мгновение показалось, что она отправилась в астральное путешествие. Поскрипывающее тиканье вывески «ВЫ НРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ» напоминало уже не старый будильник, а часовой механизм бомбы.

Она попыталась не придавать значения деревянным обломкам: такие мелочи могли иметь значение лишь в определенно-го пошиба книгах, которых она никогда не писала, или в фильмах, которых она почти никогда не смотрела, — мерзких и кровавых. Но у Тесс ничего не вышло — она встала перед выбором: либо продолжать притворяться, поскольку последствия иной линии поведения было даже страшно представить, либо кинуться в лес по ту сторону дороги.

Однако прежде чем успела принять хоть какое-то решение, она почувствовала крепкий запах мужского пота. Повернувшись, Тесс увидела незнакомца прямо перед собой — он возвышался над ней, сунув руки в боковые карманы комбинезона.

— А может, я лучше тебя просто трахну, чем шину менять? — вкрадчиво спросил он. — Как думаешь?

И Тесс бросилась бежать... Правда, только мысленно. На самом деле она, прижавшись к пикапу, смотрела на мужчину сни-

зу вверх — он был настолько огромен, что, заслоняя солнце, отбрасывал на нее тень. Она стояла и думала, что еще менее каких-то двух часов назад четыре сотни людей — в основном дамы в шляпках — стоя аплодировали ей в небольшом, но довольно уютном зале. А где-то немного южнее ее дожидался Фрицик. Тесс вдруг осознала — мучительно, словно поднимая тяжесть, — что, возможно, больше никогда не увидит своего кота.

— Прошу вас, не убивайте меня... — Сдавленный голос был еле слышен.

— Ах ты, сучка. — Мужчина говорил таким тоном, словно размышлял о погоде. Над крыльцом продолжала поскрипывать вывеска. — Плаксивая сучка-шлюшка, ей-богу.

Из кармана появилась его правая рука. Большущая рука. На мизинце был перстень с красным камнем. Он напоминал рубин, однако был слишком большим для рубина. Тесс решила, что это скорее всего просто стекляшка. Вывеска продолжала поскрипывать. «ВЫ ПРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ». Рука сжалась в кулак, который, стремительно приближаясь к ней, вырастал в размерах, пока не затмил собой все.

Послышался глухой удар о металл — Тесс решила, что это ее голова стукнулась о кабину пикапа. *Пекари-зомби*, мелькнула у нее мысль. Потом на какое-то время все вокруг потемнело.

6

Она очнулась в большом мрачном помещении, где стоял запах отсыревшего дерева и все пропиталось ароматами древнего кофе и доисторических закусок. Прямо над ней с потолка криво свисал старинный вентилятор-пропеллер. Он напоминал сломанную карусель из фильма Хичкока «Незнакомцы в поезде». Тесс лежала на полу, раздетая ниже пояса, и незнакомец ее насиловал. Правда, акт насилия воспринимался как вторичный по отношению к навалившейся на нее тяжести: великан буквально подмял ее под себя. Ей едва удавалось вздохнуть. Это, должно быть, сон. Однако она почему-то ощущала

свой разбитый нос, шишку на затылке размером с хороший пригорок и впившиеся в ягодицы щепки. Во сне такого не бывает. Во сне не чувствуешь боли — прежде чем ее ощутишь, просыпаешься. А это происходило наяву. Ее насиловали. Он уволок ее в помещение старого магазина и там овладел под вяло кружащимися пылинками, золотящимися в косых лучах послеполуденного солнца. Где-то слушали музыку или заказывали выбранные по Интернету товары, дремали или болтали по телефону, а здесь насиловали женщину; и этой женщиной была она, Тесс. Он снял с нее трусики — она заметила, что они торчали у него из нагрудного кармана комбинезона. Ей вспомнился фильм «Избавление», который она видела на одном из ретроспективных показов в колледже — тогда ей еще хватало смелости смотреть такое кино. «Сымай-ка штанишки», — сказал там один из подонков-извращенцев, намереваясь трахнуть пухленького горожанина. Забавно, что приходит на ум, когда лежишь под тушей весом в три сотни фунтов и ощущая в себе член насильника,двигающийся вверх-вниз чуть ли не со скрипом, точно несмазанный механизм.

— Прошу вас, — произнесла она. — Умоляю... хватит.

— Ничего не «хватит», — отозвался он, и тот же кулак вновь обрушился на нее. Часть лица обдало жаром, в голове что-то перемкнуло, и Тесс вновь отключилась.

7

Когда она в очередной раз очнулась, он, размахивая руками, пританцовывал вокруг нее в своем комбинезоне, горланя «Браун шугар»*. Солнце клонилось к закату, пылая огнем в двух запыленных, но чудом уцелевших после нашествия вандалов окнах заброшенного магазина с западной стороны. За Громилой пританцовывала его тень, растягиваясь по дощатому полу и вверх по стене, на которой светлели проплешины в местах,

* «Браун шугар» — известная песня группы «Роллинг стоунз», текст которой содержит намек на сексуальное насилие.

где некогда висела реклама. Топот башмаков насильника казался апокалиптическим.

Тесс увидела свои брюки — скомканные, они валялись под прилавком. Там когда-то, должно быть, помещался кассовый аппарат (возможно, рядом с лотком вареных яиц или свиных ножек). Она ощущала запах плесени и — Господи! — боль: болело лицо, грудь, но сильнее всего там, внизу, где в нее насильно проникли.

Притворись мертвой. Это твой единственный шанс.

Она закрыла глаза. Пение прекратилось, и она уловила усиливающийся запах пота. Он становился все острее.

Как после физической нагрузки, подумалось ей. Забыв о намерении притвориться мертвой, она попыталась закричать. Но прежде чем Тесс успела издать хоть звук, здоровенные ручищи схватили ее за горло и принялись душить. *Конец,* решила она. *Мне конец.* Она осознавала это со спокойствием, даже с облегчением. По крайней мере боль прекратится, и она больше не будет видеть это чудовище, танцующее в лучах заходящего солнца.

И Тесс снова потеряла сознание.

8

Когда она пришла в себя в третий раз, все вокруг было погружено в серебристую черноту, и она будто плыла.

Так вот она какая — смерть.

Тут Тесс ощутила под собой чьи-то руки — большущие, его руки — и боль в шее, словно горло опутали колючей проволокой. Он не задушил ее до смерти, но теперь на шее от его рук словно повисло кольцо: спереди — ладони, а по бокам и сзади — пальцы.

Спустилась ночь. Взошла луна. Полная луна. Он нес ее через стоянку у заброшенного магазина. Мимо своего грузовичка. Свой «форд-экспидишн» она не увидела: он куда-то делся.

Где же ты, «Том»?

Мужчина остановился на краю проезжей части. Тесс улавливала запах его пота и чувствовала, как вздымалась его грудная клетка. Ее голые ноги овеивал прохладный ветерок. До нее доносилось поскрипывание вывески позади — «ВЫ ПРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ».

Он решил, что я умерла? Не может быть, чтобы он так подумал. У меня все еще идет кровь.

Или нет? Трудно сказать. Обмякнув, она лежала у него на руках и чувствовала себя девочкой из фильма ужасов, оказавшейся во власти очередного Джейсона, Майкла, Фредди или кого-нибудь еще, после того как с остальными персонажами было покончено. И теперь он нес ее в свое логово среди болот в глухом лесу, где ее непременно посадят на цепь, закрепленную на торчащем из потолка крюке. В таких фильмах всегда присутствовали цепи с крюками на потолках.

Он двинулся дальше. Она слышала стук его грубых башмаков по залатанному асфальту Стэг-роуд: *пум-пум-пум*. Затем, уже на другой стороне, уловила треск и стук. Он расшвыривал деревянные, которые она так тщательно убрала, чтобы скинуть в кювет. Тесс больше не различала мерного поскрипывания вывески, зато слышала журчание воды. Оно было негромким, не струя — ручеек. Тихо кряхтя, мужчина опустился на колени.

Теперь-то он точно меня убьет. По крайней мере я больше не услышу его жуткого пения. В этом-то и прелесть, как сказала бы Рамона Норвил.

— Эй, деваха! — беззлобно окликнул он.

Она не отзывалась, но видела, что он, склонившись над ней, смотрел на ее совсем чуть-чуть приоткрытые глаза. Если ее веки дрогнут, если он заметит хоть малейший намек на движение... или слезы...

— Эй! — Он похлопал ладонью по ее щеке.

Ее голова безвольно отклонилась набок.

— Эй! — На сей раз последовала решительная пощечина, но уже по другой щеке. Голова Тесс безвольно переместилась на другую сторону.

Он ущипнул ее за сосок, но не потрудился снять с нее блузку с лифчиком, поэтому было не слишком больно. Она оставалась неподвижной.

— Прости, что обозвал тебя сучкой, — тихо, все так же тихо и беззлобно произнес он. — Мне понравилось с тобой трахаться. Я люблю тех, кто постарше.

Тесс поняла: он действительно решил, что она могла умереть. Невероятно, но похоже на правду. И тут ей вдруг страстно захотелось жить.

Он вновь поднял ее. Ее буквально окутал запах пота. Колочащая щетина коснулась ее лица, и она едва сдержалась, чтобы не отвернуться. Он легонько поцеловал ее в уголок губ.

— Прости, что я был немного груб с тобой.

Ее вновь куда-то несли. Журчание воды усилилось. Пропал лунный свет. Запахло — нет, завоняло — гниющей листвой. Он погрузил ее на несколько дюймов в воду. Вода оказалась настолько холодной, что Тесс чуть не вскрикнула. Он подтолкнул ее ноги, и она чуть согнула их в коленях. *Словно без костей*, думала она. *Нужно оставаться податливой, словно без костей*. Однако колени вскоре уперлись в рифленую металлическую поверхность.

— Твою мать... — чуть ли не задумчиво произнес мужчина. Потом вновь стал ее куда-то запихивать.

Тесс не пошевелилась, даже когда что-то типа ветки болезненно прочертило ей по всей спине. Ее колени то и дело ударялись о волнистый металл сверху. Ягодицы утопали в рыхлой массе, все сильнее воняло гнилью, и, казалось, дышать невозможно. Тесс нестерпимо хотелось откашляться, чтобы избавиться от жуткого запаха. Она чувствовала, как из мокрой листвы под поясницей собралось нечто похожее на пропитавшуюся водой подушку.

Если он вдруг догадается, я буду сопротивляться. Я буду драться, буду бить его изо всех сил...

Однако этого не случилось. Довольно долгое время она по-прежнему боялась открыть глаза. Ей представлялось, что он все еще рядом — заглядывает в трубу, куда запихнул ее, и, в нерешительности склонив голову, ждет, что она выдаст себя неосторожным движением. Как же он не понял, что она жива? Ведь наверняка чувствовал ее сердцебиение. И что толку было бы драться с этим громилой-шоферюгой? Он бы запросто вы-

волок ее одной рукой, ухватив за босые ноги, и вновь принялся душить. Только на сей раз уже до смерти.

Она продолжала лежать в застоявшейся воде среди гниющей листвы, глядя в пустоту сквозь чуть приоткрытые веки и сосредоточившись на своей жуткой роли — роли трупа. Она погрузилась в состояние мрачного беспамятства, но еще не совсем небытия, и это продолжалось довольно долго, впрочем, возможно, ей так только показалось. Когда она услышала звук мотора — это был его грузовик, определенно его, — то решила, что она все это придумала, что ей все просто грезится и что он все еще где-то рядом.

Однако неровный гул двигателя, поначалу чуть приблизившись, стал удаляться по Стэг-роуд.

Тут какая-то уловка.

Это уже смахивало на истерию. Но как бы то ни было, не могла же она провести там всю ночь. Приподняв голову (и тут же поморщившись от боли в истерзанном горле), она посмотрела в конец трубы и увидела лишь ровненький серебристый кружок лунного света. Тесс начала было, извиваясь, двигаться в его направлении и вдруг замерла.

Здесь кроется какая-то хитрость. Не важно, что мне послышалось, — он все еще рядом.

Теперь эта мысль стала более отчетливой. И именно из-за того, что она ничего не увидела в конце водопропускной трубы. Сюжет какого-нибудь «ужастика» или триллера здесь предполагал бы обманчивое успокоение перед кульминационным моментом — белая рука, вынырнувшая из озера в «Избавлении»; или Алан Аркин, бросающийся на Одри Хепберн в «Дождись темноты». Тесс не любила ни триллеров, ни «ужастиков», однако изнасилование, едва не завершившееся ее гибелью, словно приоткрыло дверь в склеп воспоминаний о всевозможных страшилках.

Он наверняка все еще караулил ее. Ведь за рулем грузовика мог сидеть его сообщник. А сам он остался ждать на корточках возле трубы с упорством, присущим сельским жителям.

— Снимай-ка штанишки, — прошептала она и тут же закрыла рот рукой. Вдруг он ее слышал?

Прошло пять минут. Наверное, пять. От холодной воды у Тесс началась дрожь. Скоро и зубы застучат. Если он там, то услышит.

Он уехал. Ты же слышала.

Может, да, а может, и нет.

А может, ей и не стоило вылезать из трубы тем же путем, которым ее туда запихнули. Это же водопропускная труба, она проходит под дорогой, и, судя по тому, что Тесс ощущала под собой струящуюся воду, труба не забита. Она могла бы проползти по ней насквозь и взглянуть на стоянку возле заброшенного магазина. Убедиться, что грузовик действительно уехал. Правда, если сообщник существует, ей все равно грозит опасность. Однако в глубине души — там, где прятался здравый смысл, — Тесс была уверена: никакого сообщника не было. Сообщник бы не преминул воспользоваться ею в свою очередь. И кроме всего прочего, такие громилы, как правило, «работают» в одиночку.

Ну а если его нет? Тогда что?

Она не знала. Она с трудом представляла свою дальнейшую жизнь после случившегося с ней днем в заброшенном магазине и после вечера, проведенного в трубе с гниющей листвой в качестве подушки под поясницей. А может, и не стоило это представлять? Может, лучше думать о том, как она вернется домой к Фрицику и накормит его? Тесс представила коробку с его лакомством, стоявшую на полочке в ее уютной кладовочке.

Перевернувшись на живот, она попыталась приподняться на локтях, чтобы ползти к дальнему концу водостока. И тут она увидела своих соседей по трубе. Один из трупов уже практически превратился в скелет с протянутыми, словно в мольбе, руками. По количеству сохранившихся на голове волос Тесс определила, что это труп женщины. Другой мог вполне сойти за изуродованный манекен из универмага, если бы не выпученные глаза и высунутый язык. Этот был посвежее, однако представители фауны уже над ним потрудились, и даже в темноте Тесс смогла различить оскал зубов убитой женщины.

Выбравшийся из волос «манекена» жук пополз дальше по переносице.

Тесс пронзительно вскрикнула и, судорожно попятившись, вылетела из трубы. Она вскочила на ноги. Промокшая насквозь

одежда прилипла к ее груди и животу, снизу же она была голая. И хотя она не отключилась полностью (так ей по крайней мере казалось), осознавала происходящее только выборочно. Позже, оглядываясь назад, последовавший за выходом из трубы час представлялся ей темной полосой, освещенной лишь кое-где, участками. Время от времени на этих участках появлялась истерзанная женщина с разбитым носом и перепачканными кровью ногами. Затем ее вновь поглощала темнота.

9

Тесс очутилась в заброшенном магазине, в большом пустом зале, некогда разделенном рядами продуктов; возможно, с морозильной камерой где-то в торце и — наверняка — с холодильником для пива вдоль всей дальней стены. Она все еще чувствовала запах давно исчезнувшего отсюда кофе и острых закусок. Либо он просто забыл про ее брюки, либо собирался вернуться сюда за ними позже — после того как соберет свои утыканные гвоздями деревяшки, — но она вытащила их из-под прилавка. Под брюками оказались туфли и телефон — разбитый, конечно. Когда-нибудь этот Громила сюда вернется. Резинка для волос пропала. Тесс вспомнилось (довольно смутно, так люди обычно вспоминают некоторые эпизоды раннего детства), что днем одна из женщин поинтересовалась, откуда у нее эта резинка, и неожиданные аплодисменты, когда она ответила: «Джей-Си-Пенни». Она вспомнила, как этот Громила пел «Браун шутар» — по-детски громко и бездарно, и вновь погрузилась в небытие.

10

Тесс брела в лунном свете позади магазина. Чтобы унять дрожь, она накинула на плечи неизвестно откуда взявшийся издававший виды коврик — хоть и замызганный, он все же со-

гревал; и она запахла его поплотнее. Неожиданно она осознала, что давно ходит вокруг магазина, — это, вероятно, был уже ее третий, а то и четвертый раз. В неосознанном желании найти свой «форд-экспидишн», она кружила там, где он мог быть, забывая, что он исчез. А забывала она по той причине, что ее стукнули головой, изнасиловали, пытались задушить, и теперь она пребывала в состоянии глубокого потрясения. Тесс в какой-то момент подумала, что у нее могло произойти и кровоизлияние — а как определишь, если только, очнувшись, не увидишь ангелов, готовых сообщить тебе об этом? Легкий ветерок, дувший во второй половине дня, окреп, и мерное поскрипывание вывески стало чуть громче. **«ВЫ НРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ».**

— «Севен-ап!» — воскликнула она. Это прозвучало сипловато, но вполне приемлемо. — Вот что это такое! «Вы нравитесь друг другу». — Она вдруг услышала свое собственное пение. У нее был хороший голос, а после попытки Громилы придушить в нем появилась прелестная хрипотца. Словно тут среди ночи вдруг запела Бонни Тайлер. — «Севен-ап»... ты так хорош... на вкус и цвет сигареты лучше нет! — Она почувствовала некоторую «нестыковку», а может, и нет. Так или иначе, петь следовало нечто более достойное, чем какие-то дурацкие рекламные слоганы, раз уж ее голос приобрел такую замечательную хрипотцу. Если уж тебе суждено быть изнасилованной и оказаться в трубе рядом с двумя разлагающимися трупами, надо постараться вынести из этого хоть что-то полезное.

Я спою хит Бонни Тайлер «Душевная боль». Слова я знаю, наверняка вспомню: они ведь где-то там — среди обрывков воспоминаний... Любая писательница хранит...

Но тут Тесс вновь погрузилась в небытие.

11

Она плакала, сидя на камне, и слезы текли рекой. У нее на плечах был все тот же замызганный коврик. Промежность горела от жгучей боли. Кисловатый привкус во рту свидетель-

ствовал о том, что ее вырвало в промежутке между сидением на камне и хождением вокруг магазина, однако она не помнила, как это произошло. Помнила она лишь...

Меня изнасиловали, насиловали, насиловали!

— Ты не первая и не последняя, — произнесла она, однако эта сермяжная истина, сказанная судорожно, навзрыд, едва ли могла ее утешить.

Он пытался меня убить и чуть не убил!

Да-да. Однако в данный момент этот промах Громилы тоже не казался утешением. Повернув голову влево, она увидела, что магазин находится ярдах в пятидесяти — шестидесяти.

Он убивал других! И они в той трубе. По ним ползают мерзкие насекомые, а им уже все равно!

— Да, да, — хрипло произнесла она голосом Бонни Тайлер и вновь соскользнула в небытие.

12

Тесс шла посреди Стэг-роуд, напевая «Душевную боль», и вдруг услышала позади шум приближавшегося мотора. Развернувшись так резко, что чуть не упала, она увидела, как фары осветили вершину пригорка, который она, вероятно, только что преодолела. Это — он. Громила. Вернувшись и не найдя ее одежды, он проверил трубу. Увидев, что ее там нет, он принялся искать.

Тесс бросилась в кювет. Споткнувшись, приземлилась на колено, обронила свою импровизированную шаль, поднялась и метнулась в кусты. Ветка до крови оцарапала ей щеку. До нее словно со стороны донесся плач испуганной женщины. Она упала на четвереньки, и растрепанные волосы свесились ей на глаза. Дорогу осветил вынырнувший из-за пригорка свет фар. Она отчетливо увидела свой коврик и осознала, что Громила тоже его заметит. Он остановится и вылезет из машины. Она попытается убежать, но он ее поймает. Она закричит, но никто не услышит. В подобных рассказах всегда так и бывает. И прежде чем убить, он вновь ее изнасилует.

Легковушка — это оказалась легковушка, а не пикап — проскочила мимо, не снижая скорости. Из нее донеслись громогласные аккорды группы «Бэкмэн-Тернер овердрайв»: «...тебе еще не довелось видеть такое...» Она проводила глазами промелькнувшие задние габариты и, почувствовав, что может вновь отключиться, хлопнула обеими руками по щекам.

Нет! — прохрипела она голосом Бонни Тайлер. *Нет!*

Немного придя в себя, она ощутила сильное желание так и оставаться в кустах, однако это оказалось бы плохим решением. До рассвета было далеко, да, вероятно, и до полуночи тоже не близко. Луна висела низко на небосклоне. Нет, она не должна оставаться здесь — нельзя просто так сидеть и... то и дело терять сознание. Надо думать.

Подняв из кювета коврик, Тесс начала было накидывать его на плечи, потом вдруг дотронулась до ушей, заранее зная, что ее ждет. Бриллиантовые серьги — один из ее немногочисленных капризов — отсутствовали. Она вновь расплакалась. Но на сей раз приступ плаксивости длился не так долго, и, когда он прошел, она в большей степени ощутила себя собой — самой собой, реальной женщиной, а не призраком, не владеющим своей головой и телом.

Думай, Тесса Джин!

Хорошо, она постарается. Но продолжит при этом идти. И хватит петь. Ее изменившийся голос звучал жутковато. Словно, изнасиловав ее, этот Громила создал кого-то другого. Но ей не хотелось становиться новой женщиной. Ей нравилась та, прежняя.

Ийти. Она шла в лунном свете, а рядом с ней по дороге двигалась ее тень. А что это за дорога? А-а... Стэг-роуд. Если верить «Тому», ей оставалось чуть менее четырех миль до пересечения с Сорок седьмым шоссе, когда она угодила в ловушку Громилы. Не так страшно: чтобы оставаться «в форме», обычно она старалась проходить по три мили в день, а в плохую погоду компенсировала это занятиями на «бегущей дорожке». Правда, ходьба «Тесс в новом качестве» — с пылающей от боли промежностью и хриплым голосом — была ей в новинку. Впрочем, плюсы здесь тоже имелись: движение согревало, сверху

она почти высохла, а каблук у туфель отсутствовали — она их практически стесала, иначе они испортили бы ей вечернюю прогулку. И было бы не до смеха, совсем не...

Думать!

Но прежде чем Тесс успела приступить к этому, дорога впереди осветилась. Она вновь нырнула в кусты, и на этот раз ей удалось удержать на себе коврик. Это оказалась очередная легковушка — слава Тебе, Господи, не его грузовик — и автомобиль даже не притормозил.

Все равно это мог быть он. А вдруг он поменял автомобиль? Он мог доехать до дома, до своего логова и пересечь в легковушку, решив, что, увидев легковушку, она не станет прятаться, выйдет на дорогу, проголосует и попадет к нему в лапы.

Да-да, именно так и произошло бы в фильме ужасов, разве нет? В каком-нибудь там «Крики жертв-4» или «Ужас на Стэг-роуд-2», или...

Почувствовав, что вновь вот-вот потеряет сознание, Тесс хлопнула себя по щекам. Вернувшись домой, накормив Фрицка и оказавшись в собственной спальне (предварительно заперев все двери и оставив свет включенным), она сможет отключиться и забыть обо всем. Но только не сейчас. Нет, нет и нет. Сейчас надо идти, прятаясь от машин. Если она сумеет это сделать, то в конце концов доберется до Сорок седьмого шоссе, а там вполне может оказаться магазин. Приличный магазин с телефоном-автоматом, если повезет... а она заслужила немного удачи. У Тесс не было при себе кошелек — он оставался в ее «форде» (до поры до времени), но номер своей телефонной карточки «АТ энд Т» она помнила: это были цифры ее домашнего номера телефона плюс 9712. Проще простого.

На дороге был указатель. И при лунном свете Тесс смогла прочесть:

**ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КОУЛВИЧ
С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

— Вы с Коулвичем нравитесь друг другу, — прошептала она.

Тесс знала этот поселок, который местные звали «Кулич». Его можно было бы даже причислить к небольшим городкам, некогда — во времена ткацких фабрик — процветавшим в Новой Англии и продолжавшим кое-как бороться за свое существование в нынешнюю эпоху свободной торговли, когда американские брюки с пиджаками шьются где-нибудь в Азии или в Центральной Америке и, как правило, некими детишками, не умеющими ни читать, ни писать. Она была на окраине, но ведь можно добраться до телефона.

И что?

И тогда она... она тогда...

— Закажу лимузин, — произнесла Тесс. Эта мысль озарила ее словно восход солнца. Да, именно так она и поступит. Раз она теперь в Коулвиче, то до ее коннектикутского дома осталось не более тридцати миль. «Ройял лимузин сервис», услугами которого она пользовалась, когда ей надо было в Брэдли-международный, или в Хартфорд, или в Нью-Йорк (Тесс по возможности не ездила за рулем по городу), располагался в соседнем городишке Вудфилд и предоставлял услуги такси круглые сутки. Более того, в их базе данных даже имелась ее кредитка.

Почувствовав себя лучше, Тесс зашагала быстрее. Но когда дорога вновь озарилась светом фар, она, поспешив прочь, сжалась в кустах — испуганная, словно гонимая лисой крольчиха. На сей раз это был грузовик, и ее охватила дрожь. Она продолжала дрожать даже после того, как увидела, что это небольшая белая «тойота», совсем не похожая на старый «форд» Громилы. Когда автомобиль скрылся, Тесс попыталась заставить себя вернуться на дорогу, но не смогла. Она опять плакала — теплые слезы струились по холодным щекам. Она почувствовала, что сознание вновь вот-вот покинет ее и она окажется в темной зоне беспамятства. Этого нельзя допустить. Она слишком часто позволяла себе блуждать в темноте — так можно и окончательно потеряться.

Усилием воли Тесс мысленно нарисовала картину, как благодарит таксиста, добавляя чаевые к оплаченной кредиткой сумме, а потом идет по окаймленной цветами дорожке к вход-

ной двери своего дома. Наклонив свой почтовый ящик, снимает с крючка, находящегося за ним, запасной ключ. Слышит настойчивое мяуканье Фририка.

Мысль о Фриিকে подбодрила ее. Выбравшись из кустов, она зашагала по дороге, готовая в любую секунду скрыться в темноте, едва увидев свет фар. Скрыться мгновенно. Потому что Громила где-то неподалеку. Она вдруг поняла, что он теперь всегда будет где-то поблизости. Если только полиция не схватит его и не посадит в тюрьму. Но для того чтобы это произошло, ей придется заявить о случившемся. И как только эта мысль пришла ей в голову, она тут же представила характерный для «Нью-Йорк пост» заголовок:

«АВТОР «УИЛЛОУ-ГРОУВ» ИЗНАСИЛОВАНА ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ»

Газетенки типа «Пост», несомненно, поместят ее фотографию десятилетней давности — на момент выхода первой книги о Клубе любителей вязания. Тогда Тесс было под тридцать. В то время она носила распущенные волосы — светло-русые, длинные, почти до пояса, — и короткие юбки, с удовольствием демонстрируя свои красивые ноги. А вечерами предпочитала босоножки на высоком каблуке, которые мужчины — и Громила наверняка тоже — порой называли «трахني меня». В статье «Пост» не окажется ни слова о том, что, когда подверглась насилию, она была уже на десять лет старше, на десять фунтов тяжелее и весьма скромно — если не сказать старомодно — одета: подобные сведения не вписывались в публикуемые таблоидами истории. Представлено все будет чинно (лишь с небольшим придыханием между строк), однако ее давнишняя фотография скажет все без слов: *сама напрашивалась... вот и дождалась.*

Насколько это могло соответствовать реальности? Или поруганная честь и сильно пострадавшая самооценка подсказывали развитие событий по худшему сценарию? Та «новая Тесс», что желала бы все так же прятаться в кустах, даже после того, как жуткая дорога в этом жутком штате Массачусетс останется

позади, и она благополучно вернется в свой уютный домик в Стоук-Виллидже? Неизвестно, но она могла предположить, что ответ кроется где-то посередине. Зато она точно знала, что получит широкую известность, о которой мечтала бы любая писательница, выпустившая книгу. Но ни одна писательница не пожелала бы оказаться изнасилованной, ограбленной и брошенной на произвол судьбы. Тесс ясно представляла, как кто-то, подняв руку, задаст вопрос: «А вы не давали ему никакого повода?»

Несмотря на всю нелепость, Тесс видела эту картину даже в своем теперешнем состоянии... и еще она знала, что при таком развитии событий кто-то, подняв руку, непременно поинтересуется: «А вы об этом напишете?»

И что тут скажешь? Как она могла бы ответить?

Никак, думала Тесс. Я убегу со сцены, заткнув уши руками.

Не бывать этому.

Нет, нет и нет.

Как ей теперь выступать или раздавать автографы, зная, что Громила может сидеть где-нибудь на задних рядах и с улыбкой наблюдать за ней из-под козырька зловещей коричневой кепочки с белесыми пятнами? Возможно, теребя при этом в кармане ее серьги.

Она вспыхнула при мысли о том, что она расскажет о случившемся полиции, и буквально почувствовала, как ее лицо исказила гримаса стыда, хотя рядом никого не было. Пусть она не Сью Графтон и не Джанет Иванович, однако она, откровенно говоря, тоже в некоторой степени публичная персона. Ее и по Си-эн-эн день-два будут показывать. А мир узнает о том, что некий ненормальный ублажил себя, поимев автора серии «Уиллоу-Гроув». Может даже всплыть факт, что в качестве сувенира он унес ее трусики. Си-эн-эн, разумеется, эту подробность опустит, а вот у «Нэшнл инкуайерер» или «Инсайд вью» такие моменты смущения не вызовут.

Источники в следственных органах сообщают, что в комодке задержанного насильника обнаружены трусики писательницы от «Виктория сикрет», голубые, с кружевной отделкой...

— Нет, я не могу! — воскликнула Тесс. — Я не буду ничего рассказывать.

Но ты оказалась не первой, могут последовать другие жертвы...

Она отбросила эти мысли. Она была слишком измотана, чтобы сейчас решать, являлось ли то или другое ее моральным долгом. Она отложит этот вопрос на потом, если, конечно, Богу угодно предоставить ей это самое «потом»... но, похоже, Господь мог бы дать ей такую возможность. Сейчас же на пустынной дороге свет фар очередного автомобиля может означать, что за рулем сидит тот самый Громила, ее насильник.

Вот так — «ее». Отныне он стал *ее* насильником.

13

Примерно через милю после указателя Тесс стала ощущать глухую ритмичную пульсацию, словно исходившую от дорожного полотна у нее под ногами. Она сразу же вспомнила об Уэллсе и его мутантах Морлоках*, обслуживавших где-то глубоко в недрах Земли свои машины. Однако пять минут спустя все прояснилось. Звук, долетавший не из-под земли, а по воздуху, был ей знаком — это был звук бас-гитары. Другие музыкальные инструменты дали о себе знать по мере ее продвижения вперед. На горизонте появился свет — не фар, а белых дуговых натриевых ламп и алый румянец неона. Группа исполняла «Мустанг Салли», и до Тесс донесся смех — хмельной и счастливый, прерывающийся задорными криками. От этих звуков она вновь чуть не расплакалась.

Заведение под названием «Стэггер инн» — по сути, кабак «Одинокий бродяга» — представляло собой внушительных размеров сарай со здоровенной грязноватой стоянкой, забитой под завязку. Тесс хмуро стояла на границе освещенной фона-

* Морлоки — гуманоидные подземные существа — персонажи романа Герберта Уэллса «Машина времени».

рями территории. Откуда столько машин? Тут она вспомнила, что сегодня пятница. «Стэгтер инн» определенно был тем самым местом, куда по пятницам съезжались провести вечер жители Коулвича и других ближайших поселков. Наверняка там имелся и телефон, но уж слишком много народу. Увидят ее сиянки, расквашенный нос и поинтересуются, что случилось, а она была не расположена что-то выдумывать. Пока по крайней мере. Из-за такого количества людей казалось невозможным подойти даже к телефону-автомату на улице — там тоже была толпа. А как иначе? Теперь, чтобы выкурить сигарету, требуется выйти на улицу. А еще...

Там мог оказаться *он*. Ведь скакал же он вокруг нее, распевая хит «Роллинг стоунз» — жутким голосом, на одной ноте. Тесс могла предположить, что ей это пригрезилось — галлюцинации? — однако скорее всего нет. А почему бы Громиле, спрятав ее машину, не пожаловать с чувством выполненного долга сюда, чтобы, как говорится, оторваться?

Музыканты вполне приемлемо заиграли старенькую вещьцу группы «Крэмпис» «Улизнет ли твоя киска от собаки?». *Нет*, подумала Тесс, *моей киске улизнуть от собаки сегодня явно не удалось*. Прежняя Тесс такую шутку бы не одобрила, но «другую» Тесс это прямо-таки развеселило. Хрипло хохотнув, она отправилась на противоположную сторону дороги, куда не достигал свет фонарей со стоянки.

Обходя здание, она заметила у грузового входа старенький белый фургончик. Хоть дуговых ламп с обратной стороны заведения не было, при лунном свете она без труда разобрала нарисованный на нем скелет, молотивший по кексикам-барабанам. Немудрено, что он не остановился собрать с дороги доски с гвоздями. «Зомби бейкерз» и так опаздывали, а это было чревато, потому что в пятницу вечером «Одинокий бродяга» пил, гулял и веселился на всю катушку.

— Улизнет ли твоя киска от собаки? — произнесла Тесс и завернулась в замызганный коврик поплотнее. Норковую накидку он напоминал весьма отдаленно, но прохладной октябрьской ночью был весьма кстати.

14

Добравшись до перекрестка Стэг-роуд с Сорок седьмым шоссе, Тесс увидела нечто удивительное: «Подкрепись и катись», с двумя телефонами-автоматами на шлакобетонной стене между кабинками туалетов.

В первую очередь она решила посетить дамскую комнату. Ей пришлось резко зажать рот рукой, чтобы не вскрикнуть при мочеиспускании: ощущение было таким, словно кто-то сунул ей туда пылающий спичечный коробок. Поднявшись с сиденья, она почувствовала, как по щекам катятся слезы. Вода в унитазе окрасилась в нежно-розовый цвет. Воспользовавшись — крайне аккуратно — туалетной бумагой, Тесс спустила воду. Свернув кусочек туалетной бумаги в несколько слоев, она могла бы подложить его в качестве импровизированной прокладки себе в нижнее белье, но это, разумеется, было исключено: Громила взял себе ее трусики на память.

— Вот сволочь, — сказала она.

Чуть задержав руку на дверной ручке, она взглянула на забитую женщину с испуганными глазами в забрызганном водой металлическом зеркале над раковиной. Затем вышла на улицу.

15

Она вдруг обнаружила, что использование телефона-автомата в нынешнее время крайне проблематично, даже если помнишь номер собственной телефонной карты. Первый телефон работал лишь в «одностороннем порядке»: она оператора слышала, а оператор ее — нет; и по этой причине связь быстро оборвалась. Другой аппарат хоть и висел набекрень, что несколько удручало, все же оказался исправен. В трубке слышался непрерывный гул, тем не менее ее беседа с оператором все же состоялась. Правда, у Тесс не нашлось при себе ни карандаша, ни ручки. В сумочке-то у нее кое-какие письменные при-

надлежности имелись, однако сумочки, разумеется, под рукой не оказалось.

— А вы не могли бы меня просто соединить? — поинтересовалась она у оператора.

— Нет, мэм, чтобы воспользоваться своей телефонной картой, вам придется дозвониться самой. — Оператор говорил таким тоном, словно втолковывал маленькому ребенку что-то совершенно очевидное. У Тесс это не вызывало раздражения, поскольку она и чувствовала себя как несмышлениш. Тут взгляд ее упал на грязную шлакоблочную стену. Она попросила оператора дать ей номер и начертила продиктованные цифры на пыльной поверхности пальцем.

Прежде чем она успела набрать номер, на стоянку въехал грузовик. Ей показалось, что сердце, подпрыгнув в акробатическом сальто, застряло у нее в горле, но увидев выпрыгнувших из автомобиля и забежавших в магазин двух ребят в школьных пиджаках, она обрадовалась: иначе неминуемо вскрикнула бы.

Она почувствовала, что теряет связь с миром, и, прислонив голову к стене, перевела дыхание. Стоило прикрыть глаза, как перед ней возник Громила с ручищами в карманах своего «комбеза». Тут же раскрыв глаза, она стала набирать начерченный на пыльной стене номер.

Тесс приготовилась услышать либо автоответчик, либо усталый голос оператора, сообщающий о том, что свободных машин у них нет: да и откуда им быть, если сегодня пятница — ты такая глупая от рождения или с годами отупела? Однако в трубке после второго гудка раздался деловитый голос женщины по имени Андреа. Выслушав Тесс, она сказала, что уже высылает машину с водителем по имени Мануэль. Да, она точно знала, откуда Тесс звонила, поскольку их машины неоднократно ездили к «Одинокому бродяге».

— Дело в том, что я — не там, — возразила Тесс. — Я на перекрестке, в полумиле от...

— Знаю, мэм, — подхватила Андреа. — «Подкрепись и...». Это место нам тоже знакомо. Бывает, люди отправляются своим ходом, а потом чувствуют, что перебрали, и звонят нам. Ждите — минут через сорок пять, через час.

— Замечательно, — отозвалась Тесс. По ее щекам вновь потекли слезы. На этот раз слезы благодарности, хотя она и убеждала себя не расслабляться, ибо надежды героинь в подобных историях частенько оказывались призрачными. — Просто отлично. Я буду за углом, возле телефонов-автоматов.

Сейчас она поинтересуется, не перебрала ли я слегка.

Однако Андреа поинтересовалась лишь предпочитаемой формой оплаты — наличными или кредиткой.

— «Американ экспресс». Я должна быть у вас в компьютере.

— Да, мэм, так и есть. Благодарю вас за то, что вновь обратились к нам, мы ценим каждого клиента и всегда готовы предоставить свои фирменные услуги, — сказала Андреа и быстро положила трубку, не дожидаясь вежливого ответа Тесс.

Не успела Тесс повесить трубку, как кто-то — *он, это точно он!* — выскочив из-за угла магазина, устремился прямо к ней. На сей раз она не смогла даже вскрикнуть: страх полностью парализовал ее.

Это оказался один из подростков. Даже не взглянув в ее сторону, он проскочил в туалет. Хлопнула дверь. И через мгновение она услышала звук мощной, как у жеребца, струи молодого человека, который с удовольствием облегчал здоровый мочевой пузырь.

Пройдя вдоль стены, Тесс завернула за угол. Там она встала возле зловонного мусорного контейнера (*не «встала», а «притаилась»*, мысленно уточнила она) в ожидании, пока парень удалится. После его ухода она вернулась к телефонам-автоматам, чтобы следить за дорогой. Несмотря на многочисленные травмы и ушибы, ее живот рокотал от голода. Она пропустила время ужина: ей было не до еды — ее насиловали и чуть не убили. Сейчас бы она не отказалась от любого, традиционно предлагаемого в подобных местах «закусона», посчитав деликатесом даже противное арахисовое печенье жуткого желтого цвета. Но денег не было. Правда, в магазин Тесс не зашла бы даже и при их наличии — известно, какое освещение в придорожных забегаловках: при свете беспощадно ярких флуоресцентных ламп и здоровый человек похож на умирающего от рака поджелудочной. Взглянет продавец на ее физиономию — расквашен-

ный нос и кровоточащие губы — и, возможно, ничего не скажет, только глаза вытаращит. А еще Тесс заметит, как невольно дернутся его губы. Потому что — если уж честно — побитая дама порой и впрямь выглядит до смешного нелепо. Особенно в пятницу вечером. *И кто ж вас так, дамочка? За что ж тебе так досталось? Не уступила, после того как на тебя изрядно потратились?*

Это напомнило ей старую шутку: *И откуда в Америке ежегодно берутся триста тысяч побитых женщин? Да просто им... неимется.*

— Ничего, — прошептала она. — Вот доберусь до дома и поем. Может, сделаю себе салат с тунцом.

Прозвучало это заманчиво, однако где-то в глубине души она понимала: те дни, когда она ела салат с тунцом или — к слову — противное арахисовое печенье, продававшееся в придорожных забегаловках, остались в прошлом. Автомобиль «Ройял лимузин сервис», который должен был забрать ее и прекратить этот кошмар, казался ей несбыточной мечтой сумасшедшего.

Откуда-то слева до Тесс доносился шум машин, проносившихся по Восемьдесят четвертому шоссе — трассе, по которой ей можно было бы благополучно добраться, не воспользуясь она добрым советом сократить обратный путь. Там, по магистрали, ехали по своим делам люди, которых никогда не насиловали и не запикивали в трубы. Тесс показалось, что звук беспечно проезжавших мимо машин лишь усилил охватившее ее чувство одиночества.

16

Заказанный лимузин все-таки подъехал — это оказался «лин-кольт-таун-кар». Сидевший за рулем человек вылез и осмотрелся. Тесс внимательно разглядывала его из-за угла магазина. На нем был темный костюм. Этот шупленький парнишка в очках совсем не походил на насильника. Однако, напомнила себе Тесс, далеко не все Громилы насилюют женщин, а не все насиль-

ники — Громилы. Так или иначе, приходилось ему довериться. Раз ей необходимо домой кормить Фридика, других вариантов нет. Кинув свою замызанную импровизированную накидку возле исправного телефона-автомата, Тесс направилась к машине, стараясь идти медленно и ровно. После сумрака укрытия за углом магазина свет, падавший из его окон, казался ослепительно ярким, и она представляла, на что похоже ее лицо.

Он поинтересуется, что со мной случилось, и спросит, не надо ли мне в больницу.

Однако Мануэль (очевидно, выдавший и не такое — а почему нет?), открыв перед ней дверцу автомобиля, сказал лишь:

— Фирма «Ройял лимузин сервис», прошу вас, мэ.

Она отметила его легкий латиноамериканский акцент, смуглую кожу и темные глаза.

— И мне предоставят фирменные услуги? — попыталась с улыбкой пошутить Тесс, но распухшие губы болезненно напомнили о себе.

— Да, мэ, — последовал короткий ответ.

Храни тебя Бог, Мануэль, очевидно, выдавший и не такое, — может, там, откуда ты родом, а может, и на заднем сиденье этого самого автомобиля. Кто знает, какие тайны хранят водители лимузинов? Возможно, ответа на этот вопрос хватило бы на добротную книгу — не из тех, что писала Тесс, разумеется... Интересно, какие книги она отныне будет писать? Да и будет ли писать вообще? Сегодняшнее «приключение» на какое-то время отодвинуло на второй план одинокую безмятежную жизнь. А может, и навсегда. Трудно сказать.

Она стала забираться на заднее сиденье точно старуха с прогрессирующим остеопорозом. Устроившись наконец, она вцепилась в ручку и проследила за тем, как за руль сел именно Мануэль, а не Громила в комбинезоне. В «Ужасе на Стэг-роуд-2» за рулем оказался бы именно Громила: еще один «трах» перед заключительными титрами. *Относись ко всему с юмором — полезно для здоровья.*

Но на водительское сиденье опустился Мануэль. Конечно, это он. И у нее отлегло.

— Мне сказали, мы едем по адресу: Стоук-Виллидж, Прим-роуз-лейн, девятнадцать — верно?

Тесс на мгновение растерялась: в телефоне-автомате она лихо набрала номер своей телефонной карты, но собственный адрес вылетел у нее из головы.

Спокойно, сказала она себе. Все позади. Это не фильм ужасов, а реальная жизнь. С тобой случилось нечто ужасное, но все уже позади. Спокойно.

— Да, Мануэль, верно.

— Будем куда-нибудь заезжать или поедем прямо домой? — Из всего им сказанного это, пожалуй, единственное, что можно было бы счесть намеком на то, что открылось его взору при свете вывески заведения «Подкрепись и катись», когда Тесс направлялась к лимузину.

В какой-то степени удачей можно было считать то, что она постоянно принимала противозачаточные таблетки, хотя за последние три года у нее никого не было... Однако сегодня с удачей было туго, и Тесс радовалась даже такой малости. Она не сомневалась, что Мануэль мог бы без труда проехать мимо какой-нибудь круглосуточной аптеки — их адреса, как правило, известны таксистам, но она с трудом могла представить, как входит туда и просит посткоитальный контрацептив. Ее лицо слишком явно говорило о том, зачем он ей нужен. Плюс, разумеется, проблема денег.

— Нет, Мануэль, прямо домой, пожалуйста.

Вскоре они выехали на Восемьдесят четвертое шоссе, где по причине пятницы было весьма оживленно. Стэг-роуд с заброшенным магазином остались позади. А впереди Тесс ждал дом. С системой безопасности и замками на всех дверях. И это радовало.

17

Все произошло именно так, как она и представляла: приезд, добавленные к оплате кредиткой чаевые, окаймленная цветами дорожка к дому (она попросила Мануэля посветить фа-

рами и не уезжать, пока она не окажется в доме), мяуканье Фририка, в то время как она, наклонив почтовый ящик, на ощупь снимала с крючка запасной ключ. И вот она уже внутри, под ногами вертится Фририк, стремящийся к ней на руки, чтобы его приласкали и покормили. Тесс все это сделала, но только после того, как заперла входную дверь, а затем впервые за долгое время включила охранную сигнализацию. Лишь дождавшись огонька «АКТИВИРОВАНО» в крохотном зеленом глазке над кнопками управления, она стала понемногу приходить в себя. Заглянув на кухню, с удивлением обнаружила, что еще лишь четверть двенадцатого.

Пока Фририк поедал свое лакомство, Тесс проверила двери — заднюю и боковую, ведущую в патио. Убедившись, что они закрыты, приступила к окнам. Сигнализация должна была среагировать, если бы что-то оказалось открыто, но Тесс ползгалась только на себя. Удостоверившись, что все как надо, она направилась в прихожую, чтобы достать из кладовки коробку, лежавшую там на полке так долго, что на крышке образовался слой пыли.

Пять лет назад в северном Коннектикуте и южном Массачусетсе произошла череда краж со взломом. Разбойниками в основном оказывались наркоманы, подсевшие на так называемые восьмидесятки, именуемые их «поклонниками» в Новой Англии «Оксиконтин»*. Населению рекомендовалось быть бдительным и принять «разумные меры предосторожности». Тесс не являлась яркой сторонницей или противницей огнестрельного оружия, да и угроза ночного проникновения в то время не сильно ее беспокоила. Однако под «разумными мерами предосторожности» оружие подразумевалось весьма недвусмысленно; к тому же ей хотелось побольше узнать о средствах защиты для своей следующей книжки из серии «Уиллоу-Гроув», а возникшая опасность кражи со взломом оказалась как нельзя более кстати.

Тесс отправилась в Хартфорд, в оружейный магазин, лучший по отзывам в Интернете, и продавец порекомендовал ей «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, который он на-

* Оксиконтин — наркотическое средство.

звал «лимоновыжималкой». Она и купила-то его из-за того, что ей понравилось слово. Продавец посоветовал ей и хорошее стрельбище на окраине Стоук-Виллиджа. Тесс добросовестно отправилась туда по окончании сорокавосемичасового периода ожидания, когда пистолет оказался в полном ее распоряжении. За какую-то неделю ей удалось расстрелять около четырехсот патронов. Поначалу стрельба ее будоражила, однако тренировки быстро наскучили. С тех пор пистолет покоился в коробке вместе с пятьюдесятью патронами и соответствующим разрешением.

Заряжая его теперь, она чувствовала себя лучше — увереннее — с каждым отправленным в магазин патроном. Тесс положила пистолет на кухонный стол и проверила автоответчик. Там оказалось лишь одно сообщение. Оно было от соседки Пэтси Макклеин: «Заметила, что у тебя вечером не горел свет. Решила, что ты могла остаться на ночь в Чикопи. Или все-таки поехала в Бостон? Ладно, я брала ключ за почтовым ящиком, чтобы покормить Фрищика. Да, а почту положила тебе на стол — там одна реклама. Позвони завтра до работы, если вернешься. Просто хочу знать, что все в порядке».

— Эй, Фриц, — сказала Тесс, наклоняясь погладить кота, — похоже, ты получил сегодня двойную порцию. Ну ты и хитер...

У нее в глазах потемнело и, не успей она ухватиться за кухонный стол, точно растянулась бы на покрытом линолеумом полу. От неожиданности она слабо охнула — голос прозвучал словно из небытия. Поведя ушками назад, Фрищик на всякий случай покосился в ее сторону, словно определяя, не упадет ли она (и если да, то не на него ли), и вновь сосредоточился на своем втором ужине.

Опираясь на всякий случай о стол, Тесс медленно выпрямилась и открыла холодильник. Салата с тунцом там не нашлось, зато был творожок с клубничным джемом. Она с жадностью набросилась на него, выскребая ложкой из пластиковой посуды все до последней капли — прохладный и нежный творожок успокоил ее саднящее горло. Она вряд ли смогла бы есть что-то другое, даже тунца в консервах.

Яблочный сок она попила прямо из бутылки, затем попле-лась в ванную. Пистолет она прихватила с собой, сжимая пальцы вокруг предохранительной скобы спускового крючка, как учили.

На полке над раковиной стояло овальное увеличительное зеркало — рождественский подарок брата из Нью-Мексико. Над ним золотистыми буквами значилось: «ХОРОШУШКА». Прежняя Тесс пользовалась им, когда выщипывала брови и подправляла макияж. Нынешняя внимательно рассмотрела глаза. Они были, разумеется, воспалены, но зрачки казались одинаковыми. Выключив в ванной свет, она досчитала до двадцати, опять включила свет и последила за реакцией зрачков. Все вновь оказалось в норме. Похоже, обошлось без черепных трещин. Может, только небольшое сотрясение, легкое... правда...

Я что — специалист? Я получила «бакалавра искусств» в Коннектикутском университете, имею ученую степень в области изучения пожилых детективов-любительниц, обменивающихся на протяжении четверти каждой книги рецептами, которые я таскаю из Интернета, а потом слегка изменяю, чтобы меня не обвинили в плагиате. Да, я могу ночью впасть в кому или умереть от кровоизлияния в мозг. А Пэтси обнаружит меня, лишь когда в следующий раз придет кормить кота. Тебе надо к врачу, Тесса Джин. И ты сама это прекрасно знаешь.

Но она прекрасно знала и то, что если пойти к врачу, ее несчастье может стать достоянием общественности. Врачи гарантировали конфиденциальность — это являлось частью данной ими клятвы, и некая абстрактная дама, работающая юристом, уборщицей или агентом по продаже недвижимости, вероятно, могла бы на это рассчитывать. И возможно, очень даже возможно, на это могла бы рассчитывать и Тесс — всякое бывает. Однако посмотрите-ка, в кого превратилась актриса Фарра Фосетт, стоило раскрыть рот кому-то из медперсонала, — стала героиней бульварной прессы. Тесс самолично слышала о психиатрических злоключениях некоего писателя, который одно время был широко известен своими рассказиками пикантного свойства. Самые смачные подробности не более двух месяцев

назад ей за обедом рассказала ее литагент... и Тесс все выслушала.

Более того, думала она, глядя на свое вызывающее жалость отражение в увеличенном варианте, я при первой же возможности растрепала это еще кому-то.

Даже если медперсонал во главе с доктором и не разболтают о том, что автор дамских детективов была избита, изнасилована и ограблена по дороге домой после своего публичного выступления, как насчет других пациентов, которые могут увидеть ее в приемной врача? Кое-кто наверняка догадается, что она не просто «некая женщина с расквашенным носом, которую явно избили», а писательница из Стоук-Виллиджа — та самая авторша книг о пожилых детективах-любителях, про которых год-два назад по каналу «Лайфтайм» крутили фильм: «Боже мой, видели бы вы ее!»

Нос Тесс все же оказался цел. Трудно поверить, что он мог так болеть, хотя его Громила не сломал. Однако это было именно так. Нос распух (а как же — бедненький), разболелся, но дышать Тесс могла, а имевшийся у нее наверху викадин, должен был на ночь унять боль. Имелись у нее и пара цветастых фингалов, подбитая распухшая щека и круг из синяков на шее. Он-то и был хуже всего: такого рода «ожерелье» можно приобрести лишь единственным способом. Шишки, синяки и ссадины красовались и в других местах — на спине, на ногах и на заднице. Но Тесс надеялась, что самое страшное все же скроется под одеждой.

Отлично. Сочиняю на ходу. Хоть стихи пиши.

— Горло, горло... Можно надеть водолазку...

Точно. Октябрьская погода располагает к вещам с высоким воротом. А Пэтси можно сказать, что ночью упала и ударилась. Например...

— Мне показалось, я уловила какой-то шум. Пошла вниз посмотреть, а тут Фрицик попался под ноги.

Фрицик, услышав свое имя, мяукнул возле двери ванной.

— Или, например, ударилась головой о стойку перил внизу. Или даже...

Может, сделать на стойке маленькую вмятину? Конечно! Лучше всего, наверное, с помощью молотка для отбивания

мяса, который лежит у нее в кухонном ящике. Особенно усердствовать не стоит — лишь чуть-чуть повредить краску. Разумеется, врача (или проницательную даму-детектива типа Дорин Маркис, возглавляющую Клуб любителей вязания) так не проведешь, а вот милую Пэтси-Макси можно. Муж, поди, ни разу за двадцать лет совместной жизни не поднял на нее руку.

— Нет, я вовсе не стыжусь, — прошептала она женщине в зеркале. Той, другой женщине с кривым носом и распухшими губами. — Не в том дело. — Однако окажись это достоянием общественности, все выглядело бы именно так. Ее выставили бы нагой. Беззащитной жертвой.

А как же те женщины, Тесса Джин? Те, что в трубе?

Надо будет об этом подумать, но только не сегодня. Сейчас она жутко устала, измучена болью и истерзана до глубины души.

Но где-то внутри (в глубине своей истерзанной души) она чувствовала тлеющие угольки ярости по отношению к человеку, виноватому в этом. К человеку, вогнавшему ее в нынешнее состояние. Она взглянула на лежавший на раковине пистолет и осознала, что применила бы его без малейших колебаний, окажись этот человек сейчас здесь. Неожиданное открытие немного смутило ее. Но вместе с тем и чуточку придало ей душевных сил.

18

Тесс чуть отбила краску от стойки перил молотком для мяса и в тот момент уже чувствовала себя настолько измученной, что ей казалось, будто она бродит в чьем-то чужом сне. Осмотрев вмятинку, Тесс решила, что все выглядит чересчур аккуратно, и еще слегка пристукнула по краям. Убедившись, что метина теперь стала более или менее выглядеть так, будто Тесс здесь действительно стукнулась — тем местом, где на ее лице был самый страшный синяк, — она с пистолетом в руке медленно поднялась наверх и прошла по коридору.

Перед дверью в спальню, которая оказалась чуть приоткрытой, она в нерешительности помедлила. А вдруг там он? Ее сумочка осталась у него, а значит, и адрес есть. Сигнализация до ее прихода была выключена (какая небрежность!). Он мог припарковать свой «форд» за углом. Мог вскрыть кухонную дверь — для этого сойдет даже стамеска.

Если бы он был там, я бы его почуяла. Его запах пота. И я бы пристрелила его. Без всяких там «На пол — лежать!» или «Руки вверх — я набираю девять-один-один» — ничего такого, что обычно бывает в фильмах ужасов. Просто застрелила бы — и все. Но прежде сказала бы... что?

— Вы нравитесь друг другу, — прохрипела Тесс. Да. Точно. Он не поймет, но это и не важно.

Она вдруг осознала, что ей отчасти даже захотелось, чтобы он оказался у нее в комнате. Это могло означать, что нынешняя, другая женщина была скорее дерзкой, чем слегка безумной, — ну и что? Игра стоила свеч. Смерть Громилы помогла бы легче пережить унижение. А если взглянуть на «светлую сторону»? Могут вырасти объемы продаж!

Мне бы хотелось видеть страх в его глазах, когда он поймет, что я не шучу. Это хоть как-то восстановило бы справедливость.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Тесс нащупала в спальне выключатель, и ей, разумеется, постоянно чудилось, что ее вот-вот схватят за руку. Она стала медленно снимать одежду и невольно жалобно всхлипнула, когда, расстегнув брюки, увидела на лобковых волосах запекшуюся кровь.

Включив максимально горячий душ, она постаралась тщательно вымыть те места, где боль была терпима, и просто подставляла под струю воды остальные участки тела. Чистая горячая вода. Тесс хотелось смыть с себя запах Громилы, вместе с заплесневелой вонью ковровой дерюжки. Потом она присела на унитаз. На этот раз мочеиспускание оказалось не таким болезненным, но она невольно вскрикнула от жуткой боли, пронзившей ее голову, когда — крайне осторожно — попыталась выправить свой видоизмененный нос. Ну, что же теперь? У Нелл Гвин, известной актрисы елизаветинских времен, нос

тоже был не из прямых — Тесс точно помнила, что где-то про это читала.

Облачившись во фланелевую пижамку, она забралась на кровать. Лежа в постели с включенным светом и «лимоновым-жималкой» тридцать восьмого калибра на прикроватной тумбочке, она думала, что никогда не уснет, поскольку любой доносившийся с улицы звук был в ее воспаленном воображении связан с появлением Громилы. Но тут к ней на кровать прыгнул Фриц и, свернувшись калачиком у нее под боком, заурчал. Ей стало спокойнее.

Я — дома, крутилось у нее в голове. Дома, дома, дома.

19

Проснувшись в шесть утра, Тесс увидела лившийся в окна утренний свет. И это было вполне нормально. Предстояли определенные дела и решения, но для начала было приятно осознать, что она жива и лежит в собственной постели, а не в водопропускной трубе.

Мочеиспускание на этот раз оказалось почти нормальным, без крови. Она вновь встала под душ, сделала максимально горячую воду и, закрыв глаза, подставила под струю ставшее чересчур чувствительным лицо. Постояв так в свое удовольствие, она стала намыливать волосы шампунем, не спеша, размеренно массируя пальцами голову, стараясь избегать болезненного места, куда, очевидно, пришелся сильный удар Громилы. Поначалу саднившая глубокая царапина на спине мало-помалу успокоилась, и Тесс была близка к тому, чтобы испытывать блаженство. Сцена в ванной из «Психо»* ее практически не тревожила.

Душ неизменно был для нее местом, где ей лучше всего душевалось, — некой родной средой; а сейчас ей как никогда требовалось ясно и трезво поразмыслить.

* «Психо» — знаменитый психологический триллер Альфреда Хичкока.

Я не хочу идти к доктору Хедстром, и мне не нужно к доктору Хедстром. С этим решено; однако потом — примерно через пару недель, когда моя физиономия вновь станет более или менее нормальной — придется все же провериться, не подхватила ли какую-нибудь половую инфекцию...

— И на СПИД, — произнесла она. При этой мысли она так скривилась, что губам стало больно. Как бы ни страшно было об этом думать, анализы сдать придется. Ради собственного же спокойствия. Однако все это не имело отношения к тому, что для нее вылилось в главный вопрос наступившего утра. О надругательстве над своей персоной она могла пока не думать, но вот как быть с теми женщинами в трубе? Ведь они пострадали куда серьезнее, чем она. А следующая потенциальная жертва Громилы? Она несомненно будет. Не через месяц — так через год, но жертва появится. Выключая воду в душе, Тесс вдруг поняла: этой жертвой может стать и она, если, вернувшись к трубе, он обнаружит, что ее там нет. Как нет и ее одежды в заброшенном магазине. И если он порывлся в ее сумочке, а он наверняка это сделал, то заполучил ее адрес.

— Вместе с моими бриллиантовыми серьгами, — вслух добавила она. — Твою мать, чертов извращенец украл мои сережки!

Даже если он какое-то время не появится в том магазине или возле трубы, от этих женщин ей теперь никуда не деться. Она несла за них ответственность и была не вправе от нее уклониться лишь потому, что ее фото могло оказаться на обложке «Инсайд вью».

В это безмятежное утро в коннектикутском пригороде раздаться с проблемой казалось до смешного просто — анонимный звонок в полицию, и все. То, что до такого до сих пор не додумалась профессиональная романистка с десятилетним стажем, заслуживало «желтой карточки». Достаточно было указать место — заброшенный магазин «ВЫ НРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ» на Стэг-роуд — и описать Громилу. Отыскать его было несложно. Или его синий «форд» с фарами, залепленными «Бондо».

Проще простого.

Однако, пока Тесс сушила волосы, ее взгляд упал на «лимоновыжималку» тридцать восьмого калибра, и ей подумалось,

что все как-то слишком уж просто — *проще простого, потому что...*

— А дальше? — поинтересовалась она у Фрищика, сидевшего в дверях и наблюдавшего за ней ясными зелеными очами. — Дальше-то что?

20

Полутора часами позже Тесс говорила на кухне по телефону — в раковине стояла немытая тарелка, а на столешнице остывала вторая чашка кофе.

— О Боже! — воскликнула Пэтси. — Я сейчас приду.

— Нет, все в порядке, Пэт. А ты можешь опоздать на работу.

— По субботам у нас не так строго, а тебе надо к врачу! Вдруг у тебя сотрясение или, не дай Бог, еще что?

— Нет у меня никого сотрясения — просто чуть-чуть разукрасилась. А к врачу идти стыдно: я слегка перебрала — бокала три, а то и больше. Единственное, что я вчера правильно сделала, — так это вызвала такси, чтобы добраться домой.

— Ты уверена, что не сломала нос?

— Да... почти.

— А Фрищик-то жив?

Тесс вполне искренне расхохоталась:

— Я из-за пиликания пожарной сигнализации среди ночи спускаюсь в полудреме вниз, натываюсь на кота и чуть не погибаю, а ты в первую очередь беспокоишься о коте — замечательно!

— Нет, дорогая...

— Да ладно, я шучу, — успокоила Тесс. — Отправляйся на работу и не суетись. Я просто не хотела, чтобы ты ахала, когда меня увидишь, а то у меня пара красавцев фингалов. Можно подумать, меня навестил бывший супруг, если бы такой имелся.

— Никто бы не посмел поднять на тебя руку, — возразила Пэтси. — Ты у нас девушка отчаянная.

— Это точно, — согласилась Тесс. — Я бы подобного не потерпела.

— Ты хрипишь.

— Да, вдобавок ко всему я еще и простудилась.

— Слушай... если тебе что-то нужно... куриный бульончик, например, или какое-нибудь лекарство, или фильм с Джонни Деппом...

— Я позвоню, если что. А ты дуй на работу — тебя ждут местные модницы в поисках редкого шестого размера фасона Энн Тейлор.

— Иди ты! — рассмеявшись, повесила трубку Пэтси.

Тесс переставила кофе на кухонный столик. Там же, рядом с сахарницей, покоилось и оружие — натюрморт не совсем в стиле Дали, но что-то вроде. Затем картинка расплылась, потому что Тесс расплакалась. Причиной стал ее собственный бодренький голос — лживый насквозь. И к этому ей предстояло привыкнуть.

— Сволочь! — вскрикнула она. — Мерзкая сволочь! Ненавижу тебя!

За семь часов она уже дважды побывала под душем, но так и не добилась ощущения чистоты. Она мылась очень тщательно, но от мысли, что там, внутри ее, был...

— Его вонючий член.

Она вскочила, краем глаза заметив умчавшегося в переднюю кота, и едва успела к раковине, чтобы подступивший к горлу кофе с крекером не оказались на полу. Придя в себя, она взяла пистолет и пошла наверх в очередной раз принять душ.

21

После душа Тесс, укутавшись в уютный махровый халат, прилегла на кровать обдумать, откуда лучше позвонить, чтобы сохранить анонимность. Лучше всего из какого-нибудь оживленного места. Со стоянкой, чтобы можно было позвонить и смотреться. Например, годится торговый центр «Стоук-Вил-

лидж-молл». Вопрос еще в том, кому и куда звонить. В Коулвич? Или здесь может получиться как с Помощником Догом*? Может, лучше в полицию штата? А еще лучше — написать, что она будет говорить... чтобы особенно не распространяться... и ничего не упустить...

Она задремала, лежа на кровати в лучике солнечного света.

22

Где-то далеко, словно на другой планете, зазвонил телефон. Когда звонки прекратились, Тесс услышала собственный голос — приятную бесстрастную запись ответа, начинавшегося словами: «Вы позвонили...» Потом кто-то оставил сообщение. Какая-то женщина. К этому моменту Тесс уже несколько очнулась от сна; звонивший повесил трубку.

Она взглянула на часы на тумбочке: без четверти десять. Значит, она проспала еще два часа. Поначалу она перепугалась: вдруг у нее все же сотрясение или трещина? Потом немного успокоилась. Минувшей ночью у нее была большая физическая нагрузка, так что дополнительный сон не удивителен. Может, она и днем вздремнет (уж под душ точно сходит), однако это потом. Прежде требовалось кое-что сделать.

Она надела длинную твидовую юбку и свитер с высоким воротом, который был ей великоват — ворот упирался в подбородок. Тесс это вполне устраивало. Чтобы скрыть синяк на щеке, она воспользовалась маскировочным кремом — полностью, разумеется, замазать синеву не вышло, но стало намного лучше. Синяки под глазами не смогли спрятать даже самые большие темные очки Тесс, а о распухших губах и говорить нечего. Однако макияж все же помог. Уже сам процесс его при-

* Помощник Дог — мультипликационный персонаж, помощник шерифа, пес, который, помогая местному шерифу, то сажал провинившихся в тюрьму, то водил с ними дружбу, снисходительно относясь к их проступкам.

менения в определенной степени возвращал Тесс к жизни, давал ощущение, что она все-таки владеет ситуацией.

Спустившись, Тесс нажала кнопку, чтобы прослушать сообщение, полагая, что это скорее всего Рамона Норвил решила, как водится, на следующий день сделать традиционный «звонок вежливости» — дескать, все было здорово; надеюсь, вам тоже понравилось; великолепные отзывы; приезжайте еще (черта с два!); ля-ля-ля и так далее. Но это была не Рамона. Сообщение оказалось от женщины, представившейся как Бетси Нил. Она якобы звонила из «Одинокого бродяги».

— Всячески стараясь предотвратить управление автомобилем в нетрезвом состоянии, мы в качестве добровольной услуги всегда звоним тем, кто оставляет автомобили на нашей стоянке после закрытия заведения, — говорила Бетси Нил. — Вы можете забрать свой «форд-экспидишн», коннектикутский номер 775 NSD, до пяти часов сегодняшнего вечера. После пяти он за ваш счет будет отбуксирован на стоянку авторемонтной станции по адресу Джон-Хиггинз-роуд, 1500, в Северном Коулвиче. Прошу иметь в виду, что мы не располагаем ключами от вашего автомобиля — очевидно, вы взяли их с собой. — Бетси Нил сделала паузу. — Просим вас зайти в офис, так как у нас имеются и другие принадлежащие вам вещи. И не забудьте, что мне понадобится взглянуть на какой-нибудь ваш документ. Спасибо. Приятного дня.

Усевшись на диван, Тесс рассмеялась. Надо же — до звонка дамы по фамилии Нил она собиралась ехать на своем «форде» в торговый центр! У нее не было ни сумочки, ни ключей, ни самой машины, а она собиралась привычно выйти из дома, сесть за руль и...

Откинувшись на подушку, она громко расхохоталась, молотя кулаком по ноге. Фрицик наблюдал за ней из-под кресла в противоположном конце комнаты так, словно она сошла с ума. «Все мы тут безумны, выпей-ка чаю»*, — вспомнилось ей, и она расхохоталась еще сильнее.

* Цитата из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

Наконец успокоившись (со стороны могло показаться, будто Тесс обессилела), она вновь прослушала сообщение. На сей раз ее внимание привлекли слова Нил о «других принадлежащих ей вещах». Сумочка? А может, и бриллиантовые серьги? Но на такое рассчитывать не приходилось.

Появиться у «Стэгтер инн» на черном автомобиле из «Ройял лимузин сервис» было бы слишком вызывающе, поэтому Тесс просто вызвала такси. Диспетчер сказал, что ее с удовольствием доставят, как он выразился, к «Бродяге» ровно за полтинник.

— Сожалею, что так дорого, — оговорился он, — но назад таксисту придется ехать порожняком.

— Откуда вы знаете? — удивилась Тесс.

— Вы ведь за машиной, да? Обычное дело по выходным. Правда, иногда приходится ездить ночами после караоке. Такси будет минут через пятнадцать, а то и быстрее.

Тесс съела плюшку (глотать было больно, но поскольку первый завтрак впрок не пошел, она проголодалась) и в ожидании такси встала у окна, подкидывая на ладони запасной ключик от своего «форда-экспидишн». Она решила немного изменить план: не нужно ей ни в какой торговый центр — забрав машину (вместе с другими, оказавшимися у Бетси, «принадлежащими ей вещами»), она проедет с полмили до «Подкрепись и ка-тись» и позвонит оттуда в полицию.

Так все выглядело даже логичнее.

23

Тесс почувствовала, как участился ее пульс, когда такси свернуло на Стэг-роуд. А когда они подъехали к «Стэгтер инн», сердце выдавало уже не меньше ста тридцати ударов в минуту. Таксист, словно почувствовав что-то неладное, а может, заметив некие внешние проявления, осмелился поинтересоваться:

— Все в порядке, мэм?

— Все отлично, — отозвалась она. — Просто я не планировала вновь оказаться здесь нынешним утром.

— Так обычно и бывает, — заметил таксист. Зубочистка у него во рту медленно кочевала из одного уголка рта в другой. — Надо полагать, ключи от машины у них? Оставили у бармена?

— С ключами все в порядке, — бодро ответила Тесс. — Но у них еще какие-то мои вещи. Леди, что звонила мне, не стала уточнять, а я хоть убей не могу вспомнить. — *Боже, я изъясняюсь, точно как мои престарелые детективы-любительницы.*

Зубочистка во рту таксиста перекатилась к своему отправному пункту — таков был его ответ.

— Я накину вам еще десять долларов, если вы меня подождете. — Тесс кивнула в сторону кафе. — Хочу убедиться, что моя машина заведется.

— Ньет проблема, — шутливо отозвался таксист.

А если я закричу, увидев, что он меня там поджидает, — бегом ко мне, договорились?

Но она ни за что не сказала бы этого, ведь он решил бы, что она рехнулась. Таксисту было лет пятьдесят, он страдал полнотой и одышкой, и, случись такое (а в фильме ужасов именно так бы и произошло), вряд ли он смог противостоять Громиле...

Заманили, крутилась в голове у Тесс зловеющая мысль, заманили с помощью телефонного звонка подружки Громилы, такой же ненормальной, как он.

Дурацкая навязчивая мысль. Однако путь до двери «Стэггер инн» показался ей чересчур долгим, а стук собственных шагов по хорошо утоптанной грязи очень громким: *пум-пум-пум*. Стоянка, где прошлым вечером было море машин, практически опустела за исключением четырех «автоостровков», одним из которых был «форд-экспидишн». Он стоял в самом дальнем углу — разумеется, Громиле не хотелось, чтобы его заметили, когда он ставил машину. Тесс обратила внимание на переднее левое колесо — там стояла обычная черная покрышка, она отличалась от трех других, но в остальном все выглядело совершенно обыкновенно. Значит, шину он заменил. Ну, разумеется. А как еще он смог бы убрать автомобиль от своего... своего...

...От своего места развлечений. От своей смертельной западни. Он перегнал его сюда, поставил на стоянку, нешком вернулся

к заброшенному магазину и уехал на своем стареньком пикапе. Хорошо, что я не очухалась раньше, а то он увидел бы, как я блуждала вокруг заброшенного магазина, и меня бы сейчас здесь не было.

Обернувшись, Тесс посмотрела назад. В одном из фильмов, сюжет которого постоянно крутился у нее в голове, она бы наверняка увидела, что такси уносится прочь (оставляя ее на волю судьбы), однако автомобиль стоял на прежнем месте. Подняв руку, она махнула водителю, и тот ответил ей взмахом руки. У нее было все в порядке. Ее машина здесь, а Громила — нет. Скорее всего он находился дома (в своем логове), вероятно, отсыпался после выпавшей на его долю минувшим вечером физической нагрузки.

На двери висела табличка «МЫ ЗАКРЫТЫ», и, постучав, Тесс не дождалась ответа. Она подергала ручку, и когда та повернулась, в ее памяти вновь всплыли сюжеты зловещих фильмов. Совершенно глупые сюжеты, в которых ручка поддается, а героиня (неизменно дрожащим голосом) спрашивает: «Здесь есть кто-нибудь?» Зрителям понятно, что только идиотка может войти внутрь, но она все же идет.

Тесс вновь оглянулась на такси, увидела, что машина на месте, напомнила себе, что у нее с собой в сумочке заряженное оружие, и вошла.

24

Она прошла в вестибюль, протянувшийся на всю длину здания со стороны парковки. Стены были украшены рекламными снимками: музыканты все в коже или джинсе, некая девчачья группа в мини-юбках. За вешалками располагался дополнительный бар — без кресел, лишь стойка, где можно заказать напиток в ожидании кого-то или в случае, если в основном баре было столпотворение. Над рядами бутылок сияла единственная красная надпись: «БУДВАЙЗЕР».

Вы с «Будом» нравитесь друг другу, подумала Тесс.

Она сняла темные очки, чтобы лучше видеть, и пересекла фойе, чтобы заглянуть в основное помещение. Там было довольно просторно и витал отчетливый запах пива. Зеркальный дискотечный шар висел неподвижно. Деревянный пол напомнил ей о катке для катания на роликах, таком, где она провела с подружками лето после восьмого класса. Музыкальные инструменты остались на своих местах, словно намекая на то, что пекари-зомби предстоящим вечером вернутся и щедро угостят всех очередной порцией рок-н-ролла.

— Есть кто-нибудь? — Ее голос отозвался эхом.

— Я здесь, — негромко послышался голос сзади.

25

Если бы голос был мужской, Тесс вскрикнула бы. Однако она настолько резко обернулась, что чуть не упала. В вестибюле возле вешалок стояла женщина — худосочное создание, не выше пяти с небольшим футов; удивленно моргнув, она от неожиданности чуть отпрянула.

— Тише, тише.

— Вы меня напугали, — сказала Тесс.

— Да уж вижу. — Ее личико идеально овальной формы было точно облачком обрамлено черными начесанными волосами. Из них выглядывал карандаш. У нее были несколько необычные — какие-то разные — обворожительные синие глаза. *Девушка в стиле Пикассо*, подумала Тесс. — Я сидела в офисе. Вы насчет «форда-экспидишн» или «хонды»?

— Насчет «форда».

— Есть какой-нибудь документ?

— Даже два, но фотография лишь на одном. На паспорте. А все остальное было у меня в сумочке. В другой сумочке. Я решила, что она-то у вас и оказалась.

— К сожалению, нет. Может, вы ее сунули под сиденье или еще куда-нибудь? Мы проверяем только бардачки, да и то если машина не заперта. Ваша оказалась открытой, и на страховке

есть номер вашего телефона. Ну, вы, видимо, и сами это знаете. Может, дома сумочка отыщется? — Судя по тону Нил, такое казалось ей маловероятным. — Одного документа с фотографией вполне достаточно, если, конечно, вы там на себя похожи.

Нил повела Тесс к двери в глубине гардероба, затем по узкому коридору, опоясывающему основное помещение. Там на стенах тоже висели фотографии ансамблей. В каком-то месте их окутал запах хлорки, от которого у Тесс заслезились глаза и перехватило и без того болевшее горло.

— Вам не нравится этот запах? Представьте, как тут пахнет в самый разгар вечера, — сказала Нил, но тут же осеклась. — Совсем забыла — вы же были тут.

Тесс оставила это без комментариев.

В конце коридора была дверь с надписью «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ». За ней оказалась просторная уютная комната, залитая солнечным светом. На стене висела заключенная в рамку фотография Барака Обамы, а чуть выше — наклейка для бампера с девизом: «ДА, МЫ СМОЖЕМ». Из окна Тесс не было видно такси, стоявшего за углом, но она видела его тень.

Хорошо. Так и стой — получишь свои десять долларов. А если я не выйду — сюда не суйся. Просто вызови полицию.

Нил подошла к столу в углу комнаты и опустилась на стул.

— Давайте посмотрим ваш документ.

Порывшись в сумочке, Тесс вытащила оттуда свой паспорт и карточку члена Гильдии писателей. Бегло просмотрев паспорт, Нил остановила взгляд на членской карточке, и у нее округлились глаза.

— Так вы — та самая, что пишет про «Уиллоу-Гроув»!

Тесс хотела было в ответ улыбнуться, но губам стало больно.

— Есть такой грех. — Ее голос звучал несколько глухо, словно у нее сильнейшая простуда.

— Моя бабуля обожает эту серию!

— И не только ваша, — заметила Тесс. — Когда такая любовь постепенно охватит следующее поколение, которое будет обеспечено лучше, пожалуй, смогу купить себе замок во Франции.

Иногда эта шутка вызывала улыбку, но сейчас был явно не тот случай.

— Надеюсь, это случилось не здесь. — Мисс Нил не стала уточнять что, да в этом и не было необходимости. Тесс понимала, о чем шла речь, и Бетси Нил знала, что Тесс понимала.

У Тесс промелькнула мысль повторить историю, уже рассказанную ею Пэтси, — сигнал дымового детектора, попавшийся под ноги кот, стойка перил, — но она решила этого не делать. У Бетси Нил был деловитый вид трезвомыслящей женщины, которая скорее всего старалась посещать «Бродягу» в его рабочие часы как можно реже, при этом явно не заблуждаясь насчет того, что здесь порой творилось в поздние часы, когда гости хмелели. Ведь именно она, приходя сюда по субботам ранним утром, вежливо обзванивала всех, чьи машины оказались на стоянке. И ей наверняка часто приходилось выслушивать истории о ночных падениях, ушибах и прочем.

— Нет, не здесь, — ответила Тесс. — Не беспокойтесь.

— И не на стоянке? Потому что если у вас были какие-то неприятности на стоянке, мне придется сообщить об этом мистеру Рамблу, чтобы он, в свою очередь, побеседовал со службой охраны. Мистер Рамбл — мой босс, а служба охраны обязана при наплыве посетителей регулярно отслеживать ситуацию по видеомониторам.

— Это случилось после того, как я уехала.

Теперь уж мне точно придется сообщать о случившемся анонимно; если я вообще намерена о чем-то сообщать. Потому что я солгала, а она все запомнит.

А она намерена о чем-то сообщать? Конечно, намерена. Разве нет?

— Мне очень неловко. — Нил замялась: ее будто одолевали сомнения. Затем все же продолжила: — Не хочу показаться бестактной, но вам, похоже, несвойственно ходить в такие заведения. У вас какие-то неприятности, и если это окажется в газетах... моя бабуля очень расстроится.

Для Тесс это прозвучало весьма убедительно. А поскольку ей было по силам и расписать все довольно убедительно (ведь

именно этим своим талантом она, в конце концов, и зарабатывала на жизнь), то она этим воспользовалась:

— Порой бойфренда следует опасаться больше укуса змеи. Кажется, в Библии есть нечто в этом роде. А может, и у доктора Фила*. В любом случае я с ним рассталась.

— Многие женщины так говорят, а потом идут на попятную. А человек, поступивший так однажды...

— Вновь так поступит. Да, знаю, что вела себя глупо. Если у вас нет моей сумочки, что же у вас тогда из моих вещей?

Мисс Нил повернулась на кресле (солнце скользнуло по ее лицу, на мгновение высветив удивительно синие глаза), открыла шкафчик и вынула оттуда «Тома-Тома». Тесс была в восторге от встречи со своим старым попутчиком. Нельзя сказать, что все мгновенно стало на свои места, но это был один из шагов в верном направлении.

— Мы ничего не трогаем в автомобилях наших посетителей, стараемся только по возможности отыскать адрес или номер телефона, а потом запираем машину. Но оставить такое показалось бы мне ошибкой. У вору не дрогнет рука разбить стекло, если увидят что-то ценное, а этот лежал прямо на самом виду на приборной панели.

— Благодарю вас. — Тесс ощутила слезы, подступившие к глазам, скрытым за темными очками, и подавила их усилием воли. — Очень предусмотрительно с вашей стороны.

Бетси Нил улыбнулась, отчего строгое лицо Мисс Ответственной за Бизнес стало на мгновение лучистым.

— Пожалуйста. А когда этот ваш бойфренд приползет назад с просьбой дать ему второй шанс, вспомните о моей бабуле и всех ваших преданных читательницах и скажите ему «черта с два, Хосе». — Она на пару секунд задумалась. — Только сделайте это, держа дверь на цепочке. Ибо плохой бойфренд и в самом деле опаснее змеи.

— Спасибо за совет. Послушайте, мне надо идти. Я попросила такси подождать, пока я не буду точно знать, что смогу уехать на своей машине.

* Имеется в виду Фил Макгроу, известный американский телеведущий, автор публикаций, психолог.

На этом все могло бы и закончиться — могло бы, — но тут Бетси Нил с подобающей скромностью поинтересовалась, не оставит ли Тесс автограф для ее бабушки. Тесс, разумеется, не возражала и, несмотря на все случившееся, с неподдельным интересом проследила за тем, как Нил, отыскав листок бумаги, оторвала от него сверху с помощью линейки логотип «Стэггер инн» и протянула его ей через стол.

— Можно так: «Для Мэри, преданной читательницы»?

Конечно, можно. И когда она уже дописывала дату, ей пришла в голову свежая идея.

— Меня тут выручил один мужчина, когда мы с бойфрендом... ну, знаете... поцапались. Если бы не он, мне бы еще больше досталось. — *Да-да! Могли даже изнасиловать!* — Я бы хотела его поблагодарить, но не знаю его имени.

— Вряд ли я вам смогу чем-то помочь. Я лишь офисный работник.

— Но вы же местная — так?

— Да...

— Он повстречался мне в магазинчике дальше по дороге.

— «Подкрепись и...»?

— Кажется, да. Именно там мы с приятелем и повздорили. Все из-за машины. Я сама не хотела вести и его за руль не пускала. Мы препирались все время, пока шли по шоссе... одни-одинешеньки... «одинокие бродяги» на «одиноком шоссе»...

Нил улыбнулась так, как обычно улыбаются, когда слышат уже превратившуюся в банальность шутку.

— Так вот, этот мужчина ехал на стареньком синем пикапе с фарами, залепленными такой штукой от ржавчины...

— «Бондо»?

— Да, вроде бы... — Тесс прекрасно знала, что именно так, и больше никак: отец в свое время был чуть ли не единственным сторонником этой компании. — Одним словом, помню, я подумала, что он не просто ездит в своем пикапе, а словно надевает его на себя.

Протягивая через стол подписанный листок бумаги, она заметила, что Бетси Нил уже откровенно улыбалась:

— Господи, я, кажется, действительно знаю, о ком вы говорите.

— Правда?

— Он просто здоровый или прямо здоровенный?

— Здоровенный, — ответила Тесс. — Она ощутила некую странную зыбкую радость, зародившуюся у нее где-то глубоко в груди. Такие же ощущения она испытывала в моменты, когда нити, казалось бы, нелепого сюжета вдруг начинали сплетаться воедино, туго стягиваясь, словно кулиски затейливой вместительной сумки. Когда такое происходило, она неизменно чувствовала себя двояко, но испытывала ни с чем не сравнимое удовлетворение.

— Случайно, не заметили, перстень у него на мизинце был, с красным камнем?

— Да! Похожим на рубин, но слишком большим, чтобы быть настоящим. И коричневая кепка...

Нил продолжала кивать:

— ...с белыми проплешинами. Он ее уже лет десять не снимает. Здоровенный водила — водила-громила. Не знаю, где он живет, но он местный — либо из Коулвича, либо из Нестор-Фоллз. Он встречается мне время от времени то в супермаркете, то в хозяйственном, то в «Уолмарте», еще где-то. Его раз увидишь — не забудешь. Зовут его Эл, а фамилия типа польская. Знаете — нечто такое труднопроизносимое. То ли Штрелкович, то ли Штанкович. Уверена, я могла бы его найти по телефонной книге, потому что у них с братом транспортная компания — грузовые перевозки... то ли «ястребиные», то ли «орлиные», словом, какие-то «птичьи». Хотите, поищу?

— Нет, благодарю, — вежливо отказалась Тесс. — Вы и так были очень любезны, а меня заждался таксист.

— Хорошо. Только уж, пожалуйста, держитесь подальше от этого вашего бойфренда. А заодно и от «Бродяги». Но, сами понимаете, если кому сболтнете, что это я так сказала, мне придется с вами расправиться.

— Договорились, — улыбнулась Тесс. — Вполне справедливо. — Она обернулась возле самой двери. — Маленькая просьба.

— Да, пожалуйста.

— Если вдруг случайно повстречаете Эла с «фамилией типа польской», не говорите ему о нашей беседе. — Она постаралась улыбнуться, несмотря на то что губы по-прежнему болели. — Хочу его приятно удивить — может, сувенирчик какой-нибудь подарить или еще как-нибудь.

— Без проблем.

Тесс чуть помедлила.

— У вас необыкновенно красивые глаза.

Пожав плечами, Нил улыбнулась:

— Спасибо. Они... разные, будто и не мои. Раньше это как-то смущало, а теперь...

— А теперь это вам на руку, — сказала Тесс. — Вы до них доросли.

— Видимо, да. Я в двадцатилетнем возрасте даже моделью подрабатывала. Но порой, знаете ли, лучше из чего-то вырастать. Как, например, из увлечений мужчинами с дурным характером.

К этому вряд ли можно было что-то добавить.

26

Убедившись в том, что «форд-экспидишн» нормально заводится, Тесс дала водителю такси двадцать долларов чаевых вместо десяти. Сердечно поблагодарив ее, он поехал в сторону Восемьдесят четвертого шоссе. Тесс собиралась последовать за ним, но прежде решила зарядить «Тома», подсоединив его к гнезду прикуривателя.

— Привет, Тесс, — сказал «Том». — Отправляемся в путь-дорогу?

— Просто домой, малыш, — ответила она, выезжая со стоянки и очень даже отдавая себе отчет в том, что на ее автомобиле стоит покрышка, установленная руками едва не убившего ее человека. Эл с «фамилией типа польской» — гребаный водила. — С одной лишь остановкой.

И тут же продолжила диалог от лица «Тома»:

— Не знаю, что у тебя на уме, Тесс, но стоит поостеречься.

Если бы она в этот момент была не в машине, а дома, эти слова можно было бы приписать Фрицику. Она с детства любила подделывать голоса, правда, лет с восьми-девяти перестала этим заниматься на людях, за исключением тех моментов, когда хотелось посмеяться.

— Сама не знаю, что у меня на уме, — ответила она, что не совсем соответствовало истине.

Впереди был перекресток Сорок седьмого с заведением «Подкрепись и катись». Тесс включила поворотник, свернула и припарковалась между двумя телефонами-автоматами сбоку здания. Ей бросился в глаза номер «Ройял лимузин сервис» на пыльной стене. Цифры были написаны непослушным дрожащим пальцем вкривь и вкось. У нее по спине пробежал холодок, и она крепко обхватила себя руками. Выйдя наконец из машины, Тесс направилась ко все еще исправному автомату.

Табличка с инструкцией оказалась полустертой — вероятно, какая-то пьянь поскребла ключом, — но выпуклые символы все же были видны: звонить по номеру 911 бесплатно. Надо просто поднять трубку и набрать номер. Проще простого.

Тесс нажала 9, помедлила, нажала 1, вновь помедлила. Ей представилась картина: глиняный горшок и женщина, намеревающаяся треснуть по нему палкой. Все, что внутри, вот-вот выплеснется наружу. Другьям и знакомым Тесс станет известно, что ее изнасиловали. Пэтси Макклеин узнает, что история о том, как Тесс в темноте споткнулась о Фрицика, на самом деле постыдная ложь... и что подруга, оказывается, не доверяла ей, раз не рассказала правду. Однако и это было не главное. Тесс посчитала, что вытерпит короткую публичную «экзекуцию», тем более если таким образом предотвратит новые преступления человека, которого Бетси Нил назвала водилой-громилой. Тесс полагала, что в ней даже могут увидеть героиню, хотя такое и представить было немыслимо минувшей ночью, когда в туалет было больно сходить, а мысли упорно возвращались к ее украденным трусикам, торчавшим из нагрудного кармана Громилы.

Вот только...

— Мне-то что с этого? — вновь очень тихо спросила она, глядя на написанный на пыльной стене номер телефона. — Что с этого мне?

И подумала: *У меня есть оружие, и я умею им пользоваться.*

Повесив трубку, Тесс вернулась к машине. Взглянула на экранчик «Тома», который показывал перекресток Стэг-роуд с Сорок седьмым шоссе.

— Мне нужно еще об этом подумать, — сказала она.

— О чем тут думать? — поинтересовался «Том». — Если ты его убьешь и тебя поймают, ты отправишься в тюрьму. Изнасиловали тебя или нет.

— Именно об этом и надо подумать, — ответила она и свернула на Сорок седьмое шоссе, которое должно было привести ее к Восемьдесят четвертому.

Большое шоссе субботним утром оказалось свободным, и ехать за рулем своего «форда» было приятно. Успокаивало. Как обычно. «Том» молчал до того момента, как она миновала знак «СЪЕЗД 9 СТОУК-ВИЛЛИДЖ 2 МИЛИ». Затем он поинтересовался:

— А ты уверена, что все произошло случайно?

— Что? — Тесс от неожиданности едва не подпрыгнула. Она произнесла слова «Тома» сама, но более низким голосом — как всегда делала, изображая другого собеседника в подобных диалогах (голос едва ли был похож на настоящий электронный голос «Тома-Тома»), — однако эта мысль была будто чужой. — Уж не хочешь ли ты сказать, что мерзавец трахнул меня случайно?

— Нет, — отозвался «Том». — Я хочу сказать, что ты должна была поехать назад тем же путем, что и приехала. *Вот этой самой* дорогой. Восемьдесят четвертой. Однако кое у кого появилась милая идея сократить маршрут, не так ли?

— Да, — подтвердила она. — У Рамоны Норвил. — Задумавшись, она потрясла головой. — Слишком надуманно, дружок.

На это «Том» ничего не ответил.

27

Отъезжая от магазинчика, Тесс планировала зайти в Интернет и попробовать отыскать там транспортно-грузовую компанию — возможно, малюсенькую, — базировавшуюся либо в Коулвиче, либо в одном из ближайших населенных пунктов, компанию с «птичьим» названием — что-то типа орла или ястреба. Ведь именно так поступили бы леди из «Уиллоу-Гроув»: они обожали свои компьютеры и постоянно переписывались друг с другом словно девочки-подростки. А помимо всего прочего, было интересно выяснить, годятся ли ее дилетантские деструктивные методы для реальной жизни.

Выезжая на вылетную эстакаду Восемьдесят четвертого шоссе в полутора милях от своего дома, она решила для начала кое-что разузнать про Рамону Норвил — не исключено, что она не только председатель в обществе книголюбов, но еще и президент Общества по предотвращению изнасилований. Вполне вероятно. Хозяйка принимающей стороны явно была лесбиянкой, да к тому же еще активной, а дамы подобной ориентации частенько недолюбливали мужчин *не-насильников*.

— Многие поджигатели являются членами добровольных пожарных бригад, — заметил «Том», когда она сворачивала на свою улицу.

— А это еще что значит? — спросила Тесс.

— Просто тебе не следует исключать из круга подозреваемых никого, исходя из их общественного статуса. Впрочем, любительницы вязания никогда бы такого не сделали. Как бы то ни было, можешь проверить ее по Интернету. — «Том» рассуждал несколько по-хозяйски, что стало для Тесс неожиданно-стью. И слегка раздражало.

— Благодарю за разрешение, очень мило с твоей стороны, «Том», — ответила она.

28

Однако оказавшись у себя в кабинете перед включенным компьютером, она в течение первых пяти минут просто сидела и смотрела на экран с «яблочной» заставкой, размышляя,

действительно ли хочет отыскать Громилу и применить оружие, или это просто очередная нелепая идея, характерная для писак вроде нее. Идея отмщения на сей раз. Подобные фильмы она тоже старалась не смотреть, но не могла не знать об их существовании — никуда не денешься от отзвуков шумных премьер, если только ты не убежденный отшельник, а Тесс таковой не являлась. В фильмах про жажду мести восхитительно крепкие ребята типа Чарльза Бронсона или Сильвестра Сталлоне не утруждали себя обращениями в полицию, а сами разбирались со всякими плохишами. Самосуд. Как, нравится, мразь? Кажется, участие в подобной картине не миновало даже Джоди Фостер — одну из наиболее известных йельских выпускниц. Тесс не могла точно вспомнить название фильма. Возможно, «Храбрая женщина». Ну, или что-то в этом роде.

На экране компьютера появилась заставка с сегодняшним «словом дня» — им оказалось *баклан*. Надо же, птица.

— Воспользуйтесь услугами нашей компании — и ваш товар будет доставлен «Грузовыми перевозками “Баклан”» быстрее, чем по воздуху, — низко, будто голосом «Тома», сказала Тесс. Она нажала клавишу, и заставка исчезла. Она зашла в Интернет, но вместо того чтобы обратиться к какой-нибудь поисковой системе, открыла «Ю-Тьюб» и почему-то напечатала РИЧАРД УИДМАРК. Просто так, совершенно бездумно.

Может, я хочу выяснить, достоин ли он вообще иметь поклонников, мысленно рассудила она. *Рамона, разумеется, считает, что да.*

Там было множество клипов. Наиболее популярным оказался шестиминутный сборник под названием «Самый отъявленный негодяй». Его просмотрело несколько сотен тысяч человек. Там были отрывки из трех фильмов, но больше всего Тесс поразил первый. Картина была еще черно-белой, судя по всему, малобюджетной... но явно из «того самого» разряда кино. Даже название говорило само за себя: «Поцелуй смерти».

Тесс просмотрела все видео полностью, затем еще дважды вернулась к отрывку из «Поцелуя смерти».

Уидмарк играл улыбчивого мерзавца — он угрожал пожилой даме, сидевшей в кресле-каталке. Герой фильма хотел у нее

кое-что узнать: «Где твой сынок-сосунок?» Пожилая леди не говорила. «А знаешь, как я поступаю со слабаками? Стреляю им в живот, чтобы у них было время хорошенько подумать, когда они будут кататься по полу».

Однако пожилой даме он в живот стрелять не стал. Он спустил ее с лестницы, примотав к креслу-каталке электропроводом.

Тесс вышла из «Ю-Тьюб» и, «кликнув» Ричарда Уидмарка, увидела то, что и ожидала, уже находясь под впечатлением от короткого клипа. Хоть Уидмарк в дальнейшем и сыграл множество героических ролей, известен он стал в основном благодаря «Поцелую смерти» и улыбчивому психу Томми Удо.

— Вот так, — сказала Тесс. — Иногда сигара оказывается просто сигарой.

— Что это значит? — переспросил Фрицк с подоконника, где он нежился на солнышке.

— Это значит, что Рамона, вероятно, влюбилась в него, восхищенная его ролью смелого шерифа, или отважного капитана военного корабля, или еще кого-нибудь, на них похожего.

— Должно быть, так, — согласился Фрицк, — потому что, если ты права насчет ее сексуальной ориентации, она вряд ли в восторге от мужчин, убивающих старух в креслах-каталках.

— Разумеется, так и есть. Правильно мыслишь, Фрицк.

— Но ведь ты можешь и ошибаться, — скептически взглянув на Тесс, сказал кот.

— Даже если и так, — возразила Тесс, — уроды-психопаты никого не привлекают.

Она тут же поняла, что сказала чушь. Если бы психи людей не привлекали, не было бы фильмов об уроде в хоккейной маске или об обгоревшей жертве с ножницами вместо пальцев. Однако Фрицк вежливо воздержался от усмешки.

— Даже не думай, — предупредила Тесс. — Не забывай, кто тебя кормит.

В поисках информации о Рамоне Норвил она открыла «Гугл», получила сорок четыре тысячи ответов, добавила название города Чикопи и получила более удобоваримые тысячу двести (большинство ссылок — она не сомневалась — просто случайные совпадения). Первое соответствие нашлось в мест-

ной газете Чикопи «Уикли римайндер» и непосредственно касалось Тесс: «ХОЗЯЙКА БИБЛИОТЕКИ РАМОНА НОРВИЛ ПРИГЛАШАЕТ В ПЯТНИЦУ НА “УИЛЛОУ-ГРОУВ”».

— А вот и я — заезжая звезда, — пробормотала Тесс. — Ура, Тесса Джин. А теперь давайте-ка взглянем на актрису, исполнявшую роль второго плана. — Однако единственной фотографией в конце статейки оказалось ее собственное фото: она с обнаженными плечами — снимок, который всегда рассылала работавшая у нее по совместительству ассистентка. Поморщив нос, Тесс вернулась в «Гугл», не совсем понимая, зачем ей вновь понадобилось смотреть на Рамону, но четко осознавая свое желание. Отыскав наконец фото библиотекариши, она увидела то, что подсказывало ей подсознание — по крайней мере судя по замечаниям «Тома» по дороге домой.

Там была статья в «Уикли римайндер» от третьего августа. «“БРАУН БЭГГЕРЗ” ОБЪЯВЛЯЮТ ОСЕНнюю ПРОГРАММУ ВЫСТУПЛЕНИЙ», — гласил заголовок. Ниже, на ступеньках библиотеки стояла Рамона Норвил; она улыбалась, жмурясь на солнце. Снимок был неудачный, сделанный каким-то не особенно одаренным приглашенным фотографом, с неудачно (не исключено, что так бывало всегда) подобранной Рамонной одеждой. В мужского кроя блейзере она казалась мощной, как профессиональный футболист. Коричневые туфли без каблуков напоминали уродливые плоскодонки. А чересчур обтягивающие серые брюки подчеркивали то, что Тесс со школьными подругами в свое время называли «суперпопой».

— Просто охренеть! — невольно воскликнула она. У нее даже горло перехватило от негодования. — Ты только посмотри, Фрицик!

Кот не пошел смотреть и ничего не ответил — а как он мог, если она настолько обалдела, что на время утратила способность говорить за него.

Сначала убедись в том, что ты действительно видишь, сказала она себе. Ты пережила жуткое потрясение, Тесса Джин, пожалуй, худшее из того, что может пережить женщина. Это было примерно как услышать в кабинете врача смертельный диагноз. Так что не спеши.

Закрыв глаза, она представила человека из синего «форда» с фарами, обклеенными «Бондо». Поначалу он показался ей таким приветливым. *Не ожидали встретить здесь, на задворках, веселого зеленого великана, а?*

Только он не был зеленым — эта загорелая туша не ездила в своем пикапе, а практически надевала его на себя.

Рамона Норвил — пусть не водила-громила, но, определенно, громила-библиотекарь — слишком стара, чтобы сойти за его сестру. А то, что она теперь лесбиянка, вовсе не означало, что она предпочитала всегда женщин, ибо сходство казалось поразительным.

Если я все еще готова верить своим глазам, то передо мной — фото матери насильника.

29

Тесс пошла на кухню и выпила воды, однако это не помогло. В буфете с незапамятных времен стояло полбутылки текилы. Она достала ее, подумала насчет стакана, затем просто пригубила из горлышка. Текила обожгла рот и горло, но эффект возымела. Решив, что надо бы добавить, она быстро сделала новый глоток и водворила бутылку на место. Напиваться Тесс не собиралась. Сейчас ей как никогда нужно было иметь трезвую голову.

Гнев — величайший праведный гнев — объял ее точно жар, однако жар подобной силы испытывать ей еще не доводилось. Он распространялся будто некая таинственная сыворотка, от которой справа все у Тесс холодело, а слева, там, где билось сердце, пылало. Голова же оставалась ясной. А после текилы Тесс думалось даже лучше.

Она несколько раз быстро обошла кухню, массируя синяки на шее, и даже не заметила, что ходит кругами точно так же, как у заброшенного магазина, выбравшись из трубы, куда Громила засунул ее как в могилу. Неужели Рамона Норвил могла отправить ее, Тесс, в качестве некоего жертвоприношения свое-

му психически ненормальному сыну? Разве такое возможно? Нет. Могла ли Тесс вообще быть уверена в том, что эти двое — мать с сыном? Ведь у нее была лишь одна фотография плохого качества и обрывочные воспоминания о Громиле.

Но память-то у меня хорошая. В особенности на лица.

Это она так считала, но так, вероятно, все считают, разве нет?

Все это полный бред. И тебе следует это признать.

Она признавала, но ей доводилось узнавать о, казалось бы, совершенно невероятных преступлениях в передачах типа криминальной хроники. Владелицы жилого дома в Сан-Франциско, например, на протяжении долгих лет ради социальных побуждений убивали своих престарелых постояльцев и закапывали их на заднем дворе; пилот одной из авиакомпаний убил свою жену и заморозил тело, чтобы распилить на пилораме у себя за гаражом; мужчина облил бензином собственных детей и зажарил как кур, только чтобы не отдавать их на попечение жены по решению суда. Женщина, отправлявшая своему сыну его будущих жертв, представлялась чем-то жутким, почти невероятным... но не невозможным. Когда речь шла о темных сторонах человеческой души, простор для воображения был неограничен.

— Ничего себе, — услышала она собственный голос, в котором звучали гнев и смятение. — Ну ничего себе...

Выясни. Выясни все наверняка. Если можешь.

Она вернулась к своему верному компьютеру. Руки сильно дрожали, и ей пришлось печатать «ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ В КОУЛВИЧЕ» в поисковой строке на странице «Гугл» раза три. Наконец буквы сложились в слова, и она нажала кнопку «Ввод». В самом верху списка появилось: «КРАСНЫЙ ЯСТРЕБ. ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ». Оказавшись на веб-сайте «Красного ястреба», Тесс увидела примитивно-мультикшную заставку с большим грузовиком, на боку которого — как она могла предположить — красовалось нечто вроде птицы, а за рулем сидел человек с идиотским «смайликом» вместо головы. Грузовик пересекал экран справа налево, делал кувырок, возвращался назад и кувыркался вновь. Бесконечная поездка туда-сюда. Над мульт-грузович-

ком мигал красно-бело-синий слоган компании: «ТАКОЙ СЕРВИС ВЫЗЫВАЕТ УЛЫБКУ!»

Для тех, кому интересно было пройти дальше главной странички, существовал выбор: включая контактные телефоны, расценки и отзывы довольных клиентов. Пропустив упомянутое, Тесс «кликнула» на «ОЧЕРЕДНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ НАШЕГО АВТОПАРКА!». Когда она увидела фотографию, фрагменты головоломки встали на свои места.

Снимок был гораздо лучшего качества, чем тот, с Рамоной Норвил на ступеньках библиотеки. На нем Громила, изнасиловавший Тесс, восседал за рулем сверкающего «пита»* с кабиной над двигателем, на боку которого красовалась надпись: «КРАСНЫЙ ЯСТРЕБ. ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ. КОУЛВИЧ. МАССАЧУСЕТС». Здесь Громила был без своей выдавшей вида коричневой кепки, и обнаженный белесый «ежик» делал его просто до жути похожим на мать. Он улыбался той же обезоруживавшей улыбкой, что с прошлого дня уже была знакома Тесс. Именно так он и улыбался, когда сказал: *А может, я лучше тебя просто трахну, чем шину менять? Как думаешь?*

Изучив фотографию, Тесс почувствовала, что циркуляция таинственной «сыворотки гнева» по ее организму усилилась. В висках застучало, но это было даже приятно.

У Громилы был перстень с красной стекляшкой.

Под снимком — подпись: «Эл Штрельке, президент фирмы “Красный ястреб. Грузоперевозки” за рулем нового приобретения компании — “Питербилта-389” 2008 года. Эта рабочая лошадка теперь к услугам наших клиентов — САМЫХ ЛУЧШИХ ВО ВСЕМ МИРЕ. Скажите-ка, ну разве Эл не похож на “гордого папашу”?»

Она вспомнила, как он обозвал ее сучкой, и руки сжались в кулаки. Она чувствовала, как ногти впиваются в ладони, и сжимала кулаки еще сильнее, буквально наслаждаясь болью.

Гордый папаша. Ее взгляд неизменно возвращался именно к этим словам. *Гордый папаша.* Гнев распространялся все быстрее, циркулируя по телу примерно так же, как она циркулиро-

* Имеется в виду грузовой автомобиль «питербилт».

вала по кухне. Так же как она прошлой ночью кружила у магазина, вновь и вновь теряя сознание и возвращаясь к действительности, — так актрису на сцене на какие-то секунды выхватывают из тьмы лучи прожекторов.

Ты заплатишь, Эл. И обойдемся без полиции — за твоим должком приду я сама.

Но есть еще и Рамона Норвил. Гордая мамаша гордого папаши. Хотя Тесс была не совсем уверена в ее причастности. Ей до сих пор трудно было представить, что женщина могла допустить нечто подобное по отношению к другой женщине. Могло ведь быть и другое объяснение: Чикопи находился неподалеку от Коулвича, и Рамона постоянно пользовалась этой короткой дорогой.

— Чтобы навещать своего сына, — кивая, добавила Тесс. — Чтобы навещать гордого папашу с новым «питом» с кабиной над двигателем. Насколько я понимаю, она, вполне возможно, и сфотографировала его за рулем. А почему бы ей и не посоветовать сократить путь очередной гостье?

Но почему она не добавила: «Я постоянно езжу этой дорогой в гости к своему сыну»? Что тут такого?

— Возможно, она не любит обсуждать с незнакомыми людьми свой период жизни со Штрельке, — предположила Тесс. — Ведь это было еще до того, как она предпочла практичную короткую стрижку и удобные туфли...

Возможно. Однако там были разбросаны утыканные гвоздями деревянные ловушки. Ловушка. Норвил отправила ее этой дорогой, а ловушка там уже была. Потому что она ему позвонила? Позвонила и сообщила: *Шлю тебе лакомство, не проморгай!*

Но все равно это еще не значит, что она — соучастница. Гордый папаша мог просто иногда заглядывать в список выступающих — трудно, что ли?

— Нет, абсолютно, — сказал Фрицки, вспрыгивая на письменный стол. Он принялся вылизывать свою лапку.

— И если он приметил ту, чье фото ему понравилось... ту, которая показалась ему относительно привлекательной... полагаю, ему было известно, какой дорогой мать отправит эту женщину обратно... — Тесс замолчала. — Нет, не годится. Откуда он знал,

что я там окажусь, если бы мать не сказала ему? Я ведь могла поехать к себе домой в Бостон или полететь в Нью-Йорк...

— Ты «прогутлила» его, — сказал Фрицки. — Он мог «прогулнуть» тебя. Точно так же, как и она. Сейчас в Интернете есть все — сама говорила.

Тесс решила, что единственный способ узнать все наверняка — нанести неожиданный визит мисс Норвил. Посмотреть ей в глаза. И если в них не окажется ничего, кроме удивления и недоумения по поводу возвращения автора серии «Уиллоу-Гроув», это — одно. Но если в них окажется страх, вызванный мыслью, *а почему же ты здесь, а не в ржавой водопропускной трубе под Стэг-роуд...* тогда...

— Тогда это совсем другое, Фрицки, да?

Продолжая лизать лапу, кот посмотрел на нее своими очаровательными зелеными глазами. Его лапка казалась совсем безобидной, но в ней скрывались когти. Тесс видела их, а порой даже могла и почувствовать.

Мисс Норвил выяснила, где я живу; посмотрим, как у меня выйдет отплатить ей за любезность.

Тесс вернулась к компьютеру, на этот раз в поисках сайта книголюбов «Букс энд браун ээгтерз». В успехе своей затеи она не сомневалась — теперь у всех имелись свои сайты, даже у преступников, отбывающих пожизненный срок за убийства, — и она не ошиблась. «Коричневые портфели» помещали заметки о своих членах, отзывы о книгах и неофициальные отчеты — не протоколы — о проведенных собраниях. Открыв последний раздел, Тесс начала его просматривать. Ей не понадобилось много времени, чтобы узнать: десятого июня собрание проводилось дома у Рамоны Норвил в Брюстере. Тесс никогда там не бывала, но знала, где это находится: направляясь на свое вчерашнее мероприятие, видела на магистрали зеленый указатель — третий или четвертый поворот к югу от Чикопи.

Далее она зашла на налоговую страничку Брюстера и, внимательно просмотрев ее, увидела фамилию Рамоны. За прошлый год она заплатила девятьсот тринадцать долларов и шесть центов за имеющуюся недвижимость, а упомянутая недвижимость располагалась по адресу Лейсмейкер-лейн, 75.

— Нашла, дорогуша, — пробормотала Тесс.

— Тебе стоит подумать, что ты намерена предпринять, — заметил Фриц. — И насколько далеко собираешься зайти.

— Если все подтвердится, довольно далеко, — ответила Тесс.

Она хотела уже выключить компьютер, но тут ей вдруг захотелось найти кое-что еще, хотя она прекрасно понимала: на это надежды мало. Она отправилась на домашнюю страницу издания «Уикли римайндер» и зашла в раздел некрологов. Там предлагалось внести в строку интересующую фамилию, и Тесс ввела «ШТРЕЛЬКЕ». Результатом поиска стал единственный человек — Роско Штрельке. Как говорилось в некрологе, датированном 1999 годом, он скоропостижно скончался у себя дома в возрасте сорока восьми лет. У него остались супруга Рамона и два сына — Элвин (23) и Лестер (17). Для автора детективов — даже таких «нестрашных» и «уютных», какие писала Тесс, — *с скоропостижно скончался* являлось чем-то вроде тревожного сигнала. Однако, просмотрев общую базу данных газеты, она больше ничего об этом Штрельке не нашла.

Тесс на мгновение застыла, лишь пальцами барабанила по подлокотникам кресла — так она обычно делала, когда не могла подобрать нужное слово, выражение или подходящее определение. Затем, просмотрев список газет, выходящих в западном и южном Массачусетсе, она увидела «Рипабλικан» из Спрингфилда. Когда она ввела в строку поиска имя супруга Рамоны Норвил, результат оказался четким и однозначным: «САМОУБИЙСТВО БИЗНЕСМЕНА ИЗ ЧИКОПИ».

Труп нашли в гараже. Он висел на стропилах. Никакой предсмертной записки обнаружено не было, и никаких высказываний Рамоны по этому поводу не приводилось, но кто-то из соседей заметил, что мистер Штрельке сильно переживал из-за «проблем со старшим сыном».

— Что же у Эла были за проблемы, которые так тебя расстроили? — поинтересовалась Тесс у компьютерного монитора. — Что-то связанное с девушками? С физическим насилием? С насилием сексуального характера? Склонность к этому проявлялась уже тогда? Если ты поэтому и повесился, ты просто никудышный папашка.

— Не исключено, что Роско помогли, — заметил Фририк. — Например, Рамона. Она женщина мощная, ты ведь знаешь. Кому, как не тебе, знать — ты же ее видела.

Голос опять несколько отличался от того, каким Тесс обычно говорила за кота. Она, вздрогнув, взглянула на Фририка. Тот в ответ удивленно посмотрел на нее своими зелеными глазами, словно спрашивая: *Кто, я, что ли?*

Тесс захотелось тут же с оружием в сумочке отправиться прямо на Лейсмейкер-лейн. Но вообще-то ей *следовало* прекратить игру «в детектива» и позвонить в полицию. Копы бы этим и занялись. Так поступила бы прежняя Тесс, однако она таковой больше не являлась. Та женщина казалась ей теперь дальней родственницей — из тех, кому раз в году на Рождество посылались открытки и про которых потом забывали на весь оставшийся год.

Из-за того что ей никак не удавалось принять решение — и потому что у нее все болело, — она пошла наверх, где вновь уснула. Проспав четыре часа, она проснулась с такой ломотой, что едва могла двигаться. Она приняла ударную дозу тайленола и, дождавшись некоторого улучшения, отправилась в видеопрокат «Блокбастер». «Лимоновыжималка» по-прежнему лежала в сумочке. Тесс решила, что отныне всегда будет брать оружие с собой, когда ездит одна.

Едва успев в «Блокбастер» до закрытия, она спросила фильм с Джоди Фостер под названием «Храбрая женщина». Служащий (с зелеными волосами, английской булавкой в ухе и на вид никак не моложе восемнадцати лет), снисходительно улыбнувшись, подсказал, что картина на самом деле называется «Отважная». И еще Мистер Ретро-панк сообщил ей, что за лишних пятьдесят центов она может получить в придачу еще и пакет поп-корна для микроволновки.

— А что, мать твою, живем-то один раз, — ответила она Ретро-панку.

Он бросил на нее удивленный взгляд и, видимо, пересмотрев свое к ней отношение, улыбнулся, сказав, что каждому из клиентов жизнь отведена всего одна.

Дома Тесс приготовила поп-корн, вставила DVD и плюхнулась на диван, подложив под поясницу подушку, чтобы не

так болела ссадина. Фририк перебрался к ней, и они стали вместе смотреть, как Джоди Фостер расправляется с мерзавцами, убившими ее бойфренда. Впрочем, по сюжету Фостер с помощью оружия расправляется еще и с другими негодьями. «Отважная» оказалась из разряда очень даже *тех* лент, однако Тесс, получив от просмотра истинное удовольствие, сочла, что посмотрела его не зря. И вообще решила, что в течение длительного времени многое пропускала, — например, несколько примитивный, но неподдельный катарсис, даруемый фильмами типа «Отважной». Когда он закончился, она повернулась к Фририку и сказала:

— Жаль, что Ричарду Уидмарку повстречалась пожилая леди в кресле-каталке, а не Джоди Фостер, а?

Фририк был на тысячу процентов с ней согласен.

30

Лежа той ночью в постели, слушая не на шутку разыгравшийся за окном октябрьский ветер и чувствуя у себя под боком свернувшегося калачиком Фририка, Тесс сама решила: если, проснувшись на следующий день, она будет себя чувствовать так же, как сейчас, то отправится к Рамоне Норвил, а потом, возможно, — в зависимости от того, как все сложится на Лейсмейкер-лейн, — навестит Элвина Штрельке — Громи-лу. Однако скорее всего, проснувшись, по здравом размышлении она все же позвонит в полицию. Никаких анонимных звонков — она примет все по полной программе. Доказать сам факт изнасилования сорок часов спустя, да еще после бог знает сколько раз принятого душа будет, видимо, трудновато, но других следов насилия на ее теле было сколько угодно.

И еще те женщины в трубе: теперь она стала их адвокатом, нравилось ей это или нет.

Завтра жажда отомстить покажется мне глупостью, похожей на бред людей, страдающих от высокой температуры.

Однако, проснувшись в воскресенье, она по-прежнему была исполнена решимости. Взглянув на пистолет, лежавший на

тумбочке возле кровати, Новая Тесс подумала: *Я хочу им воспользоваться. Я хочу разобраться с этим сама. И, учитывая то, что мне пришлось пережить, я заслужила, чтобы разобраться с этим самой.*

— Но я должна во всем убедиться и не хочу, чтобы меня поймали, — сказала она Фрицику, который поднялся и потянулся, начиная очередной день, на протяжении которого придется то где-то лежать, то есть из своей миски.

Тесс приняла душ, оделась и, взяв желтый блокнот, вышла на залитое солнцем крылечко. Минут пятнадцать она просто смотрела на свой газон, попивая из чашки остывающий чай. Наконец вверху первой страницы она написала: НЕ ПОПАДИСЬ. Все трезво взвесив, она стала делать пометки. Так же как и в ходе рутинной работы, когда писала очередную книгу, она начала медленно, но постепенно набрала скорость.

31

К десяти часам Тесс жутко проголодалась. Приготовив себе плотный второй завтрак, она съела все до последнего кусочка. Затем отвезла первый фильм в видеопрокат и поинтересовалась насчет «Поцелуя смерти». Этой картины не оказалось, но после десятиминутного поиска она подобрала себе вместо нее «Последний дом слева». Тесс принесла фильм домой и стала внимательно смотреть. В картине несколько человек изнасиловали молоденькую девушку и бросили умирать. Это было так похоже на то, что случилось с ней самой, что она не выдержала и расплакалась. Тесс рыдала так громко, что даже Фрицик убежал из комнаты. Но она все-таки досмотрела фильм до конца и была вознаграждена хорошим финалом: родители девушки убили преступников.

Убрав диск в футляр, оставленный на столике в прихожей, она решила вернуть его завтра, если завтра для нее вообще наступит. Тесс намеревалась остаться в живых, но разве можно что-то сказать наверняка, когда поросшая густой травой изви-

листая тропка жизни таит в себе множество неожиданностей. У Тесс была возможность самой в этом убедиться.

Время тянулось медленно, особенно днем, и она решила найти в Интернете хоть что-то о проблемах Эла Штрельке, имевшихся у него еще при жизни отца. Найти ей ничего не удалось. Возможно, дело было и в соседском вранье (соседи частенько бывают такими), но Тесс могла предположить и другое развитие событий: корни проблем Штрельке могли тянуться из его детства. В таких случаях имена прессе не сообщались, а судебные процессы (если дело вообще доходило до суда) были закрытыми.

— Но возможно, ситуация и ухудшилась, — сказала она Фрицику.

— С подобными ребятами это часто случается, — согласился кот, что бывало довольно редко (соглашался обычно «Том», Фририк же тяготел к роли спорщика-провокатора).

— Потом, позже, произошло что-то еще. Нечто более страшное. А мамаша постаралась это скрыть...

— Не забывай про младшего брата, Лестера, — заметил Фририк. — Он тоже мог сыграть определенную роль.

— Не сбивай меня с толку большим количеством персонажей, Фриц. Мне лишь известно, что меня изнасиловал Эл-Скотина-Громила, а его мать могла быть соучастницей. И с меня хватит.

— А вдруг Рамона его тетка?.. — не унимался Фририк.

— Заткнись! — прикрикнула Тесс, и Фририк послушался.

32

Она прилегла в четыре часа, полагая, что не сомкнет глаз ни на минуту, однако ее требующий отдыха и восстановления организм распорядился по-своему. Она тут же погрузилась в сон, а проснувшись под настойчивое *тра-та-та-та* настольных часов, была рада, что поставила будильник. Порывистый октябрьский ветерок срывал с деревьев листья и гонял их разноцветными стайками по заднему дворику. Свет приобрел не-

обычное золотое сияние, характерное, казалось бы, исключительно для предвечерних часов поздней осени в Новой Англии.

Поврежденный нос уже не так мучил Тесс — боль уменьшилась до нудного напоминания, но горло по-прежнему болело, а до ванной она скорее доковыляла, чем дошла. Она встала под душ, и когда вышла из кабины, в помещении стоял пар, точно на английских болотах в одном из рассказов о Шерлоке Холмсе. После душа ей стало легче. Паре таблеток хранившегося в аптечке тайленола тоже предстояло внести свою лепту.

Тесс посушила волосы и вытерла небольшой участок на запотевшем зеркале — оттуда на нее посмотрела женщина, взгляд которой был одержим праведным гневом. Отражение стало вновь запотевать, но Тесс хватило времени понять, что она действительно намерена выполнить свой план, невзирая на последствия.

Она надела черный свитер с высоким воротом и черные брюки с вместительными накладными карманами с клапанами. Собрав волосы в пучок, нахлобучила на голову большую черную бейсболку. Пучок несколько выпирал под бейсболкой, зато ни один потенциальный свидетель не сможет сказать: *Ее лица я разглядеть не смог, но видел длинные светлые волосы. Они были собраны в пучок такой вязаной резинкой для волос. Ну, знаете, они продаются в «Джей-Си-Пенни».*

Тесс отправилась в подвал, где со Дня труда хранилась ее байдарка. Взяла с полки моток желтого судового троса — бакштова — и, отрезав садовыми ножницами четыре фута, убрала смотанный кусок в один из здоровенных карманов своих штанов. Вернувшись наверх, на кухню, она сунула в тот же карман — в левый — швейцарский армейский нож. Правый карман предназначался для «лимоновжималки» тридцать восьмого калибра... и кое-чего еще, что она вынула из ящика стола возле плиты. Затем Тесс положила двойную порцию еды Фрицику, но прежде чем позволить ему приступить к трапезе, она приласкала его и чмокнула в маковку. Прижав уши (скорее от неожиданности, чем из-за недовольства: хозяйка не слишком допекала его своими ласками), умудренный опытом кот поспешил к миске, едва вновь оказался на полу.

— Постарайся это растянуть, — посоветовала ему Тесс. — Пэтси, в конце концов, позаботится о тебе, если я не вернусь, но она может появиться только через пару дней. — И, чуть улыбнувшись, добавила: — Мой любимый старый хитрюга.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Фрицки и принялся за еду.

Тесс в очередной раз просмотрела свои записи, где предусмотрела каждое действие, чтобы не попасться, мысленно проверяя взятые с собой вещи и вспоминая детали плана, который предстояло воплотить по прибытии на Лейсмейкер-лейн. Главное, думала она, следует помнить, что события будут разворачиваться не так, как рассчитываешь. В таких делах из колоды всегда выпрыгивают джокеры. Рамоны может не оказаться дома. Или она дома, но со своим сыном-насильником — сидят себе вдвоем уютно в гостиной и смотрят что-нибудь вдохновляющее из видеопроката. «Пилу», например. Младший братец — наверняка известный в Коулвиче не иначе как Громила-младший — тоже может оказаться на месте. Тесс вполне могла допустить, что Рамона в этот момент устраивает дома очередную рекламную вечеринку или какие-нибудь «коллективные чтения». Главное — чтобы неожиданное развитие событий не сбило Тесс с толку. Иначе она больше никогда не вернется в дом в Стоук-Виллидже.

Она сожгла свои записи в камине, поворошила золу кочергой, затем надела кожаную куртку и тонкие кожаные перчатки. В подкладке куртки был глубокий карман. Тесс сунула туда большой разделочный нож — так, на всякий случай — и приказала себе не забывать про него. Только случайной раны в грудь ей еще в эти выходные и не хватало.

Уже перед самым выходом она активировала сигнализацию.

На улице Тесс сразу оказалась в объятиях ветра — он трепал полы куртки и широкие штанины ее свободных брюк. Листья кружились в крохотных хороводиках. В еще чуть светловатом небе над ее крохотным уютным уголком пригородной части Коннектикута на фоне почти полной луны бежали облака. Тесс подумала, что эта ночь идеально соответствует сюжетам фильмов ужасов.

Она села в свой «форд-экспидишн» и захлопнула дверцу. Опустившийся было на лобовое стекло лист вновь сдуло ветром.

— Я потеряла рассудок, — вполне будничным тоном произнесла она. — Я лишилась его где-то там, в темной трубе, или пока я бродила вокруг магазина. Иначе это никак не объяснишь.

Она завела мотор. «Том-Том» радостно ожил и воскликнул:

— Привет, Тесс! Отправляемся в путь-дорогу?

— Да, дружок. — Чуть подавшись вперед, Тесс задала компактенной смекалистой штуковинке адрес: Лейсмейкер-лейн, 75.

33

Она разглядывала место жительства Рамоны на карте «Гугл» и, добравшись до места, убедилась, что все выглядит именно так, как там. Ну что ж — отлично. Брюстер оказался небольшим типичным для Новой Англии поселком, Лейсмейкер-лейн находилась на самой окраине, а дома располагались довольно далеко один от другого. Тесс по-загородному неспешно — со скоростью 20 миль в час — проехала мимо дома под номером 75, отметив, что свет там горит и машина — из последних моделей «субару» (самая что ни на есть библиотекарская) — возле дома одна. Никаких «питов» с кабиной над двигателем или других грузовиков рядом не наблюдалось; старых обшарпанных пикапов — тоже.

Улочка заканчивалась кругом для разворота. Развернувшись, Тесс поехала назад и решительно свернула на дорожку к дому Норвил. Она выключила фары, заглушила двигатель и сделала глубокий вдох.

— Жду тебя целой и невредимой, Тесс, — сказал «Том» с отведенного ему места на приборной панели. — Возвращайся скорей, и я доведу тебя до следующего пункта назначения.

— Постараюсь. — Она взяла свой желтый блокнот (теперь там уже ничего не было написано) и вышла из машины. Прижимая блокнот к груди, она направилась к входной двери дома Рамоны Норвил. Отбрасываемая ею тень от лунного света — пожалуй, все, что осталось от прежней Тесс, — шла рядом.

34

Двери Рамоны Норвил обрамляли вставки из полосок граненого стекла. Толстые стекляшки искажали видимость, но Тесс все же смогла разглядеть красивые обои и хорошо отделанный деревянный пол прихожей. На пристенном столике лежали журналы. А может, и каталоги. В конце прихожей виднелась просторная комната. Оттуда доносился звук телевизора. Она услышала пение, так что Рамона, видимо, смотрела не «Пилу». Насколько Тесс удалось правильно разобрать, песня была из «Звуков музыки».

Тесс позвонила в дверь. Изнутри послышалась звуковая последовательность, напоминающая вступление «Дикси»* — несколько необычный выбор в условиях Новой Англии. Однако если Тесс не ошибалась насчет Рамоны, та вообще была довольно необычной женщиной.

Тесс слышала шаги больших ног и встала в пол-оборота, так чтобы свет сквозь граненое стекло выхватывал лишь малую часть ее лица. Отняв от груди блокнот, она притворилась, будто что-то записывает. Опустив плечи и слегка ссутулившись, она вполне могла сойти за даму, проводившую опрос воскресным вечером; она устала, и ей всего лишь надо узнать у очередной женщины название ее любимой зубной пасты (ну, или там насчет табака «Принц Альберт» в банке) и — скорее домой.

Не бойся, Рамона, открывай дверь, ведь понятно, что я — совершенно безобидная женщина — и мухи не обижу.

* Песня «Дикси» во времена Гражданской войны в США считалась неофициальным гимном рабовладельческого Юга.

Краем глаза она заметила, как за граненым стеклом, точно рыбина в аквариуме, выплыло искаженное лицо. Последовала некоторая заминка, длившаяся, как ей показалось, очень долго. Наконец Рамона открыла дверь.

— Да? Что вам уго...

Тесс повернулась. Свет из открытой двери упал на ее лицо. И по ужасу на лице Норвил, потрясению с характерно отвисшей челюстью, она мгновенно поняла все, что ей требовалось узнать.

— Вы? Что вы тут дел...

Тесс вынула из переднего правого кармана «лимоновыжималку» тридцать восьмого калибра. По дороге из Стоук-Виллиджа она боялась, что пистолет вдруг запутается в складках одежды, но достать его получилось весьма легко.

— Отойди от двери. Попробуешь захлопнуть, я выстрелю.

— Не выстрелите, — ответила Норвил. Она не двинулась с места, но и не попыталась захлопнуть дверь. — Вы что — спятили?

— Давай в дом.

На Норвил был массивный голубой домашний халат, и когда Тесс увидела, как он начал спереди угрожающе вздыматься, она подняла пистолет.

— Только попробуй открыть рот, чтобы крикнуть, и я выстрелю. Уж поверь, у меня нет ни малейшего желания шутить с тобой, сука!

Мощный «буфер» Норвил опустился. Поджатые губы чуть обнажили зубы, а глаза забежали. Теперь она уже не была похожа на библиотекаршу, уже не казалась веселой и радушной. Тесс увидела в ней загнанную крысу, застигнутую врасплох вдали от своей норы.

— Если выстрелите, все соседи услышат.

Тесс так не считала, однако спорить не стала.

— Тебе уже будет все равно, потому что ты умрешь. Давай в дом. Будешь слушаться и отвечать на вопросы — может, доживешь до утра.

Норвил отступила, и Тесс прошла в раскрытую дверь, крепко держа перед собой пистолет. Стоило ей закрыть дверь — она

пнула ее ногой, — как Норвил остановилась возле маленького столика с каталогами.

— Нет-нет, не хватать и не швырять, — упредила Тесс, и, судя по дернувшемуся рту Рамоны, «схватить и швырнуть» действительно входило в ее планы. — У тебя же все на лице написано. Как бы я иначе здесь оказалась? Давай-давай, не останавливайся. Прямо в гостиную. Просто обожаю семейку Трапп*, когда они в ударе.

— Вы сумасшедшая! — воскликнула Рамона и вновь попятилась. Она не сняла ботинки даже дома — здоровенные, мужские, со шнурками. — Понятия не имею, что вам тут надо, но...

— Не пудри мне мозги, мамаша. Лучше не надо. Ты только открыла дверь, а у тебя уже все на лице было написано. Ты ведь думала, что я умерла?

— Не знаю, о чем вы...

— Да ладно, чего уж там — между нами, девочками.

Они добрались до гостиной. На стенах висели трогательные картинки — клоуны, большеглазые зверушки, — а полочки со столиками захламляли многочисленные безделушки типа стеклянных шаров со снегом, разных статуэточек и фигурок в стиле Марии Хуммель**, умилительных медвежаток и керамического домика, будто из сказки о Гансе и Гретель. Несмотря на то что Норвил работала библиотекарем, книг в доме как-то не наблюдалось. Напротив телевизора красовалось вычурное кресло с пуфиком для ног перед ним, рядом с креслом — столик с пакетом сырных чипсов «Чиз дудлз», большой бутылкой диет-колы, телевизионным пультом и телепрограммой. На телевизоре стояла фотография в рамке, где Рамона щека к щеке обнималась с какой-то женщиной. Похоже, снимок сделали в парке аттракционов или на ярмарке. В стеклянной конфетнице перед фотографией при включенном верхнем свете что-то искрилось.

* История семьи фон Трапп была положена в основу сюжета оscarоносного мюзикла «Звуки музыки» (1959).

** Имеются в виду фарфоровые фигурки, выполненные по рисункам сестры Марии Иннокентии (Берты Хуммель).

— И долго ты этим занимаешься?

— Не понимаю, о чем вы.

— Поставляешь «живой товар» своему безумному убийцесыночку.

Библиотекарша яростно все отрицала... отчего у Тесс возникла проблема. Когда она ехала сюда, убийство Рамоны Норвил представлялось ей не просто одним из вариантов развития событий, а непременной частью плана. Тесс почти не сомневалась в том, что у нее это получится и что спрятанный в левый карман ее рабочих штанов моток троса ей не понадобится. Однако сейчас она вдруг поняла, что не может ничего предпринять, пока эта женщина не признается в соучастии. Ее реакции на появление Тесс — побитой, но очень даже живой — все же оказалось недостаточно.

Не совсем достаточно.

— Когда это началось? Сколько ему было? Пятнадцать? Он говорил, что просто валяет дурака? Все они так поначалу говорят.

— Не понимаю, о чем вы. Вы приехали в библиотеку, довольно неплохо выступили — без особого блеска и явно ради денег, но все же помогли нам закрыть «окно» в программе, а потом вдруг заявляетесь ко мне в дом с оружием и какими-то безумными...

— Не годится, Рамона. Я видела его фото на сайте «Красного ястреба»: один звонок и — к вашим услугам. Он изнасиловал меня и чуть не убил. Потому что решил, что *уже* убил. *И отправила меня к нему ты.*

На лице Рамоны отразились потрясение, негодование и чувство вины одновременно.

— *Ложь! Глупая сучка, ты же ни черта не знаешь!* — Она двинулась было вперед, но Тесс подняла пистолет.

— Нет-нет, не стоит. Не советую.

Норвил остановилась, но Тесс не рассчитывала, что это надолго. Библиотекарша лишь готовилась рвануть туда или сюда. А поскольку она должна была понимать, что стоит ей устремиться прочь, Тесс последует за ней, то готовилась она, видимо, к бою.

Семейство фон Трапп вновь запело с телевизионного экрана. Учитывая положение, в котором оказалась Тесс — в которое она сама себя поставила, — подобный саундтрек походил на издевательство. Наставив «лимоновжималку» на Норвил правой рукой, Тесс левой рукой взяла телевизионный пульт и приглушила звук. Уже собираясь положить пульт на место, она застыла. На телевизоре стояли две вещи, и в первую очередь она отметила фотографию Рамоны с подружкой, конфетница же не удостоилась особого внимания.

Теперь Тесс увидела, что искрение исходило вовсе не от граненых краешков стеклянной вазочки, как ей поначалу показалось. Искрилось нечто лежавшее в ней. В вазочке были серьги Тесс. Ее бриллиантовые серьги!

Норвил схватила с полочки домик Ганса и Гретель и запустила им в Тесс. Бросок был мощный. Тесс увернулась, и домик, пролетевший в дюйме от ее головы, вдребезги разбился о стену. Отшатнувшись назад, она споткнулась о пуфик и упала. Пистолет вылетел из руки.

Обе женщины бросились к нему. Падая на колени, Норвил, подавшись вперед плечом, точно футболист, пытающийся отобрать мяч у соперника, протаранила Тесс. Ей удалось схватить пистолет — поначалу она чуть его не выронила — и удержать. Тесс сунула руку в куртку и сжала рукоять взятого про запас разделочного ножа, понимая, что промедление может оказаться роковым. На стороне Норвил была мощь... и материнские чувства. Да-да, именно так. Долгие годы она оберегала своего дебильного сынишку и была намерена защитить его и на этот раз. Тесс следовало прикончить ее в прихожей, как только закрылась входная дверь.

Но я же тогда не могла, думала она, и даже в этот момент осознание правды принесло некое умиротворение. Она поднялась на колени лицом к Рамоне, рука все еще была в кармане куртки.

— Писательница ты хреновая и выступала хреново, — сказала Норвил. Она говорила с улыбкой, все быстрее и быстрее. Ее голос отличался некой гнусавой аукционной мелодикой. — Когда выступала, ты так же фальшивила, как и в своих дурац-

ких книжонках. Ты оказалась для него тем, что требовалось, тем более что ему уже был кто-то нужен — я видела признаки. Я специально отправила тебя этой дорогой, и все получилось, и я рада, что он тебя трахнул. Уж не знаю, что ты там себе возомнила, отправляясь сюда, но получишь ты то, что заслужила.

Она нажала на спусковой крючок, однако последовал лишь сухой щелчок. Тесс не зря ходила на занятия, когда решила купить оружие, и усвоила правило никогда не вставлять пулю в первую камеру, на случай случайного выстрела.

Удивление на физиономии Рамоны выглядело почти комично. Она словно помолодела. Какие-то секунды она смотрела на пистолет, и этого времени Тесс хватило, чтобы вытащить нож из внутреннего кармана куртки, рвануться вперед и вонзить его по самую рукоять Норвил в живот.

Рамона издала безжизненное «ООО-УУУУ» — она хотела закричать, но не получилось. Пистолет Тесс выпал, а Рамона попятилась и припала к стене, глядя на рукоятку ножа. Взмах руки пришелся по «хуммелевским» статуэткам, и они посыпались с полки на пол. Она вновь издала такой же звук — «ООО-УУУУ». На халате все еще не было видно пятен, но кровь капала из-под него на мужские башмаки Рамоны Норвил. Она схватилась руками за нож в попытке вытащить его и вновь — уже в третий раз — издала жуткий звук.

Рамона удивленно посмотрела на Тесс. Та встретилась с ней взглядом. И тут Тесс неожиданно вспомнила — это случилось в день рождения, когда ей исполнилось десять лет, — как отец дал ей рогатку и она отправилась смотреть, во что бы пострелять. В пяти-шести кварталах от дома ей попался ободранный, рывшийся в помойке бродячий пес. Она выстрелила из рогатки в пса мелким камешком, желая лишь напугать его (или по крайней мере так она себя убеждала), но камень угодил тому прямо в зад. Жалобно затавкав, пес побежал прочь, но прежде посмотрел на Тесс с немим укором, запомнившимся ей навсегда. Она бы отдала что угодно, лишь бы этого выстрела из рогатки тогда не было, и с тех пор по живым мишеням не стреляла.

Тесс понимала, что убийства, по сути, — часть жизни, но без малейшего сожаления прихлопывая комаров, расставляя мышеловки у себя в подвале и добросовестно поглощая «маковские» гамбургеры, она свято верила, что больше не сможет причинить боль ни одному существу, не испытав при этом угрызений совести и раскаяния. Однако в гостиной дома на Лейсмейкер-лейн она не испытывала ни того ни другого. Возможно, оттого что она защищала свою жизнь. А может, по совсем другой причине.

— Рамона, — произнесла Тесс, — я сейчас ощущаю некое сходство с Ричардом Уидмарком. Вот как мы поступаем с нытиками, дорогуша.

Норвил стояла в луже собственной крови, и ее халат наконец стал расцветать кроваво-красными маками. Ее лицо побледнело, темные глаза округлились и заблестели от страха. Она медленно облизывала нижнюю губу.

— А теперь у тебя есть возможность вдоволь покататься по полу и подумать. Как тебе такая перспективка?

Норвил начала оседать. Ее башмаки с характерным звуком заскользили по крови. Пытаясь ухватиться за полку, она сорвала ее со стены. Команда умильных мишек, соскользнув вниз, покончила с жизнью. Хотя Тесс по-прежнему не испытывала ни угрызений совести, ни раскаяния, она поняла, что в ней оказалось очень немного от Томми Удо: ей абсолютно не хотелось ни продлевать страдания Норвил, ни смотреть на них. Она наклонилась за своим тридцать восьмым калибром. Из правого кармана бездонных штанов вытащила то, что прихватила из кухонного ящика рядом с плитой — стеганую варежку-прихватку для духовки. Этой прихваткой можно было эффективно заглушить одиночный выстрел, учитывая не слишком большой калибр оружия. Тесс узнала об этом, когда работала над книгой «Клуб любителей вязания «Уиллоу-Гроув» отправляется в загадочный круиз».

— Ты не понимаешь... — Голос Норвил превратился в хриплый шепот. — Нельзя... Ты совершаешь ошибку. Отвези меня... в больницу.

— Ошибку совершила ты. — Тесс натягивала кухонную варежку на пистолет, который держала правой рукой. — Потому что не кастрировала своего сына, как только узнала, что он собой представляет. — Она приставила варежку к виску Рамоны Норвил, чуть повернула ей голову набок и нажала спусковой крючок. Раздался глухой отрывистый звук, словно прочистил горло внушительных размеров мужчина.

Все было кончено.

35

Адрес Эла Штрельке Тесс не «проуглила», поскольку рассчитывала узнать его у Норвил. Однако, как она уже себе говорила, в таких делах все идет не по плану. Сейчас от нее прежде всего требовалось ясно мыслить, чтобы довести начатое до конца.

Кабинет Норвил располагался наверху, где, вероятно, должна была находиться вторая спальня. Там тоже оказались милительные мишки и «хуммелевские» фигурки. На стенах висело с полдюжины фотографий в рамках, но на них не было ни сыновей, ни любимой подруги, ни покойного Роско Штрельке — лишь подписанные снимки авторов, выступавших перед «книголюбями». Комната напомнила Тесс фойе «Стэггер инн», увешанное фотографиями популярных групп.

А меня она не попросила подписать фотографию, вспомнила Тесс. Ну, разумеется — зачем ей память о такой дерьмовой писательнице, как я? Мной нужно было заполнить брешь в программе. Не говоря уж об очередной порции мяса для своего сынка-троглодита. Как же им повезло, что я вовремя подвернулась!..

На столе у Норвил под рабочей столешницей, заваленной сплошь рекламной и библиотечной корреспонденцией, оказался настольный «Мак», очень похожий на компьютер Тесс. Экран был темный, но светящийся огонек говорил о том, что компьютер лишь «спит». Не снимая перчаток, она нажала клавишу. Экран ожил, и перед Тесс появился электронный «рабо-

чий стол» Рамоны Норвил. Как здорово — безо всяких там идиотских паролей.

Щелкнув на иконку адресной книги, Тесс спустилась по алфавиту до «К» и увидела «Красный ястреб. Грузоперевозки». Адрес: Коулвич, Тауншип-роуд, Транспорт-плаза, 7. Спустившись по алфавиту ниже, она нашла и знакомого ей теперь (с пятницы) переростка и брата переростка, Лестера. Громила-большой и Громила-маленький. Оба проживали на Тауншип-роуд, по соседству с унаследованной от отца компанией: Элвин — в доме номер 23, а Лестер — в доме 101.

Если бы у них оказался еще и третий брат, подумала она, то это были бы просто «Три шоференка». У одного домик соломенный, у другого — деревянный, у третьего — кирпичный. Но их, только двое.

Спустившись вниз и взяв из стеклянной вазочки свои серьги, она положила их в карман куртки, глядя на сидевшую у стены мертвую женщину. Во взгляде Рамоны не было ни капли сожаления — лишь некое прощание, с которым обычно перед уходом смотрят на результаты тяжелой работы. Об уликах беспокоиться не стоило: Тесс была абсолютно уверена, что не оставила ни волоска. Кухонная варежка — теперь уже с дыркой — вновь лежала в кармане. А такие ножи, как торчавший из груди Рамоны, продавались в хозяйственных магазинах по всей Америке, и, как ей показалось (хотя ей это было все равно), он даже подходил к кухонному набору библиотечарши. Пока все сработано чисто, но самое трудное еще впереди. Тесс вышла из дома, села в машину и уехала. Пятнадцать минут спустя она въехала на небольшую стоянку возле закрытого торгового центра лишь для того, чтобы ввести «Коулвич, Тауншип-роуд, 23» себе в джи-пи-эс.

36

Под руководством «Тома» Тесс оказалась в пункте назначения вскоре после девяти. Почти полная луна была еще низко. Ветер задувал сильнее прежнего.

Тауншип-роуд являлась ответвлением от сорок седьмого шоссе миль в семи от «Стэгтер инн» и еще дальше от центра Коулвича, а Транспорт-плаза была на перекрестке двух дорог. Судя по вывескам, там находились три компании, занимавшиеся грузоперевозками, и одна специализировавшаяся по переездам. Дома, в которых они располагались, представляли собой уродливые сборные строения. Меньшее занимал «Красный ястреб». В этот воскресный вечер свет ни в одном из окон не горел. Позади, за проволоочной изгородью, простирались акры парковочных площадей, ярко освещенных дуговыми лампами. Стоянка перед грузовым двором была заставлена такси и фурами. Как минимум на одном из грузовиков значилось: «КРАСНЫЙ ЯСТРЕБ. ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ», но Тесс показалось, это не тот, что на сайте, не тот, за рулем которого восседал Гордый Папаша.

К грузовому двору примыкал грузовой автовокзал. Заправочные колонки — казалось, их не меньше дюжины — освещались такими же яркими дуговыми фонарями. Ярко-белый свет флуоресцентных ламп исходил лишь от правого крыла главного здания, левое же было темным. Еще одно здание имело подковообразную форму — около него тоже было полно машин и грузовиков. Дорожный указатель представлял собой огромный цифровой щит, где сверкали ярко-красные объявления:

**ГРУЗОВОЙ АВТОВОКЗАЛ РИЧИ НА ТАУНШИП-РОУД
ЗАПРАВКА ВАШЕГО ГРУЗОВИКА — НАШЕ ДЕЛО
ОБЫЧНОЕ ТОПЛИВО — 2,99 доллара ГАЛЛОН
ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО — 2,69 доллара ГАЛЛОН
ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ СВЕЖИЕ ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ
РЕСТОРАН ПО ВОСКРЕСНЫМ ВЕЧЕРАМ ЗАКРЫТ
АВТОМОЙКА ПО ВОСКРЕСНЫМ ВЕЧЕРАМ НЕ РАБОТАЕТ
(ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ)
МАГАЗИН И МОТЕЛЬ ОТКРЫТЫ ВСЕГДА
ВЛАДЕЛЬЦАМ АВТОФУРГОНОВ ВСЕГДА РАДЫ**

А в самом низу — не слишком грамотно, но пылко:

**ПОДДЕРЖИМ НАШИХ СОЛДАТ!
ПОБЕДИМ В АФГАНДИСТАНЕ!**

С бесконечной чередой водителей грузовиков, желающих как заправить машины, так и самим подзаправиться (даже при выключенном свете Тесс могла сделать вывод, что в меню подобного ресторана неизменно присутствуют куриные стейки, мясные рулеты и хлебный пудинг), по будням это место, вероятно, напоминало пчелиный улей, но воскресным вечером, ничего общего не имея даже с придорожным заведением типа «Бродяги», оно больше походило на кладбище.

Возле заправочных колонок оказался один-единственный автомобиль — он стоял носом к дороге, а из лючка его топливного бака торчал заправочный шланг. Это был старый пикап «Форд-Ф-150» с фарами, залепленными «Бондо». При таком резком освещении цвета было не разобрать, но Тесс это и не требовалось. Она уже имела возможность изучить грузовичок вблизи, и его цвет был ей знаком. Кабина вроде бы была пустой.

— Ты, похоже, и не удивлена, Тесс, — заметил «Том», когда она остановилась на обочине дороги. Несмотря на резкое наружное освещение, она увидела внутри парочку человек и смогла разобрать, что один из них был крупным. *Он просто здоровый или прямо здоровенный?* — спросила Бетси Нил.

— Я абсолютно не удивлена, — ответила «Тому» она. — Если он здесь живет, так где ж ему еще заправляться?

— Может, он куда-то собирается?

— В воскресенье, на ночь глядя? Не думаю. Он наверняка смотрел дома «Звуки музыки». Вероятно, выпил все пиво и приехал подкупить. А заодно и заправиться.

— Но ты ведь можешь и ошибаться. Не лучше ли тебе встать позади магазина и проследить за ним, когда он выйдет?

Однако Тесс этого делать не хотела. Фасад магазина был застеклен. Громила мог заметить ее, когда она подъедет. Даже несмотря на то, что из-за яркого освещения над заправочными колонками он не разглядит ее лица, все равно может узнать машину. Конечно, по дорогам разъезжает множество внедорожников марки «Форд», но после пятницы Эл Штрельке наверняка будет реагировать на модели «экспидишн» более чутко. Да к тому же еще и номер: подкатив в пятницу на заросшую

стоянку и остановившись рядом с машиной Тесс, он не мог не обратить внимания на коннектикутский номер.

Было что-то еще — даже более важное. Тесс вновь медленно поехала, и Грузовой автовокзал Ричи на Тауншип-роуд переместился в ее зеркальце заднего вида.

— Не хочу быть сзади, — сказала она. — Хочу опережать его. Хочу его поджидать.

— А если он женат, Тесс? — спросил «Том». — Если его где-то ждет жена?

Эта мысль словно ошпарила ее на мгновение. Но она тут же улыбнулась, и не только потому, что единственным кольцом на пальце Громилы был перстень с камнем, слишком большим, чтобы его можно было принять за рубин.

— Такие ребята не женятся, — сказала она. — Таким «охотникам» нейдет. В жизни Эла была лишь единственная женщина, и она мертва.

37

В отличие от Лейсмейкер-лейн Тауншип-роуд была типичной сельской дорогой, прямо как в хитах Трэвиса Тритта. Дома при сиянии восходящей луны выглядели мерцающими островами электрического света.

— Тесс, ты приближаешься к месту назначения, — сказал «Том», как вполне реальный собеседник.

Она въехала на пригорок и увидела надпись на почтовом ящике слева — «ШТРЕЛЬКЕ» и цифру 23. Длинная подъездная дорожка, чуть поднимаясь, уходила за поворот; ровный асфальт был похож на черный лед.

Тесс без малейшего колебания свернула, однако как только Тауншип-роуд остался позади, ею овладела тревога. Пришлось побороть сильное желание ударить по тормозам и дать задний ход. Если она поедет дальше, обратной дороги не будет. Она окажется в ловушке. И даже если Штрельке не женат, вдруг в доме есть кто-то еще? Например, Братец Лес?

А что, если Громила закупал пиво с закусками не на одного, а на двоих?

Тесс выключила фары и продолжала ехать при лунном свете. Ей казалось, что дорожка к дому тянется бесконечно. На самом деле до дома Штрельке было не более одной восьмой мили — он стоял на холме, выглядел довольно аккуратно и по размерам превосходил коттедж, уступая при этом фермерскому дому. Не кирпичный, но и не соломенный. Тесс решила, что в сказке про трех поросят и большого серого волка это был бы деревянный домик.

Слева от дома стоял длинный трейлер-фургон с надписью «КРАСНЫЙ ЯСТРЕБ. ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ» на боку. В конце дорожки напротив гаража был припаркован тот самый «пит» с веб-сайта. При лунном свете все тут казалось каким-то призрачным. По мере приближения к дому Тесс ехала все медленнее, и вдруг она оказалась в потоках ослепительно белого света, выплеснувшихся на лужайку и подъездную дорожку. От датчика движения сработал прожектор, и если свет не погаснет до возвращения Штрельке, тот увидит свет, как только окажется поблизости или даже на Тауншип-роуд.

Тесс нажала на тормоза с ощущением, словно, как ей снилось в детстве, вдруг оказалась в школе совсем без одежды. Послышался женский стон — видимо, она сама неосознанно издала такой звук.

— Плохо дело, Тесс.

— Заткнись, «Том».

— Он может вернуться в любой момент, а на какое время у этой штуки выставлен таймер, ты не знаешь. У тебя и с мамашей не все прошло гладко, а он *намного* сильнее ее.

— Я сказала, *заткнись!*

Она пыталась сосредоточиться, но яркий свет сбивал с толку. Тени от грузовика и стоявшей слева фуры будто пытались дотянуться до нее своими остроконечными черными пальцами — костлявыми пальцами чудовища. Проклятый фонарь! Конечно, у Громилы обязательно должен быть такой фонарь. Ей надо сматываться — просто развернуться прямо на газоне и как можно быстрее устремиться назад, к дороге. Но так она

могла наткнуться на него. Она это понимала. Стоит сделать что-то предсказуемое — и она погибнет.

Думай же, Тесса Джин, думай!

А тут еще — о Боже! — словно чтобы побольше подгадить, залаяла собака. Собака в доме. Тесс тут же представила питбуля с пастью, полной страшных зубов.

— Намерена остаться? Тогда надо спрятаться, — сказал «Том», но... голос-то был не ее. Или не *очень* похож на ее. Возможно, этот особый внутренний голос принадлежал той, что осталась в живых. А возможно, и той, что стала убийцей. Сколько же в человеке может прятаться самых разных «я», о которых он совершенно не подозревает? Тесс стало казаться, что бесконечное множество.

Покусывая все еще распухшую нижнюю губу, она взглянула в зеркальце заднего вида. Света фар позади пока не было. А увидела бы она их свет при таком ярком сиянии луны да еще с этим чертовым прожектором вдобавок?

— Он на таймере, — заметил «Том», — и пока он горит, я бы кое-что предпринял. Если поедешь после того, как он погаснет, свет вновь включится.

Включив «экспидишн» на полный привод, Тесс хотела было объехать грузовик, но остановилась. Сбоку росла высокая трава. При беспощадном свете фонаря Громила неминуемо заметит следы шин. Даже если прожектор сейчас и погаснет, он вновь зажжется, как только Штрельке подъедет, и он точно увидит машину Тесс.

Да еще эта собака в доме не унималась: *Гав! Гав! Гав! Гав! Гав!*

— Поезжай по газону и поставь машину за длинным фургонном, — сказал «Том».

— Так следы же! Следы!

— Тебе надо где-то спрятаться, — продолжал «Том». Он произнес это, будто оправдываясь, но в то же время твердо. — По крайней мере с этой стороны трава скошена. А большинство людей весьма ненаблюдательны, ты же знаешь. Дорин Маркис постоянно твердит об этом.

— Штрельке — не дама из «вязального» клуба, а долбаный псих.

Но поскольку выбора действительно не было — тем более сейчас, в данную минуту, — Тесс при свете фонаря, сиявшего точно солнце в ясный летний полдень, покатила по газону к длинному серебристому фургону. Она ехала, чуть приподнявшись с сиденья, словно таким волшебным образом могла хоть как-то уменьшить следы колес на траве.

— Даже если, когда он вернется, свет будет гореть, это может не вызвать у него больших подозрений, — заметил «Том». — Сюда наверняка забегают олени. Не исключено, что он и фонарь-то установил, желая их отпугивать от своих угодий.

Это казалось вполне разумным (и прозвучало все примерно так, как ее обычный голос «Тома»), но не сильно успокаивало.

Гав! Гав! Гав! Гав! Кто бы это ни был, «разорвался» он просто с упоением.

За серебристым фургоном оказалась голая бутристая земля — видимо, там уже стояла не одна фура, — но было довольно утоптанно. Заехав как можно дальше в отбрасываемую фургоном тень, Тесс выключила мотор. От волнения ее прошиб пот, и его резкий запах витал в воздухе.

Она вышла из машины, и одновременно со стуком закрывшейся дверцы автомобиля погас прожектор. В какую-то секунду Тесс решила, что чуть ли не сама его выключила, но потом до нее дошло: у этой чертовой штуки опять сработал таймер. Опершись на теплый капот своего «форда-экспидишн», она тяжело дышала, словно марафонец на последней четверти мили дистанции. Было бы полезно заметить, насколько долго горел прожектор, однако на этот вопрос она ответить не могла. Она слишком испугалась, и ей показалось, что это длилось несколько часов.

Когда ей удалось взять себя в руки, она стала проверять свою экипировку, заставляя себя действовать методично и неторопливо. Так, пистолет и кухонная варезка — и то, и то на месте. Вряд ли прихватка поможет заглушить еще один выстрел: в ней теперь дырка. Придется рассчитывать на хорошую звукоизоляцию стоявшего на холме дома. Нож так и остался в животе Рамоны; если дойдет до того, что Большого Громилу

придется устранять с помощью разделочного ножа, дело дрянь.

А в пистолете у тебя лишь четыре пули — не забудь и просто так бездарно не пали. И почему не взяла с собой побольше, Тесса Джин? Ты же вроде как готовилась, но получилось, видимо, не очень тщательно.

— Заткнись, — прошептала она. — «Том», Фрицик или кто ты там, просто заткнись.

Недовольный голос смолк, и, как только это произошло, Тесс вдруг поняла, что стихло все вокруг и в реальном мире. Бездарный собачий лай прекратился, когда погас фонарь. Шумел только ветер, а светила одна лишь луна.

38

Теперь, когда погас жуткий прожектор, за длинным фургонном можно было бы прекрасно спрятаться, однако оставаться там Тесс не могла. По крайней мере если она решила сделать то, что задумала. Несмотря на опасение потревожить очередной датчик света, Тесс поспешила за дом, поскольку выбора, как ей казалось, у нее не было. Луна скрылась за облаком, и она, споткнувшись о люк погреба, упала на колени и чуть не ударилась головой о тачку. Оказавшись на земле, Тесс на какое-то мгновение задумалась, в кого же она превратилась. Она, член Гильдии писателей, совсем недавно выстрелом в голову убила женщину, предварительно ударив ее ножом в живот. *Я уже, как говорится, сожгла за собой мосты.* Потом она вспомнила, как Громила обзывал ее сучкой, и перестала думать об отступлении.

За домом у Штрельке и впрямь оказался сад-огород, но он был мал, и за него явно не стоило опасаться в плане набегов оленей так, чтобы устанавливать там какие-то датчики. Здесь ничего не было, кроме нескольких тыкв, по большей части гнивших на плетях. Перешагнув через грядки, Тесс зашла за дальний угол дома и оказалась возле грузовика. Вновь появи-

лась луна, и хромовое сияние заструилось лучистым серебром, как пишут в фантастических романах.

Подойдя сзади, Тесс обошла грузовик слева и опустилась на колени возле его переднего колеса, достававшего ей до подбородка. Она вытащила из кармана «лимоновыжималку». В гараж Штрельке заехать не было возможности, поскольку мешал стоявший на пути грузовик. Да и не будь там грузовика, гараж наверняка оказался бы завален всяким хламом — инструментами, рыболовными снастями, походной утварью, запчастями для грузовиков, ящиками из-под содовой и так далее.

Но это лишь догадки. А гадать опасно. Дорин бы отчитала тебя за это.

Да уж, точно, никто не знал «любительниц вязания» лучше Тесс, однако проницательные дамы-сладкоежки редко рисковали. А когда приходится идти ва-банк, какие-то догадки строить приходится.

Тесс взглянула на часы и удивилась: всего без двадцати пяти десять. Казалось, будто она, дав Фрицику двойную порцию, ушла из дома года четыре назад. А то и пять. Ей слышался шум мотора, но она решила, что ошиблась. Вот если бы не такой сильный ветер... Но это все лишь желания. В одной руке — желание, в другой — дерьмо, смотри, какая перевесит. Подобное высказывание дамам из «Уиллоу-Гроув» несвойственно — Дорин Маркис с ее подругами больше импонировали поговорки типа «глаза боятся, а руки делают», — но истинно оно тем не менее соответствовало.

А может, Громила и впрямь куда-то собрался, несмотря на воскресный вечер? Вдруг Тесс так и просидит до рассвета здесь — на вершине одинокого холма, куда она забралась точно безумная, на сильном ветру, промерзнув до самых своих и без того уже ноющих костей...

Нет, это он безумец. Помнишь, как он пританцовывал? А позади на стене плясала его тень. Помнишь, как он пел? Как горлачил? Жди, Тесса Джин. Жди хоть до скончания века, и будь что будет. Оттуда, куда ты добралась, нет пути назад.

Этого она, собственно, и боялась.

Пожалуй, происходящее едва ли напоминает «чисто английское убийство», не так ли?

Именно так. Это скорее в духе «Жажды смерти», чем в традициях некоего «закулисья» любительниц вязания из «Уиллоу-Гроув». Будем надеяться, Громила подъедет прямо к грузовику, за которым она притаилась, выключит фары пикапа и, прежде чем его глаза привыкнут к...

На сей раз это был уже не ветер. Тесс узнала неровный звук работавшего с перебоями двигателя еще до того, как свет фар упал на изгиб дорожки. Встав на одно колено, она как следует натянула бейсболку, чтобы не сорвало ветром. Видно, придется подойти поближе и все точно рассчитать по минутам. Если попытаться выстрелить из засады, можно промахнуться даже с небольшого расстояния: инструктор по стрельбе сказал, она может полагаться на «лимоновжималку» при дальности не более десяти футов. Он также рекомендовал ей приобрести более надежный пистолет, но она не сделала этого. И еще одно. Надо было не только стрелять наверняка, но и убедиться в том, что в грузовичке именно Штрельке, а не его брат или там приятель.

У меня же нет плана.

Однако что-то планировать было уже слишком поздно, ведь пикап оказался тот самый, а когда вспыхнул прожектор, Тесс заметила бурую кепчонку с белесыми проплешинами. Еще она увидела, как Громила прищурился от света, и поняла, что он на какое-то мгновение ослеплен. Сейчас или никогда.

Я — та самая отважная женщина.

Без всякого плана и даже не размышляя, она спокойно вышла из-за грузовика большим уверенным шагом. Ветер трепал широкие штанины ее брюк. Когда она открыла пассажирскую дверцу, ей бросился в глаза перстень с красным камнем на руке. Громила держал бумажный пакет с чем-то похожим на коробку внутри. Видимо, пиво — упаковка из двенадцати штук. Он повернулся к ней, и случилось нечто ужасное: она раздвоилась. «Отважная» увидела перед собой животное, которое насиловало ее, душило и затолкало в трубу к двум другим уже разлагавшимся трупам. Прежняя же Тесс увидела перед собой несколь-

ко более широкое, чем в пятницу, лицо со складками возле рта и морщинами вокруг глаз, которых тогда не наблюдалось. Однако, отмечая это, она все же слышала, как у нее в руке дважды рывкнула «лимоновыжималка». Первая пуля пробила Штрельке горло чуть ниже подбородка. Вторая, проделав черную дырку над его мохнатой правой бровью, разбила с водительской стороны боковое стекло. Он завалился на дверь, сжимавшая бумажный пакет рука разжалась и опустилась. Его тело дернулось в мощной предсмертной судороге, и рука с перстнем глухо стукнула по центру руля, нажав на сигнал. В доме вновь залаяла собака.

— Да нет же, это — он! — С пистолетом в руке она стояла перед открытой дверцей пикапа. — *Он — кто ж еще!*

Тесс бросилась вокруг пикапа спереди, не удержавшись на ногах, упала на колено, поднялась и рванула на себя водительскую дверь. Штрельке вывалился и стукнулся головой о свою гладко асфальтированную дорожку. Его кепчонка слетела. Правый глаз, выдавленный вошедшей чуть выше в голову пулей, уставился на луну. Левый смотрел на Тесс. Но убедило ее в конечном итоге не лицо — лицо с морщинами, которые она впервые видела; рябое от старых оспин, которых в пятницу не было.

Он просто здоровый или прямо здоровенный? — спросила тогда Бетси Нил.

Здоровенный, ответила Тесс, а этот был... еще больше! Ее насильник выглядел на шесть футов и шесть дюймов — так ей показалось, когда он вылез из своего пикапа (вот из *этого самого* пикапа, без всяких сомнений). Объемный живот, мясистые ляжки и широченные плечи. Однако в этом человеке было как минимум шесть футов и *девять* дюймов. Отправилась выслеживать Громилу, а прикончила Громадину.

— О Боже... — вырвалось у Тесс, и ветер унес оброненные ею звуки. — Боже всемилостивый, что я наделала?!

— Ты убила меня, Тесс, — отозвался лежавший на земле мужчина... и это определено так и было, принимая во внимание зиявшие в его голове и горле дырки. — Ты, как и собиралась, пошла и убила Большого Громилу.

Силы оставили ее. Она опустилась возле него на колени. Над ней в негодующем небе светила луна.

— Но ведь кольцо... — шептала она. — Кепка, этот *пикап*.

— Он носит кольцо и кепку, когда выезжает на «охоту», — ответил Большой Громила. — И берет этот *пикап*. Когда он ищет новую жертву, я в рейсе, и если его кто-то видит — тем более за рулем, — то думает, что это я.

— Как он может? — спросила Тесс у трупа. — Ты же его *брат*.

— Он ненормальный, — терпеливо объяснял Большой Громила.

— И раньше это срабатывало, — вмешалась Дорин Маркис. — Когда они были моложе, у Лестера начались проблемы с полицией. Вопрос в том, покончил ли Роско Штрельке с собой из-за этих проблем или из-за того, что Рамона заставила старшего брата Эла взять вину на себя. Возможно, Роско Штрельке собирался о чем-то рассказать, но Рамона его убила, представив все как самоубийство. Так как же все было, Эл?

Однако Эл ничего не стал говорить по этому поводу. Он просто замолчал. По сути, намертво замолчал.

— Я расскажу, как, на мой взгляд, все произошло, — предложила Дорин. — Видимо, Рамона понимала, что, попади твой младший братец на допрос даже к мало-мальски смышленому полицейскому, могут вскрыться вещи гораздо более серьезные, чем желание пощупать девочек в школьном автобусе, подглядывать в машины притормозивших на обочине любовников или что-то подобное. Подозреваю, ей удалось убедить тебя взять вину на себя, а своего мужа — умолкнуть. А не убедить, так пригрозить. И либо из-за того, что полиция так и не довела дело до процедуры опознания, либо по причине отсутствия выдвинутых обвинений все это сошло им с рук.

Эл ничего не говорил.

Стою на коленях и разговариваю сама с собой, изображая других, думала Тесс. Я окончательно лишилась рассудка.

Однако в глубине души она понимала, что так, напротив, пытается *сохранить* разум. И единственная возможность сделать это — разобраться во всем. Ей казалось, история, расска-

занная голосом Дорин, была если не всей правдой, то приближалась к правде. Пусть она основывалась на домыслах и весьма спорных выводах, эта версия не была лишена смысла и в определенной степени увязывалась с тем, что говорила Рамона в последние минуты жизни.

Ты не понимаешь... Ты совершаешь ошибку.

Согласна, ошибку. Этой ночью она сплошь и рядом совершает ошибки.

Нет, не сплошь и рядом. Она была в этом замешана. Она знала.

— А ты? — спросила Тесс убитого мужчину. Она было потянулась, чтобы схватить его за плечо, но тут же отдернула руку. Там, под рукавом, он наверняка еще теплый. И возможно, считает, что еще жив. — Ты знал?

Он не отвечал.

— Позволь, я попробую, — вновь вступила Дорин. И своим милейшим, располагающим к откровениям голосом пожилой дамы — что неизменно срабатывало в книгах — спросила: — Что же вам *было* известно, господин Водитель?

— Иногда возникали подозрения, — признался он. — Но я как-то об этом не думал, просто занимался своим бизнесом.

— А ты разве у матери не спрашивал?

— Точно не помню, — ответил он, и Тесс показалось, что он старается не смотреть на нее своим неестественно выпученным правым глазом. Разве можно что-то утверждать наверняка при таком беззастенчивом сиянии луны?

— Наверное, интересовался, когда девочки пропадали?

На это Большой Громила не ответил. Может, потому что голос Дорин стал напоминать голос Фрищика. Ну и, разумеется, голос «Тома-Тома».

— Но никогда не было никаких доказательств, так? — На этот раз Тесс решила задать вопрос сама. Она сомневалась, что, услышав ее голос, он ответит, но он все же ответил:

— Нет. Никаких доказательств.

— А тебе ведь и не хотелось, чтобы они были, а?

На сей раз ответа не последовало, и Тесс, поднявшись, нетвердой походкой дошла до бурой с белесыми проплешинами

ми кепчонки, которая укатилась за дорожку на газон. Стоило ей ее поднять, как фонарь тут же погас. А в доме перестала лаять собака. В связи с этим ей вспомнился Шерлок Холмс, и, стоя на ветру под сияющей луной, Тесс вдруг услышала собственный смешок. Он прозвучал так грустно, как никогда прежде. Сняв свою бейсболку, она запихнула ее в карман куртки и напялила вместо нее кепку убитого. Кепка оказалась ей слишком велика, и она вновь сняла ее, чтобы чуть подтянуть ремешок на затылке. Она вернулась к телу мужчины, которого не могла счесть абсолютно невиновным... но определенно он не был настолько виновным, чтобы принять смерть от Отважной.

Она легонько постучала по козырьку бурой кепки.

— Ты ее надеваешь, когда собираешься в рейс? — заранее зная ответ, поинтересовалась она.

Штрельке не отвечал, зато вызвалась ответить хозяйка Клуба любителей вязания Дорин Маркис:

— Ну, разумеется, нет. Когда едешь от фирмы «Красный ястреб», ты всегда в кепке с красным ястребом — ведь так, любезный?

— Да, — отозвался Штрельке.

— И едешь ты без перстня — правда?

— Без. Несуразно выглядит — не по-деловому. Да еще на этих грузовых автовокзалах какой-нибудь пьяный или обкуранный возьмет да и решит, что это настоящий камень. В драку-то не полезут — я слишком здоров и силен (по крайней мере был до этой ночи), но подстрелить могут. А я этого не заслужил — ни за фальшивый перстень, ни за те жуткие вещи, что творит мой брат.

— И вы с братом никогда не ездите по делам компании одновременно, не так ли?

— Так. Когда он в рейсе, я работаю в офисе. Когда в рейсе я, он... ну, понятно. Полагаю, вам известно, чем он занимается, пока меня нет.

— Но ты должен был *рассказать*! — заорала на него Тесс. — Даже если у тебя просто возникли какие-то подозрения, надо было *рассказать*!

— Он боялся, — мягко пояснила Дорин. — Так ведь, любезный?

— Да, — отозвался Эл. — Боялся.

— Своего брата?! — переспросила Тесс, либо не веря этому, либо не желая в это верить. — Боялся своего *младшего брата*?!

— Нет, — ответил Эл Штрельке. — Ее.

39

Когда Тесс, вернувшись в свою машину, завела двигатель, «Том» спросил:

— Ну откуда тебе было знать, Тесс? Все произошло слишком быстро.

Так-то оно так, если не учитывать самое главное, что теперь пугало больше всего: отправившись карать насильника, точно киношный мститель-одиночка, она оказалась на пути в преисподнюю.

Тесс поднесла пистолет себе к виску, потом опустила. Нельзя, не сейчас. Она была в долгу перед теми женщинами, что остались в трубе, и перед теми, кто может в ней оказаться, если Лестеру Штрельке все сойдет с рук. А после всего того, что она уже совершила, важно было во что бы то ни стало наказать его.

Ей предстояло сделать еще одну остановку. Но не на своем автомобиле.

40

Подъездная дорожка на Тауншип-роуд, 101, была недлинной и немощенной — просто две окаймленные кустами колеи. Кусты росли настолько близко, что царапали бока старого синего пикапа «Ф-150», пока Тесс ехала на нем к маленькому дому. Опрятностью дом не отличался. Это было древнее

мрачноватое обиталище, как в триллере «Техасская резня бензопилой». Надо же, как жизнь порой подражает искусству! И чем примитивнее произведение искусства, тем ближе сходство.

Тесс даже не пыталась осторожничать — какой смысл выключать фары, если Лестер Штрельке наверняка уже узнал шум мотора этого грузовичка, как своего брата по голосу?

Она все еще была в бурой с белесыми проплешинами кепке, которую носил Большой Громила вне работы, в «счастливой» кепке, которая в конце концов вдруг подвела. Кольцо с фальшивым рубином оказалось сильно велико, и она сунула его в левый передний карман своих вместительных штанов. Выходя на «охоту», Маленький Громила одевался «под» своего старшего брата, и даже если ему — в силу отсутствия времени или мозгов — так и не представится возможность оценить всю иронию ситуации, когда его последняя жертва появится в той же экипировке, этот шанс будет у Тесс.

Подъехав к задней двери, она заглушила двигатель и вышла из машины. Пистолет был в руке. Дверь оказалась не заперта. Она шагнула в некий тамбур, где пахло пивом и протухшей едой. На огрызке провода с потолка свисала единственная шестидесятиваттная лампочка. Впереди стояли четыре переполненные емкости для мусора — тридцатидвухгаллонные, что продаются в «Уолмарте». У стены за ними возвышались стопки собранных лет за пять каталогов «Анкл Хенриз». Слева единственная ступенька поднималась к другой двери — она, вероятно, вела на кухню. На двери вместо ручки имелась древняя щеколда. Ржавые петли, как показалось Тесс, оглушительно закрипели, когда она, нажав на щеколду, толкнула дверь. Часом раньше от подобного звука она застыла бы на месте. Однако сейчас это ее не беспокоило ни в малейшей степени. Она пришла выполнить задуманное — вот и все; и это освобождало ее от всякого лишнего эмоционального груза. Ее окутал запах жирного жареного мяса, которое Маленький Громила, видимо, готовил себе на ужин. До нее донесся смех с экрана те-

левизора. Какое-то комедийное шоу. «Сейнфелд»*, подумала она.

— Какого черта тебя принесло? — Лестер Штрельке был явно рядом с телевизором. — У меня всего полторы банки пива, если ты за этим. Допью и лягу спать. — Она двинулась на голос. — Позвонил бы — я б тебе оставил...

Она вошла в комнату, и он увидел ее. Тесс не пыталась представить, какой будет реакция Лестера на появление его восставшей последней жертвы с пистолетом в руке, да еще в кепчонке, которую он сам надевал, когда его обуревали страсти. Однако, если бы она все же попыталась, ей вряд ли удалось бы вообразить нечто подобное. Его челюсть отвисла, и все лицо застыло. Выпавшая из рук банка с пивом выплеснула пену на единственный имевшийся на нем предмет одежды — пожелтевшие шорты.

Так смотрят на призрака, подумала она, направляясь к нему с поднятым пистолетом. *Вот и хорошо.*

Она успела отметить, что, хотя гостиная и представляла собой холостяцкое логово без всяких там стеклянных шаров со снежком и умильных статуэток, «телевизионный уголок» оказался таким же, как у матери на Лейсмейкер-лейн: такое же кресло, такой же «телестол» (правда, вместо чипсов «Чиз дудлз» на нем лежал пакет чипсов «Доритос», а вместо диеты стояла еще непотная банка пива «Пабст блю риббон») и та же телепрограмма с Саймоном Коуэллом на обложке.

— Ты мертва, — прошептал он.

— Нет, — ответила Тесс. Она приставила дуло «лимоновыжималки» к его голове. Он предпринял было жалкую попытку схватить ее запястье, но попытка оказалась слишком жалкой и слишком запоздалой. — Это ты мертва.

Она нажала на спусковой крючок. Из его уха пошла кровь, а голова резко дернулась вбок. Он был похож на человека, у которого свело шею.

— Я был в бассейне, я был в бассейне! — воскликнул с экрана телевизора Джордж Костанца. В зале раздался смех.

* «Сейнфелд» — популярный телесериал в жанре комедии положений.

41

Дело шло к полуночи, и ветер дул все сильнее. Дом Лестера Штрельке вздрагивал, и Тесс при каждом порыве ветра вспоминала о маленьком поросенке, построившем себе жилье из дерева.

Поросенку, жившему здесь, уже не придется беспокоиться, что его поганенький домишко куда-то унесет, потому что поросенок сдох в своем кресле. *Да и не поросенок он вовсе*, думала Тесс, *а большой отвратительный волк*.

Она сидела на кухне и писала на страницах замызганного блокнота фирмы «Блу хорс», который нашла наверху в спальне Штрельке. На втором этаже были четыре комнаты, но спальня оказалась единственным помещением, не забитым всяким хламом — от железных каркасов кроватей до лодочного мотора «Эвинруд», который выглядел так, будто его скинули с высоты пятиэтажного дома. Поскольку на осмотр всех этих застарелых залежей ушли бы недели, а то и месяцы, Тесс, сосредоточив внимание на спальне, тщательнейшим образом обыскала ее. Блокнот «Блу хорс» был расценен ею как бонус. А то, что она искала, ей удалось обнаружить в старой дорожной сумке, спрятанной (не слишком тщательно) на полке в глубине гардероба за стопкой старых журналов «Нэшнл джиогрэфик». В сумке оказался комок женского нижнего белья. Ее собственные трусики лежали сверху. Сунув их в карман, Тесс, точно заправский воришка, подбросила туда моток желтого бакштава. Никто не удивится, обнаружив среди трофейного белья кусок троса в сумке убийцы-насильника. К тому же он ей больше не понадобится.

«Здесь мы закончили, Тонто», — сказал Одинокий Рейнджер.*

В то время как «Сейнфелд» сменился шоу «Фрейзьер»**, а затем и местными новостями (кто-то из жителей Чикопи вы-

* Одинокий Рейнджер и Тонто — известные персонажи американских вестернов, борцы за справедливость.

** «Фрейзьер» — американское комедийное шоу.

играл в лотерею, а кто-то, упав со строительных лесов, сломал себе шею, — обо всем понемногу), она исповедовалась в письме. На пятой странице, вслед за новостями началась, как ей показалось, бесконечная реклама «Олмайти клинз»*. «Некоторые американцы считают, что стул раз в два-три дня — нормальное явление, — говорил создатель средства Дэнни Вьерра. — Любой уважающий себя врач скажет вам, что это не так!»

Письмо было адресовано **СООТВЕТСТВУЮЩИМ ИНСТАНЦИЯМ**, и один-единственный абзац занял первые четыре страницы. Каждое слово будто кричало. Рука устала писать, а найденная Тесс в кухонном ящике шариковая ручка (с полустершейся золотистой надписью «КРАСНЫЙ ЯСТРЕБ. ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ») подавала признаки высыхания, но и она, с Божьей помощью, уже заканчивала. В то время как Маленький Громила, продолжая сидеть в своем «телевизионном» кресле, уже НЕ смотрел телевизор, она с пятой страницы начала наконец новый абзац.

Я не стану оправдываться за то, что сделала. И не стану говорить, что находилась в состоянии аффекта. Я была вне себя от негодования и совершила ошибку. Все просто. При других обстоятельствах — не таких ужасных! — я могла бы сказать: «Ошибка вполне объяснима — эти двое настолько похожи, что могли бы сойти за близнецов». Однако это не те, «другие» обстоятельства.

Пока писала на этих страницах свое признание под звук его телевизора и шум ветра, я подумала об искуплении — не ради надежды на прощение, а потому что, видимо, неправильно, совершая ошибки, даже не пытаться выправить ситуацию, совершив нечто достойное. (Тут Тесс подумала о том, как «выровняли» ситуацию победитель лотереи и тот, кто сломал себе шею; однако связь тут найти было трудно, поскольку она к тому же была совершенно измучена.) У меня появились мысли отправить-ся в Африку, чтобы помогать ухаживать за больными СПИДом.

* «Олмайти клинз» — средство для очищения пищеварительного тракта.

У меня появились мысли присоединиться к добровольцам в Новом Орлеане для помощи в приюте для бездомных или в благотворительном продовольственном фонде. У меня появились мысли отправиться к Мексиканскому заливу, чтобы очищать птицам перья от нефти. У меня появились мысли пожертвовать миллион (или сколько там мне удалось скопить на старость) некой группе людей, объединившихся ради борьбы с жестоким обращением с женщинами. Наверняка в Коннектикуте есть подобное сообщество, а может, даже и не одно.

Но тут я вспомнила о Дорин Маркис из Клуба любителей вязания и о том, что она неизменно повторяет в каждой книге...

А Дорин Маркис хоть раз в каждой книге повторяла, что убийцы всегда упускают очевидное. *Уж поверьте, дорогие мои.* И уже в те минуты, когда Тесс писала об искуплении, она понимала: ничего не выйдет. Ведь Дорин была абсолютно права.

Тесс надела кепку, чтобы не оставить на месте преступления ни волоска. Она ни разу не снимала перчатки, даже за рулем пикапа Элвина Штрельке. Было еще не поздно сжечь свою исповедь у Лестера в кухонной печке, доехать до гораздо более приятного домика его Братца Элвина (кирпичного, а не деревянного), сесть в свой «форд-экспидишн» и двинуться обратно в Коннектикут. Она могла вернуться домой, где ее ждал Фриц. На первый взгляд все сработано чисто, и полиция могла выйти на нее лишь через несколько дней. Но случилось бы это непременно. Потому что, разглядывая мелкие кочки, она не заметила целую гору, точно как убийцы в книгах о Клубе любителей вязания.

И у этой «горы» имелось имя: Бетси Нил. Миленькая женщина с овальным личиком, «разными» глазками в стиле Пикассо и с облачком темных волос. Она узнала Тесс, умудрилась получить у нее автограф, однако главным было даже не это. Главным могло стать лицо Тесс в синяках (*Надеюсь, это случилось не здесь*, сказала тогда Нил) и вопросы об Элвине Штрельке. Она ведь описала его грузовик и злополучный перстень. С красным камнем, подтвердила тогда Тесс.

Бетси Нил увидит это по телевизору или прочтет об этом в газете — три трупа в одном семействе, такое не пропустишь! — и отправится в полицию. Копы придут к Тесс. Они, разумеется, проверят данные о регистрации оружия в Коннектикуте и выяснят, что у нее имеется «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, известный как «лимоновыжималка». Ее попросят предъявить оружие на предмет проведения экспертизы и для сравнения пуль с теми, что обнаружены в телах трех жертв. И что она скажет? Посмотрит на полицейских своими подбитыми глазами и заявит (все еще хриплым благодаря стараниям Лестера Штрельке голосом), что она потеряла пистолет? А потом и дальше будет настаивать на этой версии, даже после того, как в трубе обнаружат трупы женщин?

Тесс взяла позаимствованную ручку и вновь принялась писать.

...что она неизменно повторяет в каждой книге: убийцы всегда упускают очевидное. Дорин тоже как-то, приводя в пример книжку Дороти Сэйерс, оставив убийцу наедине с заряженным пистолетом, предложила ему найти достойный выход для себя. Пистолет у меня есть. Из близких родственников в живых у меня остался лишь мой брат Майк. Он живет в Таосе, Нью-Мексико. Полагаю, он сможет унаследовать мою собственность. Все зависит от юридических тонкостей моего дела. Если так, то, надеюсь, представители властей, обнаружившие это письмо, ознакомят с ним брата, а также передадут ему мое желание пожертвовать дом какой-нибудь благотворительной организации, помогающей женщинам, подвергшимся сексуальному насилию.

Я сожалею по поводу Большого Громилы — Элвина Штрельке. Он оказался не тем человеком, который меня изнасиловал, и, Дорин уверена, он не убивал и не насиловал тех, других женщин.

Дорин? Да нет же, это она уверена. Дорин ведь не настоящая. Однако Тесс была слишком измучена, чтобы возвращаться и что-то исправлять. Да и какая разница? Ей все равно уже недолго осталось.

По поводу Рамоны и этого дерьма, что в соседней комнате, я не сожалею. Они это заслужили.

Как, разумеется, и я.

Она отвлеклась, просматривая исписанные страницы — не упустила ли что-нибудь? Решив, что нет, расписалась — поставила свой последний автограф. К последней букве пересохла чернила, и она отложила ручку в сторону.

— Есть что сказать, Лестер? — спросила она.

В ответ послышался лишь шум ветра — его порывы были настолько сильными, что бревна маленького дома поскрипывали, пропуская в щели струйки холодного воздуха.

Тесс вернулась в гостиную. Она нахлобучила Громиле на голову кепку и надела на палец перстень. Ей хотелось, чтобы обнаружили его именно в таком виде. На телевизоре стояла фотография в рамке: Лестер, обнявшийся с мамой, оба улыбались. Просто мама с сыном. Чуть задержав взгляд на снимке, Тесс вышла.

42

У нее возникло чувство, что необходимо вернуться к заброшенному магазину, где все началось, и покончить с этим там. Можно немного посидеть на заросшей травой стоянке, послушать, как ветер раскачивает старую вывеску («ВЫ ПРАВИТЕСЬ ДРУГ ДРУГУ»), подумать о чем-то, о чем люди думают в последние минуты жизни. В ее случае, видимо, о Фрицике. Наверняка Пэтси возьмет его к себе — и хорошо. Коты живучи. Им не важно, кто их кормит, пока перед ними полная миска.

Доехать до магазина в это время можно было бы быстро, однако путь все же казался далеким. Тесс жутко устала. Она решила, что сядет в старый грузовичок Эла Штрельке и сделает *это* там. Однако ей не хотелось бы забрызгать свое вымученное признание своей же собственной кровью — это выглядело

бы совсем не к месту, принимая во внимание все изложенные в нем душераздирающие подробности, так что...

Тесс принесла вырванные из блокнота страницы в гостиную, где по-прежнему работал телевизор (молодой человек бандитского вида предлагал зрителям автоматическую поломойку), и бросила их Штрельке на колени.

— Возьми-ка, Лес, — сказала она.

— Пожалуйста, — ответил он. Она обратила внимание, что частичка его «больного» мозга уже начала подсыхать у него на мощном голом плече. Вот и хорошо.

Тесс вышла в темноту навстречу ветру и стала медленно забираться в кабину пикапа. Скрип водительской дверцы показался ей странно знакомым. Да нет, что же тут странного? Разве она не слышала его возле магазина? Конечно. Она хотела оказать ему услугу, потому что и он собирался ей помочь: он собирался заменить ей колесо, чтобы она смогла доехать до дому и покормить кота.

— Я не хотела, чтобы у него сел аккумулятор, — сказала Тесс и рассмеялась.

Она приставила короткое дуло своего пистолета к виску, но вдруг передумала. Такой выстрел не всегда приносил желаемый результат. Ей бы хотелось, чтобы ее деньги принесли пользу пострадавшим женщинам, а не ушли на оплату ее бессознательного существования в некоем «хранилище для человекоовощей».

Рот. В рот будет вернее.

Гладкое дуло на языке отдавало оружейной смазкой, а мушка упиралась в небо.

Я прожила хорошую жизнь — весьма неплохую, как бы там ни было — и хотя в самом ее конце совершила жуткую ошибку, может, ее не сочтут чрезмерной, если там вообще что-то есть.

Надо же, ночной ветер такой приятный. И эти едва уловимые ароматы, которые он приносит сквозь полуоткрытое окно с водительской стороны. Жалко уходить, но выбора нет. Пора.

Закрыв глаза, Тесс установила палец на спусковом крючке. И тут заговорил «Том». Это было весьма странно, поскольку «Том» был в ее машине, а «экспидишн» оставался возле дома другого брата почти в миле отсюда. И кстати, услышанный ею голос был абсолютно не похож на тот, который она обычно выдавала за голос «Тома». Не был он похож и на ее собственный. Голос прозвучал довольно неприветливо. К тому же у нее во рту был пистолет и она вообще не могла говорить.

— А ведь она никогда и не была очень хорошим детективом, а?

Тесс вынула изо рта пистолет.

— Кто? Дорин?

Несмотря ни на что, она была потрясена.

— А кто же еще, Тесса Джин? Да и с чего ей быть такой уж хорошей? Ведь ее создала ты прежняя, разве не так?

Тесс предполагала, что именно так и было.

— Дорин считает, Большой Громила не насиловал и не убивал тех женщин. Ведь это ты написала?

— Я, — ответила Тесс. — Точно. Я просто была измучена, вот и все. И потрясена, наверное.

— И еще считала себя виновной.

— Да. И виновной.

— А те, кто чувствует вину, делают правильные выводы — как думаешь?

Нет. Видимо, нет.

— Что ты пытаешься мне втолковать?

— То, что ты лишь частично разгадала тайну. И прежде чем тебе удалось разгадать все до конца — тебе, а не какой-то там шаблонно мыслящей пожилой даме, — произошло определенно досадное недоразумение.

— Досадное недоразумение? Так-то ты это обозвал? — Издалека-далёка Тесс слышала собственный смех. Где-то ветер постукивал плохо закрепленным водостоком о карниз крыши. Это напоминало поскрипывание вывески «Севен-ап» у заброшенного магазина.

— Прежде чем застрелиться, — сказал новый «Том»-незнакомец (его голос все больше и больше напоминал жен-

ский), — почему бы не раскинуть *своими* мозгами? Но только не здесь.

— А где же?

На это «Том» ничего не ответил, да, собственно, от него и не требовалось. Но сказал он вот что:

— Забери-ка ты с собой свое дурацкое признание.

Тесс вылезла из грузовичка и вернулась в дом Лестера Штрельке. Остановившись на кухне убитого, она размышляла. Размышляла она вслух голосом «Тома» (который все больше походил на ее собственный). Дорин, похоже, «пошла погулять».

— Ключ от дома Эла наверняка на связке вместе с ключом зажигания, — предположил «Том». — Правда, там пес — не забудешь?

Да, уж это было бы прискорбно. Тесс направилась к холодильнику Лестера. Немного пошуровав там, она увидела в глубине, на нижней полке, завернутый гамбургер. Дополнительно завернув его в страницу «Анкл Хенриз», она прошла в гостиную. С некоторой опаской она стала подбирать ранее брошенные Штрельке на шорты листки со своим признанием, полностью отдавая себе отчет в том, что именно там, под ними, скрыта часть тела, которая причинила ей столько боли, из-за которой этой ночью были убиты трое людей.

— Я взяла твою котлету, но обижаться на меня не стоит: я оказываю тебе услугу — она уже вовсю пахнет тухлятинкой.

— Вот здорово — не только убийца, но еще и воровка, — сказал Маленький Громила своим безучастным «трупным» голосом.

— Заткнись, Лес! — бросила она и вышла.

43

Прежде чем застрелиться, почему бы не раскинуть своими мозгами?

Именно этим она и попыталась заняться, направляя сквозь порывы ветра старый пикап к дому Элвина Штрельке. Тесс на-

чала рассуждать как «Том». Он оказался лучшим детективом, чем Дорин Маркис во всем ее великолепии.

— Буду краток, — заявил «Том». — Ты просто ненормальная, если считаешь, что Эл Штрельке совсем к этому не причастен.

— Конечно, ненормальная, — отозвалась она. — Иначе не стала бы убеждать себя в том, что не убивала невинного человека, прекрасно осознавая, что на самом деле все *так и есть*.

— Это в тебе говорит чувство вины, а не логика, — возразил «Том». Его тон казался жутко самоуверенным. — Не был он ни невинной овечкой, ни даже слегка паршивой. Проснись, Тесса Джин. Они не просто братья, они — партнеры.

— *Деловые* партнеры.

— Братья не бывают просто деловыми партнерами. Это всегда нечто большее. Тем более если их мать — Рамона.

Тесс свернула на гладенькую дорожку к дому Эла Штрельке. Она подумала, что «Том» мог быть и прав на этот счет. Одно она знала точно: Дорин с ее подругами из Клуба любителей вязания не доводилось иметь дело с такой женщиной, как Рамона Норвил.

Вновь загорелся фонарь на столбе. Залаял и пес: гав-гав, гав-гав-гав. Тесс дождалась, пока погаснет свет и замолкнет собака.

— Едва ли я смогу узнать наверняка, «Том».

— Не поймешь, пока не попробуешь разобраться.

— Даже если он и знал, *не он меня изнасиловал*.

«Том» немного помолчал. Она уже решила, что он согласился. Но тут он сказал:

— Когда один человек совершает нечто плохое, а другой, зная об этом, не пытается его остановить, виноваты оба.

— В глазах правосудия?

— В *моих* глазах. Допустим, выслеживал, насиловал и убивал только Лестер. Правда, я так не думаю, но предположим. Однако если брат все знал, но молчал, он заслужил то, что получил. Я бы даже сказал, еще хорошо отделался. Посадить его на раскаленный кол было бы более справедливо.

Устало покачав головой, Тесс прикоснулась к лежавшему на сиденье пистолету. Оставалась одна пуля. Если она выпустит ее в собаку (еще одно убийство — подумаешь, между нами, девочками), придется поискать другое оружие, если не попробовать повеситься или там еще что-нибудь. Но у таких ребят, как Штрельке, оружие, как правило, имелось. В том-то и прелесть, как сказала бы Рамона.

— Если знал — да. Но за «если» не получают пулю в голову. Мамаша — да, тут нет сомнений; найденные в ее доме серьги — улика. Но здесь-то нет доказательств.

— Правда? — «Том» произнес это так тихо, что Тесс едва услышала. — Пойдем-ка посмотрим.

44

Пес не отреагировал лаем на звук шагов по ступеням, но Тесс живо представила, как он, опустив голову и оскалив зубы, поджидает ее за дверью.

— Губер? — Или как там еще чаще всего называют деревенских собак. — Меня зовут Тесс. У меня есть для тебя гамбургер. А еще у меня есть пистолет с одной пулей. Сейчас я открою дверь. И я бы на твоём месте предпочла мясо. Ну как — договорились?

Лая не последовало. Может, все дело в выключенном фонаре? Или пес не нападал на взломщиц женского пола? Тесс попробовала один ключ, затем — другой. Оба не подошли. Видимо, это были офисные ключи. Третий повернулся в замке, и она сразу, полная решимости, распахнула дверь. Ей представлялся бульдог, ротвейлер или питбуль с красными глазками и слюнявой пастью. Но перед ней оказался джек-рассел-терьер, который, виляя хвостом, смотрел на нее с надеждой.

Сунув пистолет в карман куртки, Тесс погладила пса по голове.

— Боже мой! — воскликнула она. — А я тебя боялась.

— Не стоило, — заметил Губер. — Скажи, а где Эл?

— Лучше не спрашивай, — ответила она. — Хочешь гамбургер? Предупреждаю, он не совсем свежий.

— Давай сюда, — сказал Губер.

Скормив ему кусок котлеты, Тесс прошла в дом, закрыла дверь и включила свет. А что? В конце концов, они были лишь вдвоем с Губером.

Элвин Штрельке содержал свой дом в большем порядке, чем его младший брат. Полы со стенами были чистыми, и никаких стопок каталогов «Анкл Хенриз»; она даже увидела на полках несколько книг. Кое-где «кучковались» уже знакомые фигурки в стиле Марии Хуммель, а в рамке на стене висела большущая фотография «мамзиллы». Тесс углядела в этом некий повод для размышлений, но едва ли это могло послужить доказательством. Доказательством чего-либо. *Вот если бы это был снимок Ричарда Уидмарка в известной роли Томми Удо, дело обстояло бы иначе.*

— Что улыбаешься? — поинтересовался Губер. — Не поделишься?

— Пожалуй, нет, — ответила Тесс. — С чего начнем?

— Не знаю, — отозвался Губер. — Я же просто пес. Можно мне еще этого вкусного мясца?

Тесс дала ему кусочек гамбургера. Поднявшись на задние лапки, Губер дважды покружился. Тесс подумала, не сходит ли она с ума.

— «Том»! Есть что сказать?

— Ты нашла свои трусики в доме другого брата — так?

— Да. И взяла их с собой. Они порваны... но я бы все равно больше ни за что не надела их... просто это *мое*.

— А что еще ты нашла, кроме скомканного нижнего белья?

— О чем ты?

Однако «Тому» не требовалось ничего объяснять. Вопрос состоял не в том, что она уже нашла, а в том, что ей пока найти не удалось: сумочку и ключи. Ключи Лестер Штрельке мог выкинуть в лесу. Так поступила бы Тесс на его месте. Но вот сумочка — другое дело. Сумочка была от Кейт Спейд — очень дорогая, с вышитым на полосочке шелка именем Тесс внутри. Если сумочки — вместе со всем, что в ней лежало, — не оказа-

лось в доме Лестера и если он не выбросил ее в лесу вместе с ключами, то где же она?

— Я думаю, она здесь, — сказал «Том». — Давай-ка посмотрим.

— Хочу есть! — возопил Губер и выполнил очередной пируэт.

45

Откуда же начать?

— Вот что, — вмешался «Том», — мужчины чаще всего прячут что-то в кабинете или в спальне. Дорин могла этого и не знать, но тебе-то это известно. Кабинета в этом доме нет.

Тесс прошла в спальню Эла Штрельке (Губер шел по пятам) и увидела там удлиненную двуспальную кровать в типично армейском стиле. Тесс заглянула под нее. Ничего. Она уже направилась было к шкафу, но неожиданно остановилась и вновь вернулась к кровати. Приподняв матрас, заглянула под него. Секунд через пять — а может, и десять — она коротко обронила одно-единственное слово:

— Есть.

Под матрасом, на пружинном основании лежали три дамские сумочки. Среднюю — кремового цвета клатч — Тесс узнала бы где угодно. Она раскрыла ее. Внутри не оказалось ничего, кроме салфеток «Клинекс» и карандаша для бровей, с хитро спрятанной у него в одном конце маленькой расческой для ресниц. Она поискала шелковую полосочку со своим именем, но не нашла: ленточку аккуратно удалили. Однако Тесс заметила на мягкой итальянской коже крохотный надрез в том месте, где был надпорот шов.

— Твоя? — спросил «Том».

— Ну, ты же знаешь.

— А карандаш для бровей?

— Такие тысячами продаются в аптеках и косметических магазинах по всей Америке...

— *Этот — твой?*

— Да, да, мой.

— Теперь убедились?

— Я... — Тесс сглотнула. Она что-то почувствовала, но пока не могла понять что. Облегчение? Потрясение? — Думаю, да. Но *как же так?* Как же так — они *оба*?

«Том» не ответил. Да и не требовалось. Дорин могла не знать (или не желала этого признать, так как пожилые дамы, с любопытством наблюдающие за ее приключениями, не любили подобных извращений), однако Тесс думала иначе. Мамаша облажалась с обоими отпрысками. Такое мнение высказал бы психиатр. Лестер был насильником, а Эл — фетишистом, принимавшим во всем косвенное участие. Может, он даже подсобил братцу с одной или обеими женщинами в трубе. Тесс теперь вряд ли об этом узнает.

— Весь дом, пожалуй, и до рассвета не осмотреть, — сказал «Том», — а вот эту комнату обыскать можно, Тесса Джин. Все, что было в сумочке, он, видимо, уничтожил — кредитки, подзреваю, мог изрезать и вышвырнуть в речку Коулвич. Однако это только догадки, а тебе лучше бы знать наверняка, ведь любая мелочь, имеющая отношение к тебе, выведет на тебя полицию. Начни со шкафа.

В шкафу Тесс не обнаружила ни своих кредиток, ни чего-то другого, но кое-что все же нашла. Это оказалось на верхней полке. Она слезла со стула, на котором стояла, и, оторопев, вертела находку в руках: утенок — возможно, чья-то любимая детская игрушка. Один глаз у утенка отсутствовал, а искусственная ворсистая ткань свалелась; в некоторых местах даже образовались проплешины, словно утенка до смерти заласкали.

На выпцветшем желтом клювике было темно-бордовое пятно.

— Думаешь, это то самое? — спросил «Том».

— Думаю, да, «Том».

— Тела, что ты видела в трубе... среди них могло быть детское?

Нет, тела были большие. Однако водопропускная труба под Стэг-роуд могла оказаться не единственным могильником жертв братьев Штрельке.

— Положи назад, на полку. Оставь эту находку полиции. Тебе стоит проверить, нет ли чего-нибудь про тебя в его компьютере. А потом надо убираться отсюда.

Что-то холодное и мокрое ткнулось Тесс в руку. Она чуть не вскрикнула. Это оказался Губер, который смотрел на нее во все глаза.

— Еще еды! — потребовал Губер, и Тесс дала ему очередной кусочек.

— Если у Эла Штрельке есть компьютер, он как пить дать защищен паролем, — заметила Тесс. — И вряд ли я легко его взломаю.

— Тогда заведи его с собой и выбрось по пути домой в реку, пусть покоится там с рыбами.

Однако компьютера в доме не оказалось.

Перед выходом Тесс скормила Губеру остатки гамбургера. Возможно, он отгрызнет все это на ковер, однако Большому Громилю до этого уже не будет дела.

— Ну что, довольна, Тесса Джин? Убедилась, что не убивала невинного человека? — спросил «Том».

Она полагала, что да; по крайней мере вариант самоубийства больше не рассматривала.

— А Бетси Нил? Как быть с ней, «Том»?

«Том» не ответил... да от него и не требовалось. В конце концов, она ведь сама и была им.

Разве нет?

Тесс как-то не чувствовала себя уверенной в этом окончательно. А надо ли? Она ведь знала, что ей дальше делать. А об остальном подумает завтра, когда будет новый день. И Скарлетт О'Хара была здесь абсолютно права.

Самым важным являлось сейчас то, чтобы полиция узнала о трупах в трубе. Ведь у жертв были друзья и родственники, которые до сих пор оставались в неведении относительно их участи. А еще потому, что...

— ...потому что игрушечный утенок указывает: трупов могло оказаться и больше.

Голос был ее собственный.

Вот и хорошо.

46

На следующее утро в 7.30 — после менее чем трехчасового кошмарного сна урывками — Тесс включила свой компьютер. Но вовсе не для того, чтобы писать. Она была далека от мысли о творчестве как никогда.

Замужем ли Бетси Нил? Тесс так не думала. Обручального кольца она в тот день на Нил не видела; ну а если она просто его не заметила, то уж семейных фотографий в ее офисе точно не было. Единственный снимок, который ей вспомнился, — заключенная в рамку фотография Барака Обамы... а тот к тому времени был уже женат. Так что да — Бетси Нил, вероятно, либо разведена, либо еще не замужем. Значит, много о ней через поисковик не узнаешь. Тесс полагала, что, если съездить в «Бродягу», ее можно застать на работе. Однако ей туда ехать не *хотелось*. Ни за что на свете.

— Ну что ты мучаешься? — спросил с подоконника Фрицик. — Посмотри хотя бы телефонный справочник Коулвича. Кстати, чем это от тебя пахнет? Неужели *псиной*?

— Да, я познакомилась с Губером.

— Предательница! — презрительно бросил Фрицик.

Результатом ее поиска стала дюжина разных Нил. Среди них оказалась некая Э. Нил. «Э» — имелось в виду Элизабет? Выяснить это можно было лишь одним способом.

Без лишних раздумий — сомнения могли бы поколебать ее решимость — Тесс набрала указанный номер. Ее прошиб пот, сердце учащенно заколотилось.

Раздался гудок. Другой.

Наверное, не она. Это может быть Эдит Нил. Или Эдвина Нил. А то и Эльвира Нил.

Третий.

А если это и Бетси Нил, то ее, вероятно, нет на месте. Возможно, она уехала в отпуск в Катскильские горы...

Четвертый.

...или трахается с кем-то из «Сумасшедших пекарей» — а почему нет? С соло-гитаристом, например. Распевают себе вмес-

те в душе «Улизнет ли твоя киска от собаки», после того как по-занимались...

На том конце взяли трубку, и Тесс тут же узнала голос:

— Привет, это Бетси. Я сейчас не могу подойти к телефону. Далее прозвучит сигнал, и вы знаете, что нужно сделать, когда его услышите. Приятного дня.

День у меня получился хуже не придумаешь, благодарю, а минувшая ночь и того х...

Раздался сигнал, и Тесс, даже не успев отдать себе в этом отчет, вдруг услышала собственный голос:

— Привет, мисс Нил. Это Тесса Джин — помните, Леди «Уиллоу-Гроув»? Мы с вами встречались в «Бродяге». Вы вернули мне мой «Том-Том», а я оставила автограф для вашей бабули. Вы обратили внимание на то, как я была «разукрашена», а я вам соврала. Никакого дружка не было, мисс Нил. — Тесс говорила все быстрее, опасаясь, что пленка закончится, прежде чем она успеет все сказать... а ей вдруг жутко захотелось побыстрее закончить. — Меня изнасиловали, это было ужасно, но потом я попыталась как-то все исправить, и... я... мне необходимо с вами об этом поговорить, потому что...

Послышался щелчок, и в трубке раздался голос самой Бетси Нил.

— Сначала, пожалуйста, — сказала она, — но помедленнее. Я только что проснулась.

47

Они встретились в обеденное время в коулвичском парке и сели на скамейку возле эстрады. Тесс казалось, что она не голодна, однако когда Бетси Нил все же всучила ей сандвич, Тесс принялась заглатывать его большими кусками, как Губер, пожиравший гамбургер Лестера Штрельке.

— Начните сначала, — снова попросила Бетси. Она выглядела совершенно спокойной — даже чересчур спокойной, как

невольно отметила Тесс. — Начните с самого начала и расскажите мне все по порядку.

Тесс начала с приглашения, полученного от «Букс энд браун бэгтерз». Бетси Нил в основном молча слушала, лишь изредка вставляя что-нибудь типа «ага» или «да-да», словно напоминая Тесс, что она следит за развитием событий. Рассказ получался длинным, и у Тесс даже пересохло в горле. По счастью, у Бетси оказались с собой две крем-соды, и Тесс с жадностью выпила предложенную ей банку до конца.

Когда она замолчала, было уже начало второго. Немногие посетители, что тоже пришли в парк перекусить, уже разошлись. Прогуливались лишь две женщины с колясками, но они находились на значительном расстоянии.

— Так, значит, если я правильно поняла, — заговорила Бетси Нил, — вы намеревались застрелиться, и тут некий голос посоветовал вам вернуться в дом Элвина Штрельке?

— Да, — ответила Тесс. — Там я обнаружила свою сумочку. И утенка с кровавым пятном.

— А свои трусики — дома у младшего брата.

— Да, у Маленького Громилы. Они у меня в машине. И сумочка тоже. Хотите взглянуть?

— Нет. А оружие?

— Тоже в машине. Там еще одна пуля осталась. — С любопытством взглянув на Нил, она вновь подумала: *глаза девушки с картины Пикассо*. — А вы меня не боитесь? Вы же, так сказать, то самое звено — единственное, как мне кажется, оставшееся.

— Мы ведь в общественном месте, Тесс. Кроме того, у меня дома на автоответчике записано что-то вроде вашего признания.

Тесс задумчиво опустила глаза — еще кое-что, о чем она не подумала.

— Даже если вам удастся убить меня, не привлекая внимания тех двух молодых мамаш...

— У меня больше нет желания убивать. Ни здесь, ни где бы то ни было.

— Приятно слышать. Ведь если у вас и получилось бы, скажем так, «нейтрализовать» меня и уничтожить мой автоответчик, полиция рано или поздно вышла бы на таксиста, который подвозил вас до «Бродяги» в субботу утром. А стоит им разыскать вас, они увидят все эти внушительные компрометирующие вас синяки.

— Да, — согласилась Тесс, дотрагиваясь до самых болезненных мест. — Верно. Так что будем делать?

— Для начала, думаю, вам стоило бы где-то отсидеться, пока ваше милое личико вновь не обретет привычно милые черты.

— Надеюсь, с этим проблем не будет, — ответила Тесс и рассказала Бетси то, что она выдумала для Пэтси Макклейн.

— Что ж — годится.

— Мисс Нил... Бетси... ты мне веришь?

— Да, конечно, — словно машинально бросила она. — А теперь послушай меня — слушаешь?

Тесс кивнула.

— Мы с тобой здесь сейчас на маленьком пикнике в парке — болтаем о том о сем. Но мы никогда больше не увидимся — так?

— Как скажешь, — отозвалась Тесс. У нее в мозгах сейчас творилось примерно то же самое, что происходит с десной после впрыснутой в нее стоматологом хорошей дозы новокаина.

— Так вот, и еще ты должна придумать что-то для полицейских, на случай если они выйдут либо на водителя лимузина, который вез тебя домой...

— Мануэль. Его звали Мануэль.

— ...либо на таксиста, который привез тебя к «Бродяге» в субботу утром. Не думаю, что кто-нибудь додумается связать тебя со Штрельке, если не всплывет один из твоих документов, но когда все станет известно, шуму будет много, и нельзя рассчитывать, что расследование никак тебя не коснется. — Чуть подавшись вперед, Бетси легонько коснулась Тесс выше левой груди. — Однако я очень рассчитываю, что ты позаботишься о том, что все это никак не коснется *меня*. Потому что я этого не заслужила.

Разумеется, нет. Никоим образом.

— Ну что бы ты могла придумать для полицейских, а? Не-что убедительное, но без моего участия. Давай же, ведь ты — писательница.

Тесс на минуту задумалась. Бетси ее не теребила.

— Я могла бы сказать, что после моего выступления Рамона Норвил посоветовала мне срезать путь по Стэг-роуд — это вполне соответствует истине — и что, остановившись по дороге перекусить, я вспомнила, что проезжала мимо «Стэгтер инн». Решила вернуться, немного выпить и послушать музыку.

— Так, хорошо. Там играли...

— Я знаю, кто там играл, — сказала Тесс. Похоже, действие «новокаи́на» заканчивалось. — Я познакомилась с какими-то ребятами, мы хорошо выпили, и я решила, что слегка перебрала, чтобы садиться за руль. Ты в этой истории не фигурируешь, поскольку по ночам не работаешь. А еще я могла бы сказать...

— Ладно, мне вполне достаточно. Как только у тебя появляется вдохновение, тебе все удастся. Только не увлекайся слишком.

— Не буду, — пообещала Тесс. — Возможно, этого мне и рассказывать-то не придется. Стоит полиции узнать про братьев Штрельке и их жертв, она пойдет по следу матерых убийц, а не по следу хрупкой дамы-писательницы вроде меня.

Бетси Нил улыбнулась.

— «Хрупкой дамы-писательницы» — твою мать! Да ты еще кому угодно фору дашь. — Тут она заметила на лице Тесс тревогу. — Что такое? Что-то *еще*?

— Копы ведь *смогут* установить связь между жертвами в трубе и братьями Штрельке? По крайней мере с Лестером?

— Он тебя с «резинкой» насиловал?

— Нет! О Господи! Когда я добралась домой, его гадость все еще была у меня и на ногах, и внутри. — Ее передернуло.

— Значит, и других он поимел так же. Там хватит улик. Копы смогут все увязать. Если эти мерзавцы действительно избавились от всех твоих документов, ты выйдешь сухой из воды.

А беспокоиться по поводу того, на что ты никак не сможешь повлиять, бессмысленно, правильно?

— Да.

— Ну а ты... ты ведь уже больше не планируешь, вернувшись домой, резать себе в ванне вены, а? Или использовать эту последнюю пулю?

— Нет. — Тесс вспомнила, каким приятным был ночной воздух, когда она сидела в кабине пикапа с дулом «лимоновым-жималки» во рту. — Нет-нет, со мной все будет в порядке.

— Тогда тебе пора. А я еще немного посижу здесь.

Тесс начала было подниматься, но вдруг вновь опустилась на скамейку.

— Мне необходимо кое в чем разобраться. После всего этого ты становишься соучастницей. Почему ты идешь на такое ради едва знакомой женщины? Ради женщины, с которой просто случайно повстречалась?

— Ты поверишь, если я скажу, что все из-за того, что моя бабуля любит твои книги и была бы очень расстроена, если бы тебя посадили в тюрьму за тройное убийство?

— Пожалуй, нет.

Бетси немного помолчала. Она взяла свою крем-соду, но тут же поставила банку на место.

— Женщины повсюду подвергаются насилию, и ты не единственная такая, правда?

Правда. Тесс все понимала, однако ей от этого было не легче. Не станет ей от этого легче и ждать результатов анализа на СПИД.

Бетси улыбнулась. Ничего милого и обаятельного в этой улыбке не было.

— Женщины во всем мире подвергаются насилию. И женщины, и девочки. У кого-то из них наверняка есть любимые мягкие игрушки. Одни погибают, другим удастся выжить. Как думаешь, многие выжившие заявляют о том, что с ними случилось?

Тесс покачала головой.

— Я тоже не знаю, — сказала Бетси. — Но есть данные Национального центра информации о жертвах преступлений — я

справлялась в «Гугле». Если верить этим данным, шестьдесят процентов подобных преступлений остаются безнаказанными. Три из пяти. Думаю, цифра занижена, но как докажешь? Все труднодоказуемо, если ты не на уроке математики. Доказать факт насилия практически невозможно.

— Как это с тобой случилось? — спросила Тесс.

— Отчим. Мне было двенадцать. Он приставил мне к лицу нож для масла. Я боялась пошевелиться, мне было страшно. Когда он кончил, рука с ножом дернулась. Наверное, это произошло случайно — кто знает?

Левой рукой Бетси оттянула вниз нижнее веко левого глаза и подставила под него правую ладонь — стеклянный глаз выкатился прямо в руку. Слегка красноватая пустая глазница будто бы с удивлением взирала на мир.

— Боль была такая, что... вряд ли ее можно описать. Мне это показалось концом света. Ну и кровищи, конечно, море. Мать отвезла меня к врачу. Она велела мне сказать, что я бежала в чулках, поскользнулась на кухонном линолеуме, который она только что натерла мастикой, полетела вперед и — глазом прямо об угол столешницы. Она сказала, что врач будет разговаривать со мной наедине и что она полагается на меня. «Я понимаю, он сделал с тобой что-то жуткое, — сказала она, — но, если об этом кто-то узнает, винить будут меня. Прошу тебя, детка, сделай это ради меня, а уж я позабочусь, чтобы с тобой больше ничего подобного не случилось». Вот я так и сделала.

— Но это повторилось?

— Еще раза три-четыре. И я не шевелилась, поскольку не могла рисковать своим одним-единственным оставшимся глазом. Послушай, мы ведь уже все обсудили или еще нет?

Тесс хотела было приобнять Бетси, но она отпрянула. *Словно вампир от распытания*, мелькнуло у Тесс.

— Не надо, — сказала Бетси.

— Но...

— Знаю-знаю, ты сердечно благодарна, женская солидарность, сестринская поддержка и все такое прочее. Просто я не люблю, когда меня обнимают, вот и все. Так мы закончили или нет?

— Закончили.

— Тогда ступай. И еще: я бы по пути домой выкинула оружие в реку. Кстати, ты свою исповедь сожгла?

— Да, можешь не сомневаться.

Бетси кивнула:

— А я сотру то, что ты наговорила мне на автоответчик.

Уходя, Тесс все же раз оглянулась. Бетси Нил все еще сидела на лавке. Глаз она уже вставила на место.

48

Уже в машине Тесс пришла в голову удивительно полезная мысль: удалить из памяти своего навигатора последние четыре поездки. Она нажала кнопку — экран загорелся.

— Привет, Тесс. Отправляемся в путь-дорогу? — отозвался «Том».

Удалив информацию, Тесс выключила джи-пи-эс. Нет-нет, никаких путей-дорог — она просто поедет домой. И, как ей казалось, дорогу она сможет найти сама.

НА ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ*

* Fair Extention © 2011. М.В. Жученков. Перевод с английского.

Едва заметив табличку, Стритер был вынужден остановиться: его вырвало. Теперь такое случалось довольно часто и порой почти непредсказуемо: иногда подкатывала легкая тошнота, иногда во рту появлялся странный медный привкус, а иногда и вовсе — раз! — и вот тебе, пожалуйста. В связи с этим садиться за руль становилось весьма рискованно, а приходилось, причем часто: в основном потому, что понимал — поздней осенью он будет уже не в состоянии это делать, а еще потому, что надо было подумать. Думалось же ему лучше всего именно за рулем.

Он был на Харрис-авеню-экстеншн — широкой магистрали, проходящей мимо аэропорта округа Дерри и прилегающих к нему мотелей и складских помещений. Днем дорога была весьма оживленной, так как, помимо соединения западной и восточной частей округа, вела еще и в аэропорт. Однако вечерами шоссе пустело. Съехав на велослужбу, Стритер выдернул «индивидуальный пакет» из лежавшей у него на пассажирском сиденье пачки и, засунув в него голову чуть ли не целиком, перестал сдерживать настойчивые позывы. Обед, что называется, «появился на бис», словно предоставляя дополнительную возможность полюбоваться своим видом, стоило только Стритеру открыть глаза. Однако делать этого он не стал: уже порядком насмотрелся.

Когда началась эта, так сказать, рвотная стадия, боли еще не было. Однако доктор Хендерсон предупреждал его, что все изменится, и на прошлой неделе так и случилось. Правда, боль

пока особых мучений не вызывала — просто молниеносное, похожее на изжогу, жжение, идущее откуда-то изнутри к горлу. Оно внезапно появлялось и вскоре проходило. Конечно, предполагалось ухудшение. Доктор Хендерсон предупреждал Стритера и об этом.

Оторвавшись от индивидуального пакета, он раскрыл «бардачок», достал оттуда проволочный хомутик и поплотнее закрыл свой «обед», пока рвотой не провоняла вся машина. Взглянув направо, Стритер увидел словно ниспосланную ему провидением урну с нарисованным на ней жизнерадостным вислоухим псом и трафаретным предупреждением: **«ДЕРРИ-ДОГ ПРОСИТ НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ МУСОР ГДЕ ПОПАЛО!»**

Подойдя к урне Дерри-Дога, Стритер избавился от продуктов извержения своего увядающего тела. Летнее солнце клонилось к закату, краснея над ровными (и в данный момент пустынными) площадями аэропорта. Тень, будто прилепившаяся к пяткам Стритера, была длинной и уродливо тощей. Она словно месяца на четыре опережала события — тогда рак, овладев им полностью, начнет пожирать его живьем.

Возвращаясь к машине, Стритер увидел через дорогу табличку. Поначалу — может, потому что глаза еще слезились — он решил, что речь шла о волосах: «Удлиняю, наращиваю...» Потом, присмотревшись, он разобрал, что **НА ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ** просто предлагалось что-то удлинить, нарастить, продлить и так далее за (более мелкими буквами) разумную цену.

«На выгодных условиях, за разумную цену» — звучало заманчиво и как-то вполне адекватно. На противоположной стороне шоссе, у проволочной изгороди, окаймлявшей владения аэропорта, находился посыпанный гравием участок, где днем шла оживленная лоточная торговля, поскольку заинтересовавшимся водителям можно было довольно безопасно притормозить, избежав вызвать столкновения (если, разумеется, они были достаточно проворны и не забывали вовремя включить «аварийку»). Проведя всю свою жизнь в небольшом городке Дерри, штат Мэн, Стритер имел возможность много лет на-

блюдать, как весной люди торговали папоротником, летом — свежими ягодами и вареной кукурузой и почти круглый год — лобстерами. В период весеннего межсезонья там царствовал сумасшедший старик по прозвищу Снеговик, который продавал всякую всячину, утерянную зимой и найденную во время таяния снега. Много лет назад Стритер и сам как-то купил у него вполне приличную мягкую куклу для своей дочки Мэй, которой тогда было годика два-три. Однако сдуру сказав Джанет, откуда игрушка, был вынужден ее выбросить. «Как думаешь, может, нам ее прокипятить, чтобы убить всю заразу? — сказала она. — Просто диву даюсь, как умный человек может делать такие глупости».

Зато рак особенно не различал, есть у человека мозги или нет. Умный или глупый, но Стритер, можно сказать, уже смирился с тем, что покидает поле и снимает спортивную форму.

Там, где в свое время раскладывал товары Снеговик, теперь возвышался картонный столик. За ним, прикрываясь лихо пристроенным желтым зонтом от красных лучей опускающегося за горизонт солнца, сидел пухленький мужичок.

С минуту постояв возле машины и уже собираясь в нее сесть (пухляк не обращал ни на кого никакого внимания и, похоже, смотрел маленький портативный телевизор), Стритер все же уступил любопытству. Оглянувшись по сторонам — нет ли машин — и убедившись, что можно идти — шоссе, как всегда в этот час, оказалось свободным: все уже благополучно сидели дома, приступали к ужину, в отличие от него воспринимая это как должное, — он пересек пустую четырехполосную дорогу. Тощая тень — будущий Призрак Стритера — поволоклась за ним.

Пухлячок поднял глаза.

— Ну, привет-привет! — воскликнул он, еще не успев включить телевизор; Стритер заметил, что тот смотрел передачу «Инсайд эдишн». — И как у нас дела?

— Не знаю, как у вас, но у меня бывало и получше, — отозвался Стритер. — Не поздновато ли для торговли? После часа пик тут почти никто не ездит: это ведь задворки аэропорта — тут разве только грузовики проезжают. Пассажиры-то предпочитают Уитчем-стрит.

— Знаю, — ответил пухлый, — но, к сожалению, местные власти не приветствуют такой придорожный бизнес, как у меня, по ту сторону аэропорта. — Он сокрушенно покачал головой, огорченный творящейся в мире несправедливостью. — Я уж собирался сворачиваться, чтобы в семь — домой, но что-то подсказало мне: могут быть еще варианты.

Окинув взглядом столик, Стритер не увидел на нем ничего, выставленного для продажи (если только телевизор), и улыбнулся:

— Да вряд ли я для вас «вариант», мистер...

— Джордж Элвид, — представился пухлый, поднимаясь и протягивая свою такую же пухлую руку.

Они обменялись рукопожатиями.

— Дэйв Стритер. Вряд ли я окажусь для вас тем самым «вариантом», поскольку даже не знаю, чем вы торгуете. Поначалу я решил, что речь идет о наращивании волос...

— А вас это интересует? — тут же спросил Элвид, окидывая его критическим взглядом. — Просто, я смотрю, ваши, кажется, редуют.

— Скоро вообще не останется, — сказал Стритер. — Я на химиотерапии.

— О, простите. Сочувствую.

— Благодарю. Правда, какой смысл в химиотерапии, если... — Он пожал плечами. Удивительно, как просто было говорить об этом с незнакомцем. Он даже детям еще не сказал, но Джанет, конечно, знала.

— Ну и каковы шансы? — поинтересовался Элвид. В его голосе слышалось простое сочувствие, не более того, и Стритер ощутил подступившие к глазам слезы. Ему было жутко неловко плакать в присутствии Джанет, и он позволил себе такое лишь пару раз. Рядом с этим незнакомцем все казалось проще. Тем не менее он все же вытащил из кармана носовой платок и вытер глаза. На посадку заходил маленький самолетик. В лучах багряного солнца он казался парящим распятием.

— Насколько я понимаю — никаких, — ответил Стритер. — Так что «химия» — просто... как сказать...

— Приятная формальность?

Стритер неожиданно рассмеялся:

— Да, именно.

— Может, имеет смысл обменять «химию» на лишнее обезболивающее? Или обсудить кое-что со мной?

— Я же говорю, вряд ли буду вам чем-то интересен, тем более что я даже не понимаю, чем вы тут торгуете.

— Ну, многие назвали бы это средством от всех недугов, — с улыбкой ответил Элвид, слегка раскачиваясь и не выходя из-за столика. Стритер с удивлением отметил, что хоть Джордж Элвид был толстячком, его тень оказалась такой же щедрой и немощной, как его собственная. Он решил, что, видимо, на закате — и тем более в августе, когда конец дня затягивается, не всегда доставляя удовольствие, — все тени выглядят болезненно тощими.

— Но я не вижу здесь ни одного флакончика, — заметил Стритер.

Опершись пальцами о столик, Элвид чуть подался вперед. Теперь он приобрел деловой вид.

— Я предлагаю, так сказать, увеличения: продление, удлинение...

— ...отчего название этого шоссе* кажется прямо-таки пророческим.

— Никогда над этим не задумывался, но, возможно, вы и правы. Хотя порой сигара — это просто курево, а совпадение — просто совпадение. Каждый всегда хочет что-нибудь увеличить, мистер Стритер. Молодой даме-«шопоголику», например, я мог бы предложить увеличение сроков выплаты кредита, а мужчине с маленьким пенисом — бывает, генетика доходит и до подобной жестокости, — увеличить его член.

Стритер был настолько ошарашен незамысловатыми откровениями Элвида, что впервые за целый месяц — с того момента, как ему стал известен диагноз — забыл про свой рак в агрессивной, быстро распространяющейся форме.

— Шутите?!

* Шоссе называется Harris Avenue Extension. Extension — увеличение (англ.).

— О да — я большой шутник, но никогда не шучу, когда речь идет о бизнесе. Я в свое время увеличил десятки членов и даже стал известен в Аризоне как *El Pene Grande**. Я с вами абсолютно честен, и, по счастью, мне не требуется, чтобы вы в это поверили. Коротышкам обычно хочется увеличить рост. А если бы вас действительно волновали волосы, я бы с удовольствием предложил вам наращивание.

— А человек с большим носом — ну, знаете, как у Джимми Дюранте**, — мог бы обратиться к вам с просьбой его уменьшить?

Элвид с улыбкой покачал головой:

— Теперь вы, видимо, сами решили пошутить. Ответ, разумеется, нет. За «уменьшениями» обращайтесь куда-нибудь в другое место. Я специализируюсь только на увеличениях — очень по-американски, согласитесь. Я возвращаю любовь тем, кого она, казалось бы, покинула (порой это зовется *любовным эликсиром*), продлеваю сроки кредита тем, кто ограничен в средствах, — а таких клиентов при нынешнем состоянии экономики сколько угодно, раздвигаю временные рамки для тех, кто по разным причинам не укладывается в какие-то сроки, а как-то раз даже увеличил зоркость парню, который хотел стать военным летчиком, но не проходил по зрению.

Стритер с удовольствием слушал собеседника. Удовольствие уже казалось ему непозволительной роскошью, однако жизнь была полна неожиданностей.

Оба улыбались, словно шутка оказалась удачной.

— А как-то, — продолжил Элвид, — я продлил ощущение *реальности* весьма талантливому художнику, который погрязал в параноидальную шизофрению. Вот *это* стоило дорого.

— И сколько же, позвольте полюбопытствовать?

— Это обошлось ему в одно из его полотен, которое теперь украшает мой дом. Его имя вам, возможно, знакомо — известный итальянец эпохи Ренессанса. Вы вполне могли изу-

* *El Pene Grande* — Большой Член (исп.).

** Джимми Дюранте — американский певец, пианист, комик, актер.

чать его творчество, если у вас в колледже был курс искусствоведения.

Продолжая улыбаться, Стритер все же сделал шаг назад — так, на всякий случай. Уже вроде смирившись с неизбежностью смерти, он пока не был готов принять ее прямо сегодня, да еще и от сбежавшего из «Джунипер-Хилл» — психушки для душевнобольных преступников в Огасте.

— Так вы хотите сказать, что вы... не знаю... бессмертны, что ли?

— Ну, я долгожитель, это определенно, — согласился Элвид. — Вот, думаю, мы и добрались до того, как я мог бы вам помочь. Вы, вероятно, хотите продлить *жизнь*.

— А это, я полагаю, невозможно, — подытожил Стритер. Мысленно прикидывая расстояние до своей машины, он соображал, насколько быстро сможет его преодолеть.

— Возможно, конечно... но за определенную цену.

Стритер, немало поигравший в свое время в «скраббл», мысленно представил себе варианты с перестановкой букв в имени Элвид*.

— Мы говорим о деньгах... или речь идет о моей душе?

Замахав рукой, Элвид для пушей убедительности еще и театрально закатил глаза.

— Какая там душа — никогда не слышал о ней, а, как говорится, встретил бы — не узнал. Деньги, конечно, как обычно. Пятнадцать процентов от ваших доходов на протяжении последующих пятнадцати лет вполне бы меня устроили. Считайте, что это плата за агентские услуги.

— Именно на такой срок и продлится моя жизнь? — При мысли о пятнадцати годах у Стритера защемило в груди. Несбыточная мечта! Эти годы представлялись ему необычайно долгим сроком, тем более по сравнению с тем, что ожидало его в реальном будущем: шесть «тошнотворных» месяцев, растущая боль, кома и смерть. Плюс некролог, в котором, несомненно, прозвучит фраза: «После продолжительной и мужественной

* В оригинале фамилия героя Elvid; при перестановке букв получается Devil — дьявол, сатана (англ.).

борьбы с неизлечимой болезнью». И так далее, и тому подобное, как это в последнее время — в частности, в «Сейнфелде» — повторяют: бла-бла-бла.

Элвид театрально вздернул руки, мол, кто его знает.

— А может, и двадцать. Как тут скажешь наверняка — это вам не точные науки. Но если рассчитываете на бессмертие, предупреждаю сразу: даже не мечтайте. Я лишь честно занимаюсь продлением. Вот и все.

— Годится, — согласился Стритер. Незнакомец поднял ему настроение. Если этот рухляк попросту нуждался в простодушном собеседнике, Стритер был готов Элvidу подыграть. По крайней мере в разумных пределах. По-прежнему улыбаясь, он протянул ему через карточный столик руку. — Пятнадцать процентов в течение пятнадцати лет. Правда, должен признаться, пятнадцать процентов зарплаты помощника менеджера в банке вряд ли дадут вам возможность сесть за руль «роллс-ройса» — разве что «гео»*, но...

— Это еще не все, — перебил Элвид.

— Ну, разумеется, — не возражал Стритер. Он со вздохом убрал протянутую руку. — Было любопытно пообщаться, мистер Элвид. Вы приятно разнообразили мой вечер, что мне, честно говоря, представлялось уже невозможным. Надеюсь, вы получите необходимую помощь в связи с вашим психическим расстр...

— Молчите, глупец! — оборвал его Элвид, все еще улыбаясь, однако ничего приятного в этой улыбке уже не было. Он вдруг словно вырос — как минимум дюйма на три — и утратил прежнюю пухлость.

Это из-за света, решил Стритер. *Свет на закате всегда обманчивый*. А неприятный запах, который он внезапно уловил, был всего лишь выхлопом авиационного топлива, который донесло сюда, на посыпанную гравием площадку возле проводочной изгороди, случайное дуновение ветерка. Ничего сверхъ-

* Имеется в виду марка малолитражных автомобилей дочернего предприятия «Дженерал моторс» («GEO»).

естественного... однако он все же замолчал, как и было велено.

— Никогда не задумывались, зачем мужчинам или женщинам что-то увеличивать?

— Разумеется, задумывался, — несколько уязвленно ответил Стритер. — Я работаю в банке, мистер Элвид, в «Дерри сейвингз». Ко мне постоянно обращаются с просьбой об увеличении срока выплаты кредита.

— Значит, вам понятно, что многие нуждаются в *увеличении* там, где у них возникает разного рода *нехватка* — времени и денег, длины члена, остроты зрения и так далее.

— Чертова эпоха дефицита, — поддержал его Стритер.

— Примерно так. Но вес имеет даже то, что неосознано, невидимо. *Негативный* вес, и это хуже всего. Бремя, снятое с вас, должно лечь на кого-то другого. Элементарная физика. Можно сказать, *психофизика*.

Стритер завороченно смотрел на Элвида. Мимолетное впечатление, что тот вдруг вырос (и что его улыбка обнажила чрезмерное количество зубов), прошло. Перед ним стоял обычный пухлый коротышка, у которого в бумажнике, вероятно, лежала зеленая карточка амбулаторного пациента — если не из «Джунипер-Хилла», то из Акадского института психических заболеваний в Бангоре. Если у него вообще *был* бумажник. Что у него определено было, так это острый бредовый синдром, благодаря которому он представлял собой увлекательный объект для изучения.

— Позвольте, я перейду к самой сути, мистер Стритер?

— Пожалуйста.

— Вам необходимо переместить тягостную ношу. А попросту говоря, вы должны кому-то подложить свинью, чтобы избавиться от нее самому.

— Понял. — И он не лукавил.

Элвид же продолжал свою, ставшую, пожалуй, очень логичной, мысль.

— Однако этот «кто-то» не может быть лишь бы кто. Уже проверено, что «некий аноним» не «пройдет». Нужен человек,

к которому вы испытываете ненависть. Есть человек, которого вы ненавидите, мистер Стритер?

— Я здорово недолюбливаю Ким Чен Ира, — ответил Стритер. — А еще считаю, что для мерзавцев, которые подорвали эсминец «Коул»*, тюрьма — чересчур шикарное место. Правда, я не думаю, что им когда-нибудь...

— Либо мы с вами говорим серьезно, либо уходите, — оборвал Элвид. Он вновь словно вырос. Стритер даже подумал, не могло ли это быть неожиданным результатом побочного эффекта от лекарств, которые он принимал.

— Если вы имеете в виду мою личную жизнь, то ненавиستي я ни к кому не испытываю. Есть такие, кого я недолюбливаю — миссис Денбро, например, соседка; выставляет свои мусорные баки на улицу без крышек, и если поднимается ветер, то мусор разносится по моему газону...

— Если я, с вашего позволения, несколько перефразирую покойного Дино Мартино, мистер Стритер, то все порой кого-то ненавидят**.

— А Уилл Роджерс*** сказал...

— Это словоблуд, который нахлобучивал шляпу на глаза, словно ребенок, который решил поиграть в ковбоев. И вообще, если вы действительно ни к кому не испытываете ненависти, у нас с вами ничего не выйдет.

Стритер задумался. Опустив глаза, он посмотрел на свои ботинки и еле слышно, будто бы даже и не своим голосом, произнес:

— Наверное, я ненавижу Тома Гудхью.

— Кем он вам приходится?

* Эсминец «Коул» был подорван в 2000 г. в порту Адена моторным катером, начиненным взрывчаткой и управляемым террористами-смертниками.

** Имеется в виду американский (итальянского происхождения) певец, актер, комик и телеведущий Дин Мартин. Одна из самых известных его песен — «Все порой кого-то любят».

*** Уилл Роджерс — американский ковбой, комик, актер, популярный в 20—30-е гг. XX в.

— Лучший друг, еще со школьной скамьи, — со вздохом ответил Стритер.

После короткой заминки Элвид расхохотался. Выйдя из-за своего столика, он похлопал Стритера по спине (странно, что его рука казалась холодной, а пальцы не пухлыми и короткими, а длинными и тонкими) и вернулся на место. Он плюхнулся в свой шезлонг, все еще фыркая и отдуваясь от смеха; его лицо сделалось пунцовым, и катившиеся по щекам слезы тоже казались красными — кроваво-красными — в лучах заходящего солнца.

— *Ваш лучший... еще со школьной... ну, это что-то...*

Элвид буквально умирал со смеху. Едва не задыхаясь, он заходиллся воплями со стонами; его странно острый для такой круглой физиономии подбородок дергался и поднимался к безмятежному, но уже медленно темнеющему летнему небу. Наконец ему все же удалось совладать с собой. Стритер уже чуть было не предложил ему свой носовой платок, однако раздумал отдавать его в пользование подозрительному придорожному лоточнику.

— Просто великолепно, мистер Стритер, — вымолвил тот. — Мы сможем договориться.

— Ну, так отлично! — воскликнул Стритер, отступая еще на шаг. — Я прямо чувствую, как наступает этот пятнадцатилетний отрезок моей новой жизни. Однако я припарковался на велослужке, это нарушение, могу схлопотать штраф.

— Насчет этого не стоит беспокоиться, — успокоил Элвид. — Как вы могли заметить, с начала наших переговоров здесь вообще не проехало ни одной машины, не говоря уж о полицейском патруле. Когда речь заходит о чем-то серьезном с серьезными людьми, я делаю так, чтобы дорожная ситуация не отвлекала.

Стритер с опаской огляделся по сторонам. Так оно и было. Шум машин доносился с Уитчем-стрит в направлении Апмайл-Хилла, а здесь словно все вымерло. *Ну, разумеется*, напомнил он себе, *после рабочего дня тут всегда мало машин*.

Но чтобы вообще ни одной? Чтобы словно все вымерло? Такое может быть среди ночи, но не в 7.30 вечера.

— Расскажите, почему вы ненавидите своего лучшего друга? — попросил Элвид.

Стритер на всякий случай вновь напомнил себе, что его собеседник не в своем уме. И не стоило верить всему, что тот говорит. От этой мысли ему стало как-то легче.

— Том всегда выигрывал внешне в детстве и *гораздо* более привлекателен сейчас. Он преуспевал в трех видах спорта, я же едва мог соперничать с ним лишь в мини-гольфе.

— И, по-моему, в этом виде спорта девчачьих групп поддержки не бывает, — заметил Элвид.

Мрачно усмехнувшись, Стритер продолжил:

— Том весьма неглуп, но учиться ему было лень. Особого рвения добиться чего-то на этом поприще в нем не ощущалось. Однако когда из-за учебы под угрозой оказывались его спортивные достижения, он начинал паниковать. А к кому обратиться за помощью?

— К вам! — воскликнул Элвид. — Мистер Добросовестный Ученик и настоящий друг! И вы брали над ним шефство, да? Наверное, и контрольные за него писали? Делая на всякий случай ошибки в тех словах, где их привыкли видеть учителя Тома?

— Виновен по всем пунктам. Говоря по правде, в старших классах, когда Тома награждали как лучшего спортсмена штата Мэн, мне приходилось отдуваться сразу за двоих: за Дэйва Стритера и за Тома Гудхью.

— Тяжко.

— А знаете, что оказалось еще более тяжело? У меня была девчонка. Красивая. Ее звали Норма Уиттен. Темно-каштановые волосы, карие глаза, кожа гладкая, высокие скулы...

— Грудь — загляденье...

— Да-да, точно. Но дело даже не в сексе...

— Не думаю, что до него вам не было дела...

— ...я любил эту девушку. И знаете, что сделал Том?

— Увел ее у вас?! — возмущенно воскликнул Элвид.

— Совершенно верно. Подошли ко мне вдвоем и, типа, чистосердечно признались.

— Как достойно!

— Сказали, что это выше их сил.

— Сказали, что любят друг друга. Л-Ю-Б-Я-Т.

— Да. Что их влечет друг к другу и они ничего не могут с этим поделать — силы природы и все такое.

— Дайте-ка угадаю — он ее трахнул.

— Ну, разумеется. — Потупив взор, Стритер вновь принялся разглядывать свои ботинки, вспоминая одну юбочку, которую в старших классах носила Норма, едва прикрывавшую ее трусики. Было это почти тридцать лет назад, но порой Стритер воспроизводил картинку в памяти, когда они с Джанет занимались любовью. До секса у них с Нормой дело не дошло — ничего «такого» Норма не позволяла. Однако Тому она почему-то уступила — и не исключено, что с первого же раза.

— Она забеременела, и он ее бросил?

— Нет, — со вздохом сказал Стритер. — Он на ней женился.

— Но вскоре развелся! Небось еще и поколотил эту дурачку?

— Хуже. Они все еще женаты. У них трое детей. А гуляя вместе в Бэсси-парке, они держатся за руки.

— Самая дурацкая из всех историй, что я когда-либо слышал. Хуже не придумаешь. Правда... — Элвид бросил пронизательный взгляд на Стритера из-под мохнатых бровей. — Правда, только если вы сами не угодили в бессмысленный брак без любви, точно в ледяную глыбу.

— Нет-нет, это совсем не так, — возразил Стритер, удивленный таким поворотом разговора. — Я очень люблю Джанет, а она любит меня. Достаточно вспомнить, с какой необыкновенной стойкостью она переживает рядом со мной эти тяжелые месяцы моей болезни. Если во вселенной и существует то, что зовется гармонией, — нам с Томом повезло со спутницами жизни. Несомненно. И все же...

— Все же? — Элвид взглянул на него с нетерпеливым ожиданием.

Стритер вдруг понял, что впивается ногтями себе в ладони. Но вместо того чтобы расслабить руки, он надавил еще силь-

нее. Настолько сильно, что почувствовал, как побежала кровь.

— И все же *гаденыш* украл ее у меня! — Это терзало его долгие годы, и он с удовольствием выкрикнул наболевшее.

— Конечно, украл. А вожаденные желания просто так не пропадают, хотим мы этого или нет. Согласны со мной, мистер Стритер?

Стритер не ответил. Он тяжело дышал, словно пробежал яров пятьдесят или только что выбрался из уличной потасовки. На его прежде бледных щеках заалели маленькие пятнышки.

— Это все? — поинтересовался Элвид тоном участливого пастыря.

— Нет.

— Выкладываете до конца. Проткните же наконец свой гнойник.

— Он — миллионер. Не должен был им стать, но стал. В конце восьмидесятых — вскоре после наводнения, которое едва не смыло этот город начисто, — он решил создать мусорный завод. Правда, обозвал его «Предприятие по удалению и переработке отходов города Дерри» — так, понимаете ли, благозвучнее.

— Гигиеничнее.

— Он пришел ко мне за ссудой, и хотя в банке проект всем показался неубедительным, я все же протолкнул его. И знаете *зачем*, Элвид?

— Разумеется! Вы же его друг!

— Вторая попытка.

— Потому что вы хотели, чтобы он прогорел и разорился.

— Именно. Он вбухал все свои сбережения в четыре мусоровоза и заложил дом, чтобы приобрести кусок земли неподалеку от железнодорожной ветки. Под свалку. Наподобие гангстеров из Нью-Джерси, которые так отмывали свои наркодоходы, а заодно и закапывали трупы. Я счел это безумием и просто не мог дожидаться одобрения ссуды. А он до сих пор по-братски благодарен мне за помощь. Не устает всем рас-

сказывать, как я, рискуя должностью, горой встал на его защиту. «Дэйв подставил мне плечо, как в старших классах», — говорит он. А знаете, как потом местные дети обозвали эту свалку?

— Нет. И как же?

— Гора-Помойка! Она выросла до невероятных размеров! Не удивлюсь, если в ней радиоактивные отходы! Хотя она покрыта дерном, везде знаки «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА», а под зеленой травкой крысы наверняка уже построили себе Манхэттен! Кстати, крысы и сами небось радиоактивные!

Он замолчал, понимая, что монолог звучал нелепо, но это его не слишком волновало. Элвид был безумен, и вдруг — вот ужас! — Стритер тоже превратился в безумца! По крайней мере когда речь зашла о его старом приятеле. Да еще...

In cancer veritas*, подумал Стритер.

— Давайте-ка подытожим. — Элвид принялся подсчитывать, загибая пальцы, которые были вовсе не длинными, а коротенькими, пухлыми и выглядели безобидно, как и он сам. — Том выигрывал внешне даже в детстве. О таких атлетических данных, как у него, вы могли только мечтать. Девушка, сидевшая у вас в машине, скромно поджав хорошенькие ножки, вдруг неожиданно раздвинула их для Тома. Он на ней взял да и женился. Они все еще любят друг друга. И с детишками, полагаю, у них все в порядке?

— Здоровые красивые дети! — будто с досадой воскликнул Стритер. — Одна выходит замуж, другой учится в колледже, третий заканчивает школу! К тому же он еще и капитан футбольной команды! Яблоко от чертовой яблони!

— Да-да. И — как венец всему — он еще и богат, а вам приходится влачить существование, имея какие-то там тысяч шестьдесят в год.

— Он получил ссуду, а я — премию, — пробубнил Стритер. — За *прозорливость*, так сказать.

— А вы, разумеется, рассчитывали на повышение.

— Откуда вы знаете?

* In cancer veritas — истина в раке (лат.).

— Это сейчас я бизнесмен, а когда-то просто сидел на зарплате. А в «свободное плавание» я отправился, когда меня уволили. И это оказалось лучшим, что со мной произошло. Я знаю, как это бывает. Что-нибудь еще? Пользуйтесь возможностью облегчить душу.

— Он пьет «элитное» пиво «Споттед хен»! — воскликнул Стритер. — В Дерри никто больше не пьет эту претенциозную дрянь! Только он — Том Гудхью, Мусорный Король!

— Он ездит на спортивной машине? — вкрадчиво, шелковистым тоном поинтересовался Элвид.

— Нет. Если бы на спортивной, я бы не преминул сказать Джанет, что налицо признаки начала климактерического периода. У него чертов «рейнджровер».

— Думаю, имеется кое-что еще, — заметил Элвид. — Если я не ошибся, снимите с души и этот камень.

— У него нет рака. — Стритер произнес это почти шепотом. — Ему, как и мне, пятьдесят один, но он, мать его, здоров... как конь.

— И вы тоже, — сказал Элвид.

— *Что?!*

— Готово, мистер Стритер. Я могу называть вас Дэйв, раз уж я по крайней мере на какое-то время вылечил вас от рака?

— Вы глубоко безумны, — ответил Стритер, но в его голосе слышалось чуть ли не восхищение.

— Нет, сэр. У меня нет отклонений, как у прямой линии. И, обратите внимание, я сказал *на какое-то время*. Наши переговоры сейчас на стадии «попробуйте — и вам понравится». Она продлится примерно неделю или дней десять. Настаиваю, чтобы вы сходили к врачу. Думаю, он отметит значительные перемены к лучшему. Однако это ненадолго. Если только...

— Если только — что?

По-приятельски улыбаясь, Элвид подался вперед. Его, казалось бы, безобидный рот был вновь полон зубов (и больших).

— Я обычно бываю здесь примерно в одно и то же время, — сказал он.

— На закате?

— Верно. Многие меня просто не замечают — смотрят сквозь меня и будто бы меня не видят. Но вы ведь увидите, да?

— Разумеется, да, если мне станет лучше, — ответил Стритер.

— И принесете мне кое-что.

Элвид еще шире улыбнулся, и Стритер увидел нечто жуткое: слишком многочисленные зубы были не просто чрезмерно большими — они были острыми.

Когда Дэйв вернулся, Джанет складывала в комнате для стирки чистое белье.

— Ну, наконец-то! — воскликнула она. — А то я уже начала беспокоиться. Как доехал, хорошо?

— Да, — ответил он, окидывая взглядом помещение. Тут все иначе, будто он видел сон. Тогда Стритер включил свет — стало лучше. Сном был Элвид. Элвид и его обещания. Просто псих, которого на денек отпустили из Акадской лечебницы.

Жена подошла и поцеловала его в щеку. Разрумянившись от горячего воздуха сушилки, она выглядела весьма привлекательно. Ей было пятьдесят, но она казалась намного моложе. Стритер подумал, что после его смерти ее жизнь может неплохо сложиться. Не исключено, что у Мэй с Джастином появится отчим.

— Хорошо выглядишь, — сказала Джанет. — Даже румянец появился.

— Правда?

— Правда. — Она ободряюще улыбнулась с некой скрытой настороженностью. — Поговори со мной, пока я буду складывать оставшееся белье, — ох и нудное же занятие!

Он остановился в дверях прачечной комнаты. Свою помощь он уже не предлагал: она считала, что он даже кухонные полотенца не мог свернуть как следует.

— Джастин звонил, — сказала она. — Они с Карлом в Венеции. Сказал, водитель вполне прилично говорил по-английски. Ему там нравится.

— Здорово.

— Ты правильно сделал, что пока не сообщал им о диагнозе, — сказала она. — Ты оказался прав, а я — нет.

— Впервые за годы совместной жизни.

Она сморщила нос.

— Джас так ждал этой поездки. Но когда он вернется, придется сказать. Пожалуй, самое время. И Мэй придет из Сир-спорта на свадьбу к Грейси. — Имелась в виду Грейси Гудхью, первая дочь Тома и Нормы. Карл Гудхью — спутник Джастина — был их вторым ребенком.

— Посмотрим, — ответил Стритер. Один из индивидуальных пакетов лежал у него в заднем кармане, однако он, как ни удивительно, не чувствовал даже малейшего рвотного позыва. *Наоборот*, ему захотелось поесть. Впервые за долгое время.

Это совсем ничего не значит — ты же, надеюсь, сам понимаешь? Просто редкий психосоматический подъем. Вскоре они и вовсе «поредуют».

— Как и мои волосы, — вслух обронил он.

— Что, милый?

— Нет-нет, ничего.

— Кстати, о Грейси... Звонила Норма: напомнила, что в четверг их очередь пригласить нас к себе на ужин. Я обещала обсудить это с тобой, но у тебя слишком много работы в банке — сидишь допоздна, все какие-то проблемы с кредитами и так далее. Я даже засомневалась, появится ли у тебя желание их видеть.

Она говорила обычным спокойным тоном, но неожиданно расплакалась, и крупные, как описывают в книжках, слезы, переполнив глаза, градом покатались по ее щекам. За время совместной жизни чувства успели порядком притупиться, однако теперь Стритер ощущал их бурный всплеск, как в молодости, когда они с Джанет жили в убогой квартирке на Коссут-стрит и иногда занимались любовью на ковре. Он прошел в комнату для стирки, взял у жены из рук рубашку, которую она складывала, и обнял ее. Она порывисто ответила на его объятия.

— Как все это жестоко и несправедливо! — воскликнула Джанет. — Ничего, мы выстоим. Не знаю как, но выстоим.

— Непременно. И начнем с того, что, как обычно, пойдем на ужин к Тому с Нормой.

Чуть отпрянув, она посмотрела на него мокрыми от слез глазами.

— Ты хочешь им сказать?

— Чтобы испортить вечер? Ни в коем случае.

— А у тебя получится поесть, чтобы не... — Приставив к губам два пальца, Джанет раздула щеки и скосила глаза, изображая рвотный позыв и тем самым вызывая у Стритера невольную улыбку.

— Насчет четверга не знаю, но сейчас я бы что-нибудь съел, — ответил он. — Может, изобразить что-то типа гамбургера? Или лучше просто сходить в «Макдоналдс»... если хочешь, принесу тебе оттуда шоколадный «шейк»...

— О Господи! — воскликнула она, вытирая глаза. — Просто чудо какое-то.

— Я не стал бы называть это чудом, — объявил в среду днем Стритеру доктор Хендерсон, — однако...

Это было через два дня после обсуждения Стритером вопроса жизни и смерти под желтым зонтиком Элвида и за день до традиционного еженедельного ужина с супругами Гудхью, который в этот раз должен был состояться в их шикарной резиденции. Стритер мысленно называл ее Домом, который построил Мусорщик. Беседа проходила не в приемной доктора Хендерсона, а в маленьком кабинете для консультаций амбулаторной лечебницы Дерри. Хендерсон пытался отговорить Стритера от магнитно-резонансной интроскопии, убеждая его в том, что страховка не покроет подобных расходов, а результаты определенно разочаруют. Но Стритер настоял.

— Что «однако», Родди?

— Опухоли словно уменьшились, а в легких вроде бы чисто. Впервые вижу подобные результаты; кстати, как и те двое специалистов, что по моей просьбе взглянули на снимки. А что еще более важно — но это только между нами, — оператор МРИ тоже не видел ничего подобного, а уж этим ребятам я склонен полностью доверять. Он даже решил, что произошел сбой компьютерного оборудования.

— Но я себя хорошо чувствую, — заметил Стритер. — Собственно, поэтому я и настаивал на обследовании. Это что — тоже «сбой»?

— Рвота бывает?

— Пару раз — да, — признал Стритер. — Но, я думаю, это из-за «химии». Кстати, я намерен от нее отказаться.

— Считаю, это очень неразумно, — нахмурился Родди Хендерсон.

— Неразумно было ее начинать, друг мой. Ты будто сказал мне: «Прости, Дэйв, но твои шансы не дотянуть до Дня святого Валентина равны примерно девяноста процентам, а оставшееся время мы тебе испоганим, накачав тебя ядом. Вероятно, хуже ты мог бы себя чувствовать, только если бы я впрыснул тебе стоки со свалки Тома Гудхью, да и то вряд ли». А я, как дурак, согласился.

У Хендерсона был обиженный вид.

— «Химия» — последняя надежда на спасение для...

— Да ладно, брось, — добродушно улыбаясь, оборвал Стритер. Он сделал глубокий вдох — легкие наполнились воздухом. Ощущение было прекрасное. — Когда рак протекает в агрессивной форме, «химия» делается не ради пациента. Это мучительная надбавка, которую приходится платить пациенту ради того, чтобы после его смерти родственники с докторами, пожав возле гроба усопшего друг другу руки, могли сказать: «Мы сделали все от нас зависящее».

— Жестко сказано, — заметил Хендерсон. — Но ведь не исключен рецидив.

— Скажи это метастазам, — ответил Стритер, — которых у меня больше нет.

Хендерсон со вздохом «заглянул в темнеющие неизведанные глубины» организма Стритера — снимки продолжали сменяться на мониторе приемного кабинета с двадцатисекундным интервалом. Все показатели были хорошими, это понимал даже Стритер. Однако это, казалось, совершенно не радовало его врача.

— Да ладно тебе, Родди. — Стритер говорил по-доброму, отеческим тоном, как, вероятно, мог когда-то говорить с Мэй

или Джастином, когда те теряли или ломали любимую игрушку. — Всякое бывает — и обломы, и чудеса. Я читал об этом в «Ридерз дайджест».

— На моей памяти в кабинете МРИ такого никогда не бывало. — Взяв ручку, Хендерсон постучал ею по ощутимо распухшей за последние три месяца амбулаторной карте Стритера.

— Все когда-то бывает впервые, — заметил Стритер.

Летний вечер, четверг, Дерри. Красные ленивые лучи предзакатного солнца падали на идеально спланированный, орошенный и благоустроенный участок, который Том Гудхью имел наглость обозвать «стареньким двориком». Сидя в шезлонге в патио, Стритер слышал звон тарелок и смех Джанет с Нормой, укладывавших посуду в посудомоечную машину.

Дворик? Ничего себе дворик — да это в представлении рядового обывателя целый рай.

Там даже был фонтан с мраморным мальчонкой в центре. Почему-то именно этот голозадый херувимчик (разумеется, писающий) больше всего Стритера и раздражал. Он не сомневался, что идея принадлежала Норме — она в свое время училась в гуманитарном колледже и нахваталась там всяких псевдоклассических претензий, — однако видеть это создание в лучах клонящегося к закату солнца здесь, в штате Мэн, и понимать, что оно обязано своим присутствием мусорной монополии Тома...

А вот и он, легок на помине («Помяни черта...» Стритер тут же вспомнил про Элвида), Его Величество Мусорный Король, левой рукой прихватил за горлышки пару запотевших бутылочек «Споттед хен». Стройный и подтянутый, в рубашке с расстегнутым воротом и потертых джинсах, с отблеском вечерней зари на худошавом лице — Том Гудхью выглядел словно фото-модель, рекламирующая пиво на страницах какого-нибудь журнала. Стритер даже мог представить себе эту картинку: *Живите полной жизнью, пейте «Споттед хен».*

— Решил, что ты не откажешься еще от одной, раз твоя очаровательная супруга не против сесть за руль, — сказал Том.

— Спасибо. — Взяв одну из бутылок, Стритер поднес ее горлышко к губам и сделал глоток. Показуха или нет — но вкус ему понравился.

Не успел Гудхью присесть, как появился Джейкоб, футболист, с тарелкой сыра и крекера. Он был таким же широкоплечим красавцем, как и Том в его годы. *Должно быть, девушки из группы поддержки буквально вешаются ему на шею*, подумал Стритер. *Видно, отбиваться приходится.*

— Мама подумала, это будет кстати, — сказал Джейкоб.

— Спасибо, Джейк. Ты уходишь?

— Ненадолго. Побросаю с друзьями фрисби, пока не стемнеет. Потом позанимаюсь.

— Не ходите на ту сторону: там вырос сумах — ядовитый плющ.

— Да, знаю. Денни еще в младших классах как-то прикоснулся к этой гадости, и так ему стало жутко плохо, мать даже решила, что у него рак.

— Ух ты! — воскликнул Стритер.

— Поезжай аккуратно, сынок. Без лихачества.

— Не волнуйся. — Положив отцу руку на плечо, парнишка без тени смущения — что не осталось незамеченным Стритером — поцеловал его в щеку. Помимо здоровья, роскошной жены и нелепого писающего херувима, у Тома был восемнадцатилетний красавец сын, который считал вполне естественным перед уходом к своим друзьям подойти и поцеловать отца.

— Он хороший парень, — не без гордости сказал Гудхью, глядя вслед сыну, вошедшему в дом. — Упорно занимается, старается — не то что его отец в молодости. Мне повезло, что рядом оказался ты.

— Нам обоим повезло, — с улыбкой отозвался Стритер; положив мягкий кусочек сыра бри на печенье, он отправил все это в рот.

— Я рад, что вижу, как ты ешь, дружище, — заметил Гудхью. — В последнее время мы с Нормой уже заволновались, не случилось ли чего с тобой.

— Все в порядке — лучше не придумаешь, — ответил Стритер, делая очередной глоток вкусного (и, несомненно, дорогостоящего) пива. — Правда, стали проявляться залысины. Джанет говорит, от этого я кажусь более худосочным.

— Как раз это дам не должно беспокоить, — сказал Гудхью, проводя рукой по своей шевелюре, такой же густой, как в то время, когда им было по восемнадцать. И без единого седого волоска. Джанет в свои лучшие дни могла сейчас выглядеть лет на сорок, но Мусорный Король в красных лучах предзакатного солнца выглядел на тридцать пять. Он не курил, не злоупотреблял алкоголем и регулярно посещал фитнес-клуб, у которого был договор с банком, где работал Стритер. Однако сам Стритер подобных развлечений позволить себе не мог. Его сын Джастин ездил сейчас в качестве компаньона со средним Гудхью, Карлом, по Европе; на средства Карла. А значит, фактически на средства Мусорного Короля.

О всемогущий, по имени Гудхью, подумал Стритер, с улыбкой глядя на своего давнего приятеля.

Улыбнувшись в ответ, Том легонько стукнул горлышком бутылки о горлышко бутылки Стритера.

— Все-таки жизнь — хорошая штука, да?

— Очень хорошая, — согласился Стритер. — Долгие дни с прелестными ночами.

— Откуда ты это взял? — Гудхью удивленно вскинул брови.

— Вдруг в голову пришло, — ответил Стритер. — Но ведь так и есть, правда?

— Прелестью своих ночей я в основном обязан тебе, — сказал Гудхью. — Знаешь, мне пришло в голову, что я вообще обязан тебе всем, что у меня есть в жизни, дружище. — С напитком в руке он характерным жестом указал на свой гигантский «дворик». — По крайней мере самой ее лучшей частью.

— Да брось ты — ты сам себя «сделал».

— Сказать тебе правду? — Гудхью заговорщически понизил голос. — Этого мужчину сделала эта женщина. Помнишь, как сказано в Библии: «Кому дано повстречать достойную женщину? Ибо ценность ее выше рубинов». Ну, или что-то в этом роде. А познакомил нас ты. Сам-то помнишь?

Тут у Стритера возникло неожиданное и почти непреодолимое желание грохнуть свою пивную бутылку о вымощенное кирпичами патио и ткнуть разбитым и еще мокрым от пены горлышком своему старому приятелю в физиономию. Однако он, улыбнувшись, лишь сделал очередной глоток пива и поднялся.

— Пожалуй, мне надо посетить одно место.

— Пиво не купишь — его можно лишь позаимствовать, — сказал Гудхью и расхохотался, словно это была его собственная спонтанная шутка.

— Точнее не скажешь, — поддержал Стритер. — Прошу прощения.

— Ты действительно стал лучше выглядеть! — крикнул приятель, когда он уже поднимался по ступеням.

— Спасибо, дружище, — отозвался Стритер.

Закрыв дверь ванной комнаты, он заперся, включил свет и — впервые в жизни — залез в чужую аптечку. Первое, на чем остановился взгляд, его чрезвычайно вдохновило: шампунь «Только для мужчин». Рядом стояли несколько пузырьков с лекарствами.

Люди, хранящие свои лекарства в ваннх, куда заглядывают гости, будто бы ищут на свою голову приключений, подумал Стритер. Правда, ничего необычного он там не обнаружил: у Нормы имелось средство от астмы, а Том принимал от давления атенолол и пользовался кремом для кожи.

Пузырек с атенололом был наполовину пуст. Стритер вынул одну таблетку, сунул ее себе в «часовой» кармашек джинсов и нажал на слив. Из ванной он выходил с чувством человека, который только что тайком пересек границу чужой страны.

Следующий вечер оказался несколько хмурым, однако Джордж Элвид все так же сидел под своим желтым зонтиком и вновь смотрел по своему маленькому телевизору «Инсайд эдишн». Главной темой была Уитни Хьюстон, которая, подписав очередной выгодный контракт со студией звукозаписи,

сбросила подозрительно много килограммов. Повернув своими пухленькими пальцами ручку телевизора, Элвид отвлекся от сплетен и с улыбкой уставился на Стритера.

— И как мы себя чувствуем, Дэйв?

— Лучше.

— Правда?

— Правда.

— Тошнит?

— Сегодня нет.

— Аппетит?

— Как у коня.

— Держу пари, вы прошли определенное медицинское обследование.

— Откуда вы знаете?

— Ну а как еще мог повести себя преуспевающий сотрудник банка? Вы должны были мне кое-что принести.

Стритер на мгновение задумался, не уйти ли ему прочь. Он действительно был в нерешительности. Затем, сунув руку в карман куртки (августовский вечер выдался прохладным, а одет он был еще легко), вынул оттуда сложенную в крохотный квадратик салфетку «Клинекс». Чуть помедлив, он через стол протянул бумажку Элvidу, и тот ее развернул.

— А-а, атенолол! — воскликнул Элвид, лихо отправил таблетку себе в рот и тут же ее проглотил.

Приоткрыв от удивления рот, Стритер медленно его закрыл.

— Не стоит так удивляться, — сказал Элвид. — Если бы вы на работе были подвержены стрессам в такой же степени, как я, у вас бы тоже возникли проблемы с давлением. Да потом еще эта изжога с отрыжкой. Лучше вам и не знать.

— И что теперь? — спросил Стритер. Ему было холодно даже в куртке.

— Что теперь? — удивленно переспросил Элвид. — Теперь можете наслаждаться своим здоровьем лет пятнадцать. А может, и двадцать. Или все двадцать пять — кто знает?

— А как насчет счастья?

В ответ Элвид удостоил его лукавой улыбкой. Это выглядело бы забавно, если бы не волна холодного равнодушия, которой словно окатило Стритера. И *возраст*. И еще — ощущение прикосновения к вечности. В этот момент он вдруг ясно понял, что Джордж Элвид занимается своим бизнесом очень давно, несмотря на изжогу с отрыжкой.

— Что касается счастья, то тут все зависит от вас, Дэйв. Ну и от ваших близких, разумеется, — Джанет, Мэй и Джастина.

Разве Стритер говорил Элвиду, как их зовут? Он не мог вспомнить.

— Вероятно, от детей даже в большей степени. Как считали в старину, дети — залог успеха. Однако, думается мне, именно родители в итоге оказываются в заложниках у детей. Где-нибудь на пустынной дороге с одним из них может произойти несчастный случай, в результате которого он может остаться калекой, если не наступит смерть... или приключится тяжелая болезнь...

— Вы хотите сказать...

— Нет-нет, ни в коем случае! Я вовсе не собирался рассказывать вам дурацкие притчи с моралью. Я — *бизнесмен*, а не персонаж рассказа «Дьявол и Дэниел Уэбстер»*. Я лишь хочу сказать, что ваше счастье — в ваших руках и в руках самых близких и любимых людей. И если вы опасаетесь, что через пару десятков лет я намерен появиться с целью занесения вашей души в свою старую замшелую записную книжку, хорошенько подумайте. Человеческие души оскудели и обнищали.

Он говорил, подумал Стритер, точно лис, который после многократных попыток понял, что до винограда действительно никак не добраться. Однако говорить об этом Стритер не собирался. Поскольку дело было сделано, он хотел лишь поскорее убраться отсюда. Но его мучил один «неудобный» вопрос, который, как он понимал, задать все же придется. Большую часть жизни Стритер занимался заключением сделок и

* Имеется в виду рассказ американского писателя Стивена Винсента Бенета, главный герой которого продает душу дьяволу в обмен на удачу.

мог распознать, когда наклеивалось выгодное дельце. Он чувствовал запах выгоды — легкий своеобразный душок, словно от отработанного авиационного топлива.

Пропусту говоря, нужно подложить свинью кому-то, чтобы убрать ее от себя.

Но ведь кража одной-единственной таблетки от давления не может считаться полноценной «свиньей»?

Элвид тем временем складывал свой здоровенный зонт. И когда он его свернул, Стритер обратил внимание на удивительный, но удручающий факт: зонт вовсе не был желтым — он оказался таким же серым, как небо. Лето почти закончилось.

— Большинство моих клиентов абсолютно довольны и счастливы. Вы это хотели услышать?

— И да... и нет.

— Чувствую, у вас есть более важный вопрос, — сказал Элвид. — Хотите знать ответ — бросьте толочь воду в ступе и спрашивайте. Собирается дождь, и я не хочу промокнуть. Бронхит мне в моем возрасте совершенно не нужен.

— А где ваша машина?

— А-а... так вас это интересовало? — с нескрываемой издевкой спросил Элвид. Его щеки казались чуть ли не впалыми и уж совсем не пухлыми, а уголки глаз — там, где белки, постепенно темнея до неприятности, становились (хотелось сказать «злокачественно») черными, поднимаясь кверху. Он был похож на исключительно НЕобаятельного клоуна с наполовину смытым гримом.

— У вас зубы *заостренные*, — почему-то сказал Стритер.

— *Спрашивайте, что хотели, мистер Стритер!*

— У Тома Гудхью обнаружат рак?

Взглянув на него в изумлении, Элвид захихикал; послышались хриплые, сухие, неприятные звуки — словно отдающая концы каллиопа*.

* Каллиопа — паровой орган, использующий локомотивные или пароходные гудки. Название инструменту дано по имени древнегреческой музы Каллиопы.

— Нет, Дэйв, — ответил он. — У него — у Тома Гудхью — рака не будет.

— А что же будет? Что?

От презрения, с которым Элвид на него посмотрел, Стритер почувствовал слабость в костях — словно их безболезненно проела какая-то жутко агрессивная кислота.

— А какая тебе разница? Ты же его ненавидишь, сам сказал.

— Но...

— Поживешь — увидишь. Наслаждайся жизнью. И еще — вот это. — Он протянул Стритеру визитку. На ней было написано «НЕСЕКТАНТСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД» и адрес банка на Каймановых островах. — Налоговый рай, — заметил Элвид. — Туда и будешь слать мне мои пятнадцать процентов. Попробуешь обмануть — я узнаю. И тогда горе тебе, парниша.

— А если жена узнает и спросит?

— У твоей жены есть собственная чековая книжка. Кроме всего прочего, она свой нос никуда не сует. Она тебе доверяет. Так ведь?

— Ну... — Стритер уже без всякого удивления отметил, что капли дождя, попадавшие Элвиду на руки, дымились и шипели. — Да.

— Разумеется, да. Наша сделка завершена. Так что давай мотай к жене. Уверен, она встретит тебя с распростертыми объятиями. Тащи ее в постель. Засунь ей как следует свой член и представь, что это — жена твоего лучшего друга. Ты ее не заслуживаешь, но тебе повезло.

— А вдруг я захочу расторгнуть наш договор? — прошептал Стритер.

Элвид удостоил его ледяной улыбкой, в оскале обнажая людоедские зубы.

— Не выйдет.

Был август 2001 года, меньше месяца оставалось до взрыва башен-близнецов.

В декабре (как раз в тот день, когда Вайнону Райдер задержали за кражу в магазине) доктор Родерик Хендерсон объявил

Дэйву Стритеру, что тот полностью излечился от рака, и вдобавок назвал это настоящим чудом.

— Я никак не могу это объяснить, — признался Хендерсон. Стритер мог, но молчал.

Консультация проходила в приемной Хендерсона. А в лечебнице Дерри, в том самом кабинете, где в свое время Стритер впервые увидел снимки, свидетельствующие о его чудесном выздоровлении, Норма Гудхью, сидя в том же кресле, что и Стритер, смотрела на гораздо менее приятные результаты магнитно-резонансной интроскопии. Она в оцепенении слушала, как ее доктор — очень деликатно — сообщал ей, что новообразование в ее левой груди действительно оказалось злокачественной опухолью с метастазами в лимфоузлах.

— Ситуация тяжелая, но не безнадежная, — говорил доктор. Потянувшись через стол, он взял Норму за руку; ее рука была холодной. Доктор улыбнулся. — Нам бы хотелось, чтобы вы немедленно начали химиотерапию.

В июне следующего года Стритер наконец-то получил долгожданное повышение. Мэй Стритер приняли на учебу в аспирантуру Школы журналистики Колумбийского университета. Супруги Стритер решили отметить это событие долгожданной поездкой в отпуск на Гавайи. Они часто занимались любовью. В последний день их пребывания на Мауи позвонил Том Гудхью. Из-за плохой связи трудно было что-то разобрать, но суть они уловили: умерла Норма.

— Мы будем рядом, — пообещал Стритер.

Когда Дэйв сообщил новость Джанет, она бросилась на кровать и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Стритер лег рядом и, крепко обнимая ее, подумал: *Что ж, все равно мы уже возвращаемся домой.* И хотя ему было жаль Норму (и в какой-то степени Тома), он не упустил из виду и положительный момент: уехав, они не страдали от ежегодного нашествия насекомых в Дерри.

В декабре Стритер отправил чек на сумму более пятнадцати тысяч долларов в «Несектантский детский фонд». Он отнесся к этому как к удержанию соответствующего налога.

* * *

В 2003 году Джастин Стритер успешно закончил Брауновский университет и — забавы ради — придумал видеоигру «Отведи Дружка домой». Суть игры состояла в том, что надо было вернуться со своей собакой на поводке из торгово-развлекательного центра, остерегаясь по дороге водителей-лихачей, падающих с балконов верхних этажей предметов и шайки безумных старух, обзывавших себя Бабулями-Собаконенавистницами. Стритер воспринял все это как шутку (и Джастин говорил им, что это не более чем своеобразная сатира), однако компания «Геймз инкорпорейтед», оценив это, одним махом заплатила за приобретение прав их красавцу сыну, обладавшему хорошим чувством юмора, семьсот пятьдесят тысяч долларов. Плюс гонорары с продаж. Джас купил в подарок родителям два внедорожника-близнеца «тойота-патфайндер» — розовый для леди и синий для джентльмена. Джанет, расплакавшись, обняла его, называя глупым, пылким, щедрым — в общем, замечательным сыном. Стритер пригласил его в «Рокси таверн» выпить элитного пива «Споттед хен».

В октябре сосед Карла Гудхью по комнате в Университете Эмерсона, вернувшись как-то с занятий, увидел, что Карл лежит на кухонном полу лицом вниз; на сковородке все еще дымился сырный сэндвич. Несмотря на молодость — всего двадцать два года! — с Карлом приключился сердечный приступ. Лечащие врачи обнаружили у него врожденное и вовремя не выявленное заболевание сердца — что-то связанное с тонкостенным предсердием. Карл не умер; его вовремя подоспевший сосед сумел сделать искусственное дыхание. Однако в результате кислородного голодания этот физически крепкий красивый молодой человек, еще совсем недавно путешествовавший с Джастином Стритером по Европе, превратился в собственную немощную тень. Время от времени у него бывало недержание, он мог потеряться всего в паре кварталов от родительского дома, куда вернулся к своему еще не успевшему оправиться от горя отцу, а его речь стала настолько невнятной, что разобрать ее мог только Том. Гудхью нанял ему помощника-компаньона. Тот занимался с Карлом лечебной физкультурой

и следил, чтобы он вовремя переодевался. А еще раз в две недели компаньон выводил Карла «в свет». Традиционным местом таких выходов являлось кафе-мороженое, где Карл неизменно получал свой фисташковый рожок и ухитрялся перемазать им всю физиономию. Тогда спутник терпеливо вытирал его влажными салфетками.

Джанет перестала ходить со Стритером на ужины к Тому. «Это невыносимо, — как-то призналась она. — И дело не в том, что Карл жалок и мочится в штаны. Этот его взгляд: словно он вспоминает, каким был, и никак не может понять, что с ним приключилось. И еще... даже не знаю... в его лице постоянно просматривается некая надежда, отчего у меня возникает чувство, словно жизнь — сплошная шутка».

Стритер понимал, о чем она, и частенько раздумывал над этим, ужиная со своим старым приятелем (без Нормы ужина теперь состояли из ресторанных блюд, приготовленных, что называется, «навынос»). Ему нравилось наблюдать за тем, как Том кормит своего сына-инвалида, и нравилось выражение надежды на лице Карла. Парень словно хотел сказать: «Все это — сон, и вскоре я проснусь». Джен была права, это казалось похожим на шутку. Однако же неплохую.

Если, конечно, над этим как следует задуматься.

В 2004 году Мэй Стритер устроилась на работу в «Бостон глоуб» и провозгласила себя самой счастливой в Соединенных Штатах. Джастин Стритер придумал игру «Сыграй рок», ставшую на много лет бестселлером, который был вытеснен с лидирующих позиций лишь с появлением «Великого гитариста». К тому времени Джас уже всерьез занимался компьютерной программой для создания музыкальных композиций. Стритера повысили до менеджера филиала банка, где он столько лет проработал, и поговаривали о его дальнейшем повышении на должность регионального уровня. Они с Джанет отправились в Канкун и прекрасно провели время. Она стала звать его «мой зайка».

Бухгалтер предприятия Тома Гудхью по переработке мусора присвоил себе два миллиона долларов и бесследно исчез.

В ходе последовавшей проверки оказалось, что положение у компании весьма шаткое и что прежний бессовестный бухгалтер, похоже, «потихоньку высасывал соки» из фирмы в течение долгих лет.

Высасывал? — удивился Стритер, читая статью в «Дерри ньюз». *Да он отхватывал кусищи и глотал не разжеванная, не иначе.*

Том уже не казался тридцатипятилетним; он выглядел на все шестьдесят. И, видимо, осознавая это, перестал подкрашивать волосы. Стритер с удивлением обнаружил, что они с годами не побелели, а приобрели безжизненный серый оттенок зонта Элvida в свернутом состоянии. Такой цвет, подумал Стритер, характерен для стариков, которые сидят на лавках в парках и кормят голубей. Его можно назвать цветом неудачников.

В 2005 году футболист Джейкоб, который пришел в умирающую компанию отца, вместо того чтобы пойти в колледж (где он мог бы учиться на стипендию, полученную за спортивные достижения), повстречал девушку и женился. Игривую малютку-брюнетку звали Кэмми Доррингтон. Стритер с супругой признавали, что церемония прошла замечательно, даже несмотря на то что на протяжении всего мероприятия Карл Гудхью издавал неадекватно ухающие, булькающие и бубнящие звуки, а старшая — Грейси, — наступив на ступенях при выходе из церкви на подол собственного платья, упала и сломала ногу в двух местах. До этого происшествия Том Гудхью выглядел почти как в былые годы. Одним словом, счастливым. Стритер и не возражал против таких редких счастливых моментов в его жизни. Он полагал, что даже в преисподней людям иногда выдается глоток воды, чтобы они потом в полной мере могли вновь прочувствовать весь ужас неминуемо подступающей жажды.

Молодожены отправились в свадебное путешествие в Белиз. *Там наверняка будет без конца лить дождь*, решил Стритер. Дождь не лил, однако Джейкоб почти всю неделю пролежал в какой-то захудалой больничке, страдая от сильнейшего гаст-

роэнтерита и марая бумажные подгузники. Он все время пил бутилированную воду, но как-то по неосторожности почистил зубы водой из-под крана. «Сам виноват», — говорил он.

В Ираке погибло более восьмисот американских солдат. Не повезло этим мальчишкам и девочкам.

У Тома Гудхью появилась подагра, развилась хромота, и он стал ходить с тростью.

В этом году чек, отправленный «Несектантскому детскому фонду», оказался весьма и весьма внушительным. Однако Стритера это ни в коей мере не угнетало. Способность дарить приносит больше счастья, чем возможность принимать. Так говорили все великие.

В 2006 году у Грейси, дочери Тома, случилась пиорея, и она полностью лишилась зубов. Она также лишилась и обоняния. Как-то вскоре после этого, во время традиционного еженедельного ужина Гудхью и Стритера (мужчины были вдвоем; верный спутник Карла вывел того «в свет»), Том разрыдался. Отказавшись от своего излюбленного напитка в пользу джина «Бомбейский сапфир», он здорово напился. «Не могу понять, что со мной случилось! — всхлипывал он. — Я чувствую себя... даже не знаю... как этот хренов Иов!»

Стритер успокаивающе принял его в свои объятия. Он поведал старинному другу, что порой тучи сгущаются, но рано или поздно им непременно суждено рассеяться.

— Что-то эти чертовы тучи здесь порядком подзадержались! — не унимался Гудхью, стукнув Стритера по спине крепко сжатым кулаком. Дэйв воспринял это спокойно. Его приятель был уже не так силен, как прежде.

Чарли Шин, Тори Спеллинг и Дейвид Хассельхоф добились развода, а Дейвид и Джанет Стритер праздновали в Дерри тридцатилетие своей свадьбы. Было организовано торжество. Незадолго до его завершения Стритер пригласил супругу на лужайку за домом. Он решил организовать фейерверк. Хлопали все, кроме Карла Гудхью. Он пытался, но не попадал рукой по руке. В конце концов бывший студент Университета Эмерсо-

на бросил эту затею и просто стал с радостными воплями указывать в небо.

В 2007 году Кифер Сазерленд отправился в тюрьму (ему не впервой) по обвинению в управлении автомобилем в нетрезвом состоянии, а муж Грейси Гудхью-Дикерсон погиб в автокатастрофе. В тот ряд, где ехал Энди Дикерсон, возвращаясь с работы домой, влетел не справившийся с управлением пьяный водитель. Хорошо, что пьяница оказался не Кифером Сазерлендом. Но плохо, что Грейси Дикерсон была на четвертом месяце беременности и осталась практически без денег. В целях экономии ее супруг в этом году решил не продлевать страховку. Грейси вернулась в родительский дом к отцу и брату Карлу.

— Как бы у нее из-за такого несчастья ребенок не родился больным, — сказал однажды ночью Стритер, после того как они позанимались с женой любовью.

— Ш-ш, как ты можешь! — ужаснулась Джанет.

— То, что озвучиваешь, не происходит, — пояснил Стритер, и вскоре оба «зайки» заснули друг у друга в объятиях.

Очередной чек, отправленный в «Детский фонд», был на сумму тридцать тысяч долларов. Стритер выписал его недогнувшей рукой.

Ребенок у Грейси родился в самый разгар февральского снегопада 2008 года. Хорошо, что он не был больным. Плохо, что он родился мертвым. Причина оказалась все в том же врожденном наследственном заболевании сердца. Грейси, лишившаяся зубов, мужа и обоняния, погрузилась в глубокую депрессию. Стритер решил, что в целом это пока еще свидетельствовало о ее нормальности. Если бы она вдруг стала, приплясывая, насвистывать мелодию «Не волнуйся, будь счастлив», он бы посоветовал Тому запереть на ключ все имевшиеся в доме острые предметы.

Потерпел катастрофу самолет, на борту которого находились двое членов рок-группы «Блинк-182». Плохая новость — четверо человек погибли. Хорошая новость — рок-музыканты

неожиданно остались живы... правда, один из них вскоре все же скончался.

— Я чем-то прогневил Господа, — заявил Том как-то за ужином. Свои встречи двое мужчин стали обзывать теперь «холостяцкими вечерами». Стритер, принесший спагетти из «Кара мама», съел свою порцию подчистую. Том Гудхью едва притронулся к еде. В соседней комнате Грейси с Карлом смотрели по телевизору «Американ айдол»*: Грейси — молча; бывший студент Университета Эмерсона — с уханьем и лепетом. — Не знаю как, но прогневил.

— Не говори так, это неправда.

— Откуда тебе знать?

— *Знаю*, — категорически заявил Стритер. — И вообще глупо говорить на эту тему.

— Как скажешь, приятель. — Глаза Тома наполнились слезами. Слезы покатались по его щекам. Одна, застряв в складочке небритого подбородка, чуть повисела и упала в его почти нетронутые спагетти. — Слава Тебе, Господи, есть Джейкоб. Хоть с *ним* все в порядке. Работает сейчас на одном из бостонских телеканалов, а жена — бухгалтером в «Бригэм энд Уименз». Они иногда видятся с Мэй.

— Это же здорово! — эмоционально воскликнул Стритер, втайне надеясь, что Джейк никак не заразит его дочь их «семейной» заразой.

— А ты по-прежнему навещаешь меня. Я понимаю, почему Джанет перестала приходить, и не обижаюсь на нее, но только... я так жду этих вечеров. Они для меня словно связь со счастливым прошлым.

Ну да, как же — «счастливым», думал Стритер. Прошлым, когда у тебя было все, а у меня — рак.

— Ты всегда можешь на меня положиться, — сказал он, слегка сжав в ладонях едва заметно дрожавшую руку Гудхью. — Мы с тобой друзья навеки.

2008-й — вот это год! Просто офигеть! Олимпийские игры в Китае! Крис Браун с Рианной стали «зайками»! Лопаются банки! Фондовый рынок трещит по швам! А в ноябре Управ-

* Аналог этой передачи в России — «Минута славы».

ление по охране окружающей среды закрывает предприятие, известное как «Гора-Помойка» — единственный источник доходов Тома Гудхью. Правительство заявило о намерении предъявить иск в связи с загрязнением подземных вод и незаконным сбросом медицинских отходов. В «Дерри ньюз» говорилось о возможном возбуждении уголовного дела.

Частенько по вечерам Стритер проезжал по Харрис-авеню-экстеншн, глядя по сторонам в поисках желтого зонта: никаких претензий — просто так, перекинуться парой слов. Однако ни зонта, ни его владельца он так и не увидел. Это его несколько расстраивало, но не удивляло. Дельцы — словно акулы, без движения погибают.

Он выписал чек и отправил его в банк на Каймановых островах.

В 2009 году Крис Браун здорово поколотил свою «зайку» номер один после вручения «Грэмми», а спустя несколько недель бывший футболист Джейкоб Гудхью не хуже поколотил свою игривую женушку Кэмми, после того как Кэмми обнаружила у Джейкоба в кармане пиджака один из известных предметов женского белья и полграмма кокаина. Оказавшись поверженной на пол, она в слезах обозвала его сукиным сыном. За это Джейкоб пырнул ее в живот мясной вилкой. Тут же опомнившись, он позвонил в службу «911», но дело было сделано — он в двух местах проткнул ей желудок. Полиции Джейкоб позже признался, что совершил это в беспамятстве. «У меня было какое-то затмение», — говорил он.

Назначенный судом адвокат оказался не слишком сметливым, чтобы добиться для него меньшей суммы залога. Джейк Гудхью с мольбой обратился к отцу, который с трудом мог оплачивать коммунальные счета, не говоря уж о каком-то там дорогостоящем бостонском «юридическом даровании», способном похлопотать за его обвиняемое в семейном насилии чадо. Гудхью обратился за помощью к Стритеру, который, не позволив своему старинному другу произнести и дюжины слов из заранее отрепетированного горестного монолога, коротко бросил: *можешь не сомневаться*. Он все еще помнил, как давным-

давно Джейкоб так естественно чмокнул своего отца в щеку. Оплата судебных издержек и адвокатских вознаграждений давала ему право интересоваться психическим состоянием Джейка, которое внушало некоторые опасения: его мучили чувство вины и глубокая депрессия. Адвокат сообщил Стритеру, что парень, вероятно, получит лет пять, три из которых, вполне возможно, окажутся условно-досрочными.

Когда выйдет, вернется домой, размышлял Стритер. Будет вместе с Грейси и Карлом смотреть «Американ айдол», если программа еще будет идти. Да будет, наверное.

— У меня есть страховка, — сказал как-то вечером Том Гудхью. Он сильно похудел, и одежда висела на нем мешком. Его глаза казались безжизненными. У него развился псориаз, и он беспрестанно чесал руки, оставляя на белой коже длинные красноватые полосы. — Я бы покончил с собой, если бы знал, что мне удастся выдать это за несчастный случай.

— Я не хочу этого слышать, — ответил Стритер. — Все изменится.

В июне «сыграл в ящик» Майкл Джексон. А в августе его примеру последовал Карл Гудхью: он насмерть подавился яблоком. Верный спутник, окажись он рядом, мог бы спасти Карла, применив метод Хеймлиха, однако с компаньоном ввиду нехватки средств распрощались шестнадцатью месяцами ранее. Грейси слышала издаваемые Карлом характерные звуки, но, по ее словам, решила, что это «просто его обычная хрень». Хорошо, что у Карла тоже была страховка — сумма хоть и маленькая, но достаточная, чтобы его похоронить.

После похорон (Том Гудхью всю дорогу скулил, цепляясь за своего старинного приятеля в поисках поддержки) у Стритера возник благородный порыв. Отыскав адрес студии Кифера Сазерленда, он отправил ему «Большую книгу АА»*. Он понимал, что «Большая книга» скорее всего отправится приемником в мусорный контейнер (вместе с бесчисленным мно-

* Имеется в виду книга Общества анонимных алкоголиков — двенадцатишаговый метод избавления от алкоголизма и других пагубных пристрастий

жеством ей подобных, присылаемых Сазерленду на протяжении долгих лет), но всегда оставалась надежда. В жизни есть место чуду.

Как-то по-летнему жарким вечером в самом начале сентября 2009-го Стритер с Джанет оказались на дороге, проходившей за аэропортом Дерри. На посыпанной гравием площадке у проволочной ограды никого не было. Дэйв припарковал свою необыкновенной синевы «тойоту-патфайндер» и одной рукой обнял жену, которую с годами любил все сильнее и сильнее. Солнце красным шаром клонилось к закату.

Повернувшись к Джанет, он увидел, что она плачет. Бережно взяв ее за подбородок, он повернул ее к себе и нежно поцеловал мокрое от слез лицо. Она ответила ему улыбкой.

— Что с тобой, милая?

— Я просто подумала про Гудхью. Не помню, чтобы кому-то так не везло. *Не везло?* — Она усмехнулась. — Да тут какая-то самая настоящая *черная напасть*.

— Пожалуй, — ответил Дэйв. — Однако такое происходит постоянно. Ты знала, что одна из погибших во время мумбайских террористических актов оказалась беременной? Ее двухгодовалый ребенок жив, но избитый малыш был на волосок от смерти. А...

— Ш-ш... — Она приставила два пальца к губам. — Не могу, хватит. Жизнь жестока и несправедлива, и мы это знаем.

— Но это же *не так!* — серьезно возразил Стритер. В лучах заката на его лице обозначился здоровый румянец. — Взгляни на меня. Было время, когда ты и не предполагала, что я доживу до две тысячи девятого, разве нет?

— Да, но...

— А наш брак крепок, точно дубовая дверь. Или я ошибаюсь?

Она покачала головой. Он не ошибался.

— Ты начала на внештатной основе писать в «Дерри ньюз», Мэй всюю успешно сотрудничает с «Бостон глоуб», а наш сын в свои двадцать пять настоящий мультимедийный чудесник.

Она вновь заулыбалась, и Стритер был рад. Он не выносил, когда она грустила.

— Жизнь такая, какая есть. Мы точно кости в стакане — сначала нас трясут, затем мы катимся по сукну. У кого-то выпадают сплошные семерки, а у кого-то — лишь двойки. Просто мир так устроен.

Она обняла его.

— Люблю тебя, милый. Ты всегда во всем видишь светлую сторону.

Стритер скромно пожал плечами:

— Закон средних чисел благоволит оптимистам — тебе любой банкир об этом скажет. Все в конечном итоге имеет тенденцию уравниваться.

В зоне видимости над аэропортом показалась мерцающая на фоне темнеющей синевы Венера.

— Загадывай желание! — скомандовал Стритер.

Рассмеявшись, Джанет покачала головой:

— Чего же мне еще желать? Все, чего бы я хотела, у меня уже есть.

— И у меня тоже, — отозвался Стритер, однако, поймав глазами Венеру, он сосредоточил на ней свой взгляд и пожелал большего.

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК*

* A Good Marriage © 2011. В.В. Антонов. Перевод с английского.

Спустя несколько дней после находки в гараже Дарси вдруг с удивлением подумала, что никто и никогда не задает вопросы про брак. При встрече люди интересуются чем угодно — прошедшими выходными, поездкой во Флориду, здоровьем, детьми и даже тем, доволен ли собеседник жизнью вообще, а вот про брак никто и никогда не спрашивает.

Но если бы кто-то задал ей вопрос о ее семейной жизни до того вечера, она бы наверняка ответила, что счастлива в браке и с этим все в порядке.

Дарселлен Мэдсен — такое имя могли выбрать только родители, чрезмерно увлеченные специально купленной книгой детских имен, родилась в год, когда Джон Кеннеди стал президентом. Она выросла во Фрипорте, штат Мэн, который тогда еще был городом, а не пристройкой к первому в Америке гипермаркету «Л.Л. Бин» и полудюжине других торговых монстров, именуемых сток-центрами, как будто это не магазины, а какие-то канализационные коллекторы. Там же Дарси окончила сначала школу, а потом и бизнес-колледж Аддисон. Став дипломированной секретаршей, она поступила на работу к Джо Рэнсому и уволилась в 1984 году, когда его компания стала крупнейшим агентством по продаже «шевроле» в Портленде. Дарси была самой обыкновенной девушкой, но с помощью нескольких чуть более искушенных подруг освоила хитрости макиажа, что позволило ей стать привлекательной на работе и

эффектной, когда в выходные они выбирались в заведения с живой музыкой, например «Маяк» или «Мексиканец Майк», чтобы выпить по коктейлю и развлечься.

В 1982 году Джо Рэнсом, попав в довольно шекотливую ситуацию с уплатой налогов, нанял портлендскую бухгалтерскую фирму, чтобы — как он выразился при разговоре с одним из старших менеджеров, который Дарси случайно подслушала, — «решить проблему, о которой все только мечтают». На помощь прибыли двое с дипломатами: один постарше, а другой помоложе. Оба в очках и консервативных костюмах, у обоих аккуратно подстриженные волосы зачесаны набок, что напомнило Дарси снимки из материнского альбома выпускного класса 1954 года, где на обложке из искусственной кожи изображен парень из группы поддержки школьной команды, держащий мегафон.

Молодого бухгалтера звали Боб Андерсон. Они разговорились на второй день, и она спросила, есть ли у него хобби. Боб ответил, что да, и это хобби — нумизматика.

Он начал ей объяснять, что это такое, но она не дала ему договорить.

— Я знаю. Мой отец собирает десятицентовики с бюстом богини Свободы и пятицентовики с изображением индейца. Он говорит, что питает к ним особую слабость. А у вас есть такая слабость, мистер Андерсон?

У него она действительно была: «пшеничные центы», те, что с двумя колосками пшеницы на реверсе. Он мечтал, что когда-нибудь ему попадетсся экземпляр чеканки 1955 года, который...

Но Дарси знала и это: партия была отчеканена с дефектом — получилась «двойная плашка», отчего дата выглядела удвоенной, зато нумизматическая ценность таких монет была очевидна.

Молодой мистер Андерсон восхитился ее познаниями, восторженно покачивая головой с густыми, тщательно расчесанными каштановыми волосами. Они явно нашли общий язык и вместе перекусили в обеденный перерыв, устроившись на за-

литой солнцем лавочке за автосалоном. Боб ел сэндвич с тунцом, а Дарси — греческий салат в пластиковом контейнере. Он попросил ее сходить вместе с ним в субботу на ярмарку выходного дня в Касл-Рок, объяснив, что снял новую квартиру и теперь подыскивает подходящее кресло. И еще он купил бы телевизор, если удастся найти приличный и недорого. «Приличный и недорого» стало фразой, которая на долгие годы определила их вполне комфортную стратегию совместных приобретений.

Боб был таким же обыкновенным и ничем не примечательным внешне, как и Дарси, — на улице таких людей просто не замечаешь, — но никогда не прибегал к каким-либо средствам, чтобы выглядеть лучше. Однако в тот памятный день на лавочке он, приглашая ее, вдруг покраснел, отчего лицо оживилось и даже стало привлекательным.

— И никаких поисков монет? — шутливо уточнила она.

Он улыбнулся, продемонстрировав ровные, белые и ухоженные зубы. Ей никогда не приходило в голову, что мысль о его зубах может когда-нибудь заставить ее содрогнуться, но разве это удивительно?

— Если попадется хороший набор монет, я, конечно, не пройду мимо, — ответил он.

— Особенно с «пшеничными центами»? — уточнила она в том же тоне.

— Особенно с ними, — подтвердил он. — Так ты составишь мне компанию, Дарси?

Она согласилась.

В их первую брачную ночь она испытала оргазм. И потом время от времени его испытывала. Не каждый раз, но достаточно часто, чтобы чувствовать себя удовлетворенной и считать, что все нормально.

В 1986 году Боб получил повышение. Кроме того — по совету и не без помощи Дарси, — он открыл небольшую фирму, доставлявшую почтой найденные по каталогам коллекционные монеты. Дело оказалось прибыльным, и в 1990 году он расширил ассортимент, добавив к нему карточки с бейсбольными

игроками и афиши старых фильмов. У него не было собственных запасов плакатов и афиш, но, получив заказ, он практически всегда мог его выполнить. Обычно этим занималась Дарси, используя для связи с коллекционерами по всей стране разбухший вращающийся каталог с карточками контактной информации, казавшийся очень удобным до появления компьютеров. Этот бизнес так и не вырос до размеров, которые бы позволили полностью переключиться только на него. Но такое положение вещей вполне устраивало супругов. Впрочем, подобное единодушие они проявили и при покупке дома в Паунале, и в вопросе рождения детей, когда пришло время завести их. Они обычно соглашались друг с другом, но если мнения расходились, всегда приходили к компромиссу. Их система ценностей совпадала.

Как твой брак?

Брак Дарси был удачным. Можно сказать, счастливым. В 1986 году родился Донни. Перед родами она ушла с работы и больше уже никогда не работала, если не считать помощи мужу по делам их фирмы. В 1988 году родилась Петра. К тому времени густые каштановые волосы Боба Андерсона начали редеть на макушке, а в 2002-м, когда Дарси окончательно отказалась от вращающегося каталога с карточками и перешла на «Макинтош», у мужа была большая блестящая лысина. Он всячески пытался ее скрыть, экспериментируя с укладкой оставшихся волос, но, по ее мнению, делал себе только хуже. Дважды он пытался вернуть волосы какими-то чудодейственными целебными снадобьями, которые рекламировали жуликоватые ведущие на ночном кабельном канале, — по достижении зрелого возраста Боб Андерсон стал настоящим полуночником, — что не могло не вызывать раздражения у Дарси. Боб не посвятил ее в свой секрет, но у них была общая спальня, где стоял шкаф, в котором хранились их вещи. Дарси не дотягивалась до верхней полки, но иногда вставала на табурет и убирала туда «субботние рубашки», как они называли майки, в которых Боб любил разгуливать по саду в выходные дни. Там она и обнаружила осенью 2004 года бутылку с какой-то жидкостью, а год спустя — маленькие зеленые капсулы. Она

нашла их в Интернете и выяснила, что стоили эти средства очень прилично. Тогда она еще подумала, что чудеса никогда не обходятся дешево.

Как бы там ни было, Дарси не стала выказывать недовольство по поводу чудодейственных снадобий, как, впрочем, и покупки внедорожника «шевроле-сабербан», который Боб зачем-то решил приобрести в тот самый год, когда цены на бензин стали кусаться по-настоящему. Она не сомневалась, что муж это оценил и сделал ответный ход: не стал возражать против отправки детей в дорогой летний лагерь, покупки электрогитары для Донни, который за два года научился играть очень прилично, правда, потом неожиданно бросил, и против занятий Петры верховой ездой.

Ни для кого не секрет, что счастливый брак основан на балансе интересов и высокой стрессоустойчивости. Знала это и Дарси. Как поется в песне Стива Уинвуда, нужно «плыть по течению и не барахтаться».

Она и не барахталась. И он тоже.

В 2004 году Донни поступил в колледж в Пенсильвании. В 2006-м Петра отправилась учиться в колледж Колби, что в Уотервилле. Дарси Мэдсен Андерсон исполнилось сорок шесть лет. Сорокадевятилетний Боб вместе с жившим в полумиле строительным подрядчиком Стэном Мори по-прежнему водил в походы юных скаутов. Дарси считала, что ее лысеющий муж выглядит довольно нелепо в шортах цвета хаки и длинных коричневых носках — так он ежемесячно облачался для вылазок на природу, — но никогда об этом не говорила. Лысину на темени уже скрыть было невозможно, очки стали бифокальными, весил он уже не сто восемьдесят фунтов, а все двести двадцать. Боб стал полноправным партнером бухгалтерской фирмы, которая теперь называлась не «Бенсон и Бейкон», а «Бенсон, Бейкон и Андерсон».

Они продали свой старый дом в Паунале и купили более престижный в Ярмуте. Груди Дарси, такие маленькие, упругие и высокие в молодости — она вообще считала их своим самым главным достоинством и никогда не хотела походить на пышногрудых официанток ресторанной сети «Хутерс», — теперь

стали больше, утратили упругость и, конечно, немного обвисли, что сразу было заметно, стоило ей снять бюстгалтер. Но все равно Боб время от времени подкрадывался сзади и клал на них ладони. После приятной прелюдии в спальне наверху с видом на мирную полоску их небольшого участка они по-прежнему время от времени занимались любовью. Он нередко, но не всегда, слишком быстро достигал оргазма, и если она при этом оставалась неудовлетворенной, то все равно «нередко» не означало «всегда». К тому же умиротворение, которое она ощущала после секса, когда муж, теплый и расслабленный после полученной разрядки, погружался в сон в ее объятиях, она испытывала всегда. Это умиротворение, по ее мнению, было во многом связано с тем, что после стольких лет они по-прежнему жили вместе, приближались к серебряной свадьбе и все у них было хорошо.

В 2009 году, через двадцать пять лет после свадебной церемонии в маленькой баптистской церквушке, которую к тому времени успели снести и построить на ее месте парковку для машин, Донни и Петра закатали для них настоящий пир в ресторане «Бэрчиз» в Касл-Вью. Больше полусотни гостей, дорогое шампанское, бифштекс из вырезки, огромный торт. Юбиляры танцевали под звуки «Свободен» — той же песни Кенни Логгинса, что и на своей свадьбе. Гости дружно заплотдиrowали, когда Боб сделал ловкое па, — Дарси уже и забыла, что он так может, но теперь невольно позавидовала. Хотя у него и появилось брюшко, а на макушке сверкала лысина, которой он не мог не стесняться, ему удалось сохранить столь редкие для бухгалтеров легкость и пластичность движений.

Но все самое яркое в их жизни осталось в прошлом и годилось для прощальных речей на похоронах, а они еще были слишком молоды, чтобы думать о смерти. Кроме того, воспоминания совсем не учитывали мелочей, из которых складывалась супружеская жизнь, проявления заботы и участия, которое, по ее глубокому убеждению, как раз и было тем самым, что делает брак прочным. Когда Дарси отравилась однажды креветками и, заливаясь слезами, всю ночь содрогалась от приступов рвоты, сидя на краю кровати с мокрыми от пота и при-

липшими к затылку волосами, Боб не отходил от нее ни на шаг. Он терпеливо таскал тазик с рвотными массами в ванную комнату и споласкивал, чтобы «запах рвоты не провоцировал новых приступов», как он объяснял. В шесть утра он уже завел машину, чтобы отвезти Дарси в больницу, но, к счастью, ей стало легче — ужасная тошнота отпустила. Сказавшись больным, он не пошел на работу и отменил поход со скаутами на Уайт-Ривер, чтобы остаться дома, на случай если Дарси снова станет плохо.

Такое проявление внимания и участия было в их семье взаимным, по принципу «За добро добром платят». В 1994-м или 1995-м она просидела всю ночь в приемном покое больницы Святого Стефана, ожидая результатов биопсии подозрительного уплотнения, которое образовалось у него в левой подмышке. Как выяснилось, это было просто затянувшееся воспаление лимфоузла, которое благополучно прошло само по себе.

Сквозь неплотно прикрытую дверь в ванную видно сборник кроссвордов на коленях сидящего на стульчаке мужа. Запах одеколona означает, что пару дней внедорожника перед домом не будет, а спать Дарси придется в одиночестве, потому что мужу предстоит заниматься счетами клиента в Нью-Гемпшире или Вермонте: теперь «Бенсон, Бейкон и Андерсон» имели клиентуру по всей Новой Англии. Иногда запах одеколona означал поездку для ознакомления с коллекцией монет на распродаже имущества: они оба понимали, что не все монеты для их побочного бизнеса можно достать, полагаясь на Интернет. Потертый черный чемодан в прихожей, с которым Боб не желал расставаться, несмотря на все ее уговоры. Его шлепанцы у кровати, обязательно вставленные один в другой. Стакан воды и оранжевая таблетка витаминов на свежем номере ежемесячника «Монеты и нумизматика», который лежит на тумбочке с его стороны. Это так же неизменно, как то, что при отрыжке он произносит: «Снаружи больше воздуха, чем внутри», или: «Берегись! Газовая атака!», когда портит воздух. Его пальто всегда висит на первом крючке вешалки. Отражение в зеркале его зубной щетки — Дарси не сомневалась, что если бы она их ре-

гулярно не меняла, муж продолжал бы пользоваться той, что была у него в день свадьбы. Его привычка после отправления в рот каждого второго или третьего куска пищи обязательно вытирать салфеткой губы. Методичные сборы снаряжения, с обязательным запасным компасом, перед тем как они со Стэном поведут в поход группу девятилетних ребятишек по «Тропе мертвеца», — опасное путешествие через лес, которое началось за торговым комплексом «Голден-Гроув» и заканчивалось у «Мира подержанных автомобилей» Уайнберга. Ногти Боба — всегда коротко остриженные и чистые. Запах жвачки всегда отчетливо чувствуется при поцелуях. Все это наряду с тысячей других мелочей и составляло тайную историю их семейной жизни.

Дарси не сомневалась, что и у мужа сформировался схожий образ ее самой. Например, отдающий корицей запах защитной помады для губ, которой она пользовалась зимой. Или аромат шампуня, который он улавливал, когда терся носом о ее шею сзади — сейчас такое случалось редко, но все же случалось. Или клацанье клавиатуры на ее компьютере в два часа ночи, когда пару дней в месяц ее неожиданно одолевала бессонница.

Их брак длился двадцать семь лет или — как она шутила ради подсчета с помощью калькулятора на компьютере — девять тысяч восемьсот пятьдесят пять дней. Почти четверть миллиона часов или больше четырнадцати миллионов минут. Конечно, отсюда можно вычесть его командировки и ее собственные редкие поездки — самая печальная была с родителями в Миннеаполис, когда хоронили ее младшую сестру Брендолин, погибшую в аварии. Но все остальное время они не разлучались.

Знала ли она о нем все? Конечно, нет. Как и он о ней. Например, Боб понятия не имел, что иногда, особенно дождливыми днями или бессонными ночами, она жадно поглощала шоколадные батончики в невероятных количествах, не в силах остановиться, хотя подступала тошнота. Или что новый почтальон казался ей привлекательным. Знать все было невозможно, но Дарси считала, что после двадцати семи лет брака они знали друг о друге главное. Их брак был удачным и входил в те

пятьдесят процентов, что не распадаются и делятся очень долго. Она верила в это так же безусловно, как и в силу притяжения, которая удерживает ее на земле и не позволяет взмыть вверх при ходьбе.

Так было до той ночи в гараже.

2

Пульт дистанционного управления телевизором перестал работать, а в ящике слева от раковины не оказалось нужных батареек размера «АА». Там лежали средние и большие «бочонки», и даже маленькие круглые батарейки, но нужных не было! Дарси отправилась в гараж, поскольку знала: Боб точно держал там упаковку, — а в результате изменилась вся ее жизнь. Так бывает с канатоходцем, чей единственный неверный шаг оборачивается падением с огромной высоты.

Кухня соединялась с гаражом крытым переходом, и Дарси быстро преодолела его, кутаясь в халат. Всего два дня назад на редкость теплое октябрьское бабье лето вдруг сменилось холодной погодой, больше похожей на ноябрь. Ледяной воздух пощипывал щиколотки. Она бы, наверное, не поленилась надеть носки и брюки, но очередная серия «Двух с половиной человек» начиналась менее чем через пять минут, а чертов «ящик» был настроен на Си-эн-эн. Окажись Боб дома, она попросила бы его переключить на нужный канал вручную — для этого где-то имелись кнопки, скорее всего сзади, где найти их мог только мужчина, — а потом отправила бы его в гараж за батарейками. В конце концов, гараж был его вотчиной. Дарси заходила сюда, только чтобы вывести машину, да и то по ненастным дням, обычно предпочитая оставлять ее на площадке перед домом. Но Боб уехал в Монпелье, чтобы оценить коллекцию стальных одноцентовиков времен Второй мировой войны, и дома она осталась в одиночестве, по крайней мере временно.

Нашупав тройной выключатель возле двери, Дарси легким нажатием зажгла сразу весь свет, и помещение наполнилось гу-

лом флуоресцентных ламп, подвешенных сверху. В просторном гараже царил идеальный порядок: инструменты аккуратно развешаны на специальных панелях, а верстак протерт. Бетонный пол выкрашен серой краской, как корпуса кораблей. Никаких масляных пятен — Боб говорил, что пятна на полу гаража свидетельствовали либо о наличии в нем рухляди, либо о неаккуратности владельца. Сейчас здесь стояла годовалая «тойота-приус», на которой Боб обычно ездил на работу в Портленд, а в Вермонт он отправился на старом внедорожнике с бог знает каким пробегом. «Вольво» Дарси стояла перед домом.

— Открыть гараж так просто! — не раз говорил он ей. Когда вы женаты двадцать семь лет, то советы даются все реже и реже. — Просто нажми кнопку на козырьке от солнца в машине.

— Мне нравится видеть ее в окно, — неизменно отвечала Дарси, хотя истинная причина заключалась в другом. Она очень боялась задеть подъемные ворота, когда будет сдавать задним ходом. Она панически боялась так ездить. И подозревала, что Бобу об этом известно... Точно так же, как и ей — о его привычке аккуратно раскладывать банкноты в бумажнике изображениями президентов в одну сторону. Или никогда не оставлять открытую книгу, перевернув ее страницами вниз. По его мнению, это портило корешок.

В гараже было тепло. По потолку были проложены большие серебристые трубы — наверное, правильное было бы называть конструкцию трубопроводом, но Дарси точно не знала. Она подошла к верстаку, на котором стоял ровный ряд квадратных металлических контейнеров с аккуратными надписями: «БОЛТЫ», «ГАЙКИ», «ПЕТЛИ, КРЮЧКИ И ХОМУТЫ», «САНОБОРУДОВАНИЕ» и — эта надпись ей особенно понравилась — «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». На стене висел календарь из «Спортс иллюстрейтед» с обидно молодой и сексуальной девушкой в купальнике, а слева — две фотографии. Одна была старым снимком Донни и Петры в бейсбольной форме «Бостон ред сокс» на детском стадионе Ярмута. Внизу Боб вывел фломастером «Местная команда, 1999». На другой, уже недавней, сделанной перед закуской с морепродуктами на пляже

«Олд-орчад», стояли, обнявшись, уже выросшая и сильно похорошевшая Петра и ее жених Майкл. Надпись фломастером гласила: «Счастливая пара!»

Батарейки лежали в шкафчике, висевшем слева от фотографий, а на самоклеящейся ленте было напечатано: «Электрооборудование». Дарси, привыкшая к маниакальной аккуратности Боба, сделала шаг в сторону шкафчика, не глядя под ноги, и неожиданно споткнулась о большую картонную коробку, не до конца задвинутую под верстак. Она потеряла равновесие и чуть не упала, успев ухватиться за край верстака в самый последний момент. У нее сломался ноготь, причинив боль, но избежать неприятного и опасного падения ей все-таки удалось, что было хорошо. Даже очень хорошо, ведь в доме она осталась одна и набрать 911, ударясь она головой хоть и о чистый, но очень твердый пол, было бы некому.

Она могла бы просто задвинуть коробку ногой подальше под верстак и ничего бы тогда не узнала. Позже, когда ей пришлось это в голову, она много об этом размышляла, совсем как математик, которому не дает покоя сложное уравнение. Тем более что она спешила. Но в тот момент ей попался на глаза лежавший сверху в коробке каталог по вязанию, и она наклонилась, чтобы забрать его с собой вместе с батарейками. А под ним оказался каталог подарков «Брукстоун». А под тем — каталоги «Парики Паулы Янг»... одежды и аксессуаров «Тэлботс», «Форзиери»... «Блумингдейлз»...

— Бо-об! — воскликнула она, разделив его короткое имя на два возмущенных слога. Точно так же она говорила, когда муж оставлял грязные следы или бросал мокрые полотенца на полу в ванной, будто они жили в шикарном отеле, где за порядком следила горничная. Не «Боб», а «Бо-об!». Потому что Дарси действительно изучила его как свои пять пальцев. Он считал, что она увлекалась заказами по каталогам, и однажды даже заявил, что у нее выработалась настоящая зависимость. Вот уж глупость — зависимость у нее и правда была, но только от шоколадных батончиков! После той небольшой стычки она дулась на него целых два дня. Но он знал, как у нее устроена голова, и в отношении всего, что не являлось предметом жиз-

ненной необходимости, она была типичным представителем людей, о которых говорят: «С глаз долой — из сердца вон». Поэтому он просто незаметно собрал каталоги и потихоньку перетащил их сюда. Наверное, позже он собирался отправить их в мусорный бак.

«Данскин»... «Экспресс»... «Компьютеры»... «Мир “Макинтоша”»... каталог «Монтгомери уорд», больше известный как «Манки уорд»... «Лейла Грейс»...

Чем глубже она залезала в коробку, тем больше злилась. Можно подумать, ее неумная расточительность привела их к банкротству! Дарси уже напрочь забыла о сериале и думала только о том, что скажет мужу, когда тот позвонит из Монпелье — он всегда звонил, закончив ужин и возвращаясь в motel. Но сначала она перетащит все эти каталоги обратно в дом, пусть ей и придется совершить несколько ходок. Сложенные в коробку, они были высотой не меньше двух футов, а из-за мелованной бумаги — ужасно тяжелыми. Неудивительно, что, споткнувшись, она снова едва не упала.

«Смерть от каталога, — подумала она. — Оригинальный способ распрощаться с ж...»

Мысль внезапно оборвалась, так и оставшись незаконченной. Подцепив большим пальцем примерно четверть стопки, под каталогом предметов внутреннего интерьера «Гусберри пэтч» Дарси увидела нечто, совсем не похожее на каталог. Даже точно не каталог! Это был журнал «Связанные стервы». Сначала она даже не хотела его смотреть и наверняка бы не стала, если бы наткнулась на него в ящике Боба или на полке, где он прятал свои чудодейственные средства для восстановления шелюры. Но прятать такой журнал среди пары сотен каталогов... ее каталогов!.. это уже выходило за все рамки!

На обложке была фотография абсолютно голой женщины, привязанной к стулу. Верхнюю половину лица закрывал черный капюшон, а рот раскрыт в немом крике. Она была привязана грубыми веревками, которые впивались в грудь и живот. На подбородке, шее и руках виднелись явно нарисованные следы крови. Внизу страницы крупными желтыми буквами был напечатан кричащий анонс:

НА СТР. 49: СТЕРВА БРЕНДА ПОЛУЧАЕТ ТО, НА ЧТО САМА НАПРАШИВАЛАСЬ!

У Дарси не было ни малейшего желания открывать страницу 49 или какие-то другие. Она уже даже придумала оправдание мужу, что это «мужская любознательность», — о чем-то таком она узнала из статьи в журнале «Космополитен», пока сидела в приемной дантиста. Одна читательница, обнаружившая в портфеле мужа пару журналов для геев, обратилась за консультацией к эксперту, которая специализировалась на сексуальных особенностях мужчин. Читательница писала, что журналы были очень откровенными, и она переживала, что ее муж на самом деле имел нетрадиционную ориентацию. Хотя, по ее словам, в супружеской спальне ему отлично удавалось это скрывать.

Эксперт успокоила ее. Мужчины по натуре очень любознательны и авантюрны, и многим нравится расширять свой кругозор в вопросах секса. Причем делают они это либо за счет альтернативных вариантов — здесь на первом месте был гомосексуальный опыт, за которым следовал групповой секс, — либо за счет фетишистских вариантов: водных видов спорта, ношения женской одежды, секса в публичном месте. И конечно, особое место занимает связывание партнера. Эксперт даже добавила, что некоторым женщинам это очень нравится, что крайне озадачило Дарси, правда, она допускала, что многого не знает.

«Мужская любознательность», не больше того. Наверное, Боб увидел этот журнал где-нибудь на витрине — хотя Дарси не могла представить, что это могла быть за витрина, — и в нем проснулось любопытство. А может, он достал журнал из мусорного бака ночного магазина. Потом привез домой, полистал в гараже, возмутился не меньше ее — кровь на девушке была точно нарисованной, хотя кричала она, похоже, по-настоящему, — и засунул в пачку каталогов, которые приготовил на выброс, чтобы Дарси случайно не наткнулась на «компромат» и не закатила скандал. Вот и все, и ничего больше. Наверняка среди каталогов ничего подобного больше не встретится. Может, пара экземпляров «Пентхауса» или тех, где девушки в ниж-

нем белье — она знала, что большинству мужчин нравятся шелк и кружево, и Боб в этом отношении не был исключением, — но ничего похожего на «Связанных стерв».

Она снова взглянула на обложку журнала и удивилась, что нигде не было цены. И штрих-кода тоже! Сообразив, что цена может быть указана сзади, Дарси перевернула журнал и невольно поморщилась, увидев большую фотографию обнаженной девушки, привязанной к металлическому операционному столу. Выражение ужаса на ее лице было таким же фальшивым, как купюра достоинством в три доллара, что несколько успокаивало, а стоявший рядом полный мужчина в нелепых кожаных трусах и браслетах был скорее похож на бухгалтера, чем на садиста, собирающегося зарезать дежурную звезду «Связанных стерв».

А Боб как раз бухгалтер!

Дарси тут же прогнала эта дурацкую мысль, подброшенную внушительным участком ее мозга, отвечавшим за глупые мысли, и, убедившись, что на задней обложке цены и штрих-кода тоже нет, сунула журнал обратно в коробку. Передумав переносить каталоги в дом, она задвинула коробку под верстак и неожиданно нашла решение загадочного отсутствия цены и штрих-кода. Такие журналы продавались в пластиковой упаковке, закрывавшей бесстыдства, и наверняка цена и штрих-код указывались именно на ней. Другого объяснения просто не было, а это означало, что Боб сам купил этот чертов журнал, если, конечно, все-таки не вытащил его из мусорного бака.

Может, он купил его через Интернет. Наверняка есть сайты, которые специализируются на подобной тематике. Не говоря уж про снимки молодых женщин, одетых как двенадцатилетние девочки.

— Все это не важно! — сказала она себе, решительно мотнув головой. Вопрос был закрыт и дальнейшему обсуждению не подлежал. Если она заговорит об этом с мужем, когда тот позвонит или вернется домой, он наверняка смутится и уйдет в глухую оборону. Назовет ее сексуально инфантильной, что было недалеко от истины, и обвинит в раздувании скан-

дала из ничего, а этого ей точно не хотелось. Дарси была настроена «плыть по течению и не барахтаться». Брак похож на вечное строительство дома, когда каждый год появляются новые комнаты. Небольшой коттедж первого года семейной жизни постоянно достраивается и за двадцать семь лет превращается в огромный особняк с запутанными переходами. В нем наверняка появляются трещины, а большинство кладовок затянато паутиной и заброшено. Там хранятся, кроме всего прочего, неприятные воспоминания из прошлого, которое лучше не ворошить. Но все это — ерунда! Такие воспоминания следует просто выбросить из головы или проявить великодушие.

Эта мысль, подведившая позитивную черту под всеми сомнениями, так понравилась Дарси, что она даже произнесла вслух:

— Это все — ерунда!

И в доказательство собственной решимости она уперлась в коробку обеими руками и с силой задвинула ее до конца.

Что-то глухо стукнуло. Что?

Я не хочу этого знать! — сказала она себе, понимая, что на этот раз мозг выдал умную мысль. Под верстаком было темно, и, вполне возможно, там водились мыши. Пусть гараж у них содержится в полном порядке, но погода сейчас холодная. А испуганная мышь может укусить.

Дарси поднялась, отряхнула подол халата и направилась по переходу в дом. На полпути она услышала звонок телефона.

3

Она добралась до кухни еще до того, как включился автоответчик, но трубку брать не стала. Если это Боб, пусть лучше оставит сообщение. Она не была готова с ним разговаривать прямо сейчас, опасаясь, что по ее голосу он может заподозрить неладное. Боб решит, что она вышла в магазин или взять фильм в видеопрокате и вернется через час. За час она сумеет отойти

после неприятной находки и успокоиться, и они нормально поговорят.

Но звонил не Боб, а Донни:

— Вот черт, жалко, что не застал! Хотел поболтать с вами обоими.

Дарси взяла трубку и, облокотившись на стол, сказала:

— Тогда давай. Я была в гараже и только вернулась.

Донни буквально распирало от новостей. Он жил в Кливленде, штат Огайо, и после двух лет неблагодарного и тяжелого труда на самой низкой должности в крупнейшей рекламной фирме города решил начать с другом собственное дело. Боб всячески отговаривал его, объясняя, что им никто не даст кредит на стартовый капитал, который потребуется, чтобы продержаться первый год.

«Одумайся! — сказал он Донни, когда Дарси передала ему трубку. Это было в начале весны, когда под деревьями и кустами на заднем дворе еще лежал не успевший растаять снег. — Тебе сейчас двадцать четыре года, Донни, и твоему партнеру — столько же. Страховые компании, и те сейчас отказываются заключать договоры вас страховать на случай столкновения, и вы должны покрывать все расходы по ремонту автомобилей самостоятельно. Никакой банк не даст вам кредит в семьдесят тысяч долларов на стартовый капитал, особенно когда в экономике дела обстоят так неважно».

Однако кредит им дали, а теперь у них появилось два крупных заказа, причем оба — в один день. Первый поступил от автосалона, желавшего сделать упор на клиентуру в возрасте тридцати с небольшим лет. А второй — от того самого банка, который предоставил начальный капитал для фирмы «Андерсон и Хейворд». И Дарси, и Донни шумно радовались и проговорили двадцать минут. Во время разговора раздался входящего звонка.

— Ответишь? — спросил Донни.

— Не сейчас, это звонит отец. Он сейчас в Монпелье, смотрит коллекцию стальных центов. Он еще перезвонит.

— Как он поживает?

Отлично, подумала она. *Расширяет кругозор*. Но вслух сказала:

— Как суслик: грудь вперед и нос по ветру.

Услышав одну из любимых фраз Боба, Донни засмеялся. Дарси очень нравилось, как он смеется.

— А Петс?

— Позвони сам и узнай, Дональд.

— Я все время собираюсь, но никак не соберусь. Позвоню обязательно! А пока расскажи в двух словах.

— У нее все замечательно. Вся в свадебных хлопотах.

— Можно подумать, свадьба через неделю, а не в июне.

— Донни, если ты не будешь пытаться понять женщин, то никогда не женишься сам.

— А я и не тороплюсь. Мне и сейчас очень даже неплохо.

— Не забывай об осторожности с этим самым «неплохо».

— Я крайне осторожен и очень даже вежлив. Ладно, мам, мне пора бежать. Через полчаса мы встречаемся с Кеном и начнем придумывать стратегию для автосалона.

Она уже собиралась сказать, чтобы он много не пил, но вовремя сдержалась. Хотя ее сын и выглядел как старшеклассник, а она отлично помнила, как в пять лет он, одетый в красную вельветовую куртку, без устали гонял на самокате по бетонным дорожкам парка Джошуа Чемберлена в Паунале, Донни давно уже не был ни тем, ни другим. Он стал не просто самостоятельным молодым мужчиной, а начинающим предпринимателем, и в это она до сих пор никак не могла поверить.

— Хорошо, — сказала Дарси. — Молодец, что позвонил, Донни. Я была рада поговорить.

— Я тоже. Передай отцу привет, когда он позвонит, и скажи, что я его люблю.

— Передам.

— «Грудь вперед и нос по ветру», — повторил Донни со смешком. — Интересно, скольких скаутов он научил этому выражению?

— Всех без исключения. — Дарси открыла холодильник и проверила, нет ли там, случайно, охлажденного шоколадного

батончика, который сейчас был бы так кстати. Но его там не оказалось. — Даже подумать страшно.

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю.

Она повесила трубку, снова обретя душевное спокойствие, и какое-то время продолжала стоять, опираясь на стол. Однако вскоре улыбка сползла с ее лица.

Стук.

Когда она задвигала коробку с каталогами под верстак, слышался какой-то стук. Не скрежет, как если бы она задела упавший инструмент, но именно стук! Причем глухой.

Я не хочу этого знать!

К сожалению, это было не так. Этот стук — все равно что неоконченное дело. Да и коробка тоже. Были в ней какие-то еще журналы вроде «Связанных стержней»?

Я не хочу этого знать!

Так-то оно так, но все равно лучше выяснить. Если других журналов там не окажется, значит, объяснение насчет мужской сексуальной любознательности правильное. И Бобу хватило одного взгляда на этот тошнотворный — и полный психически нездоровых людей, добавила она мысленно, — мир, чтобы удовлетворить любопытство. Если там окажутся и другие журналы, это тоже в принципе ничего не меняет, поскольку Боб все равно собирался их выбросить. Однако уточнить будет не лишним.

И еще тот стук... Он тревожил ее куда больше, чем журналы.

Дарси достала из кладовки фонарь и опять направилась в гараж. Оказавшись за дверью, она зябко повела плечами и запахнула поплотнее халат, жалея, что не накинула куртку. Там стало по-настоящему холодно.

4

Опустившись на колени, Дарси отодвинула коробку в сторону и посветила фонарем. Сначала она не поняла, что увидела: поперек гладкой доски плинтуса шли две темные полосы —

одна чуть толще другой. Затем Дарси ощутила беспокойство, которое постепенно нарастало и, наконец, превратилось в смятение, охватившее все ее существо. Да тут тайник!

Не лезь сюда, Дарси. Это его дело — и ради собственного спокойствия оставь все как есть.

Хорошая мысль, но она уже зашла слишком далеко, чтобы остановиться. Она забралась под верстак, приготовившись к встрече с паутиной, но ее там не оказалось. Если она относилась к тем женщинам, что следуют принципу «с глаз долой — из сердца вон», то ее лысеющий, коллекционирующий монеты и водящий в походы скаутов муж был олицетворением аккуратности и опрятности.

Он сам сюда часто залезает, поэтому никакой паутины здесь быть не может.

Неужели это так? Дарси не знала, что и думать.

Темные полосы на плинтусе были на расстоянии восьми дюймов, а посередине планки между ними имелся штифт, позволявший ей поворачиваться. Задвигая коробку, Дарси задела планку, и она немного повернулась, но глухой стук шел не от планки. Дарси повернула ее повыше — за ней находилась ниша примерно восьми дюймов в длину, фут в высоту и около шестнадцати дюймов в глубину. Она подумала, что там могут храниться другие журналы, свернутые в трубку, но никаких журналов там не оказалось. В тайнике лежала маленькая деревянная шкатулка, которая показалась ей знакомой. Шкатулку, видимо, оставили стоять на боку, а сдвинутая коробкой планка плинтуса опрокинула ее, вот и раздался глухой стук.

Замирая от дурного предчувствия, такого сильного, что его, казалось, можно было потрогать рукой, Дарси потянулась и вытащила шкатулку. Это была маленькая коробочка из дуба, которую она подарила мужу на Рождество лет пять назад, может, чуть раньше. Точно она сказать не могла — помнила только, что удачно купила ее в магазине подарков в Касл-Роке. Сверху была вырезана опоясывающая цепочка, а ниже — тоже резьбой по дереву — шла надпись, указывающая назначение шкатулки: «Запонки». Хотя Боб предпочитал ходить на работу в рубашках, манжеты которых застегивались на пуговицы, у

него имелось несколько очень красивых пар запонок, правда, хранились они вперемежку. Дарси купила шкатулку, чтобы он сложил их аккуратнее. Она помнила, как Боб вскрыл подарок и, шумно выразив восхищение, какое-то время держал шкатулку на своей тумбочке, но потом она куда-то исчезла. Теперь понятно, почему Дарси давно эту вещицу не видела — ее прятали в тайнике под верстаком, и Дарси была готова «держат пари на дом и землю» — еще одно выражение Боба, — что сейчас там хранились вовсе не запонки.

Тогда не смотри.

Отличная мысль, но теперь обратного пути уже действительно не было. Чувствуя себя как человек, случайно забредший в казино и неожиданно решивший поставить на одну-единственную карту все свое имущество, она открыла шкатулку.

Господи, молю Тебя, сделай так, чтобы в ней было пусто!

Но Господь не внял ее мольбам. В шкатулке лежали три пластиковые карточки, перетянутые резинкой. Она вытащила их кончиками пальцев, как женщины берутся за лохмотья, боясь, что они не только грязные, но и заразные. Дарси сняла резинку.

Карточки оказались не кредитными, как она сначала решила. Одна была донорской картой Красного Креста, принадлежавшей некой Марджори Дюваль из региона Новой Англии. Кровь первой группы, резус положительный. Дарси перевернула карточку и увидела, что Марджори — или как там ее звали — последний раз сдавала кровь шестнадцатого августа 2010 года. Три месяца назад.

Кто, черт возьми, такая эта Марджори Дюваль? Откуда Боб ее знал? И почему это имя кажется знакомым Дарси?

Вторая карточка была пропуском в библиотеку Норт-Конвей, и на ней имелся адрес: Хани-лейн, 17, Южный Гансетт, штат Нью-Гемпшир.

Последняя карточка оказалась водительским удостоверением, выданным на имя Марджори Дюваль в штате Нью-Гемпшир. С фотографии смотрела типичная американка тридцати с небольшим лет с самым обычным лицом. Правда, разве фо-

тографии на водительском удостоверении у кого-нибудь бывают удачными? Светлые волосы убраны назад — то ли в конский хвост, то ли в пучок — по снимку судить было трудно. Дата рождения — 6 января 1974 года. Адрес тот же, что и на пропуске в библиотеку.

Дарси вдруг поняла, что издает какое-то невнятное попискивание. Подобный звук, срывающийся с ее собственных губ, привел ее в ужас, но остановиться она не могла. А в животе у нее образовался налитый свинцом ком, он начал сковывать все внутренности и опускаться все ниже и ниже. Дарси видела фотографию Марджори Дюваль в газетах. И в шестичасовых новостях по телевизору.

Непослушными пальцами она скрепила карточки резинкой, убрала в шкатулку и сунула ее в тайник. Она уже собиралась закрыть планку, как вдруг услышала внутренний голос:

Нет, нет и еще раз нет! Такого просто не может быть!

Откуда пришла эта мысль? Какая часть мозга отказывалась с этим мириться? Та, что отвечала за умные мысли или за глупые? Дарси не сомневалась в одном — открыть шкатулку ее заставила глупость. И теперь рухнул весь ее мир!

Она снова достала шкатулку.

Это наверняка какая-то ошибка. Мы провели вместе полжизни, я бы знала, я бы не могла не знать!

Она снова открыла шкатулку.

А разве можно до конца знать другого человека?

До сегодняшнего вечера она в этом не сомневалась.

Водительское удостоверение Марджори Дюваль лежало сверху. А сначала было вниз. Она переложила карточку вниз. Но которая из двух оставшихся была наверху? Донорская или библиотечная? Казалось бы, чего проще, если выбрать нужно всего из двух, но Дарси никак не могла собраться и вспомнить. Она положила пропуск в библиотеку наверх и мгновенно поняла, что ошиблась. Когда она открыла шкатулку, ей сразу бросилось в глаза что-то красное и похожее на кровь. Ну конечно, какого же еще цвета может быть донорская карточка? Значит, она и лежала первой.

Она положила ее наверх и начала натягивать резинку, когда до нее донесся телефонный звонок. Это он! Это Боб звонит из Вермонта, и если она возьмет трубку, то наверняка услышит знакомый жизнерадостный голос: «Привет, милая, как ты там?»

Рука Дарси дрогнула, и резинка, порвавшись, соскочила с пальца и отлетела в сторону. Дарси невольно вскрикнула, не понимая от чего: от ужаса или пережитого потрясения. Но чего ей бояться? За двадцать семь лет брака он прикасался к ней только для того, чтобы приласкать. И за все эти годы лишь несколько раз повысил голос.

Телефон звонил и звонил, но неожиданно замолчал, прервавшись на середине звонка. Теперь он оставит сообщение: «Никак не могу тебя застать! Перезвони мне, когда вернешься, чтобы я не волновался, хорошо? Мой номер...»

Боб обязательно оставит номер телефона отеля, по которому с ним можно связаться. Он никогда не полагался на случай и всегда предусмотрительно подстраховывался.

Ее страхи не имели под собой никаких оснований. Они наверняка сродни тем, что неожиданно могут выплыть из самых темных глубин сознания, пугая ужасными догадками. Например, что обыкновенная изжога — это начало сердечного приступа, а головная боль — симптом опухоли мозга, что Петра не перезвонила с вечеринки, потому что попала в аварию и теперь лежит в коме в какой-нибудь больнице. Обычно подобные тревоги посещали Дарси под утро бессонной ночи, когда ей не удавалось сомкнуть глаз. Но в восемь вечера?.. И куда отлетела эта проклятая резинка?

Она нашла ее за коробкой с каталогами, видеть которые больше не могла. Дарси убрала резинку в карман и стала подниматься, чтобы взять другую, совершенно забыв, что находится под верстаком. Больно стукнувшись головой о край стола, она не смогла сдержать слез.

В ящиках верстака резинок не оказалось, что вызвало новый поток слез. Тогда она вернулась в дом, сунув в карман халата ужасные, непонятно как появившиеся в их доме карточки, и достала резинку из ящика стола на кухне, где хранила вся-

кую мелочь: канцелярские скрепки, прищепки для упаковочных пакетов, магниты на холодильник, которые уже плохо держали, и все такое. На одном из магнитиков красовалась надпись «Правила Дарси», он был подарен Бобом на Рождество.

На телефоне, стоявшем на полке, мигала лампочка — значит, оставлено сообщение.

Дарси поспешила в гараж, уже не кутаясь в халат. Она больше не ощущала холода, потому что все внутри заledenело. Свиноцовый ком стал еще тяжелее. Она поняла, что ей надо в туалет. Причем срочно.

Не важно! Потерпи! Представь, что ты на скоростной автостраде, а следующая стоянка с туалетом только через двадцать миль. Закончи сначала дело, а потом...

А что потом? Выкинуть из головы?

Она не сможет.

Дарси перетянула резинкой пластиковые карты, увидела, что водительское удостоверение снова оказалось наверху, и обозвала себя безмозглой душой... Если бы Боб позволил себе хотя бы мягко намекнуть на нечто подобное, она бы тут же влепила ему пощечину. Но он себе такого никогда не позволял.

— Пусть я безмозглая дура, но зато не «связанная стерва», — пробормотала Дарси и неожиданно почувствовала резкую боль в животе. Упав на колени, она замерла, надеясь, что спазм пройдет. Будь в гараже туалет, Дарси немедленно бы бросилась туда, но туалета здесь не было. Дождавшись, когда резь в животе отпустила, она переложила карточки в нужном порядке — сначала донорскую, потом пропуск в библиотеку и, наконец, права — и поместила их в шкатулку, которую убрала обратно в тайник. Коробку с каталогами она поставила так, как та стояла сначала — слегка выступая из-под верстака одним углом. Он точно не заметит, что ее сдвигали с места.

А откуда такая уверенность? Если ее подозрения верны... Сама мысль об этом была чудовищной, ведь полчаса назад она всего-то хотела найти батарейки для проклятого пульта! Если ее подозрения верны, то Боб вел себя на редкость осторожно на протяжении очень долгого времени. Он всегда отличался удивительной аккуратностью и опрятностью, был самым оли-

цветворением чистоты и порядка. Но если Боб действительно являлся не тем, за кого всегда себя выдавал, — а эти проклятые карточки говорили, что так и есть, — то он проявил невообразимую осмотрительность! И немыслимое лицемерие!

До сегодняшнего вечера Дарси бы в жизни не подумала, что все это имеет отношение к ее мужу.

— Нет! — заявила она, говоря в пустоту. К ее мокрому от пота лицу некрасиво прилипли пряди волос, по телу пробежала дрожь, а руки тряслись, как у страдающих болезнью Паркинсона. Однако слова прозвучали удивительно спокойно и даже торжественно. — Нет! Это ошибка! *Мой муж не может быть Биди!*

Она вернулась в дом.

5

Дарси решила выпить чаю. Он успокаивал. Она набирала воду в чайник, когда телефон зазвонил снова. Вскрикнув от неожиданности, она выронила чайник и направилась к телефону, вытирая руки о полы халата.

Спокойно, только не нервничай! Если он может хранить тайну, то смогу и я. Наверняка всему этому есть какое-то простое объяснение...

Неужели?

...Я просто пока его не знаю. Мне нужно время подумать, вот и все. Поэтому — спокойствие!

Она взяла трубку и сказала веселым голосом:

— Если это ты, красавчик, приезжай прямо сейчас! Моего мужа нет в городе.

Боб засмеялся:

— Привет, милая, как ты?

— Грудь вперед и нос по ветру. А ты?

Повисло долгое молчание. Во всяком случае, ей так показалось, хотя пауза вряд ли длилась больше нескольких секунд. Но она успела услышать урчание холодильника, стук капель по

оставленному в мойке чайнику и биение своего сердца. При чем удары сердца она ощущала в горле и ушах, но никак не в груди. Дарси с Бобом так давно были женаты, что чувствовали друг друга без слов. Интересно, такое случается со всеми парами? Про других она не знала. Она знала про свой брак. Правда, теперь уже сомневалась и в этом.

— У тебя голос какой-то странный, — сказал он. — Будто говорить трудно. Милая, с тобой все в порядке?

Проявленное мужем беспокойство, вместо того чтобы тронуть, ужаснуло Дарси. Марджори Дюваль. Ее имя не просто стояло перед глазами, а будто постоянно мигало, как на неоновой рекламе бара. Дарси ответила не сразу, пытаясь унять слезы, подступившие к глазам. Знакомая до мелочей кухня вдруг поплыла, а предметы перед ней стали расплывчатыми. В животе снова появилась резь. Марджори Дюваль. Первая группа, реус положительный. Хани-лейн, 17. *Как жизнь? Грудь вперед и нос по ветру?*

— Я вспомнила о Брендолин, — услышала она свой голос.

— Ну что ты, бедняжка! — раздалось в ответ, и в этом искреннем сочувствии и понимании был весь Боб. Она так хорошо его знала. Сколько раз после 1984 года она имела возможность в этом убедиться? И даже раньше, когда они только встречались и она поняла, что он — ее суженый? А он всегда мог рассчитывать на ее понимание и поддержку. Сама мысль, что такая забота была всего лишь сахарной глазурью на отравленном торте, казалась безумием. А еще большим безумием представлялась ее ложь ему. Если у безумия бывают разные степени. А может, безумие вроде уникальности: либо есть, либо ее нет, и не бывает никаких сравнительных или превосходных степеней. Господи, что за мысли лезут в голову?!

Задумавшись, она пропустила его последние слова.

— Повтори еще раз. Я потянулась за чаем и не расслышала. — Еще одна ложь. Ее руки так тряслись, что она бы ничего не смогла удержать, но на этот раз ложь была невинной. А голос больше не дрожал. Во всяком случае, так ей показалось.

— Я спросил, с чего это вдруг?

— Позвонил Донни и поинтересовался, как дела у Петры. А я вспомнила о своей сестре. Потом вышла на улицу и немного походила. И стала хлюпать носом, наверное, из-за холода. Вот ты и услышал.

— Наверное, — согласился он. — Послушай, я отменю поездку в Берлингтон и вернусь домой завтра.

Она едва удержалась от возгласа «Нет!», услышав который он, переживая за нее, точно помчался бы домой с первыми лучами солнца.

— Попробуй только, и я тебе шею сверну! — отреагировала она и с облегчением услышала, как он рассмеялся. — Чарли Фрейди сказал, что распродажу в Берлингтоне обязательно стоит посетить, у него там хорошие связи. И у него есть чутье. Ты сам всегда так говоришь.

— Да, но мне не нравится твое настроение.

То, что он сразу — моментально! — уловил, что с ней что-то не так, было плохо. Но еще хуже, что ей пришлось врать о причине. Дарси закрыла глаза, но перед ней тут же возникла оравшая «стерва Бренда» в черном капюшоне, и она снова открыла их.

— Я расстроилась, но сейчас все в порядке, — сказала она. — Просто нахлынуло что-то. Она была моей сестрой, и я вспомнила, как отец привез ее домой. Иногда я об этом думаю, вот и все.

— Знаю, — сказал Боб. И это была правда. Она влюбилась в него вовсе не из-за сочувствия по поводу смерти сестры, но его искреннее участие укрепило ее чувство.

Брендолин Мэдсен насмерть сбил какой-то пьяный на снегоходе, когда та каталась на лыжах. Он скрылся, оставив в лесу ее тело в полумиле от дома Мэдсенов. Когда Брендолин не вернулась домой к шести часам, двое полицейских из Фрипорта и местные добровольцы из «сторожевой группы» организовали поисковую партию. Тело нашел отец и полмили нес через лес на руках до дома. Дарси, дежурившая у телефона в гостиной и успокаивавшая мать, увидела его первой. Он шел по дорожке, залитой резким светом полной луны, и изо рта у него вырывались клубы пара. При виде его она почему-то вспомни-

ла — и до сих пор винила себя в этом — о старых черно-белых фильмах, которые иногда показывали по каналу «старой классики» Тернера. Там герой обычно вносит невесту на руках в дом, где им предстоит провести счастливый медовый месяц, а пятьдесят скрипок оркестра обильно поливают эту трогательную сцену приторным сиропом.

Как выяснилось, Боб Андерсон оказался человеком, который мог понять ее, как никто другой. Он не терял брата или сестру, но потерял самого близкого друга. Они играли в бейсбол, и тот выскочил на дорогу, чтобы подобрать неудачно брошенный питчером мяч, угодил под грузовик и вскоре скончался в больнице. По счастью, питчером был не Боб — в то время он увлекался не бейсболом, а плаванием. Они пережили схожие трагедии, и это не только заставило ее по-особому относиться к их отношениям, но и было расценено ею как некий мистический знак, подчеркивавший неслучайность их встречи.

— Останься в Вермонте, Бобби. И съезди на распродажу. Я очень тронута и ценю твое внимание, но если ты вернешься, то почувствую себя глупой и тогда точно разозлюсь не на шутку.

— Хорошо, но завтра в полвосьмого я перезвоню. Предупредил по-честному!

Она рассмеялась, с облегчением отметив, что смех получился искренним... Во всяком случае, достаточно правдоподобным. А почему, собственно, она не может от души рассмеяться? Какого черта? Она любит его и имеет право толковать любое сомнение в его пользу. Любое! Любовь нельзя перекрыть, как вентиль, даже если после двадцати семи лет брака она становится похожей на привычку. Любовь идет от сердца, а у сердца свои законы.

— Бобби, ты всегда звонишь в полвосьмого!

— Отпираться бессмысленно, уличен с поличным! Перезвони мне...

— ...если что, не важно во сколько, — закончила она фразу за него. Она почти совсем пришла в себя. Просто удивитель-

но, от каких потрясений способно оправиться сознание. — Обязательно.

— Я люблю тебя, милая. — Традиционная фраза, которой он прощался с ней по телефону, а за годы совместной жизни телефонных разговоров было не счесть.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она улыбаясь. Повесив трубку, Дарси прижалась лбом к стенке и заплакала, даже не стерев улыбку с лица.

6

Ее старенький компьютер, выглядевший в соответствии с модным стилем ретро, стоял в комнате, где она занималась рукоделием. Обычно Дарси включала его только для просмотра электронной почты или покупок в интернет-магазине, но сегодня она открыла поисковик «Гугл» и набрала «Марджори Дюваль». Сначала она сомневалась, стоит ли добавлять в строку поиска «Биди», но потом решилась — к чему продлевать агонию? Она не сомневалась, что это имя все равно всплывет. Нажав клавишу ввода, Дарси смотрела, как в углу экрана закрутилось колесико режима поиска, и снова почувствовала резь в животе. Дарси поспешила в ванную и, устроившись на стульчаке, опустила голову, закрыв лицо руками. На двери висело зеркало, но она не хотела на себя смотреть. Как оно вообще здесь оказалось? Как она могла разрешить его повесить? Кому вообще нужно разглядывать себя, сидя на унитазе? Даже когда все в порядке, а не как сегодня вечером?

Она медленно побрела к компьютеру, еле волоча ноги, словно ребенок, который понимает: его непременно накажут за нечто, называемое матерью Дарси «большой бякой». На ее запрос «Гугл» выдал более пяти миллионов ссылок. О, всемогущий «Гугл», такой щедрый и такой ужасный! Но первая ссылка едва не заставила ее рассмеяться — она предлагала пообщаться с Марджори Дюваль и Биди на «Твиттере». Дарси решила, что может пропустить эту ссылку. Если она не ошибалась — Господи,

как же ей хотелось ошибиться! — нужная ей Марджори больше не заходила на «Твиттер».

Вторая ссылка была на «Портленд пресс гералд». Дарси кликнула на нее, и на экране появилась фотография, увидев которую она отшатнулась, будто получив пощечину. Точно такую же фотографию она видела по телевизору, а возможно, и в газете, потому что они ее выписывали. Статья была опубликована на первой полосе десять дней назад. Кричащий заголовок гласил: «Женщина из Нью-Гемпшира может оказаться одиннадцатой жертвой Биди», а подзаголовок пояснял: «Полиция уверена на девяносто процентов».

На фотографии в газете на Марджори Дюваль было черное платье, и она выглядела очень эффектно. Снимок явно профессиональный и сделан в студии. Волосы были распущены и казались светлее, чем на карточке водительского удостоверения. Дарси удивилась, откуда в газете этот снимок, и решила, что его, наверное, дал муж Марджори. Скорее всего фотография стояла на каминной полке по адресу Хани-лейн, 17, или висела там на стене. Хорошенькая хозяйка приветствует гостей дежурной улыбкой.

Мужчины предпочитают блондинок, потому что с брюнетками труднее поладить.

Еще одно из любимых изречений Боба. Дарси оно никогда особенно не нравилось, а сегодня тем более.

Тело Марджори Дюваль нашли в овраге за городской чертой Норт-Конвея в шести милях от ее дома в Южном Гансете. По мнению шерифа, смерть скорее всего наступила в результате удушения, но точную причину обещали установить при вскрытии. От дальнейших комментариев он отказался и на вопросы отвечать не стал. Однако анонимный источник, «близкий к полиции», что хотя бы отчасти придавало достоверность его словам, заявил, что действия преступника, избившего и изнасиловавшего Дюваль, заставляют вспомнить об убийствах, совершенных Биди.

Далее приводился полный перечень этих убийств. Первое было совершено в 1978 году, следующее — в 1980-м, еще два — в 1981-м. Две женщины убиты в Нью-Гемпшире, две — в Мас-

сачусетсе, пятая и шестая — в Вермонте. Затем перерыв, который длился шестнадцать лет. Полиция считала, что причиной тому стало следующее. Биди мог просто переехать в другой регион и продолжил свое «дело» там. Его могли арестовать за какое-то другое преступление, не связанное с этими убийствами, и он отбывал срок. И наконец, он мог просто покончить с собой. По авторитетному мнению психиатра, с которым связался журналист, когда готовил статью, Биди не мог прекратить убийства, пресытившись ими.

«Подобные типы, — заявил психиатр, — никогда не устают от убийств. Это — их наркотик, их потребность. Мало того, это — их тайная жизнь».

«Тайная жизнь». Красивая обертка для отравленной конфеты.

Шестой жертвой Биди была женщина из Барра, тело которой зацепила в сугробе снегоуборочная машина за неделю до Рождества. Дарси подумала о родственниках несчастных, для которых праздник обернулся настоящим кошмаром. Она вспомнила, что в тот год и для нее Рождество было невеселым. Чувствуя себя одинокой вдалеке от дома, в чем она бы ни за что не призналась матери, не уверенная в своей профессиональной пригодности даже после восемнадцати месяцев работы и полученной надбавки к зарплате, Дарси смотрела в будущее без всякого оптимизма. У нее были знакомые — приятельницы, с которыми она выбиралась по выходным выпить по коктейлю и повеселиться, — но не было настоящих друзей. Ей всегда было трудно с кем-то сойтись поближе и подружиться. Она отличалась застенчивостью, если не сказать замкнутостью.

И тогда в ее жизни появился улыбающийся Боб, который стал ее приглашать на свидания и не отставал, пока она не соглашалась. Это произошло месяца через три после того, как нашли тело последней жертвы «первого цикла» Биди. Они полюбили друг друга, и Биди исчез на шестнадцать лет.

Благодаря ей? Потому что полюбил ее? Потому что хотел остановиться?

Это может быть простым совпадением. Не более того.

Может, и так, но карточки из тайника, устроенного в гараже, делали вероятность совпадения практически нулевой.

Седьмая жертва Биди, ставшая первой в его «новом цикле», оказалась женщиной из Уотервилля, штат Мэн. Ее звали Стейси Мур. Труп обнаружил в подвале муж, когда вернулся из Бостона, куда ездил с друзьями посмотреть игру «Ред сокс». Это случилось в августе 1977 года. Она была абсолютно голой, руки связаны за спиной, на ягодицах и бедрах следы десятка укусов, а голова засунута в мешок с сахарной кукурузой, которой Муры торговали в киоске на обочине 106-й автострады.

Через два дня водительское удостоверение Стейси Мур и ее карточка страховки, перевязанные резинкой, были доставлены почтой в департамент по расследованию убийств города Огаста, штат Мэн. Адрес был выведен большими печатными буквами, а к карточкам прилагалась записка со словами: «ПРИВЕТ! Я ВЕРНУЛСЯ! БИДИ».

Детективы, занимавшиеся делом Стейси Мур, тут же узнали почерк преступника: тот же набор документов, удостоверяющих личность жертвы, и такая же шаловливая записка, что и во всех предыдущих случаях. Убийца знал, когда жертвы окажутся одни. Он пытал их, кусал, насиловал или сексуально измывался, убивал, а через несколько недель или месяцев издевательски посылал в полицейский участок их документы.

Чтобы никто не посягал на его славу, мрачно заключила Дарси.

Следующее убийство Биди совершил в 2004 году, а девятое и десятое в 2007-м. Два последних были особенно ужасными, потому что одной из жертв оказался ребенок. У десятилетнего сына убитой женщины разболелся живот, и его отпустили из школы домой, где он, судя по всему, и застал Биди за «работой». Тела мальчика и матери нашли в протекавшем неподалеку ручье. Когда в казармы полицейского управления штата Массачусетс пришло письмо с водительским удостоверением и двумя кредитными карточками, в прилагавшейся записке говорилось: «ПРИВЕТ! С МАЛЬЧИКОМ ВЫШЛО СЛУЧАЙНО! МНЕ ЖАЛЬ! НО ВСЕ ПРОИЗОШЛО БЫСТРО, И ОН НЕ «СТРАДАЛ»! БИДИ».

Статей было еще много — о всемогущий «Гугл»! — но что они могли добавить? Надежда Дарси, что все прояснится и вечер окажется самым обычным, уступила место кошмару. Возможно ли чтение новых статей о Биди исправить положение? Ответ был очевиден.

Живот снова схватило, и Дарси побежала в ванную. Хотя там работал вентилятор, запах все равно еще чувствовался. Обычно людям удается не обращать внимания на то, насколько зловонна жизнь, но не всегда. Дарси упала на колени перед унитазом и, открыв рот, уперлась взглядом в голубоватую воду. Сначала ей показалось, что приступ тошноты немного отступил, но тут она подумала о почерневшем лице задушенной Стейси Мур, чью голову засунули в кукурузу, и о ее ягодицах, покрытых засохшей кровью цвета молочного шоколада. При этой мысли Дарси ощутила резкий спазм в животе, и ее два раза вырвало, причем с такой силой, что на лицо попали капли из подвесного освежителя и даже рвотных масс.

Плача и задышав, она спустила воду. Унитаз придется мыть дополнительно, но сейчас она могла только опустить крышку сиденья и, оставаясь на полу, прижаться щекой к ее прохладной бежевой поверхности.

Что мне делать?

Самым простым и правильным решением было бы позвонить в полицию, но вдруг потом выяснится, что это ошибка? Боб всегда был таким понимающим и великодушным. Когда она врезалась в дерево возле почты и разбила ветровое стекло их старенького фургона, он беспокоился только о том, не поранилась ли она осколками. Но сможет ли он ее простить, если она укажет на него как на убийцу одиннадцати человек, а он ни в чем не виновен? Все это сразу попадет в прессу! Виновен или нет, но его фотография точно появится в газетах. Причем на первой полосе. И ее снимки тоже.

Дарси с трудом поднялась, достала ершик для унитаза и начала прибираться. Она двигалась очень медленно. Спина болела. Наверное, в какой-то момент она потянула мышцу.

Она вдруг с ужасом сообразила, что в эту историю, которую наверняка раздуют газеты и начнут цинично обсуждать на

круглосуточных телеканалах, окажется втянута не только она и Боб, но и дети. У Донни и Кена появились два первых клиента, а в случае огласки истории с Бобом и банком, и автосалон сразу откажется иметь с ними дело. Фирма «Андерсон и Хейворд», которая только-только получила шанс встать на ноги, мгновенно вылетит в трубу. Дарси не знала, сколько именно вложил Кен Хейворд, но Донни вложился по полной. И дело даже не в деньгах, а в душе, устремлениях и надежде, с которыми человек начинает дело на заре жизненного пути.

А Петра и Майкл в этот самый момент, наверное, продумывают новые детали предстоящего свадебного торжества, не подозревая, что над их головами раскачивается двухтонный груз, этакий сейф, подвешенный на гнилой веревке. Петс всегда обожала отца. Что станет с ней при известии, что руки, качавшие ее на качелях на заднем дворе, задушили одиннадцать женщин? Что губы, целовавшие ее на ночь, скрывали зубы, вонзавшиеся в плоть одиннадцати женщин, причем некоторые были прокушены до кости?

Вернувшись к компьютеру и снова обратившись к экрану, Дарси вдруг ясно представила на нем чудовищный заголовок первой полосы газеты:

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА «БИДИ» ВОДИЛ СКАУТОВ В ПОХОДЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 17 ЛЕТ!

А рядом фотография Боба в скаутском галстуке, нелепых шортах цвета хаки и длинных носках.

Дарси в ужасе прикрыла ладонью рот. Она чувствовала, что кровь в сосудах глаз пульсировала так, будто они вот-вот выскочат из орбит. Она подумала о самоубийстве, и это показалась ей не просто рациональным, а единственным выходом. Она оставит записку, где объяснит, что поступила так, испугавшись рака, которым наверняка больна. Или что у нее появились признаки болезни Альцгеймера — это еще лучше. Но самоубийство все равно бросит тень на других членов семьи, и что, если она ошиблась? Что, если Боб просто нашел эти карточки на дороге?

Ты сама понимаешь, насколько это маловероятно, не преминула уколоть ее «разумная Дарси».

Пусть так, но «маловероятно» и «невозможно» — это разные понятия, да к тому же имелось еще одно обстоятельство, делавшее положение Дарси безвыходным. А вдруг она не ошибалась? Разве ее смерть не развяжет Бобу руки для новых убийств, поскольку ему не придется больше вести двойную жизнь? Дарси не очень-то верила в загробную жизнь, но что, если она все же существует? И там ее будут ожидать не райские кущи, а жуткая толпа задушенных и искусанных мужем женщин, которые обвинят ее в своей смерти, потому что она сластолюбивничала и выбрала самое легкое для себя решение? И если она скроет свою находку — чего, конечно, она не допускала в принципе, — то разве эти обвинения не будут справедливыми? Неужели она может обречь других женщин на смерть, лишь бы не расстроить чудесную свадьбу дочери?

Дарси уже жалела, что не умерла раньше.

Но она была жива.

Впервые за долгие годы Дарси Мэдсен Андерсон опустилась на колени и начала молиться. Но молитва ей не помогла, она по-прежнему чувствовала себя одинокой.

7

Дарси никогда не вела дневник, но на дне вместительного ящика для шитья у нее хранились ежедневники, где были указаны все деловые встречи мужа примерно за десять лет. Будучи бухгалтером, да еще имевшим побочный бизнес, Боб скрупулезно собирал все чеки и документы, позволявшие оптимизировать налоги до последнего цента, включая расчет износа автомобиля.

Дарси положила папки Боба с бумагами и свои ежедневники возле компьютера, открыла «Гугл» и приступила к сверке записей с именами и датами кончины жертв Биди, хотя не всегда эти даты были точными. Когда она приступила к работе, часы на экране монитора, беззвучно отсчитывая минуты, показывали одиннадцатый час вечера.

Она бы с радостью заплатила десятком лет своей жизни, лишь бы найти безусловное подтверждение, что хотя бы к одной из смертей он никак не мог быть причастен, но записи в ежедневниках только усилили подозрения. Тело Келли Джарвей из Кина, штат Нью-Гемпшир, нашли в лесу за местной свалкой 15 марта 2004 года. Вскрытие показало, что ее убили от трех до пяти дней назад. В ежедневнике Дарси за 2004 год на числах 10—12 марта имелась запись «Боб — Фицуильям, Брат». Джордж Фицуильям являлся одним из самых уважаемых клиентов фирмы «Бенсон, Бейкон и Андерсон». А сокращение «Брат» означало город Братлборо, где Фицуильям жил. Оттуда до Кина, штат Нью-Гемпшир, — рукой подать.

Тела Хелен Шейверстон с сыном Робертом обнаружили в ручье городка Эймсбери 11 ноября 2007 года, а жили они в Тасель-Виллидже, что в двенадцати милях от этого городка. На странице за ноябрь 2007 года рукой Дарси были отчеркнуты числа с восьмого по десятое и надписано: «Боб в Согасе, две распродажи плюс аукцион монет в Бостоне». Ей вдруг вспомнилось, что она, кажется, звонила в мотель Согаса в один из тех вечеров, но Боб не взял трубку. Наверное, задержался с каким-нибудь торговцем монетами или стоял под душем? Дарси почти не сомневалась, что так и было. А может, он как раз в это время возвращался на машине? После небольшого крюка в Эймсбери? А если он и в самом деле принимал душ, то что смывал?

Дарси перешла к его бумагам, когда часы на мониторе уже показывали приближение к полуночи — колдовское время, когда, как считается, мертвецы покидают могилы. Она старалась проявить максимум аккуратности и раз за разом перепроверяла данные. Информация о событиях конца семидесятых была обрывочной и в общем-то бесполезной, к тому же тогда Боб редко куда выезжал и трудился в основном в офисе. А вот начиная с восьмидесятых, всяких счетов и чеков, необходимых для отчетности, было предостаточно. Он совершенно определенно был неподалеку от мест, где Биди совершал убийства в 1980-м и 1981-м. Время и место каждой его командировки точно совпадали со временем и местом того или иного преступ-

ления. И «разумная Дарси» не преминула подумать, что если в доме много кошачьей шерсти, то наверняка где-то есть и кошка.

Что мне теперь делать?

Самым разумным было подняться в спальню и постараться уснуть. Она сомневалась, что ей это удастся, но принять горячий душ и лечь в кровать точно не повредит. Она ощущала запах собственного пота, сил не было, спина болела.

Выключив компьютер, Дарси медленно побрела на второй этаж. После душа спину немного отпустило, да и пара таблеток тайленола должна была подействовать часам к двум ночи — она не сомневалась, что к этому времени все равно спать не будет. Убирая таблетки в аптечку, Дарси достала оттуда бутылочку с амбиеном и долго на нее смотрела, а потом положила обратно. Она все равно не уснет, даже приняв снотворное, а от него мысли начнут путаться, и страх только усилится.

Она легла и посмотрела на тумбочку у противоположной стороны кровати. Будильник Боба. Запасная пара очков для чтения. Книга Пола Янга «Хижина». Пару дней назад он сказал ей: «Ты должна обязательно прочесть ее. Она перевернет твоё представление о мире».

Дарси выключила лампу, но перед ней тут же возникла Стейси Мур — голова в кукурузе, — и она снова включила свет. Обычно темнота была ей приятна, означая приближение сна, но только не сегодня. Сегодня в темноте был «гарем» Боба.

Это еще неизвестно. Не забывай, что ты ничего не знаешь наверняка.

Но если в доме много кошачьей шерсти...

Хватит уже об этой шерсти!

Она лежала, широко раскрыв глаза, а роившиеся в голове мысли беспрестанно перескакивали с одного на другое. Дарси думала о жертвах, о детях, о себе и вдруг даже вспомнила давно забытую библейскую историю, как Иисус молился в Гефсиманском саду. Решив, что в мучительных размышлениях провела не меньше часа, Дарси бросила взгляд на будильник Боба и поразилась: прошло всего двенадцать минут. Приподнявшись на локте, она повернула будильник циферблатом к стене.

Он не вернется раньше шести часов вечера завтрашнего дня... хотя формально завтра уже наступило, ведь сейчас первый час. Но все равно у нее было восемнадцать часов. Вполне достаточно, чтобы принять какое-то решение. Конечно, если бы она могла уснуть, это очень помогло бы — сон обладал способностью возвращать ясность мысли, — но рассчитывать на это не приходилось. Едва Дарси начинала впадать в полузабытие, как ей тут же вспоминались Марджори Дюваль, или Стейси Мур, или — самое ужасное — десятилетний Роберт Шейверстон. «ОН НЕ «СТРАДАЛ»». И сон тут же улетучивался. Ей вдруг подумалось, что она больше никогда не сможет уснуть. Конечно, такое невозможно, но сейчас, когда даже после полоскания во рту ощущался привкус рвоты, а сон так и не пришел, это казалось вполне реальным.

В какой-то момент ей вспомнилось, как в раннем детстве она ходила по дому и заглядывала в зеркала. Дарси прижималась к ним носом, приставив к лицу с обеих сторон ладони и задерживая дыхание, чтобы поверхность не запотела.

Застав ее за этим занятием, мама всегда ругалась. «На зеркале останется пятно, и мне придется его вытирать. Что за странное желание вечно себя разглядывать? Все равно красивее не станешь! И зачем так прижиматься к зеркалу? Ты же ничего не увидишь!»

Сколько ей тогда было лет? Четыре года? Пять? Слишком мало, чтобы объяснить: ее интересовало вовсе не отражение. Во всяком случае, не оно было главным. Дарси верила, что зеркала позволяют заглянуть в другую жизнь, что в отражении она видела не их гостиную или ванную комнату, а гостиную или ванную комнату совершенно другой семьи. Не Мэдсенов, а, например, Мэтсенов. Потому что в зеркале все было похоже, но не так, как в жизни, и если смотреть достаточно долго, то можно заметить различия. Ковер оказывался овальным, а не круглым, как у них дома, дверная ручка «меняла» защелку на щеколду, а выключатель висел с другой стороны двери. И девочка в зеркале была похожей, но не точно такой, как она. Дарси не сомневалась: они были родственницами, например зеркальными сестрами, но все же разными людьми. И ту ма-

ленькую девочку звали вовсе не Дарселлен Мэдсен, а, например, Джейн, Сандра или даже Элинон Ригби, которая по какой-то причине (по какой-то жуткой причине) подбирала рис, рассыпанный на свадьбе в церкви*.

Лежа на своей стороне кровати в пятне света от прикроватной лампы, Дарси начала незаметно погружаться в полузабытие. Она подумала, что если бы сумела тогда рассказать матери о другой, не похожей на нее девочке по ту сторону зеркала, ее бы наверняка отвели к детскому психологу. Но вообще-то ее интересовала совсем не та девочка. Ее интересовал мир, существовавший в зазеркалье, и, окажись она в том, другом, доме, мир реальный продолжал бы жить своей жизнью и дожидаться ее возвращения.

Со временем эти мысли исчезли, чему немало содействовало появление новой куклы, получившей имя миссис Баттерурт, потому что так назывался любимый сироп для блинов, и нового кукольного домика. Тогда воображение Дарси переключилось на обычную для девочек игру в дочки-матери: готовку, уборку, магазины, воспитание кукол, переодевание и тому подобное. И вот сейчас после стольких лет она снова заглянула в зазеркалье, где уже давно поселился муж повзрослевшей девочки и творил что-то ужасное.

Отличное качество за разумную цену — любимое выражение Боба, вполне годившееся для девиза всех бухгалтеров.

Грудь вперед и нос по ветру — неизменный ответ на вопрос «Как дела?», который знали все скауты, ходившие с Бобом в поход по «Тропе мертвеца». И наверняка среди них оказалось немало тех, кто забрал эту фразу в свою взрослую жизнь.

Мужчины предпочитают блондинок, потому что с брюнетками труднее поладить...

Затем Дарси все-таки сморил сон, и, хотя ему было не под силу полностью снять напряжение, морщинки у нее на лбу и по углам красных и распухших от слез глаз все же немного раз-

* Имеется в виду песня «Битлз» «Элинон Ригби» о людях, страдающих от одиночества.

гладились. Она спала неглубоко и пошевелилась, услышав, как к дому подъехала машина мужа, но тут же снова провалилась в сон. Ее бы точно разбудил яркий свет фар внедорожника, осветивший потолок спальни, однако Боб предусмотрительно выключил их при подъезде к дому.

8

По ее щеке водила бархатной лапкой кошка. Очень осторожно, но очень настойчиво.

Дарси хотела ее прогнать, но рука будто налилась свинцом. И все это происходило во сне, ведь у них не было никакой кошки. «Если в доме много кошачьей шерсти, то наверняка где-то есть и кошка», — услужливо подсказывало пробуждающееся сознание.

Теперь кошка осторожно убрала челку со лба Дарси и нежно погладила кожу, только это не могла быть кошка, поскольку кошки не разговаривают.

— Проснись, Дарси, милая. Нам надо поговорить.

Голос тихий и успокаивающий, совсем как прикосновения. Голос Боба. И не кошачья лапка, а рука мужа. Только этого не может быть, потому что он в Мон...

Она открыла глаза и увидела, что перед ней на кровати сидел действительно он и нежно гладил лицо и волосы, как часто делал, когда она раскисала. На нем была выходная тройка, которую он шутливо называл «костюмчик», пиджак расстегнут, верхняя пуговица рубашки тоже. Из кармана пиджака торчал уголок галстука, будто показывая язык. Бросив взгляд на живот, нависший над ремнем, она поймала себя на мысли, что едва не сказала: «Бобби, тебе надо побережь сердце и последить за весом».

— Ка... — С ее губ сорвалось нечто невразумительное, похожее на карканье.

Он улыбнулся, продолжив нежно водить пальцами по ее волосам, лицу и шее. Она откашлялась и повторила вопрос:

— Как ты здесь оказался, Бобби? Сейчас... — Она подняла голову, чтобы посмотреть на будильник, но он стоял циферблатом к стене.

Продолжая улыбаться, муж бросил взгляд на наручные часы:

— Без четверти три. После нашего разговора я просидел в своем дурацком номере два часа, пытаюсь убедить себя, что ошибаюсь и такого просто не может быть. Но какой смысл себя обманывать? Поэтому я сел в машину и отправился в путь. На дорогах — никого! Даже не знаю, почему я больше не езжу ночью. Надо бы это исправить. Если, конечно, я не окажусь в результате в тюрьме Шоушенк или Конкорд. Но ведь это зависит от тебя, верно?

Он продолжал гладить ее лицо. Ощущение было знакомым, и запах тоже. Раньше это ей всегда нравилось, но только не теперь, и дело даже не в этой проклятой находке в гараже. Почему она раньше не замечала, какими самодовольно собственническими были его прикосновения? Казалось, этим жестом он говорил: *Хоть ты и старая псина, зато — моя старая псина!* И на этот раз сделала лужу на полу, когда меня не было дома. А это плохо! Это очень плохо!

Она оттолкнула руку Боба и села.

— Что ты такое несешь? Прокрался сюда, разбудил...

— Да, ты спала с включенным светом, я увидел его, когда подъезжал. — В его улыбке не было никакого смущения. И ничего зловещего. Перед ней был открытый и доброжелательный Боб Андерсон, в которого она влюбилась почти с первого дня знакомства. На мгновение в ее памяти промелькнула их первая брачная ночь, вспомнилось, каким нежным и ласковым он был, как не торопил ее, давая возможность привыкнуть к новому ощущению...

И сейчас он действует точно так же.

— Ты никогда не спишь с включенным светом, Дарси. И хотя ты надела ночную рубашку, лифчик так и не сняла, что тоже на тебя не похоже. Ты просто забыла его снять, верно? Бедняжка! Совсем измучилась! — Он дотронулся до ее груди, но быстро — слава Богу! — убрал руку. — И ты повернула мой

будильник к стене, чтобы не видеть время. Ты очень расстроилась, и причиной был я. Мне очень жаль, Дарси. Очень, очень жаль.

— Я съела что-то, и у меня расстроился желудок. — Это было единственным, что пришло ей в голову.

Он спокойно улыбнулся:

— Ты нашла мой тайник в гараже.

— Я не понимаю, о чем ты!

— Ты постаралась сложить все так, как было, но я очень осмотрителен и внимателен. Кусочек скотча на планке был оторван, а ты его даже не заметила, так ведь? Да и как ты могла заметить? Он же прозрачный и почти не виден. А шкатулка в тайнике, которую я всегда кладу на одно и то же место, оказалась чуть сдвинута влево.

Он потянулся, чтобы погладить ее по щеке, но сразу убрал руку, когда она отстранилась.

— Бобби, я вижу, тебя что-то тревожит, но, честно, не понимаю, о чем ты. Наверное, ты просто переутомился.

Уголки его губ скорбно опустились, а глаза наполнились слезами. Невероятно! Она поймала себя на мысли, что едва не начала его жалеть. Эмоции, похоже, — всего лишь обыкновенные рефлексy, которые формируются точно так же, как и привычки.

— Мне кажется, я всегда знал, что этот день настанет.

— Но я и понятия не имею, о чем ты говоришь!

Он вздохнул:

— По дороге назад у меня было много времени все обдумать, дорогая. И чем больше я думал, тем больше убеждался, что на самом деле все сводится к ответу на один-единственный вопрос: «ЧСД?»

— Я не...

— Тсс! — Он приложил палец к ее губам. Она уловила запах мыла. Наверное, он принял душ перед отъездом из мотеля. Очень на него похоже. — Я расскажу тебе все. Не стану ничего утаивать. Мне кажется, в глубине души мне всегда хотелось, чтобы ты знала.

Ему всегда хотелось, чтобы она знала? Господи Боже! Наверняка ей предстояло услышать ужасные откровения, но сейчас хуже этих слов ничего не было.

— Я не хочу ничего знать. Что бы ты ни вбил себе в голову, я ничего не хочу знать!

— Я вижу, твой взгляд изменился, родная, а я научился читать по женскому взгляду. Даже стал настоящим экспертом. «ЧСД?» означает «Что сделает Дарси?». В данном случае — что сделает Дарси, если найдет мой тайник и то, что хранится в шкатулке? Кстати, она мне всегда очень нравилась, потому что ее подарила мне ты.

Он наклонился вперед и слегка коснулся губами ее лба. Губы у него были влажными. Впервые в жизни их поцелуй вызвал у нее тошноту, и она вдруг поняла, что может умереть, не дожив до рассвета.

А он постарается сделать так, чтобы я не «страдала».

— Сначала я спросил себя, скажет ли тебе что-нибудь имя Марджори Дюваль. Мне бы очень хотелось ответить «нет», но иногда приходится быть реалистом. Ты никогда особенно не следила за новостями, но мы прожили достаточно долго вместе, и я знал: ты в курсе главных событий, которые обсуждаются в газетах и по телевидению. Я решил, что ты вспомнишь имя, а если даже и не вспомнишь, то узнаешь лицо по фотографии на правах. Кроме того, я не сомневался, что тебе захочется выяснить, откуда у меня эти карточки. Женщины очень любопытны. Достаточно вспомнить Пандору.

Или жену Синей Бороды, подумала она. Та заглянула в запертую комнату и нашла в ней останки своих предшественниц.

— Боб, я повторяю, что не понимаю, о чем ты гово...

— Поэтому первое, что я сделал, так это залез в твой компьютер, открыл поисковик, которым ты всегда пользуешься, и посмотрел, на какие сайты ты заходила недавно.

— Что?!

Он довольно хмыкнул, будто она удачно пошутила.

— Ты даже не знала, что это возможно! Так я и думал, поскольку каждый раз, когда проверял, вся информация была на месте. Ты никогда ничего не стирала! — И он снова довольно

хмыкнул, как делают мужья, когда их жены демонстрируют качество, которые те в них особенно ценят.

Дарси впервые почувствовала, как в ней начинается закипать гнев. Наверное, это было глупо, учитывая все обстоятельства, но что есть, то есть.

— Ты копался в моем компьютере? Мерзавец! Грязный мерзавец!

— Конечно, копался! У меня есть очень плохой друг, который совершает очень плохие поступки. В такой ситуации человеку просто необходимо быть в курсе того, чем дышат самые близкие ему люди. С тех пор как дети живут отдельно, к близким людям относишься только ты одна.

Плохой друг? Плохой друг, который совершает плохие поступки? У Дарси все поплыло в голове, но одно не вызвало сомнений: отпираться бессмысленно. Она знала, и он знал, что она знала.

— Ты посмотрела информацию не только о Марджори Дюваль. — В его голосе не было ни стыда, ни смущения, а только искренняя печаль, что им приходится об этом говорить. — Ты знаешь обо всех. — Затем он неожиданно рассмеялся. — Надо же!

Она оперлась на спинку кровати, отчего чуть отодвинулась от мужа. Это было хорошо! Все эти годы они спали, соприкасаясь бедрами и прижимаясь друг к другу, а теперь ее радовало, что она отодвинулась!

— Какой еще «плохой друг»? О чем ты?

Он склонил голову, как всегда делал, когда хотел показать, что она «не догоняет», а ему это нравится, и ответил:

— Брайан.

Сначала она не поняла и решила, что он говорит о ком-то с работы. Может, о сообщнике? Вообще-то Боб так же плохо заводил друзей, как и она, но у преступников часто имелись сообщники, так что кто знает... Волки тоже охотятся стаями!

— Брайан Делаханти, — пояснил он. — Только не говори, что никогда о нем не слышала. Я говорил тебе о нем, когда ты рассказывала, что случилось с Брендоллин.

Она опешила.

— Твой школьный друг? Боб, он же умер! Его сбил грузовик, когда он побежал подобрать мяч. Его нет в живых!

— Ну... — Боб смущенно улыбнулся. — И да, и нет! Я почти всегда называл его Брайан, когда говорил о нем, но в школе обращался к нему по-другому, потому что он ненавидел свое имя. Я называл его по инициалам. Би-Ди.

Она начала было спрашивать, и что с того, но тут до нее дошло. Ну конечно! Би-Ди!

Биди!

9

Он говорил долго, и чем дольше она слушала, тем сильнее ее охватывал ужас. Все эти годы она жила с сумасшедшим, но откуда ей было знать? Его безумие походило на подземное море, поверхность которого покрыта скальными породами и толстым слоем почвы. На этой почве растут цветы. Среди них можно гулять, и никому даже в голову не придет, что под ногами скрываются бездонные глубины. А они там действительно есть. И всегда были. Он во всем винил Би-Ди — в «Биди» тот превратился позже, когда Боб стал подписывать этим именем свои послания в полицию, — но Дарси ему не верила. Она подозревала, что, возлагая всю вину на Брайана Делаханти, Боб оправдывал себя, и так ему было легче вести двойную жизнь.

По словам Боба, у Би-Ди имелся план притащить в школу оружие и устроить побоище. Эта мысль пришла ему в голову в каникулы после первого года учебы в старшей школе Касл-Рока.

— Шел семьдесят первый год, — рассказывал Боб, благодушно покачивая головой, как человек, вспоминающий невинные детские шалости. — Это было задолго до того, как отцы этих вертихвосток сочли нужным за ними присматривать. И эти девчонки нас динамили! Диана Рэмадж, Лори Свенсон, Глория Хэгерти... было еще несколько, но их имен я не помню. План сложился такой. У отца Брайана в подвале хранилось штук

двадцать винтовок и пистолетов, в том числе два немецких «люгера» со времен Второй мировой войны, и они нам особенно нравились. Мы хотели притащить их в школу — тогда же не было никаких обысков и рамок металлодетектора.

Мы собирались захватить крыло здания, где располагались кабинеты естественных наук, закрыть двери на цепи, убить несколько человек — в основном учителей и одноклассников, которые нам не нравились, — а остальных ребят выгнать на улицу через пожарный выход в конце коридора. Ну... почти всех. Мы хотели оставить девчонок, которые нас динамили, в качестве заложниц. Мы собирались... Би-Ди намеревался про-вернуть все это до приезда полиции. Он чертил схемы в тетради по геометрии и разрабатывал порядок действий, которые нам следовало предпринять. Мне кажется, в этом списке было около двадцати позиций, начиная с «Включить пожарную тревогу, чтобы создать панику». — Боб хмыкнул. — А когда все здание окажется запертым...

Он виновато улыбнулся, но Дарси показалось, что стыдился он скорее глупости плана, чем чего-то другого.

— Дальше можешь догадаться сама. Пара подростков, у которых уровень гормонов зашкаливал так, что они возбуждались от простого порыва ветра. Мы хотели сказать девчонкам, что отпустим их, если они от души трахнутся с нами. А если откажутся, нам придется их убить. И они бы точно согласились! — Он медленно кивнул головой. — Они бы согласились трахнуться, лишь бы остаться в живых. В этом Би-Ди был прав.

Боб погрузился в воспоминания, и глаза подернулись дымкой ностальгии. Ностальгии по чему? По безумным фантазиям юности? Дарси боялась себе признаться, что так и было.

— Мы не собирались покончить с собой, как эти тупые рокеры из Колорадо. Ни в коем случае! Под тем крылом был подвал, и Брайан говорил, там есть тоннель. По его словам, он начинался от кладовой и вел к старому пожарному депо по другую сторону Сто девятнадцатого шоссе. В пятидесятых годах в нашем здании располагались начальная и средняя школы, и детей на переменах выводили поиграть в парк, расположенный

через дорогу. А чтобы не переходить шоссе, прорыли подземный тоннель.

Боб рассмеялся, и Дарси невольно вздрогнула. Он продолжил:

— Я поверил ему, а на самом деле он все выдумал. Осенью, когда начались занятия, я спустился в подвал, чтобы увидеть все своими глазами. Кладовка, забитая бумагой и пахнущая краской, которой тогда пользовались на ротаторе, там действительно была, а вот тоннеля не было. Мне так и не удалось его найти, а искал я очень тщательно, поскольку уже тогда отличался основательностью. Не знаю, врал он или действительно думал, что тоннель существует, но его там не было. Мы бы оказались запертыми наверху, и, кто знает, могли бы в конце концов действительно покончить с собой. Трудно предугадать, как поступит четырнадцатилетний подросток, верно? В этом возрасте мальчишки как живые бомбы — они готовы взорваться в любой момент.

Вот ты и «взорвался», так ведь, Боб? — подумала она.

— Не исключено, что в последний момент мы бы сдрейфили и пошли на попятный. А может, и нет. Би-Ди постоянно заводил меня рассказами, как мы сначала будем ощупывать девчонок, потом заставим раздеть друг друга... — Боб серьезно на нее посмотрел. — Я понимаю, это звучит как обыкновенные мальчишечьи фантазии, но они нарочно нас заводили, а затем потешались. Стоило с ними заговорить, как нас тут же поднимали на смех. А потом они собирались в углу кафетерия, смотрели на нас и смеялись. Такое никому не понравится, верно?

Он опустил взгляд на пальцы, нервно барабанившие по коленям, и вновь поднял глаза на Дарси.

— Ты должна понять, что Брайан умел убеждать. Он был намного хуже меня. Настоящий псих. Не забывай, в те годы бунтовала вся страна, вот и мы тоже.

Сомневаюсь, подумала она.

Ее поражало, что он рассказывал обо всем так обыденно, будто насилие и убийство были вполне обычными и даже естественными компонентами сексуальных фантазий всех взрослых мальчишек. Может, он и правда в это верил, как в свое

время верил в мифический тоннель Брайана Делаханتي? Откуда ей знать? Она слушала воспоминания безумца, не в силах поверить, что им оказался Боб. Ее Боб!

— Как бы то ни было, — продолжил он, пожимая плечами, — ничего так и не произошло. В то лето Брайан выскочил на дорожку и погиб. После похорон, когда все собрались у него дома на поминки, его мать предложила мне подняться в его комнату и взять что-нибудь на память, если захочу. А я хотел! Еще бы! Я забрал его тетрадь по геометрии, чтобы никто и никогда не смог в нее заглянуть и наткнуться на план по «Великой перестрелке и оргии в Касл-Роке». Это название придумал Брайан. — Боб горько рассмеялся. — Если бы я верил в Бога, то решил бы, что Бог спас меня от самого себя. И кто знает... может, на свете действительно существует нечто... Судьба... которая распоряжается нашими жизнями.

— А тебе, значит, Судьба уготовила пытаться и убивать женщин? — не выдержав, поинтересовалась Дарси.

Он с упреком взглянул на нее.

— Они были динамистками! — пояснил он, назидательно подняв палец, как делают учителя. — К тому же это был не я. Все это проделал Биди. Я просто отмечаю, что основания для этого были. И я сказал «проделал», а не «проделывает», не случайно, поскольку больше такое не повторится.

— Боб... твой друг Би-Ди давно умер. Его нет на свете почти сорок лет. Ты и сам это знаешь. В смысле, должен это понимать.

Он поднял руки, шутливо показывая, что сдается.

— Ты хочешь назвать это «самооправданием»? Наверное, именно такой диагноз поставил бы психиатр, и я рад, если ты так думаешь. Но послушай, Дарси! — Он подался вперед и упер палец ей в лоб. — Послушай и запомни: это был Брайан! Он заразил меня... Заразил своими мыслями, если можно так выразиться. Есть такие мысли, от которых просто невозможно избавиться. Как нельзя...

— ...запахнуть обратно в тюбик выдавленную зубную пасту?

Он хлопнул в ладоши так громко, что она едва сдержала крик испуга.

— Вот именно! Нельзя запихнуть обратно в тубик выдавленную зубную пасту! Брайан умер, но его идея продолжала жить. Эта идея — захватить женщин, делать с ними абсолютно все, что только заблагорассудится, — стала его призраком.

Говоря это, он перевел взгляд на потолок, а потом посмотрел влево. Дарси где-то читала, что так человек выдает свою ложь, причем ложь намеренную. Но разве было важно, кому из них он лжет — себе или ей? Она решила, что нет.

— Я не стану вдаваться в подробности, — снова заговорил он. — Для любимого человека в этом нет ничего интересного. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я тебя очень люблю, ты — женщина моей жизни. И ты должна знать, что я этому сопротивлялся. Я боролся с этим целых семь лет, но идея Брайана не оставляла меня в покое и становилась все навязчивее. И тогда я сказал себе: «Я сделаю это один-единственный раз, чтобы навсегда покончить с этим. Чтобы выкинуть его из моей головы! Если меня поймают, значит, так тому и быть, зато я перестану постоянно об этом думать и представлять, каково это!»

— Другими словами, простое удовлетворение мужского любопытства, — безучастно заметила она.

— Можно и так сказать.

— Вроде как заглянуть в бар посмотреть, что там за шум.

Он по-мальчишески пожал плечами:

— Типа того.

— Только ты не удовлетворял любопытство, Бобби. Ты не заглядывал в бар. Ты лишал жизни женщин!

На его лице не отразилось ни чувства вины, ни стыда, абсолютно ничего. Казалось, предохранитель, который должен был защитить их отношения, перегорел еще до того, как его успели поставить. Он хмуро взглянул на нее, как мальчишка, которого никак не желают понять.

— Дарси, они были динамистками!

Ей захотелось выпить воды, но она боялась встать и сходить в ванную. Боялась, что он ее остановит, и — что потом? Что потом?

— К тому же, — продолжил он, — я не думал, что меня поймают. Надо только проявить осторожность и действовать по

плану. Не по такому дурацкому, который способны разработать озабоченные четырнадцатилетние подростки, а по вполне реальному. И я понял еще кое-что: сам я этого сделать не смогу. Я только все испорчу — меня подведут нервы или замучает совесть. Потому что я — хороший человек. Таким я себя всегда считал и продолжаю считать, как бы самонадеянно это ни звучало. И у меня есть на то основания, верно? Хороший дом, хорошая жена, два чудесных ребенка, которые выросли и начинают самостоятельную жизнь. Вот почему я два года бесплатно работал казначеем города. Вот почему я каждый год помогаю Винни Эшлеру проводить в День Всех Святых акцию по добровольной сдаче крови.

Можно было попросить Марджори Дюваль сдать кровь, подумала Дарси. У нее была первая группа, положительный резус.

Он расправил грудь и сказал с убежденностью человека, приводящего неоспоримый аргумент:

— Вот почему я занимаюсь детишками в скаутском движении. Я знаю, ты думала, я брошу это, когда Донни подрастет. Но я не бросил. Потому что дело не в нем, а совершенно в другом. Дело в людях, среди которых мы живем, в желании не только брать, но и возвращать.

— Тогда верни жизнь Марджори Дюваль. Или Стейси Мур. Или Роберту Шейверстону.

Услышав последнее имя, он вздрогнул, как от пощечины.

— Мальчик погиб случайно. Его там не должно было быть.

— А твое присутствие не было случайностью?

— Это был не я! — воскликнул Боб и добавил, с удивительным упорством не понимая всей абсурдности своих слов: — Я не прелюбодей! Это был Би-Ди! Это он заразил меня своими мыслями. Мне самому такое никогда не пришло бы в голову. Я подписал послания в полицию его именем, чтобы снять все вопросы. Конечно, я подписался немного иначе, поскольку пару раз назвал его по инициалам, когда рассказывал тебе о нем в самый первый раз. Ты об этом, наверное, и не помнишь, а вот я помню!

Дарси поразились, с какой скрупулезностью он все продумывал и как досконально все помнил. Неудивительно, что его не поймали. Если бы она не споткнулась об эту проклятую коробку...

— Никто из них не имел ни малейшего отношения ни ко мне, ни к моему бизнесу. Это было бы очень плохо. И очень опасно. Но я много развезжаю и очень наблюдателен. И Би-Ди, который сидит во мне постоянно, тоже. Мы выискиваем динамисток. Их всегда видно. Они носят слишком короткие юбки и нарочно выставляют напоказ бретельки лифчика. Они искушают и соблазняют мужчин. Взять хотя бы ту же Стейси Мур. Уверен, ты о ней читала. Она была замужем, но это отнюдь не мешало ей тереться об меня грудями. Она работала официанткой в кофейне Уотервилля. Я ездил туда в магазин монет Миклсона, помнишь? Пару раз ты даже составила мне компанию, когда Петс училась в колледже. А потом Джордж Миклсон умер, его сын все распродал и переехал в Новую Зеландию или еще куда-то. Так вот, эта женщина заигрывала со мной так, что ты даже представить себе не можешь, Дарси! Всегда интересовалась, не хочу ли я чем-нибудь подсластить кофе, спрашивала про бейсбол, а сама наклонялась, прижималась грудью к плечу, делала все, чтобы я возбудился. И, должен признаться, небезуспешно. Я — мужчина с естественными мужскими потребностями и реакциями, и хотя ты мне никогда не отказывала... все же... я — нормальный мужчина с повышенным содержанием тестостерона в крови. Некоторые женщины это чувствуют и пользуются этим. Это их заводит.

Он задумчиво смотрел на свои колени. Потом вдруг резко вскинул голову от неожиданной мысли. Редеющие волосы всколыхнулись и улеглись на место.

— И они все время улыбаются! Красная помада и вечная улыбка! Я всегда узнаю эти улыбки. Как и большинство мужчин. «Ха-ха, я вижу, чего ты хочешь, но дальше откровенного флирта дело не пойдет, так что довольствуйся тем, что имеешь». Я-то мог довольствоваться, а вот Би-Ди — нет! — Он медленно покачал головой. — Таких женщин очень много. Узнать их имена проще простого, а потом выяснить про них все по Ин-

тернету. Там полно информации, если знать, как искать, а уж бухгалтеры знают. Я проделывал это... десятки раз. Может, даже сто. Наверное, это мое хобби. Я собирал информацию точно так же, как коллекционировал монеты. Обычно это ничем не заканчивалось. Но иногда Би-Ди говорил: «Вот этой надо заняться вплотную, Бобби. Вот этой! Мы вместе составим план, а когда придет время, на сцену выйду я». Вот так все и происходило.

Боб сжал ее холодные вялые пальцы в своей руке.

— Ты считаешь меня сумасшедшим. Я вижу это по твоим глазам. Но я не сумасшедший, Дарси. Это все Би-Ди... или Биди, если тебе больше нравится его псевдоним для прессы. Кстати, если ты внимательно читала статьи, то наверняка заметила, что я нарочно делал много ошибок в словах и даже в адресе. Я храню список сделанных ошибок в бумажнике, чтобы обязательно повторить их в следующей записке. Это чтобы направить полицию по ложному следу. Я хочу, чтобы копы считали Биди тупым, во всяком случае, малограмотным, и они действительно так считают! За все эти годы меня допрашивали лишь один раз, и то — как свидетеля. Было это давно. Примерно через две недели после того, как Би-Ди убил Стейси Мур. Какой-то хромой старик, уходивший в отставку. Попросил меня перезвонить, если я вдруг что вспомню. Я обещал. Смех, да и только!

Он едва слышно фыркнул, как иногда делал, когда они вместе смотрели сериалы «Современная семья» или «Два с половиной человека». Подобная реакция означала, что он оценил ту или иную шутку, и до сегодняшней ночи даже увеличивала удовольствие, которое Дарси получала от забавных перипетий на экране.

— И знаешь, что еще, Дарси? Если меня поймают с поличным, я во всем признаюсь. По крайней мере мне так кажется. Вряд ли кто-нибудь может сказать наверняка, как поступит в подобной ситуации. Но никаких деталей я сообщить не смогу. Потому что я почти ничего не помню о самих... событиях. Все делает Биди, а я... даже не знаю, как сказать... Как будто отключаюсь. Похоже на амнезию. Проклятие!

Ах ты, лжец! Ты все отлично помнишь. Это видно по твоим глазам, по тому, как кривится рот.

— А теперь... все в руках Дарселлен. — Он поднес к губам ее руку и поцеловал, будто подтверждая сказанное. — Помнишь старое выражение: «Я могу тебе сказать, но тогда мне придется тебя убить»? Оно нам не подходит. Я никогда не смог бы тебя убить. Все, что я делаю, все, что я заработал... может, и не так много, как хотелось бы... я делал и зарабатывал ради тебя. И ради детей, конечно, тоже, но в основном ради тебя. Ты вошла в мою жизнь, и знаешь, что произошло?

— Ты остановился, — сказала она.

Он просиял.

— На двадцать лет!

На шестнадцать, подумала она, но вслух ничего не сказала.

— Все эти годы, пока мы растили детей и пытались наладить бизнес с монетами — и это твоя заслуга, что мы преуспели, — я мотался по Новой Англии, составляя налоговые декларации и учреждая фонды...

— Это твоя заслуга, — поправила она и поразилась, услышав в своем голосе теплоту и покой. — Это все твои знания и опыт.

Он был так тронут, что, казалось, снова заплачет, а потом хрипло произнес:

— Спасибо, милая. Ты не представляешь, как важно для меня это услышать. Ты спасла меня. И не один раз. — Он откашлялся. — Больше десяти лет Би-Ди не давал о себе знать. Я даже решил, что он ушел. Честно. Но потом он вернулся. Как призрак. — Боб помолчал, будто обдумывая свои слова, и медленно кивнул. — Он и есть призрак. Очень плохой. Он снова начал указывать на женщин, когда я ездил по стране: «Посмотри-ка на эту. Она хочет, чтобы ты увидел ее соски, но если ты до них дотронешься, она вызовет полицию, а потом будет смеяться с подругами, наблюдая, как тебя уведут... Посмотри-ка на эту, как она облизывает губы языком. Она знает, о чем ты думаешь и чего хочешь от этих губ, знает, что дразнит тебя, и ты это понимаешь... Или вон та, что демонстрирует трусики,

когда вылезает из машины, а если ты считаешь, что она делает это случайно, то ты полный кретин! Она просто «динамо», которая уверена, что ей все сойдет с рук».

Он замолчал. Потемневшие глаза смотрели в пол. Это был взгляд того Боба, который так успешно от нее скрывался двадцать семь лет. Того самого, которого он пытался выдать за призрака.

— Когда у меня появились такие мысли, я пытался их гнать. Есть журналы... Особые журналы... Я покупал их до нашего знакомства... И я подумал, что если снова... Даже не знаю... Наверное, хотел заменить реальность фантазией... Но если хоть раз попробовал это сделать по-настоящему, то никакая фантазия это не заменит.

Он говорил так, подумала Дарси, будто рассказывал о каком-то любимом деликатесе. Об икре. О трюфелях. О бельгийском шоколаде.

— Но я остановился. И держался долгие годы. Я могу снова остановиться, Дарси. На этот раз навсегда! Если у нас есть шанс. Если ты сможешь простить меня и просто перевернуть эту страницу. — Он поднял на нее влажные от слез глаза. — Ты сможешь?

Она подумала о женщине, закопанной в сугробе, о ее голых ногах, показавшихся в снегу после прохода трактора. Ее лелеяла мама, ею гордился отец, растроганный неуклюжими движениями своей маленькой любимицы в розовой пачке на празднике в школе. Дарси подумала о матери и сыне, тела которых нашли в черном ручье, почти затянутом льдом. Она подумала о женщине с головой в кукурузе.

— Мне надо подумать, — осторожно сказала она.

Он схватил ее за руки и подался вперед. Усилием воли она заставила себя стоять прямо и посмотрела ему в глаза. Это были его глаза... и не совсем его.

Может, в его словах о призраке и есть доля истины, подумала Дарси.

— Мы не в кино, и мы не смотрим фильм, где сумасшедший муж гоняется за визжащей женой по всему дому. Если ты решишь обратиться в полицию и выдать меня, я не стану тебе

препятствовать. Но я знаю, что ты думала, как это может отразиться на детях. Иначе ты была бы не той женщиной, на которой я женился. Но ты вряд ли подумала о том, что станет с тобой. Никто не поверит, что за столько лет брака ты ничего не знала... и даже не подозревала. Тебе придется уехать и жить на наши скромные сбережения, поскольку деньги всегда зарабатывал я, а в тюрьме я зарабатывать не смогу. Но и от них может ничего не остаться из-за гражданских исков. А дети...

— Никогда не упоминай детей, когда мы говорим об этом! Слышишь — никогда!

Он покорно кивнул, продолжая держать ее за руки.

— Мне однажды удалось одолеть Би-Ди, и я держался двадцать лет...

Шестнадцать, подумала она. *Шестнадцать, и тебе это отлично известно.*

— ...и я снова могу его одолеть. Если ты поможешь мне, Дарси. С твоей помощью я способен сделать все! Даже если он вернется через двадцать лет, что с того? Да ничего! Мне уже будет семьдесят три, а в инвалидном кресле охотиться за динамистками уже вряд ли получится. — Он засмеялся, представив эту нелепую картину, но тут же стал снова серьезным. — Послушай меня. Если я вдруг оступлюсь хоть один-единственный раз, я покончу с собой. Дети никогда ничего не узнают, и на них не скажется это... бесчестье... ведь все будет выглядеть как несчастный случай... только ты будешь знать. И будешь знать почему. Что скажешь? Мы можем перевернуть страницу?

Дарси сделала вид, что размышляет. Она действительно размышляла, правда, не в том направлении, которое ему представлялось.

А думала она вот что: *Наркоманы тоже заверяют, что никогда в жизни больше не притронутся к дури. Что останавливались раньше и могут остановиться теперь. Только на самом деле все иначе, даже когда сами искренне верят в свои слова. И с ним то же самое. Что мне делать? Мне не удастся провести его, потому что мы слишком долго прожили вместе.*

Ей ответил холодный голос, о существовании которого она никогда не подозревала. Наверное, какой-то аналог голоса Би-Ди, твердящего Бобу о динамистках в ресторанах, на улицах, в дорогих кабриолетах с опущенным верхом, перешептывающихся и понимающе переглядывающихся друг с другом на балконах своих квартир.

А может, это был голос ее двойника из зазеркалья.

А почему нет? — спросил голос. *В конце концов, он же тебя... одурачил.*

Но что потом? Она понятия не имела. Все происходило здесь и сейчас, и думать нужно было именно об этом.

— Ты должен обещать остановиться, — сказала она медленно, будто с трудом подбирая слова. — Дать самую священную клятву, которую невозможно нарушить.

На лице Боба отразилось такое облегчение, что он даже стал похож на мальчишку, и она невольно растрогалась. Он редко напоминал мальчишку. Правда, этот мальчишка некогда собирался отправиться в школу с оружием.

— Я обещаю, Дарси. Клянусь! Я уже говорил.

— И мы никогда больше не будем об этом говорить.

— Обещаю.

— И ты не станешь посылать документы Дюваль в полицию.

На его лице отразилось разочарование — тоже мальчишеское, — но она была непреклонна. Он должен прочувствовать наказание, пусть даже в такой мелочи. Тогда он поверит, что сумел убедить ее.

А разве нет, Дарселлен? Разве это не так?

— Мне мало одних обещаний, Бобби. Не по словам судят, а по делам. Ты отправишься в лес, выроешь яму и закопаешь там документы женщины.

— А когда я это сделаю, мы...

Она протянула руку и закрыла ему ладонью рот.

— Тсс! Ни слова больше! — Она постаралась придать голосу суровость.

— Хорошо! Спасибо, Дарси. Спасибо!

— Не понимаю, за что ты меня благодаришь. — А затем она заставила себя договорить до конца, хотя при одной мысли,

что он будет лежать рядом, почувствовала омерзение и гадливость. — А теперь раздевайся и ложись в постель. Нам обоим надо поспать.

10

Боб уснул, едва коснувшись головой подушки, и сразу мирно засопел, изредка похрапывая, а Дарси долго лежала с открытыми глазами, боясь, что если уснет, то проснется, почувствовав его руки у себя на горле. Как-никак он же был сумасшедшим! Добавив ее к своим предыдущим жертвам, он получит дюжину.

Но он говорил очень искренне, подумала она, когда небо на востоке начало светлеть. Он говорил, что любит меня, и это — правда. А когда я сказала, что сохраню его тайну — а ведь к этому все и сводится, — он мне поверил. А почему бы ему не поверить? Я и себя почти убедила.

Может ли он выполнить свое обещание? В конце концов, есть же наркоманы, которым удастся излечиться! Ради себя лично она бы ни за что не стала его покрывать, но ради детей?

Я не могу! И не буду!

А какой у меня выбор?

Что, черт возьми, я могу поделать?

Над этим вопросом бился ее измученный и сбитый с толку мозг, когда сон наконец взял свое.

Ей снилось, что она входит в столовую и видит женщину, прикованную цепями к их большому обеденному столу. Женщина полностью обнажена, и только на голове у нее черный кожаный капюшон, прикрывающий верхнюю половину лица.

«Я не знаю эту женщину, она мне незнакома», — подумала Дарси во сне, но вдруг та обратилась к ней с вопросом:

— Мама, это ты? — Это был голос Петры.

Дарси пыталась закричать, но во сне такое удастся не всегда.

11

Когда Дарси проснулась, чувствуя себя несчастной и совершенно разбитой, мужа в кровати не было. Часы на своей тумбочке Боб перевернул обратно, и они показывали четверть одиннадцатого. Так поздно она не просыпалась уже несколько лет, правда, и уснуть ей удалось лишь под утро, а сны были наполнены кошмарами.

Выйдя из туалета, она накинула халат, висевший в ванной комнате, и почистила зубы — во рту было противно и мерзко. «Как на дне птичьей клетки», — по образному выражению Боба наутро после редких для него случаев лишнего бокала вина за ужином или второй бутылки пива во время бейсбола. Она прополоскала рот, потянувшись положить на место зубную щетку и замерла, увидев себя в зеркале. На нее смотрела женщина не средних лет, а уже пожилая: бледная кожа, глубокие складки у губ, темные мешки под глазами, всклокоченные волосы от беспокойного метания по подушке. Но ее внимание привлекло вовсе не это, и о своей внешности она думала меньше всего. Она пристально смотрела за плечо своего отражения, где сквозь открытую дверь ванной было видно их спальню. Спальня оказалась чужой. Спальня из зазеркалья. Дарси видела шлепанцы мужа, но и шлепанцы были чужими. Просто огромными, как у великана. Они принадлежали Мужу из зазеркалья. А большая кровать с мятыми простынями и скомканными одеялами? Тоже из зазеркалья. Дарси перевела взгляд на свое отражение: женщина с растрепанными волосами и испуганным взглядом воспаленных глаз. Жена из зазеркалья во всей своей красе. Ее имя тоже было Дарси, а вот фамилия — другая. Ту женщину звали миссис Брайан Делаханتي.

Дарси наклонилась к зеркалу и почти коснулась носом его поверхности. Она задержала дыхание и приложила к лицу ладони, совсем как та маленькая девочка из детства в перепачканных травой шортах и спущенных белых носочках. Она долго вглядывалась в зеркало, а когда дыхания не хватило, выдохну-

ла, и на поверхности тут же запотело пятно. Дарси вытерла его полотенцем и направилась вниз. Начинался ее первый день в качестве жены чудовища.

Под сахарницей он оставил записку.

Дарси!

Я ушел с документами сделать так, как ты просила. Я тебя очень сильно люблю.

Боб.

Возле своего имени он подрисовал сердечко, чего не делал уже много лет. Она вдруг почувствовала, как на нее накатилась волна щемящей любви, такой же безудержной и властной, как аромат увядающих цветов. Ей захотелось скорбно завывать — точно так же, как сокрушалась женщина в каком-то сюжете Ветхого Завета, — но она сумела подавить крик, прижав к губам салфетку. В бачке капала вода, отсчитывая секунды жизни. Язык был похож на сухую губку, засунутую в рот. Она физически ощущала, как время — то время, что ей предстояло провести в этом доме в качестве его жены, — обволакивало ее тело смирительной рубашкой. Или укладывало в гроб. Она оказалась в мире, в который верила ребенком. Этот мир всегда был рядом и просто терпеливо ее ждал.

Урчание холодильника, звук капель в мойке, уходящие секунды. Она оказалась в зазеркалье, где реальностью оказывалось отражение.

12

Когда Донни играл на позиции между второй и третьей базами детской бейсбольной команды «Кавендиш хардвер», ее тренировал Боб вместе с Винни Эшлером — большим любителем польских анекдотов и крепких мужских объятий. Дарси помнила, что сказал ее муж мальчишкам после поражения в финале турнира 19-го округа, видя, что многие с трудом сдер-

живают слезы. Это было в 1997 году, примерно за месяц до убийства Стейси Мур, голову которой он засунул в мешок с кукурузой. Его обращение к подавленным и хлюпающим носами мальчишкам было коротким, мудрым и удивительно доброжелательным. Она считала так тогда и продолжала считать и спустя тринадцать лет.

Он сказал: *Я знаю, как вам сейчас плохо, но завтра снова взойдет солнце и наступит новый день. И вам станет чуть легче. А потом опять взойдет солнце, и послезавтра снова станет чуть легче. Это просто часть вашей жизни, и она осталась позади. Конечно, выиграть было бы лучше, но в любом случае это уже в прошлом. Жизнь продолжается.*

И так же продолжалась жизнь после ее злосчастного похода в гараж за батарейками. Первый долгий день, последовавший за чудовищным открытием, Дарси провела дома, она не могла себя заставить выйти на улицу, так как боялась, что, увидев ее, все сразу поймут, что произошло. Когда Боб вернулся с работы домой, он сказал:

— Милая, насчет вчерашней ночи...

— Вчера ночью ничего не было. Ты просто вернулся из командировки пораньше, вот и все.

Он опять по-мальчишески повинно опустил голову, а когда поднял ее, на лице сияла широкая, полная благодарности улыбка.

— Тогда ладно. Дело закрыто?

— Дело закрыто.

Он распахнул объятия.

— Давай тогда поцелуемся, любимая.

Она повиновалась, размышляя при этом, целовал ли он своих жертв.

Ей представилось, как он говорит: «Поработай-ка своим умелым язычком, и я не стану его отрезать. Не стесняйся вложить в это свою заносчивую душонку».

Чуть отстранившись, Боб положил руки ей на плечи.

— Все, как прежде?

— Все, как прежде.

— Уверена?

— Да. Сегодня я ничего не готовила и не хочу никуда выходить. Может, переоденешься и съездишь за пищей?

— Хорошо.

— И не забудь принять таблетку от изжоги.

Он просиял:

— Обязательно!

Она смотрела, как муж мчался наверх по ступенькам, и собиралась уже сказать, чтобы он не спешил и поберег сердце, но промолчала.

Не надо.

Пусть не бережет, если не хочет.

13

На следующий день взошло солнце. И потом тоже. Прошла неделя, две, и так — месяц. Они вернулись к прежней жизни, сложившемуся укладу долгого брака, состоявшему из мелочей и привычек. Она чистила зубы, пока он принимал душ и напевал какой-нибудь хит времен восьмидесятых не очень мелодичным голосом, но без фальши. Однако теперь Дарси чистила зубы, накинув халат, а не обнаженной, как раньше, когда отправлялась в душ сразу после Боба. Теперь она принимала душ только после его ухода на работу. Если он и заметил эту перемену, то ничего не сказал. Она снова стала посещать клуб любителей книги, объяснив небольшой пропуск другим членам, из которых только двое были мужчинами, да и то на пенсии, тем, что немного простудилась и не хотела заражать остальных, высказывая мнение о новой книге Барбары Кинг-солвер. Все понимающе кивнули. Еще через неделю Дарси возобновила занятия в кружке вязания. Иногда она ловила себя на том, что, вернувшись из магазина или с почты, начинала подпевать мелодии, звучавшей по радио. Они с Бобом вечерами смотрели телевизор, причем только комедии или юмористические передачи, но никогда — сводки криминальной хро-

ники. Теперь он приходил с работы рано и после той поездки в Монпелье никуда больше не ездил. Он установил на своем компьютере какую-то программу под названием «Скайп» и уверял, что может увидеть монеты, никуда не уезжая и не тратя деньги на бензин. Он не добавлял, что вдобавок оградил себя от искушений, но это и так было понятно. Дарси следила, читая прессу, не всплывут ли где-нибудь документы Марджори Дюваль, понимая, что если муж обманул ее в этом, то обманет и в другом. Документы так и не всплыли. Раз в неделю они ходили в один из двух недорогих ресторанов Ярмута. Боб заказывал отбивную, а Дарси рыбу. Из напитков он предпочитал чай со льдом, а она — клюквенный морс. От старых привычек трудно отказаться. Дарси считала, что зачастую от них может избавить только смерть.

Днем, когда Боб был на работе, она стала редко включать телевизор. Он мешал ей слушать успокаивающее урчание холодильника и побряхтывание их уютного дома, готовящегося к зиме. И еще телевизор мешал думать. И напоминал о том, что муж рано или поздно возьмется за старое. Она не сомневалась, что Боб будет держаться изо всех сил, но когда-нибудь Биди все равно одержит верх. Боб не станет больше посылать в полицию документы очередной жертвы, считая, что этого будет достаточно, чтобы обмануть ее, и не очень переживая, что она все равно догадается. Он решит, что теперь она его соучастница. Ей придется подтвердить, что она была в курсе. Полицейские легко заставят ее признаться, даже если она и попытается молчать.

Из Огайо звонил Донни. Бизнес стремительно набирал обороты: они получили заказ на продвижение офисного оборудования и могли выйти на национальный уровень. Дарси обрадовалась, и Боб с готовностью ее поддержал, откровенно признав, что недооценил шансы Донни на успех в столь молодом возрасте. Петра тоже звонила и сообщила, что они скорее всего выберут для подружек невесты голубые платья «колоколом» длиной по колено и такого же цвета шифоновые шарфики. Она спрашивала, как, по мнению Дарси, не будет ли это выглядеть слишком по-детски? Дарси ответила, что ей кажется

ся это очень милым, а потом они углубились в обсуждение туфель: голубые лодочки на среднем каблуке. В Бока-Гранде заболела мать Дарси. Сначала ее даже хотели положить в больницу, но когда стали давать какое-то новое лекарство, она выздоровела. Солнце всходило и заходило. В витринах магазинов постеры с тыквенными фонарями в честь Хэллоуина сменились постерами с индейками на День благодарения, а затем и рождественскими украшениями. Первые снежинки закружились в воздухе точно по расписанию.

Когда Боб, забрав портфель, уезжал на работу, Дарси расхаживала по комнатам и надолго задерживалась у зеркал, спрашивая женщину из того, другого мира, что ей делать.

И все чаще приходила к выводу, что делать ничего не нужно.

14

В один из не по сезону теплых дней за две недели до Рождества Боб неожиданно явился с работы сразу после обеда, громко окликая ее по имени. Дарси была наверху и читала книгу. Оставив ее на тумбочке рядом с ручным зеркалом, которое теперь постоянно там лежало, она бросилась вниз. Ее первой мыслью — ужасом, смешанным с облегчением, — было то, что все наконец закончилось. Его вычислили. Скоро сюда придет полиция. Его заберут, а потом копы вернутся и начнут задавать старые как мир вопросы: что она знала и когда она это узнала?.. На улице выстроятся фургоны телевизионщиков. Молодые ведущие с красивыми прическами начнут трансляцию в прямом эфире от их дома.

Однако в голосе Боба не было страха. Дарси это почувствовала еще до того, как он подошел к лестнице и повернулся к ней лицом. В его голосе слышалось волнение и даже ликование.

— Боб? Что...

— Ты ни за что не поверишь! — Пальто распахнуто, лицо покраснелось, а редкие волосы всклокочены. Как будто он всю дорогу мчался на машине с опущенными стеклами. По-

сколько день был теплым, Дарси решила, что наверняка так и было.

Она осторожно спустилась вниз и остановилась на первой ступеньке, их глаза оказались на одном уровне.

— Рассказывай!

— Потрясающая удача! Ты даже не представляешь! Если и мог быть послан какой-то знак, что я — что мы! — на правильном пути, то вот он! — Боб вытянул вперед сжатые в кулаки руки. Глаза сияли и буквально искрились счастьем. — В какой руке? Выбирай!

— Боб, мне не до шу...

— Выбирай!

Она показала на правую руку, чтобы побыстрее покончить с этим. Он засмеялся:

— Ты прочитала мои мысли! Но ты всегда это умела, так ведь?

Он перевернул кулак и раскрыл его. На ладони реверсом вверх лежала одна-единственная монетка — «пшеничный цент». Обычной чеканки, но отлично сохранившаяся. Если на аверсе с изображением Линкольна нет царапин, то степень сохранности можно отнести к «хорошей» или даже «очень хорошей». Дарси потянулась за ней, но рука тут же замерла. Он кивнул, разрешая взять. Она перевернула монету, не сомневаясь, что увидит на аверсе. Ничто другое не могло привести его в такой восторг. И действительно, чеканка с ошибкой «двойная плашка», отчего цифры «1955» выглядели удвоенными. Нумизматы называют это «двойная дата».

— Господи Боже, Бобби! Где?.. Ты ее купил? — На недавнем аукционе в Майами «пшеничный цент» 1955 года ушел за рекордную сумму, превышающую восемь тысяч долларов! Монета у Боба была, конечно, не в таком идеальном состоянии, но ни один коллекционер в здравом уме не уступил бы ее менее чем за четыре тысячи.

— Господи, конечно же, нет! Меня пригласили на обед в тайский ресторан «Восточные грезы», и я почти согласился, но закопался с чертовыми счетами «Вижн ассошиэйтс». Это частный банк, помнишь, я рассказывал тебе о нем? Так вот, я дал Монике десять долларов и попросил купить мне у метро сан-

двич и бутылку «Фрутопии». Она так и сделала, положив сдачу в тот же пакет. Я высыпал деньги... и обомлел! — Боб забрал у нее монету и поднял над головой, счастливо смеясь.

Она рассмеялась вместе с ним, а потом вдруг неожиданно вспомнила: «ОН НЕ СТРАДАЛ». В последние дни она это часто вспоминала.

— Потрясающе, правда?

— Да, — согласилась она. — Я так за тебя рада! — Как ни удивительно, но она не лукавила. За долгие годы он не раз посредничал в покупке этой монеты и вполне мог позволить себе приобрести такую для своей коллекции. Но это совсем не то, что натолкнуться на «пшеничный цент» по воле случая. Он даже запретил ей дарить ему эту монету на Рождество или день рождения. Когда-то он сказал ей, что случайная находка является самым радостным для коллекционера событием, и вот теперь он стал счастливым обладателем монеты, ради которой всю свою жизнь перебирал полученную сдачу. Его мечта осуществилась, материализовавшись из пакета вместе с сэндвичем с ветчиной и индейкой.

Боб заключил Дарси в объятия. Она тоже обняла его, но быстро отстранилась.

— Как ты с ней поступишь, Бобби? Поместишь в пластиковый кубик?

Она его поддразнивала, и он это оценил. Изобразив пальцами пистолет, он прицелился ей в голову и «выстрелил». Она не возражала, потому что когда тебя убивают из воображаемого пистолета, ты не «страдаешь».

Она продолжала ему улыбаться, но после короткого приступа нахлынувшей любви снова увидела в нем того, кем он был на самом деле — Мужем из зазеркалья. Голлумом со «Своей Прелестью»*.

— Ты же знаешь, что нет. Я ее сфотографирую и повешу снимок на стену, а саму монету уберу в нашу ячейку в банке. Как думаешь, она «хорошая» или «очень хорошая»?

* Голлум — персонаж произведений Джона Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин Колец». Присловьем «Моя Прелесть» Голлум называет Кольцо (а в «Хоббите» — и самого себя).

Дарси внимательно осмотрела монету и вернула ему с виноватой улыбкой:

— Мне бы очень хотелось сказать «очень хорошая», но...

— Да, я и сам знаю, но это не важно! Дареному коню в зубы не смотрят, но трудно удержаться от искушения. Хотя она лучше, чем «весьма удовлетворительная»? Только честно, Дарси!

Если честно, я думаю, что ты снова возьмешься за старое.

— Лучше, чем «весьма удовлетворительная», точно!

Он перестал улыбаться, и на какое-то мгновение ей даже показалось, будто он прочитал ее мысли. Следовало быть осторожной: по эту сторону зеркала тоже надо уметь хранить тайны.

— Дело вовсе не в степени сохранности. Дело в самом факте. Получить ее не от торговца, не по каталогу, а случайно найти среди мелочи, когда совершенно этого не ждешь!

— Знаю, — улыбнулась Дарси. — Будь здесь сейчас мой отец, он бы точно открыл бутылку шампанского.

— Я исправлю это досадное недоразумение сегодня за ужином, — сказал он. — Причем не в Ярмуте. Мы поедем в Портленд. В «Жемчужину побережья». Что скажешь?

— Дорогой, даже не знаю...

Он положил ей руки на плечи, как делал всегда, когда хотел показать, что говорит очень серьезно.

— Соглашайся. Сегодня будет достаточно тепло, чтобы ты смогла покрасоваться в своем лучшем летнем платье. Я слышал прогноз погоды, когда ехал домой. И я куплю столько шампанского, сколько ты сумеешь выпить. Неужели ты сможешь отказаться от такого заманчивого предложения?

— Ну... — Она подумала и улыбнулась. — Не смогу.

15

Они выпили не одну, а целых две бутылки дорогого французского шампанского, причем пил в основном Боб. Соответственно за руль тихо урчащей маленькой «тойоты» мужа села Дарси, а он устроился на пассажирском сиденье рядом, тихонь-

ко напевая «Грошики с небес», как обычно без фальши, но и не особенно мелодично. Дарси поняла, что он пьян. Не просто навеселе, а действительно пьян. Впервые за последние десять лет. Обычно Боб очень следил за тем, сколько пил, а если на какой-нибудь вечеринке его спрашивали, почему он не пьет, часто отвечал, что алкоголь — это вор, который крадет разум. Сегодня, вне себя от радости из-за столь ценной находки, он позволил себе потерять разум, и когда он заказал вторую бутылку, Дарси поняла, как поступит. В ресторане она еще не была уверена, что сможет осуществить свой план, но, слушая, как он тихо мурлычет мелодию, окончательно решилась. Конечно, она может это сделать! Она же теперь была Женой из зазеркалья, а та знала: то, что он считал своей удачей, на самом деле было ее удачей и ничьей другой.

16

Дома он кинул пиджак на вешалку и притянул Дарси к себе для долгого поцелуя. Она чувствовала в его дыхании запах шампанского и сладкого крем-брюле. Неплохое сочетание, но если удастся осуществить задуманное, то потом ей вряд ли когда-нибудь захочется попробовать как одно, так и другое. Его рука скользнула вниз и остановилась на ее груди. Она немного подождала, а потом слегка оттолкнула его. На лице Боба отразилось разочарование, но оно исчезло, стоило ей улыбнуться.

— Я пойду наверх снять платье, — сказала Дарси. — В холодильнике стоит бутылка перье. Если вы принесете мне стаканчик минералки с ломтиком лайма, мистер, то не пожалеете.

Он ответил радостной — и такой родной! — улыбкой. Из всего арсенала ритуалов совместной жизни, выработанных за долгие годы брака, лишь один так и остался не возобновленным с той ночи, как он, почуяв неладное, примчался домой из Монпелье. Да, он именно почуял это, как матерый волк чует отраву. Изо дня в день Боб старательно восстанавливал свои

позиции, возводя стену, подобно Монтрезору, замуровывавшему Фортунато*, и секс на брачном ложе должен был стать последним камнем кладки.

Боб шутливо щелкнул каблуками и отдал салют на британский манер, приложив пальцы ко лбу и вывернув ладонь.

— Слушаюсь, мэм.

— И поторопитесь, — игриво сказала Дарси. — Не заставляйте женщину ждать.

Поднимаясь вверх, она подумала: «У меня ничего не выйдет. Кончится тем, что он меня убьет. Он считает, что не способен на это, а я уверена, что способен».

Может, так будет даже лучше. При условии, конечно, что он не станет ее сначала мучить, как мучил тех женщин. Ее устраивало любое развитие событий. Невозможно провести остаток жизни, заглядывая в зеркала. Она уже не была ребенком и не могла рассчитывать, что с возрастом это пройдет.

Дарси прошла в спальню, но только для того, чтобы положить сумочку рядом с зеркальцем на тумбочке. Потом она снова вышла и крикнула:

— Ты скоро, Бобби? Я заждаюсь газировки!

— Уже бегу, мэм, как раз лью ее на кусочки льда!

Слегка покачиваясь, он вышел из гостиной в холл, держа на вытянутой руке хрустальный бокал, — так обычно делают официанты в юмористических сериалах. Он оперся на перила свободной рукой и начал медленно подниматься по ступенькам, стараясь не расплескать воду с метавшимся по поверхности ломтиком лайма. Лицо светилось радостью, настроение у него было отличное. На мгновение Дарси отказалась от задуманного, но тут перед ее глазами с удивительной четкостью предстали образы Хелен и Роберта Шейверстон. Сын и мать, над которой надругались и чье тело изуродовали, лежали рядом в массачусетском ручье, уже начавшем затягиваться льдом...

* Персонажи рассказа Эдгара Аллана По «Бочонок амонтильядо». Монтрезор мстит Фортунато, приковав его сначала в нише подвала, а потом замуровав в стене.

— Стакан перье для леди, сию мин...

Она увидела, как в самый последний момент он вдруг догадался, и в его глазах промелькнуло нечто желтое и древнее. Не просто удивление, а ярость шока. И последние сомнения исчезли. Он никого не любил, а ее тем более. Его доброта, заботливость, внимание, открытые улыбки были не более чем искусной маскировкой. Он был раковиной, внутри которой царила пустота.

Дарси толкнула его.

Движение получилось резким, и Боб, кувыркаясь, полетел вниз, ударившись о ступеньки сначала коленями, потом рукой и, наконец, лицом. Громко хрустнула сломанная рука. Тяжелый хрустальный бокал разбился вдребезги. Боб продолжал катиться вниз, и снова хрустнула какая-то кость. Он закричал от боли и, перевернувшись в последний раз, распластался на деревянном, но очень твердом полу гостиной. Сломанная в нескольких местах рука замерла над головой, вывернувшись под неестественным углом. Шея тоже оказалась свернута, он лежал, прижавшись к полу щекой.

Дарси бросилась вниз. Наступив на кусок льда, она поскользнулась и едва удержалась на ногах, успев ухватиться за перила. Увидев, как у основания шеи Боба сзади вздулась огромная шишка, а натянувшаяся на ней кожа стала неестественно белой, она сказала:

— Не двигайся, Боб. По-моему, у тебя сломана шея.

Он с трудом закатил глаза, чтобы взглянуть на нее. Из носа сочилась кровь — похоже, он тоже был сломан, — но еще больше крови шло горлом. Захлебываясь, он сумел выдавить:

— Ты толкнула меня! Дарси, зачем?

— Не знаю, — ответила она, не сомневаясь, что им обоим известна причина. И начала плакать. Слезы катились сами собой: как-никак это был ее муж, и ему было больно. — Господи, я не знаю! На меня что-то нашло. Мне так жаль. Не шевелись, я позвоню в 911 и вызову «скорую помощь».

Он пошевелил ногой.

— Я не парализован. Слава Богу! Но больно ужасно!

— Я знаю, милый.

— Вызови «скорую». Скорее!

Она прошла на кухню, бросила мимолетный взгляд на телефон и открыла дверцу шкафчика под мойкой.

— Алло? Алло? Это 911? — Дарси достала упаковку пластиковых пакетов, в которые они обычно собирали объедки от ростбифа или курицы, и вытащила один. — Меня зовут Дарселлен Андерсон. Мой адрес Шугар-Милл-лейн, 24, в Ярмуте. Записали?

Из другого ящика она достала полотенце для посуды. Слезы продолжали литься ручьем. «Наревела целое ведро слез», — как говорили в детстве. Плач помогал. Ей надо было поплакать, и не только для того, чтобы потом все выглядело правдоподобно. Боб ее муж, ему больно, и ее слезы естественны. Она его помнила, когда он еще не начал лысеть. Она помнила, как эффектно он заканчивал танец, когда они вместе кружились под песню Кенни Логгинса. Он дарил ей розы на каждый день рождения, никогда не забывал. Они летали на Бермуды, где по утрам катались на велосипедах, а после обеда занимались любовью. Они вместе построили жизнь, которой теперь настал конец. Ей было о чем поплакать. Она обернула руку полотенцем и сунула ее в пакет.

— Мне нужна «скорая»! Мой муж упал с лестницы и разбился. Мне кажется, у него сломана шея. Да! Да! Прямо сейчас!

Она вернулась в холл, пряча правую руку за спиной. Ему удалось немного отползти от ступенек, и, похоже, он пытался перевернуться на спину, но не сумел. Она опустилась на колени рядом.

— Я не упал, — сказал он. — Ты толкнула меня! Почему?

— Наверное, из-за Роберта Шейверстона, — ответила она и вытащила руку из-за спины. Слезы полились сильнее. Он увидел пластиковый пакет. И ее руку, обмотанную полотенцем. Он понял, что она собиралась сделать. Может, он и сам проделывал нечто подобное. Наверное.

Он начал кричать... только крики совсем не походили на обычные. Во рту булькала кровь, в горле что-то повредилось, и звуки, которые он издавал, больше напоминали гортанное

урчание, чем крики. Она засунула пластиковый пакет ему в рот и протолкнула поглубже. При падении он лишился нескольких зубов, и она чувствовала острые края оставшихся. Если они поцарапают кожу, то неприятных объяснений не избежать.

Она выдернула руку, пока он не успел укусить, оставив полотенце и пакет у него во рту. Затем одной рукой ухватила его за подбородок, а второй за лысую макушку и крепко сдавила. Кожа на темени была очень теплой, и она чувствовала пульсацию крови. Боб попытался оттолкнуть ее, но свободной рукой была только та, что сломалась при падении, а на второй он лежал. Ноги судорожно колотились по полу, и один ботинок соскочил. Во рту у него продолжало булькать. Она задрала подол платья, освобождая ноги, и подалась вперед, чтобы сесть на него верхом. Если бы ей это удалось, она смогла бы зажать ему ноздри.

Однако до этого дело не дошло. Грудь Боба начала судорожно вздыматься, а булькающие звуки в горле переросли в подобие хрюкающего хрипа, напоминавшего скрежет, который издавал старенький «шевроле» отца, когда она училась ездить и у нее никак не получалось переключиться с первой передачи на вторую. Боб дернулся, и глаз, который был ей виден, стал похож на бычий, налился кровью. И без того багровое лицо потемнело еще сильнее и стало приобретать синеватый оттенок. Наконец он затих. Она ждала, с трудом переводя дыхание и не обращая внимания на слезы, продолжавшие литься ручьями. Глаз Боба больше не двигался и не выражал паники. Она решила, что он ум...

Неожиданно Боб резко дернулся, и ему удалось сбросить ее. Он сел, и она увидела, что верхняя половина туловища оказалась меньше обычного: судя по всему, он сломал не только шею, но и спину. Будто зевая, он широко разинул рот, из которого торчал пластиковый пакет, и встретился с ней взглядом. Она знала, что этот взгляд она никогда не забудет, но сможет с этим жить.

— Дар! А-ааа!

Он упал, громко стукнувшись затылком о пол. Дарси поползла ближе, но не прикоснулась к нему, чтобы не перепач-

каться еще сильнее. Конечно, на ней были пятна его крови, но это легко объяснить, ведь она пыталась помочь ему, что совершенно естественно. Она оперлась на руку и села, стараясь восстановить дыхание и не сводя глаз с мужа. Он не шевелился. Когда прошло пять минут — если судить по маленьким золотым часикам «Мишель», которые Дарси всегда надевала на выход, — она попыталась нащупать у него пульс. Досчитала до тридцати — пульса нащупать не удалось. Она наклонилась и приложила ухо к груди, замирая от страха, что именно сейчас он очнется и схватит ее. Но ничего подобного не случилось: жизнь покинула тело Боба, его сердце перестало биться, а легкие — дышать. Все было кончено. Не испытывая ни облегчения, ни удовлетворения, Дарси целиком сосредоточилась на том, чтобы довести дело до конца, не совершив никаких ошибок. Отчасти ради себя, но главным образом ради Донни и Петс.

Она быстро прошла на кухню. Полицейские должны быть уверены, что она позвонила сразу, как только Боб упал: стоит им установить задержку, например, по успевшей свернуться крови, и неприятных вопросов не избежать. *Если потребуется, я скажу, что потеряла сознание. Им придется поверить, но даже если они и не поверят, то доказать ничего не смогут. Во всяком случае, мне так кажется.*

Дарси достала из кладовки фонарь. Совсем как в тот злополучный вечер, когда она буквально наткнулась на тайну мужа. Потом вернулась к Бобу, смотревшему в потолок невидящим взглядом. Вытащив из его рта пластиковый пакет, она внимательно осмотрела тело. Он был порван в двух местах, что могло привести к проблемам... Посветив фонарем ему в рот, она увидела, что к языку прилипли два крошечных кусочка пленки, и, осторожно вынув их кончиками пальцев, убрала в пакет.

Теперь пора, Дарселлен.

Но оказалось, еще нет. Оттянув пальцами сначала его правую щеку, потом левую, она нашла с левой стороны крошечный кусок пленки, прилипший к десне. Вытащив, убрала его к остальным. Были ли еще обрывки? Мог ли Боб проглотить их? Если да, то ей оставалось только молиться, что их не най-

дуг, если кто-нибудь — она понятия не имела, кто именно, — вдруг решит, что необходимо сделать вскрытие.

А время шло.

Она помчалась по переходу в гараж, залезла под верстак и спрятала в тайнике перепачканный кровью пакет с полотенцем. Запечатав тайник планкой, Дарси прикрыла его коробкой с каталогами, вернулась в дом и убрала фонарь на место. Взяв трубку, она сообразила, что больше не плачет. Положив ее на рычаг, прошла через гостиную и посмотрела на распростертое на полу тело мужа. Она подумала о розах, но это не помогло. *Последнее прибежище негодяев — это патриотизм, а не розы.* Услышав свой смех при этой мысли, Дарси пришла в ужас. Затем она подумала о Донни и Петре, которые обожали отца, и это сработало. Чувствуя, как снова полились слезы, она вернулась на кухню и набрала 911.

— Здравствуйте, я — Дарселлен Андерсон, нам нужна «скорая»...

— Не спешите, мэм, — сказала диспетчер, — я не понимаю, что вы говорите.

Это хорошо.

Она откашлялась.

— Так лучше? Так понимаете?

— Да, мэм, теперь понимаю. Не волнуйтесь. Вы сказали, вам нужна «скорая»?

— Да, дом двадцать четыре по Шугар-Милл-лейн.

— С вами что-то случилось, миссис Андерсон?

— Не со мной, с мужем. Он упал с лестницы. Может, просто потерял сознание, но мне кажется, что он умер.

Диспетчер пообещала прислать «скорую» немедленно. Дарси почти не сомневалась, что с медиками прибудет и наряд местной полиции. Не исключено, что и полиции штата, если кто-то из их людей окажется поблизости. Она очень надеялась, что не окажется. Дарси перешла в прихожую и устроилась на скамье, правда, ненадолго. В застывшем взгляде лежавшего на полу Боба она читала обвинение.

Дарси накинула на плечи его пиджак и вышла на крыльцо ждать «скорую».

17

Показания у Дарси брал местный полицейский по имени Гарольд Шрусбери. Она его не знала, зато выяснилось, что с его женой Арлин они ходили в один и тот же кружок вязания. Они разговаривали на кухне, пока врачи «скорой» осматривали тело Боба, а потом увезли, даже не подозревая, что забирают с собой кого-то куда более опасного, чем опытный бухгалтер Роберт Андерсон.

— Хотите кофе, офицер Шрусбери? Мне не трудно.

Он взглянул на ее трясущиеся пальцы и сказал, что с удовольствием сам сварит его для них обоих.

— На кухне я отлично управляюсь, — добавил он.

— Арлин никогда об этом не упоминала, — сказала она, когда он поднялся, оставив на столе раскрытый блокнот. Там было записано только ее имя, имя Боба, их адрес и номер телефона. Дарси расценила это как хороший знак.

— Она предпочитает скрывать мои таланты, — ответил Гарольд. — Миссис Андерсон, Дарси, я очень соболезную вам и не сомневаюсь, что Арлин тоже.

Дарси опять заплакала. Гарольд Шрусбери оторвал бумажное полотенце и дал ей:

— Это лучше «Клинекса».

— Видно, у вас большой опыт в этом, — сказала она.

Он проверил кофеварку, убедился, что она заправлена, и включил.

— Большой, чем мне бы хотелось, — ответил он и вернулся на место. — Вы можете рассказать, что произошло? Или лучше потом?

Она рассказала, как Боб обрадовался, когда среди мелочи нашел монету с двойной датой. Как они поехали отпраздновать это событие в «Жемчужину побережья», где он слишком много выпил. Вспомнила, как он дурачился, изображая официанта, отдавал ей честь на британский манер и щелкал каблуками, когда она попросила его принести стакан перье с ломтиком лайма. Как он стал подниматься, неся стакан на вытянутой руке, как это делают официанты. Как оступился на са-

мом верху, и как она сама чуть не упала, поскользнувшись на кусочке льда, когда бросилась к нему.

Шрусбери пометил что-то в блокноте, закрыл его и перевел взгляд на нее:

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы поехали со мной. Накиньте что-нибудь сверху.

— Что? Куда?

В тюрьму, конечно. Не пройти через поле «Вперед», не получить двести долларов, а сразу отправиться в тюрьму, как в игре «Монополия». Боб сумел уйти от правосудия, совершив множество убийств, а ее осудят за одно-единственное. Правда, свои он планировал тщательно, с бухгалтерской скрупулезностью. Она не знала, где совершила ошибку, но наверняка промах крылся в чем-то совсем простом. Гарольд Шрусбери скажет ей об этом на пути в отделение. Так бывает в последних главах детективов Элизабет Джордж.

— К нам домой, — ответил он. — Сегодня вы останетесь на ночь у нас с Арлин.

Она опешила:

— Я не... я не могу...

— Можете! — отрезал он тоном, не терпящим возражений. — Она убьет меня, если я оставлю вас одну. Вы этого хотите?

Дарси вытерла слезы и слабо улыбнулась:

— Нет, не хочу. Но... мистер Шрусбери...

— Гарри.

— Мне надо позвонить. Наши дети... они еще ничего не знают. — Эта мысль вызвала новые слезы, которые она стала вытирать размокшим полотенцем. Кто бы подумал, что у человека могут быть такие запасы слез? Взяв чашку с еще горячим кофе, она, сделав три больших глотка, выпила сразу половину.

— Думаю, несколько междугородних звонков нас не разорят, — ответил Гарри Шрусбери. — Послушайте... У вас есть какие-нибудь лекарства? Успокоительное?

— Ничего такого, — прошептала она. — Только амбиен.

— Тогда Арлин одолжит вам таблетку валиума, — сказал он. — Ее надо будет принять минимум за полчаса до того, как начне-

те звонить с таким печальным известием. А пока я свяжусь с Арлин и предупрежу, что мы едем.

— Вы очень добры.

Он открыл первый ящик кухонного шкафа, затем другой, потом третий. Когда добрался до четвертого, у Дарси перехватило дыхание. Гарри достал кухонное полотенце и передал ей:

— Это лучше бумажных.

— Спасибо, — пролепетала она. — Юльшое спасибо.

— Долго вы были в браке, миссис Андерсон?

— Двадцать семь лет, — ответила она.

— Двадцать семь... — задумчиво поторил он. — Господи, мне так жаль.

— Мне тоже, — сказала она, пряча лицо в полотенце.

18

Роберта Эмори Андерсона похорошили через два дня на кладбище Ярмута. Донни и Петра поддерживали мать, пока священник говорил о скоротечности бренного существования. Погода испортилась — холодный пронизывающий ветер раскачивал голые деревья, небо затянуло мрачными тучами. Бухгалтерская фирма «Бенсон, Бейкон и Андерсон» закрылась на день, и все сотрудники пришли на похорны. Бухгалтеры в черных пальто держались группками и напоминали стаи ворон. Одни мужчины. Почему-то раньше Дарси не замечала, что женщин среди них не было.

Глаза Дарси постоянно наполнялись слезами, и она то и дело промокала их платком, который держала в руке, обтянутой черной перчаткой. Петра все время плакала, хмурый Донни стоял с покрасневшими глазами. Интересный мужчина, хотя волосы уже начали редеть, как у отца в этом возрасте он таким и останется.

Если, конечно, не располнеет, как Бб, подумала она. И разумеется, если не станет убивать женщин.

Но разве такое может передаваться по наследству?

Скоро все закончится. Донни задержится здесь всего на пару дней, поскольку дольше не сможет из-за работы. Он на-

деялся, что мать поймет, и она заверила, что все, конечно, понимает. Петра останется на неделю. Она сказала, что может задержаться еще, если потребуется. Дарси поблагодарила дочь за поддержку и участие, надеясь в глубине души, что та уедет не позже чем через пять дней. Ей хотелось остаться одной. Ей хотелось... нет, даже не осознать случившееся, а вновь обрести себя. И оказаться по эту сторону зеркала.

Дело не в том, что что-то пошло не так, — как раз наоборот. Она не думала, что все вышло бы так гладко, если бы планировала убийство мужа несколько месяцев. Тогда бы она наверняка все испортила, слишком многое усложнив. В отличие от Боба умение планировать никогда не было ее сильной стороной.

Никто не задавал никаких трудных вопросов. Ее объяснение было простым, правдоподобным и почти правдивым. Главным козырем являлся безоблачный брак, длившийся почти три десятка лет и не омрачавшийся ссорами или скандалами в последнее время. Какие еще нужны аргументы?

Священник пригласил членов семьи подойти к могиле.

— Спи с миром, папа, — сказал Донни и бросил горсть земли. Комья стукнули о блестящую крышку гроба. Дарси подумала, что они похожи на собачьи экскременты.

— Папа, мне так тебя не хватает! — сказала Петра и тоже бросила горсть земли.

Дарси подошла последней. Она взяла горсть земли черной перчаткой и бросила без слов.

Священник предложил всем молча помолиться, и собравшиеся скорбно склонили головы. Ветер раскачивал ветки. Вдалеке слышался шум движения на 295-й автомагистрали.

Господи, если Ты есть, сделай так, чтобы на этом все закончилось, подумала Дарси.

19

Но на этом все не закончилось.

Примерно через полтора месяца после похорон, когда уже прошел Новый год и погода стала ясной и морозной, в доме на

Шугар-Милл-лейн раздался звонок. Дарси открыла дверь и увидела пожилого мужчину в черном пальто и теплом красном кашне. Он держал в руках старомодную фетровую шляпу с узкими полями. Глубокие морщины на лице говорили о возрасте и, как решила Дарси, о нездоровье, а редкие седые волосы были подстрижены совсем коротко.

— Да? — спросила она.

Он полез в карман и уронил шляпу. Дарси нагнулась и подняла ее, а когда выпрямилась, увидела у него в руках кожаные корочки удостоверения. Мужчина предъявил ей золотистый жетон и пластиковую карточку с фотографией, на которой он выглядел намного моложе.

— Холт Рэмси, — представился он, будто извиняясь. — Служба главного прокурора штата. Прошу простить меня за беспокойство, миссис Андерсон. Я могу войти? Вы замерзнете, стоя на пороге в такой легкой одежде.

— Пожалуйста, входите, — пригласила она и посторонилась.

Видя его неровную походку и привычный жест правой руки, будто придерживающей что-то у бедра, она ясно вспомнила, как Боб сидел у нее на кровати, держа за холодные пальцы. Боб рассказывал и даже злорадствовал. *Я хочу, чтобы копы считали Биди тупым, во всяком случае, малограмотным, и они действительно так считают! За все эти годы меня допрашивали всего один раз, и то — как свидетеля. Было это очень давно. Примерно через две недели после того, как Би-Ди убил Стейси Мур. Какой-то хромой старик, уходивший в отставку...* И вот теперь этот старик стоял в десятке шагов от того места, где умер Боб. Где она убила Боба. Холт Рэмси выглядел больным, но глаза выдавали острый ум и проницательность. Он окинул помещение быстрым цепким взглядом и повернулся к ней.

Будь осторожна с этим человеком, Дарселлен, сказала она себе. *Не расслабляйся ни на секунду.*

— Чем могу вам помочь, мистер Рэмси? — поинтересовалась она.

— Ну, если вас не затруднит, я бы не отказался от чашечки кофе: ужасно замерз. Я приехал на служебной машине, а печ-

ка там ни к черту. Если, конечно, вы не сочтете, что я требую слишком многого...

— Нет-нет, что вы. Только... могу я еще раз взглянуть на ваше удостоверение?

Он невозмутимо протянул ей удостоверение и, пока она его изучала, повесил шляпу на вешалку.

— А вот этот штамп «ОТС» под печатью означает... что вы в отставке?

— И да, и нет. — Его губы растянулись в улыбке, обнажив безупречные зубы, явно вставные. — Когда мне стукнуло шестьдесят восемь, пришлось подать в отставку, во всяком случае, формально. Но я всю жизнь проработал в полиции и прокуратуре штата, и мне как старой и заслуженной лошади выделили в конюшне почетное место, чтобы я мог спокойно дожить свой век. Держат меня там вроде талисмана.

Это вряд ли.

— Позвольте, я повешу ваше пальто.

— Не надо, спасибо. Лучше не буду его снимать. Я ненадолго. Снега нет, так что на пол не накапает. Там просто жуткий мороз. Как сказал бы мой отец, для снега слишком холодно, а теперь я это чувствую куда сильнее, чем пятьдесят лет назад. Или даже двадцать пять.

Дарси провела Рэмси на кухню, стараясь идти медленнее, чтобы он не отстал, и спросила, сколько ему лет.

— В мае будет семьдесят восемь, — ответил он, не скрывая гордости. — Если, конечно, доживу. Я всегда добавляю эту фразу, чтобы не сглазить. До сих пор срабатывало. Какая у вас чудесная кухня, миссис Андерсон: есть место для всего, и все на своем месте. Моей жене очень бы понравилось. Она умерла четыре года назад. Внезапный сердечный приступ. Мне так ее не хватает. Наверное, как и вам — мужа.

Она почувствовала на себе испытующий взгляд его молодых и пронизательных глаз, резко контрастирующих с испещренным морщинами нездоровым лицом.

Он знает. Понятия не имею откуда, но он точно знает!

Дарси проверила, заправлена ли кофеварка, и включила ее. Потянувшись за чашками в шкаф, она спросила:

— Так о чем вы хотели меня спросить, мистер Рэмси? Или, правильное, детектив Рэмси?

Он засмеялся, но тут же закашлялся.

— Меня уже тысячу лет никто не называл детективом. Мне больше нравится, когда ко мне обращаются просто по имени, так что зовите меня Холт. А поговорить я вообще-то хотел с вашим мужем, но раз он умер — еще раз мои соболезнования, — то это невозможно. Да, совершенно исключено. — Он покачал головой и устроился на табурете возле массивного стола. Перекрывая шуршание пальто, в тщедушном теле хрустнула какая-то косточка. — Скажу вам честно: старику, живущему в съемной комнате — а у меня именно такая, хоть и очень приличная, — иногда надоедает смотреть телевизор и бездельничать. Вот я и подумал: а почему бы, черт возьми, не съездить в Ярмут и не задать пару вопросов жене? Конечно, сказал я себе, она может и не знать всех ответов, но почему не съездить? Нельзя же все время сидеть взаперти!

— Особенно когда мороз продолжает усиливаться, а ехать предстоит в служебной машине с плохой печкой, — заметила Дарси.

— Верно, но я поддел теплые белье, — скромно признался он.

— А у вас есть своя машина, мистер Рэмси?

— Конечно, есть, — ответил он с таким видом, будто раньше мысль поехать на ней не приходила ему в голову. — Присадьте, миссис Андерсон. Не нужно меня бояться — я слишком стар, чтобы укусить.

— Нет, сейчас будет готов кофе, — сказала она. Она боялась этого старика. Бобу тоже следовало его бояться, но теперь ему уже ничего было не страшно. — А пока вы могли бы рассказать мне, о чем хотели поговорить с мужем.

— Вы не поверите, миссис Андерсон...

— Зовите меня Дарси, ладно?

— Дарси! — воскликнул он с восхищением. — Какое чудесное старинное имя!

— Спасибо. Вам со сливками?

— Ни в коем случае! Я пью только черный, как моя шляпа. Хотя в вестернах черные шляпы носят только негодяи, а я себя

всегда относил к хорошим парням, к тем, что в белых. Но разве я не имею на это права? Я всю жизнь выслеживал преступников, да и ногу повредил из-за них. В восемьдесят девятом году в автомобильной погоне. Парень убил свою жену и обоих детей. В наши дни такое преступление обычно совершают в невменяемом состоянии, под действием алкоголя или наркотиков, или если у преступника не все дома. — Для наглядности Рэмси постучал по виску скрюченным от артрита пальцем. — Но тот парень был другим. Он сделал это, чтобы получить страховку. Пытался инсценировать, как теперь говорят, «незаконное вторжение в дом». Не стану вдаваться в детали, но я начал «копать». И занимался этим целых три года. Пока наконец не собрал достаточно доказательств для ареста. Может, конечно, их бы и не хватило для признания его виновным в суде, но сообщать ему об этом было не обязательно, так ведь?

— Наверное, — согласилась Дарси, разливая дымящийся кофе. Она решила не добавлять себе сливок. И выпить как можно быстрее. Тогда кофеин быстрее поможет встряхнуться.

— Спасибо, — поблагодарил Рэмси, принимая от нее чашку. — Большое спасибо. Вы — сама доброта. Горячий кофе в холодный день — что может быть лучше? Разве что подогретый сидр с пряностями, другого даже представить не могу. Так на чем я остановился? Ах да, точно! Я рассказывал о Дуайте Шемину. Это было к югу от Хейнсвилль-Вудс, что у границы округа.

Дарси пила кофе и разглядывала Рэмси поверх чашки. У нее вдруг возникло ощущение, какое испытываешь только при долгом браке — вполне приличном, но не без проблем. Как в старой шутке: «Она знает, что он знает, а он знает, что она знает, что он знает». Это было похоже на зеркало, в котором отражается другое зеркало, а в нем еще одно, и все они уходят в бесконечность. Оставалось только выяснить, как он собирался распорядиться своим знанием. Что он мог сделать.

— Так вот... — Рэмси поставил чашку и начал машинально потирать большую ногу. — Я тогда решил спровоцировать этого парня. В том смысле, что раз у него на руках кровь женщины и двух детишек, я посчитал возможным сыграть не по пра-

вилам. И это сработало! Он бросился бежать, а я стал преследовать, и мы оказались в Хейнсвилль-Вудс, где, как поется в песне дальнбойщиков, «на каждой миле свой могильный камень». На повороте он врезался в дерево, а я — в него. И в результате получил большую ногу и стальной штырь в шею.

— Мне очень жаль. А чем это закончилось для того парня? Что он «заработал»?

Глаза Рэмси блеснули, а уголки губ чуть дрогнули и поползли вверх, растягивая сухие губы в ледяную улыбку.

— Он заработал смерть, Дарси. Избавил штат от необходимости оплачивать ему полный пансион в тюрьме Шоушенк лет сорок или пятьдесят.

— Вы совсем как «Небесная гончая»*, мистер Рэмси, верно?

Ничуть не смутившись, он приложил к щекам руки, вывернув их ладонями наружу, и продекламировал звонким голосом школьника:

— «Я бежал от него сквозь ночи и дни, под сводами лет, в лабиринтах мозга...»**. И так далее.

— Вы это в школе выучили?

— Нет, мэм, в «Методистском молодежном братстве». В далеком, далеком детстве. Меня наградили Библией, которую я на следующий год потерял в летнем лагере. Вернее, не потерял, а ее украли. Вы можете представить, чтобы человек пал так низко, чтобы красть Библию?

— Да, — ответила Дарси.

Он засмеялся.

— Дарси, очень вас прошу, называйте меня Холът. Пожалуйста. Так ко мне обращаются все друзья.

А вы — друг? В самом деле?

Ответа она не знала, но в одном не сомневалась: другом Боба он точно бы не стал.

— А это единственное стихотворение, которое вы знаете наизусть, Холът?

* Намек на знаменитую поэму «Небесные гончие» английского поэта Фрэнсиса Томпсона (1859—1907).

** Пер. с англ. М. Гаспарова.

— Раньше я знал еще «Смерть батрака»*, — сказал он, — но теперь помню только фрагмент, что дом — это место, где нас всегда примут, когда бы мы туда ни вернулись. Это верно, как считаете?

— Абсолютно!

Его светло-карие глаза пытливо искали ее взгляд. В них было даже нечто сродни бесстыдству, будто он раздевал ее мысленно, и одновременно — удовольствием. Не исключено, что по той же самой причине.

— Так о чем вы хотели спросить моего мужа, Холт?

— Знаете, я однажды уже с ним беседовал, хотя он вряд ли об этом вспомнил бы, будь он жив. Это случилось очень давно. Тогда мы оба были намного моложе, а вы, наверное, совсем еще маленькой, если судить по вашей красоте и молодости сейчас.

Она рассеянно улыбнулась и поднялась налить себе еще кофе. Первую чашку она уже выпила.

— Думаю, вы слышали об убийствах Биди, — наконец произнес он.

— Вы говорите о маньяке, который убивал женщин, а потом посылал их документы в полицию? — Она вернулась к столу, держась совершенно спокойно. — В газетах столько об этом писали...

Он сложил из пальцев «пистолетик» — совсем как Боб! — и, наставив на нее, симитировал выстрел.

— В самую точку! Да, мэм! «Чем больше крови, тем выше рейтинг» — таков их девиз. Мне довелось немного поработать над тем делом. Тогда я еще не вышел в отставку, но она приближалась. Меня считали человеком, который умеет докапываться до истины, прислушиваясь к своим... как бишь их...

— Инстинктам?

Снова «пистолетик»... и снова «выстрел». Казалось, будто у них двоих имелась общая тайна.

— Короче, мне поручили самостоятельное расследование, это был своего рода «свободный полет». Старый хромой Холт

* «Смерть батрака» — стихотворение американского поэта Роберта Фроста (1874—1963).

ездит, куда считает нужным, показывает снимки, задает вопросы, короче... «вынюхивает». Потому что у меня всегда был на это талант, Дарси, который я с годами не утратил. Это случилось осенью девяносто седьмого года, вскоре после убийства женщины по имени Стейси Мур. Слышали о ней?

— Не думаю, — ответила она.

— Вы бы наверняка помнили, если бы видели снимки с места преступления. Ужасное убийство, даже невозможно представить, как страдала эта женщина. Но этот парень Биди долго — больше пятнадцати лет — не давал о себе знать, и все накопившееся в нем за эти годы зверство, видимо, прорвалось и обрушилось на нее. Тогдашний главный прокурор штата доверил мне это дело. «Пусть этим займется старый Хольт, — сказал он. — Все равно он сейчас ничем не занят, а так не будет путаться под ногами». Уже тогда меня звали «старым Хольтом». Наверное, из-за хромоты. Я поговорил с друзьями жертвы, родственниками, соседями и сослуживцами. Я много с кем беседовал. Она работала официанткой в Уотервилле в ресторанчике «Саннисайд». Туда заглядывало много проезжих, поскольку рядом проходило шоссе, но меня больше интересовали ее постоянные клиенты. Мужчины.

— Это понятно, — пробормотала Дарси.

— Одним из них оказался вполне представительный человек лет сорока с небольшим. Появлялся раз в три-четыре недели и всегда садился за столик, который обслуживала Стейси. Наверное, мне не стоило об этом говорить, поскольку клиентом являлся ваш покойный супруг, а о покойниках принято говорить либо хорошо, либо никак. Но теперь, раз их обоих уже нет в живых, я подумал, что если вы меня правильно поймете... — Рэмси замолчал, явно испытывая неловкость.

— Не нужно так смущаться, — сказала Дарси, невольно улыбнувшись. А может, он специально усыплял ее бдительность? Этого она не знала. — Не мучайте себя и скажите все как есть... я уже не маленькая. Она что — флиртowała с ним? Вы об этом? Она не первая официантка, которая строила глаз-

ки проезжавшим мужчинам, даже если у тех обручальные кольца.

— Нет, не совсем так. Судя по тому, что рассказывали остальные официантки — а к их словам, понятно, надо относиться осторожно, потому что они все любили ее, — не она заигрывала с вашим мужем, а он с ней. И ей, если им верить, это не очень-то нравилось. Она говорила, что в его присутствии у нее мурашки бегали по коже.

— На моего мужа это совершенно не похоже. — По крайней мере Боб рассказывал ей все по-другому.

— Кто знает? Может, это все-таки был он, в смысле — ваш муж. А жены далеко не всегда представляют, как их благоверные ведут себя вне дома. Как бы то ни было, одна официантка сказала мне, что тот клиент ездил на внедорожнике «тойота». Она знала это точно, поскольку сама ездила на таком же. А потом несколько соседей Стейси видели похожий внедорожник возле придорожного ларька Муров за несколько дней до убийства. И даже за день до убийства.

— Но не в тот самый день?

— Нет, но такой осторожный парень, как Биди, наверняка не стал бы подставляться, как считаете?

— Наверное.

— У меня имелось описание мужчины, и за неимением лучшего я решил прочесать местность вокруг ресторана. За неделю мне удалось только натереть мозоли и пару раз выпить бесплатного кофе — конечно, никакого сравнения с вашим! — и я уже собирался сворачиваться, но тут наткнулся на одно заведение в центре города. Магазин монет Миклсона. Вам знакомо это название?

— Конечно. Мой муж коллекционировал монеты, а магазин Миклсона входил в тройку самых лучших нумизматических магазинов в штате. Сейчас его больше нет. Старый мистер Миклсон умер, а сын не стал продолжать дело.

— Все верно. Как говорится, в конце концов жизнь отнимает все: и зрение, и пружинистую походку, и даже чертов баскетбольный прыжок в броске, извините за выражение. Но тогда Джордж Миклсон был жив...

— «Грудь вперед и нос по ветру», — пробормотала Дарси.

— Вот-вот, — улынувшись, согласился Холт Рэмси. — Именно так. И он узнал по описанию вашего мужа. «Так это же Боб Андерсон!» — сказал он. И знаете что? Он ездил на внедорожнике «тойота».

— Да, но он давно продал его и купил...

— «Шевроле-сабербан», верно?

— Верно, — подтвердила Дарси, складывая руки и невозмутимо разглядывая Рэмси. Они подошли к развязке. Вопрос заключался только в том, кто из супругов Андерсон интересовал сейчас старика с пронизательным взглядом.

— Наверное, этот «сабербан» тоже не сохранился?

— Нет. Я продала его через месяц после смерти мужа. Дала объявление в каталоге «Анкл Генри», и машину сразу купили. Я думала, что из-за большого пробега и роста цен на бензин продать будет трудно, но ошиблась. Правда, выручила немного.

За два дня до приезда покупателя она тщательно осмотрела машину, не поленившись даже вытащить коврик багажника. Дарси ничего не нашла, но все равно заплатила пятьдесят долларов, чтобы машину помыли не только снаружи — что ее не волновало, — но и обработали паром изнутри — что волновало ее, и даже очень.

— Понятно. Старый добрый «Анкл Генри». Я продал «форд» покойной жены таким же образом.

— Мистер Рэмси...

— Холт.

— Холт, а вы уверены, что со Стейси Мур флиртовал именно мой муж?

— Ну, я разговаривал с мистером Андерсоном, и он открыто признал, что время от времени заезжал в «Саннисайд», но при этом утверждал, что никогда не обращал внимания ни на каких официанток и сидел, зарывшись в газету. Правда, я показал его фотографию с водительского удостоверения персоналу ресторана, и его опознали.

— А мой муж знал, что вы... проявляете к нему особый интерес?

— Нет. Для него я был просто хромым стариком, искавшим свидетелей, которые могли что-то видеть. Калек вроде меня никто не боится.

А вот я боюсь, и еще как!

— Этих доказательств мало, — сказала она, — если, конечно, вы собирались заводить дело.

— Вы правы! — согласился он, весело рассмеявшись, но карие глаза оставались холодными. — Будь у меня улики, мы бы с мистером Андерсоном беседовали не у него в офисе, а в моем кабинете, откуда можно уйти только с моего согласия. Или, понятное дело, если вытащит адвокат.

— Может, хватит ходить вокруг да около, Холт?

— Хорошо, — согласился он, — я не против. Сейчас каждый шаг причиняет мне боль. Чертов Дуайт Шемину, будь он проклят! И я не хочу отнимать у вас много времени, так что давайте начистоту. Мне удалось выяснить, что внедорожник «тойота» был замечен возле мест, где Биди совершил два убийства своего «первого цикла». Внедорожники были разного цвета. Также я выяснил, что в семидесятых у вашего мужа был не один такой автомобиль.

— Это правда. Ему нравилась эта модель, и он сменил старую на такую же.

— Да, мужчины часто так делают. И внедорожники пользуются особой популярностью в местах, где снег идет по полгода. Но после убийства Мур и нашей беседы ваш муж сменил машину на «шевроле-сабербан».

— Не сразу, — с улыбкой возразила Дарси. — Он продолжал ездить на «тойоте» в начале двухтысячных.

— Я знаю. Он продал ее в две тысячи четвертом году, незадолго до убийства Андреа Ханикатт на шоссе, ведущем в Нашуа. Серо-голубой «сабербан» две тысячи второго года. «Шевроле» примерно такого же года выпуска и цвета часто видели неподалеку от дома миссис Ханикатт в течение месяца, предшествовавшего ее убийству. И странная штука... — он наклонился вперед, — я нашел свидетеля, который утверждает, что номера на машине были вермонтские, а другая свидетель-

ница — маленькая старушка, которая за неимением других дел весь день сидит у окна гостиной, наблюдая, чем занимаются соседи, — заявила, что у машины были номера штата Нью-Йорк.

— У Боба были номера штата Мэн, — сказала Дарси, — и вам это отлично известно.

— Конечно, конечно, но номера можно украсть.

— А как насчет убийства Шейверстонов, Холт? Возле дома Хелен Шейверстон видели серо-голубой «сабербан».

— Вижу, вы знаете о деле Биди намного больше обычных обывателей. И больше, чем пытались представить вначале.

— Так его видели?

— Нет, — ответил Рэмси. — Вообще-то нет. Но серо-голубой «сабербан» видели возле ручья в Эймсбери, где нашли тела. — Он снова улыбнулся, но глаза по-прежнему оставались холодными. — Их бросили как мусор.

— Я знаю, — вздохнула она.

— Про номерной знак «шевроле» в Эймсбери никто ничего сказать не сумел, но, полагаю, он мог запросто оказаться массачусетским. Или пенсильванским. Каким угодно, только не штата Мэн. — Он подался вперед. — Биди посылал нам записки с документами жертв. Дразнил нас, бросая вызов. Может, даже хотел, чтобы мы его поймали.

— Может, и так, — согласилась Дарси, хотя сильно сомневалась.

— Записки были написаны печатными буквами. Люди, которые так делают, считают, что по ним почерк определить невозможно, но они ошибаются. У вас, случайно, не сохранилось бумаг мужа?

— То, что не забрала фирма, было уничтожено. Но я уверена, у них этих бумаг очень много. Бухгалтеры никогда ничего не выбрасывают.

Он вздохнул:

— Да, но чтобы подобная фирма их предоставила, нужно получить распоряжение суда, а для этого требуются веские основания. А их-то у меня и нет. Есть лишь ряд совпадений, хотя, по моему глубокому убеждению, это не просто совпадения, а

скорее закономерности, которые, к сожалению, никак не дотягивают даже до косвенных улики. Поэтому я и приехал к вам. Боялся, что вы меня сразу выгоните, но вы оказались очень добры.

Она промолчала.

Он еще больше подался вперед и теперь почти нависал над столом, как хищная птица. Но за холодом в глазах читалось нечто, похожее на участие и даже доброту. Она очень надеялась, что не ошибалась.

— Дарси, это ваш муж был Биди?

Она понимала, что он мог записывать их разговор — это было вполне реально. Вместо ответа она лишь подняла руку, повернув ее ладонью к нему, словно защищаясь.

— И вы об этом долго не знали, так ведь?

Она снова промолчала и только смотрела на него, пытаясь прочесть мысли, как часто делают люди при общении с теми, кого хорошо знают. Только надо помнить, что перед ними не всегда то, что, как нам кажется, мы видим. Теперь Дарси знала это не хуже других.

— А потом вдруг узнали? Совершенно случайно?

— Хотите еще кофе, Холт?

— Полчашки, — попросил он, откидываясь назад и складывая руки на тшедушной груди. — Если переусердствовать с кофе, то меня замучает изжога, а я забыл принять утром таблетку.

— У меня наверху в аптечке есть прилосек*, — сказала она. — Остался от Боба. Хотите, принесу?

— Я бы не стал принимать его таблетку, даже если бы горел изнутри.

— Как хотите, — мягко сказала она и подлила кофе в его чашку.

— Вы уж меня извините. Иногда не могу справиться с эмоциями. Эти женщины... все эти женщины... и мальчик, у которого впереди была целая жизнь. Это — самое ужасное!

* Прилосек — лекарственное средство, нормализующее кислотность желудка.

— Да, — согласилась она, передавая ему чашку. Дарси обратила внимание, как сильно дрожат у него руки, и подумала, что это, наверное, его последнее сражение, несмотря на пугающую остроту его ума.

— Женщина, которая слишком поздно узнаёт, кем на самом деле являлся ее муж, оказывается в очень сложном положении, — заметил Рэмси.

— Думаю, что да, — согласилась Дарси.

— И кто поверит, что после стольких лет совместной жизни она на самом деле совершенно его не знала? Совсем как птичка — не помню, как она называется, — что живет в пасти крокодила.

— Вообще-то считается, что крокодил позволяет ей жить у себя в пасти, — уточнила Дарси, — поскольку она чистит ему зубы. Выкалывает зернышки, оставшиеся в зубах. — Она постучала пальцами по столу, показывая, как клюют птицы. — Может, причина в действительности совсем другая, но в нашем случае я и правда возила Бобби к дантисту. Сам он всячески увиливал от посещения зубного врача и не выносил боли. — Неожиданно ее глаза наполнились слезами. Она вытерла их тыльной стороной ладони, проклиная себя за слабость. Сидевший напротив мужчина не станет уважать слез, пролитых по Роберту Андерсону.

А может, она ошибалась. Он улыбался и кивал:

— И еще ваши дети. Если мир узнает, что их отец — серийный убийца и мучитель женщин, то это клеймо на всю жизнь. А если все решат, что их мать покрывала его или даже помогала, как Майра Хиндли Йену Брейди*, то от такого потрясения они могут и вовсе не оправиться. Вы о них слышали?

— Нет.

— Не важно. Но задайте себе вопрос: как поступить женщине, оказавшейся в таком положении?

— А что бы вы сделали, Хольт?

* Йен Брейди и Майра Хиндли — семейная пара, британские серийные убийцы, хладнокровно пытали и убивали детей. Точное число их жертв осталось неизвестным.

— Не знаю. Я в другом положении. Возможно, я и старый зануда, доживающий свой век, но у меня есть долг перед семьями убитых женщин. Они заслуживают раскрытия дела.

— Конечно, заслуживают... Но разве это что-то изменит?

— Вы знали, что у Роберта Шейверстона был откушен пенис?

Она не знала. Конечно, не знала! Дарси закрыла глаза, чувствуя, как слезы пробиваются сквозь ресницы. *Он не «страдал»!* Как бы не так! Появись сейчас перед ней Боб, простирая руки и умоляя о милосердии, она бы снова его убила.

— Его отец об этом знает, — тихо произнес Рэмси. — И ему приходится жить, не забывая ни на секунду, как обошлись с ребенком, которого он любил.

— Мне очень жаль, — прошептала она. — Мне ужасно жаль.

Она почувствовала, как он взял ее за руку.

— Я не хотел вас расстраивать.

Она выдернула руку.

— Конечно, хотели! Неужели вы считаете, что мне было все равно?! Да как вы смеете?!

Он хмыкнул, сверкнув зубным протезом.

— Нет, я так не считаю. И увидел это сразу, как вы открыли дверь. — Он помолчал и добавил со смыслом: — Я сразу все увидел.

— И что вы видите сейчас?

Он поднялся и, слегка покачнувшись, выпрямился.

— Я вижу перед собой мужественную женщину, которую надо оставить в покое и не мешать жить дальше.

Она тоже поднялась.

— А как же семьи погибших, которые заслуживают раскрытия дела? — Она замолчала, не желая продолжать. Но у нее не было выбора. Этот старик приехал сюда, преодолевая мучительную боль, а теперь отпускал ее. По крайней мере ей так казалось. — А как же отец Роберта Шейверстона?

— Роберт Шейверстон умер, и его отец тоже не живет. — Рэмси заговорил спокойным и рассудительным тоном, который Дарси моментально узнала. Боб всегда переходил на него, когда разговаривал с клиентом, которого вызывали в налого-

вую службу для неприятных объяснений. — Не отрывается от бутылки с виски с раннего утра до позднего вечера. Если он узнает, что убийца и мучитель его сына мертв, это что-нибудь изменит? Не думаю. Вернет ли это к жизни хоть одну жертву? Нет! Горит ли сейчас убийца в вечном аду за свои преступления? Рвут ли там его тело на части, как делал он? Библия говорит, что да. Во всяком случае, об этом написано в Ветхом Завете, а поскольку все наши законы вышли оттуда, меня это вполне устраивает. Спасибо за кофе. Правда, мне придется останавливаться на всех стоянках до самой Огасты и бегать в туалет, но дело того стоило. Вы варите чудесный кофе.

Провожая Хольта до двери, Дарси впервые с того злополучного вечера, когда споткнулась о коробку в гараже, ощутила, что находится с правильной стороны зеркала. Было приятно сознавать, что кольцо вокруг Боба сжималось. Что он, оказывается, не все рассчитал безупречно, как сам считал.

— Спасибо, что заехали, — сказала она, пока Рэмси нахлобучивал шляпу. Она открыла дверь, чувствуя, как в дом потянуло морозным воздухом. Но это ее ничуть не смутило — кожу приятно холодило. — Мы еще увидимся?

— Нет. На будущей неделе я выхожу в отставку. Окончательно. И уезжаю во Флориду. Но и там не задержусь надолго, если верить врачам.

— Мне очень жа...

Он неожиданно обнял ее. Тонкие, жилистые руки оказались удивительно сильными. Дарси опешила, но не испугалась. Ей в висок уперся край шляпы, и она услышала, как старик прошептал:

— Вы поступили правильно.

И он поцеловал ее в щеку.

20

Он медленно брел по дорожке, стараясь не наступить на лед. Походка старика. Дарси подумала, что ему надо брать с собой палку. Он уже приближался к машине, по-прежнему ста-

рательно обходя скользкие участки, когда Дарси окликнула его. Рэмси обернулся, удивленно приподняв густые брови.

— В детстве у моего мужа был друг, который погиб, попав под грузовик.

— Правда? — Слова вылетели вместе с облаком пара.

— Да, — ответила Дарси. — Вы можете это проверить. Настоящая трагедия, хотя муж говорил, что тот не был хорошим мальчиком.

— Не был?

— Нет. У него в голове все время роились опасные фантазии. Мальчика звали Брайан Делаханты, но Боб называл его Би-Ди.

Рэмси немного постоял, осмысливая услышанное, а потом кивнул:

— Это очень интересно. Может, я и посмотрю по компьютеру, что об этом писали. А может, и не стану. Это было очень давно. Спасибо за кофе.

— Спасибо за беседу.

Дарси проводила взглядом машину: Холт водил не по возрасту — очень уверенно, может, благодаря сохранившемуся острому зрению, — и вернулась в дом. Она как будто помолодела и ощущала необыкновенную легкость. Подойдя к зеркалу в прихожей, она заглянула в него. Там было только ее отражение, и оно ей понравилось.

НЕЗДОРОВЬЕ*

* Under The Weather © 2014. В.А. Вебер. Перевод с английского.

Э тот дурной сон снится мне уже неделю, но, похоже, я каким-то образом контролирую себя, потому что вырываюсь из него, прежде чем он превращается в кошмар. На этот раз он последовал за мной, и теперь мы с Эллен не одни. Что-то затаилось под кроватью. Я слышу, как оно жует.

Вы знаете, каково это — действительно испугаться, правда? Такое ощущение, что сердце останавливается, язык прилипает к нёбу, кожа холодеет, мурашки бегут по всему телу. Плавное движение шестеренок в голове сменяется безумным вращением, и весь двигатель перегревается. Я едва сдерживаю крик, вот в каком я состоянии. Думаю: *Это тварь, которую я не хочу видеть. Это тварь с кресла у окна.*

Потом вижу потолочный вентилятор, вращающийся на минимальной скорости. Вижу свет раннего утра, просачивающийся в узкий зазор между задернутыми портьерами. Вижу сидящие включенные волосы Эллен, спящей на другой половине кровати. Я здесь, в Верхнем Ист-Сайде, на пятом этаже, и все хорошо. А звуки из-под кровати...

Я отбрасываю одеяло, становлюсь коленями на пол, словно человек, собравшийся помолиться. Вместо этого поднимаю свисающее до пола покрывало и заглядываю под кровать. Сначала вижу только темный силуэт. Потом ко мне поворачивается голова и во мраке светятся два глаза. Это Леди. Не положено ей лежать под кроватью, и скорее всего она это знает (трудно сказать, что собака знает, а что — нет), но я, должно быть,

оставил дверь открытой, когда ложился спать. А может, закрыл не полностью, и Леди открыла ее мордой. Наверное, она при- тащила с собой какую-то игрушку из ведерка в коридоре. Хорошо, что не синюю кость и не красную крысу. В них пищали, и она точно разбудила бы Эллен. А Эллен нужен отдых. Ей нездоровится.

— Леди, — шепчу я. — Леди, пошла отсюда.

Она только смотрит на меня. Постарела и соображает хуже, чем прежде, но, как говорится, она далеко не глупа. И сейчас лежит под половиной Эллен, где мне до нее не добраться. Если я повышу голос, ей придется подползти, но она знает (я чертовски уверен, что знает), я этого не сделаю: повысив голос, точно разбужу Эллен.

И в доказательство моего вывода Леди отворачивается и продолжает жевать свою игрушку.

Но я знаю, что надо делать. Прожил с Леди одиннадцать лет, почти половину моей супружеской жизни. Есть три способа вытащить ее из-под кровати. Первый — погребеть поводком и крикнуть: «Лифт!» Второй — гроыхнуть ее миской на кухне. Третий...

Я поднимаюсь и иду коротким коридором на кухню. Из буфета достаю пакет «Вкусных ломтиков», трясусь. Ждать не приходится. Тут же слышится приглушенное постукивание когтей нашего кокера. Пять секунд, и она уже на кухне. Не потруди- лась захватить с собой игрушку.

Я показываю ей маленькую «морковку», потом бросаю в гостиную. Из вредности, конечно, я знаю, она не собиралась пугать меня до смерти, но ведь напугала. А кроме того, старой толстухе подвигаться не во вред. Она бежит за угощением. Я задерживаюсь на кухне лишь потому, что хочу включить кофеварку, а потом возвращаюсь в спальню, на этот раз плотно за- крываю за собой дверь.

Эллен спит, и ранний подъем обладает определенным пре- имуществом: нет нужды в будильнике. Я его выключаю. Пусть поспит чуть дольше. У нее бронхиальная инфекция. Какое-то время я очень боялся за Эллен, но теперь она пошла на по- правку.

Я иду в ванную и официально открываю день чисткой зубов (я где-то прочитал, что утром ротовая полость обеззаражена как никогда, но от привычки, приобретенной в детстве, никуда не денешься). Включаю душ — струя сильная и горячая, — встаю под воду.

В душе мне лучше всего думается, и в это утро я думаю о своем сне. Мне он снился пять ночей подряд (но чего считать-то). Ничего действительно ужасного в нем не происходит, и в каком-то смысле это самое худшее, потому что, пребывая в этом сне, я знаю (и знаю абсолютно точно): что-то ужасное обязательно произойдет. Если я это допущу.

Я в самолете, салон бизнес-класса. Сижу у прохода, как мне нравится, потому что не приходится протискиваться мимо кого-то, если надо пойти в туалет. Столик опущен. На нем пакетик с солеными орешками и стакан с напитком оранжевого цвета, выглядит как коктейль «Восход солнца» с водкой, который в реальной жизни я никогда не заказывал. Полет проходит спокойно. Если облака и есть, мы летим над ними. Салон наполнен солнечным светом. Кто-то сидит в кресле у окна, и я знаю: если посмотрю на него (или на нее, или на оно), увижу нечто такое, что превратит мой дурной сон в кошмар. Если посмотрю в лицо моего соседа, могу даже лишиться рассудка. Он треснет, как яйцо, и из него выльется вся таящаяся внутри тьма.

Я быстро смываю мыльную пену с волос, выхожу из душа, вытираюсь. Моя одежда аккуратно сложена на стуле в спальне. Я беру ее и туфли и уношу на кухню, уже благоухающую ароматом кофе. Приятно. Леди свернулась у плиты, укоризненно смотрит на меня.

— Нечего на меня обижаться, — говорю я ей и киваю в сторону закрытой двери в спальню. — Правила ты знаешь.

Она опускает морду на пол между лап.

Дождаясь кофе, я беру клюквенный сок. Есть и апельсиновый, который я обычно пью по утрам, но сегодня не хочется. Наверное, очень похож на коктейль из сна. Кофе я пью в гостиную, в компании Си-эн-эн без звука, просто читаю бегущую строку под картинкой, и, если на то пошло, ничего дру-

гого и не нужно. Потом выключаю телевизор и съедаю тарелку хлопьев из отрубей. Без четверти восемь. Принимаю решение: если на прогулке с Леди погода будет хорошая, я обойдусь без такси и на работу пойду пешком.

Погода хорошая, весна переходит в лето, все вокруг сияет. Карло, наш швейцар, стоит под навесом и говорит по мобильнику:

— Да, да, я наконец-то до нее дозвонился. Она говорит, пожалуйста, нет проблем, все равно я в отъезде. Она никому не доверяет, и я ее не виню. У нее в квартире много красивых вещей. Когда подъедете? В три? Раньше никак? — Он поднимает руку в белой перчатке, приветствуя меня, когда мы с Леди направляемся к углу.

Этот процесс у нас с Леди доведен до совершенства. Она проделывает все практически на одном и том же месте, а я шустро использую мешочек для экскрементов. Когда мы возвращаемся, Карло наклоняется, чтобы потрепать Леди по голове. Она энергично виляет хвостом, но напрасно надеется на угощение: Карло знает, что она на диете. Или должна быть.

— Я наконец-то связался с миссис Варшавски, — сообщает мне Карло. Миссис Варшавски проживает в квартире 5В, но только номинально. Вот уже два месяца как она куда-то уехала. — Она в Вене.

— В Вене, значит, — киваю я.

— Она сказала, что я могу дать отмашку дезинсекторам. Когда я ей рассказал, пришла в ужас. Вы — единственный из четырех, пяти или шести, кто не возмущался. Остальные... — Он качает головой, шумно выдыхает.

— Я вырос в Коннектикуте, в промышленном городке. И вонь, стоявшая там, притупила мое обоняние. Я улавливаю аромат кофе или духов Эллен, если она сильно надушится, но ничего больше.

— В данном случае это просто дар Божий. Как миссис Франклин? Ей все еще нездоровится?

— На работу ей идти еще рано, но чувствует она себя гораздо лучше. Одно время я даже опасался самого худшего.

— Я тоже. Она однажды вышла... в дождь, естественно...

— Такая уж Эл, — говорю я. — Ничто ее не остановит. Если считает, куда-то надо пойти, обязательно так и сделает.

— ...и я подумал: *Да это же настоящий могильный кашель.* — Он поднимает руку в белой перчатке, жестом останавливая возражения. — Не то чтобы я действительно подумал...

— Да, с таким кашлем кладут в больницу. Но я наконец-то заставил ее пойти к доктору, и теперь... она на пути к выздоровлению.

— Хорошо, хорошо. — Потом возвращается к тому, что его действительно волнует. — Миссис Варшавски выразила крайнее недовольство, когда я ввел ее в курс дела. Я сказал, что мы скорее всего найдем протухшую еду в холодильнике, но я знаю, все гораздо серьезнее. Как и все, у кого нормальное обоняние. — Он мрачно кивает. — Они найдут дохлую крысу, помяните мои слова. Протухшая еда воняет, но по-другому. Такой запах только от мертвечины. Это крыса, точно, может, и две. Она, вероятно, перед отъездом рассыпала по квартире яд, но не хочет этого признавать. — Он наклоняется и вновь треплет Леди по голове. — Ты это чувствуешь, правда, девочка? Готов спорить, что чувствуешь.

Около кофеварки разбросаны пурпурные стикеры. Я беру со стола пурпурный блок, от которого их отрывал, и пишу еще одну записку:

Эллен! Леди я выгулял. Кофе готов. Если будешь неплохо себя чувствовать, выйди в парк. Но далеко не уходи! Нельзя тебе переутомляться, когда ты только-только пошла на поправку. Карло вновь сказал мне, что «чувствует запах дохлой крысы». Похоже, все, кто живет рядом с квартирой 5B, его чувствуют. К счастью для нас, у тебя нос забит, а у меня почти полная anosmia. Ха-ха! Если услышишь людей в квартире миссис Ва, это будут дезинсекторы. Должен хорошо подумать о новейшем чудо-препарате для мужчин. Им следовало проконсультироваться с нами, прежде чем так его называть. Помни — НЕ ПЕРЕУТОМЛЯЙСЯ. Люблю тебя. Люблю!

Рисую полдесятка «Х» вместо черты, подписываюсь сердцем, пронзенным стрелой. Добавляю стикер к тем, что уже вокруг кофеварки. Прежде чем уйти, наполняю водой миску Леди.

До работы мне двадцать кварталов или около того, и я думаю не о новейшем чудо-препарате для мужчин, а о дезинсекторах, которые придут в три. Или раньше, если получится.

Прогулка, возможно, решение ошибочное. Этот сон — серьезная помеха полноценному ночному отдыху, и в результате я едва не засыпаю на утренней планерке в конференц-зале. Но успеваю взять себя в руки. Пит Уэнделл показывает веселенький постер для новой рекламной кампании водки «Петров». Я его уже видел — на экране компьютера в кабинете Пита, когда он возился с ним на прошлой неделе, и, взглянув вновь, понимаю, откуда взялась как минимум одна составляющая моего сна.

— Водка «Петров», — говорит Ора Маклин. Ее восхитительная грудь поднимается и опускается в театральном вздохе. — Если это пример нового русского капитализма, то кампания изначально обречена на провал. — Громкий смех более молодых мужчин, которые хотели бы видеть светлые волосы Оры на своей подушке. — Без обид, Пит, я исключительно про продукт.

— Какие обиды, — с улыбкой отвечает Пит. — Мы делаем все, что в наших силах.

На постере пара, чокающаяся на балконе, тогда как солнце садится за бухтой, заполненной дорогами яхтами. Слоган под картинкой: «ЗАКАТ. САМОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ «ВОСХОДА» С ВОДКОЙ».

Следует дискуссия о местоположении бутылки: справа? Слева? Вверху? Внизу? — и Фрэнк Берштейн предлагает добавить на рекламную страницу рецепт коктейля, особенно для таких журналов, как «Плейбой» и «Эсквайр». Я отключаюсь, думая о коктейле, который стоит на столике в моем сне, и едва не пропускаю вопрос, адресованный мне Джорджем Слэттери. Но успеваю среагировать и отвечаю. Джорджа переспрашивать не положено.

— Я в одной лодке с Питом, — говорю я. — Продукт выбирает клиент, а я всего лишь делаю что могу.

В ответ добродушный смех. По новейшему чудо-препарату «Воннелл фармацевтикел» в этой комнате проезжались не раз и не два.

— Возможно, я кое-что покажу вам в понедельник, — продолжаю я. Не смотрю на Джорджа, но он знает, к чему я клоню. — К середине следующей недели точно. Я хочу дать Билли шанс проявить себя в полной мере. — Билли Эдерли — наш новичок, и на испытательный срок определен мне в помощники. На утренние планерки его еще не приглашают, но мне он нравится. В «Эндрюс — Слэттери» он нравится всем. Умный, энергичный, и я готов поспорить, что через год-другой он начнет бриться.

Джордж обдумывает мой ответ.

— Я надеялся увидеть концепцию сегодня. Хотя бы черновой вариант.

Тягостная пауза. Все внимательно изучают свои ногти. Для Джорджа это совсем уж близко к порицанию, и, возможно, я того заслуживаю. Неделя у меня не из лучших, и попытка свалить все на мальчишку выглядит не очень. Да и по ощущениям я делаю что-то не то.

— Ладно, — выносит вердикт Джордж, и в комнате почувствовалось облегчение. Слово дуновение холодного ветерка: появилось, и его уже нет. Никто не хочет присутствовать при публичной порке в конференц-зале в солнечное пятничное утро, а мне, естественно, не хочется ее получать. Учитывая, что и без того хватает забот.

Джордж чувствует недоброе, думаю я.

— Как Эллен? — спрашивает он.

— Ей лучше, — отвечаю я. — Спасибо, что спросил.

Еще несколько презентаций. Планерка закончена. Слава Богу.

Я почти задремал, когда двадцать минут спустя Билли Эдерли входит в мой кабинет. Отметьте этот нюанс: я дремлю. Но тут же выпрямляюсь в надежде, что парень подумает, будто вырвал меня из глубокого раздумья. Но он, возможно, слишком

взволнован, чтобы обращать внимание на мое состояние. Принес плакатную доску. Я думаю, что он нормально смотрелся бы в Поданкской старшей школе, будь у него в руках объявление о пятничном танцевальном вечере.

— Как прошла планерка? — спрашивает он.

— Без проблем.

— Нас помянули?

— Если действительно хочешь знать, да. И что ты мне приготовил, Билли?

Глубокий вдох, и он поворачивает плакатную доску лицевой стороной ко мне. Слева фирменный флакон виагры стандартного размера или около того. Справа — эта сторона рекламного объявления более заметна, о чем вам скажет любой рекламщик — фирменный флакон нашего препарата, но гораздо большего размера. Под большим флаконом слоган: **ПО-10P, В ДЕСЯТЬ РАЗ ЭФФЕКТИВНЕЕ ВИАГРЫ!**

Билли смотрит, как я разглядываю постер, и его полная надежд улыбка начинает угасать.

— Вам не нравится.

— Вопрос не в том, нравится или нет. В нашем бизнесе он так не ставится. Вопрос другой: сработает или нет. Это не сработает.

Теперь он надувается. Если бы Джордж Слэттери увидел его таким, отвел бы в дровяной сарай и в наказание запер там. У меня таких намерений нет — хотя ему, возможно, кажется, что они именно такие, — поскольку моя задача — учить его. И несмотря на то что голова занята другим, я пытаюсь делать свое дело, потому что люблю этот бизнес. Он не приносит уважения, но я все равно его люблю. Опять же слышу голос Эллен: «Надо доводить дело до конца». Если за что-то взялся — не отступай. Такая решительность иной раз даже немного пугает.

— Присядь, Билли.

Он садится.

— И сотри с физиономии эту надутость, идет? Ты похож на малыша, только что уронившего пустышку в унитаз.

Он старается изо всех сил. За что я его и люблю. Парень рук не опускает, и так и надо, если он собирается работать в агентстве «Эндрюс — Слэттери».

— Хорошая новость — я не отбираю у тебя этот проект, главным образом по одной причине: не твоя вина, что в «Воннелл фармацевтикел» дали препарату название, которое звучит как витамин. Но мы должны сделать гладенькую сумочку из этого свиного уха. В рекламе такую задачу приходится решать в семи случаях из десяти. Может, и в восьми. Поэтому слушай внимательно.

Он чуть улыбается.

— Может, мне все записать?

— Не умничай. Первое, в рекламе лекарственного средства упаковка никогда не показывается. Логотип — обязательно. Сама таблетка — иногда. Зависит от обстоятельств. Знаешь, почему «Пфайзер» показывает таблетки виагры? Потому что они синие. Потребители любят синее. И форма необычная. Потребители положительно реагируют на форму таблетки виагры. Но людям совсем не хочется видеть пузырек, в котором они покупают эти таблетки. Пузырьки вызывают у них мысли о болезни. Это понятно?

— Тогда, может, маленькая таблетка виагры и большая По-10р? Вместо флаконов? — Он поднимает руку, проводит невидимую черту под картинкой. — «По-10р, в десять раз больше, в десять раз лучше». Улавливаете?

— Да, Билли, улавливаю. Управление по надзору за качеством медикаментов тоже уловит. Собственно, может приказать нам убрать рекламу с таким слоганом из обращения, а это обойдется в кругленькую сумму. Не говоря о том, что мы лишимся очень хорошего клиента.

— Почему? — Билли почти скулит.

— Потому что она не в десять раз больше и не в десять раз лучше. Виагра, сиалис, левитра, По-10р включают активное вещество с практически одинаковой, вызывающей эрекцию, формулой. Поинтересуйся этим, малыш. Неплохо освежить знания и по рекламному законодательству. Хочешь доказать,

что олады из отрубей Трепача в десять раз вкуснее оладий из отрубей Болтуна? Возможно, сумеешь, вкус — фактор субъективный. Теперь о твердости члена и отрезка времени, в течение которого он таковым остается.

— Ладно. — В голосе обреченность.

— «В десять раз больше» относительно чего-то, когда речь идет об эректильной дисфункции, не катит. Вышло в тираж, как две «ма» на одной «ка».

На его лице полное непонимание.

— «Две манды на одной кухне»*. Так рекламщики называли ролики для «мыльных опер» в середине пятидесятих.

— Вы шутите!

— Отнюдь. А теперь посмотри, о чем я думаю... — Я записываю на чистом листе блокнота несколько слов, и вдруг перед мысленным взором возникают все эти стикеры около кофеварки в старой доброй квартире 5Б... почему они до сих пор там?

— А просто сказать не можете? — спрашивает парнишка, и голос далекий, словно нас разделяет тысяча миль.

— Нет, потому что в рекламном бизнесе звук не главное, — говорю я. — Никогда не доверяй рекламе, которая произносится слишком громко. Если что-то придумал, запиши и покажи кому-нибудь. Покажи лучшему другу. Или своей... ты понимаешь, жене.

— Вы в порядке, Брэд?

— Более чем. А что?

— Не знаю. У вас вдруг так странно изменилось выражение лица.

— Главное — чтобы я не выглядел странным во время презентации в понедельник. А теперь что это тебе говорит? — Я поворачиваю блокнот к нему и показываю фразу: «ПО-10Р... ДЛЯ МУЖЧИН, КОТОРЫЕ ЛЮБЯТ, ЧТОБЫ СТОЯЛО».

— Выглядит похабной шуткой, — возражает он.

— Ход твоих мыслей понятен, но я написал фразу печатными буквами. А теперь представь себе, что она написана плав-

* «Две манды на одной кухне» — рекламный ролик, в котором две женщины на кухне, скажем за чашкой кофе, обсуждают достоинства рекламируемого продукта, к примеру гигиенических прокладок

ным курсивным шрифтом. Может, даже с засечками. — Я их добавляю, но с печатными буквами получается не очень. Зато получится с упомянутыми мной шрифтами. Я знаю, что получится, потому что буквально это вижу. — Теперь пойдем дальше. Подумай о фотографии крепкого, здорового мужика. В джинсах с заниженной талией, из-под которых торчат трусы. И, скажем, в футболке с отрезанными рукавами. Представь его себе с машинным маслом и грязью на бицухах.

— Бицухах?

— Бицепсах. И он стоит около автомобиля с мощным двигателем, у которого поднят капот. Теперь это тоже выглядит похабной шуткой?

— Я... Я не знаю.

— Я тоже. Полной уверенности у меня нет, но нутро подсказывает, что направление выбрано правильное. Конечно, надо еще пахать и пахать. Слоган не проработан, тут ты прав, а нужен он идеальный, потому что станет основой для роликов на ТВ и в Сети. Покрути его. Заставь работать. Помни, что ключевое слово...

Внезапно нисходит озарение, и я знаю, откуда взялась остатальная часть этого чертова сна.

— Брэд?

— Ключевое слово — «стояло», — говорю я. — Потому что мужчина... если у него что-то не работает — член, замысел, жизнь, — сильно огорчается. Но не хочет сдаваться. Он помнит, как было раньше, и хочет, чтобы все вернулось на круги своя.

Да, думаю я. Да, хочет.

Билли глупо улыбается.

— Ну, не знаю.

Я тоже выдавливаю из себя улыбку. Получается она кислой, будто гири подвешены к уголкам рта. И вновь я словно переносусь в дурной сон. Потому что рядом что-то такое, на что смотреть я не хочу. Только это не сон, из которого я могу выскочить. Это — реальность.

После ухода Билли я иду в уборную. Десять часов, большинство парней нашей конторы уже отлили утренний кофе и

пьют новый в маленькой столовой, так что я в гордом одиночестве. Захожу в кабинку, скидываю брюки, чтобы тот, кто войдет, увидел через щель под дверью, что я занят чем положено, но я пришел сюда только с одним делом: подумать. Или вспомнить.

Через четыре года после моего прихода в «Эндрюс — Слэтери» на мой стол лег заказ на разработку рекламной кампании для болеутоляющего средства «Скорпом». Мне и потом перепалили крупные заказы, и иной раз удавалось найти очень удачные решения, но этот был первым. Все произошло быстро. Я открыл коробку с образцом, достал пузырек с таблетками, и мое воображение тут же подсказало мне основной элемент кампании — рекламщики иногда называют его сердцевиной. Я, конечно, потянул резину, чтобы не создалось впечатление, что задачу передо мной поставили — проще некуда. Потом нарисовал несколько вариантов постеров. Эллен мне помогала. Это произошло вскоре после того, как мы выяснили, что забеременеть она не может. Причиной послужил какой-то препарат, которым в подростковом возрасте ее лечили от острой ревматической лихорадки. Она впала в депрессию, но работа над рекламой скорпома позволила отвлечься. Эллен заметно ожила.

Тогда компанией еще руководил Эл Эндрюс, так что с нашими наработками я пошел к нему. Помню, как сидел перед его столом в «пыточном кресле», обильно потея, с гулко бьющимся сердцем, пока он медленно просматривал наши макеты. Наконец, отложив их, он поднял косматую седую голову, чтобы посмотреть на меня, а последовавшая пауза затянулась, как мне показалось, на час. «Хорошо, Брэйди, — произнес он. — Больше чем хорошо, потрясающе. С клиентом встречаемся завтра, во второй половине дня. Презентация за тобой».

На презентации я не ударил в грязь лицом, и вице-президент «Дуган драг» едва не сошел с ума от счастья, когда увидел рекламный плакат с молодой работницей и пузырьком скорпома, торчащим из закатанного рукава. Эта кампания поста-

вила скорпом в один ряд с лидерами рынка — байером*, анацином, буфферином, — и к концу года мы уже рекламировали всю продукцию «Дуган драг». И в счете стояло семизначное число, начинающееся не с единицы. Часть премии я потратил на то, чтобы поехать с Эллен на десять дней в Нассау. Мы вылетели из аэропорта Кеннеди в серый, дождливый день, и я до сих пор помню, как она рассмеялась и сказала: «Поцелуй меня, милый», — когда самолет пробил облака и солнечный свет залил салон. Я поцеловал, и пара по другую сторону прохода — мы летели бизнес-классом — зааплодировала.

Я рассказал о лучшем. Худшее произошло через полчаса, когда я повернулся к ней и на мгновение подумал, что она мертва. И все потому, что спала она в неестественной позе: голова повернута к плечу, рот приоткрыт, волосы словно прилипли к иллюминатору. Эллен была молодой — я тоже, — но над ней висела реальная угроза внезапной смерти.

«Ваше состояние раньше называли бесплодием, миссис Франклин, — добавил доктор, сообщив нам плохую весть, — но в вашем случае следует назвать его счастьем. Беременность увеличит нагрузку на сердце, а ваше из-за болезни, которую плохо лечили, не такое и здоровое. Если бы вы забеременели, то последние четыре месяца вам пришлось бы провести в постели, и не факт, что риска удалось бы избежать».

Она не забеременела к тому моменту, когда мы отправились в путешествие, но две недели перед отъездом очень волновалась, да и при подъеме на высоту крейсерского полета сильно болтало... короче, выглядела она так, словно не дышит.

Потом Эллен открыла глаза. Я откинулся на спинку моего кресла у прохода, шумно выдохнул.

Она в недоумении посмотрела на меня.

— Что не так?

— Ничего. Ты выглядела во сне...

Она вытерла подбородок.

* Байер — разговорное название аспирина производства компании «Байер».

— Господи, я напускала слюней?

— Нет. — Я рассмеялся. — Но на мгновение мне показалось... что ты умерла.

Она тоже рассмеялась.

— Если бы я умерла, тебе пришлось бы отправить тело обратно в Нью-Йорк, а самому утешиться с какой-нибудь Бага-мой-мамой.

— Нет, — ответил я. — Я бы все равно остался с тобой.

— Что?

— Я с этим не свыкнусь. Никогда.

— Тебе придется. Через несколько дней. Потому что я начну вонять.

Эллен улыбалась. Она думала, это все игра, не осознала в полной мере, что говорил ей доктор в тот день. Она, прямо скажу, не приняла это близко к сердцу. И не знала, как выглядела, когда солнечный свет падал на ее щеки, белые как снег, нависшие веки, опустившиеся уголки рта. Но я видел и принял это близко к сердцу. Она была моим сердцем, и я храню то, что в моем сердце. Никто у меня этого не отнимет.

— Никогда, — ответил я. — Я сохраню тебя живой.

— Правда? Как? Колдовством?

— Отказом это признать. И использую главное оружие рекламщика.

— Какое же, мистер Скорпом?

— Воображение. Можем мы теперь поговорить о чем-то более приятном?

Звонок, которого я жду, раздастся в половине четвертого. Не Карло — Берк Остроу, техник-смотритель нашего дома. Хочет знать, когда я приду домой, потому что запахдохлой крысы идет не из квартиры 5В, а из нашей, которая рядом. Остроу говорит, что дезинсекторы должны уйти в четыре, потому что их ждут в другом месте, но важно не это, а другое: запах идет из нашей квартиры. И, между прочим, Карло утверждает, что не видел мою жену уже неделю, только меня и собаку.

Я объясняю, что запахов практически не различаю, а у Эллен бронхит. В ее нынешнем состоянии, говорю я, она не узнает, что горят портьеры, пока детектор дыма не включит сиг-

нализацию. Я уверен, Леди запах чувствует, говорю я ему, но для собаки вонь разлагающейся крысы, возможно, приятнее аромата «Шанель № 5».

— Я все это понимаю, мистер Франклин, но все равно должен попасть в вашу квартиру и посмотреть, что там. А если дезинсекторов придется вызывать вновь, я думаю, что этот счет придется оплачивать вам лично. И он немаленький. Я могу воспользоваться мастер-ключом, но мне будет проще, если вы...

— Да, так и мне будет проще. Не говоря уже про мою жену.

— Я пытался ей дозвониться, но она не берет трубку. — Я слышу, как подозрительность вновь прокрадывается в его голос. Я ведь все объяснил, рекламщики это умеют, но убедить в собственной правоте обычно удается секунд на шестьдесят или около того.

— Возможно, она выключила звонок. И лекарства, которые прописал врач, вызывают у нее сонливость.

— Когда вы придете домой, мистер Франклин? Я могу задержаться до семи. Потом останется Альфредо. — Нотка пренебрежения в голосе указывает, что мне лучше не вести дел с этим не знающим английского мокроспином*.

Никогда, думаю я. Не приду домой *никогда*. Собственно, меня там вообще не было. Нам с Эллен так понравились Багамы, что мы перебрались в Кэбл-Бич, а я устроился на работу в маленькую фирму в Нассау. Рекламирую круизные рейсы, распродажи электроники, открытия супермаркетов. А вся эта нью-йоркская мишура — сладкий сон, из которого я могу выскользнуть в любую минуту.

— Мистер Франклин? Вы на связи?

— Конечно. Просто задумался. И вот что я вам скажу. Если уйду с работы прямо сейчас и возьму такси, то приеду через двадцать минут. Но у меня совещание, на котором мое присутствие обязательно, поэтому давайте встретимся в моей квартире в шесть?

— Как насчет вестибюля первого этажа, мистер Франклин? И в вашу квартиру мы поднимемся вместе.

* Мокроспин (мокрая спина) — нелегальный эмигрант из Мексики (переплывший Рио-Гранде).

Меня так и подмывает спросить, как, по его мнению, я смогу избавиться от трупa убитой мною жены в час пик, потому что думает он именно об этом. Возможно, эта версия для него не главная, но точно не первая с конца. Он предполагает, что я воспользуюсь грузовым лифтом? Или, может, печью для сжигания мусора?

— Вестибюль так вестибюль, — отвечаю я. — В шесть, максимум в четверть седьмого, если не успею.

Я кладу трубку на рычаг и направляюсь к лифтам. Мимо столовой. Билли Эдерли стоит в дверях, пьет «Ноззи». Это отвратительная газировка, но у нас в автомате другой нет. Компания-производитель — наш клиент.

— Куда направляетесь?

— Домой. Позвонила Эллен. Ей нездоровится.

— Брифкейс не берете?

— Нет. — Не думаю, что брифкейс понадобится мне в ближайшее время. Может, вообще не понадобится.

— Я работаю над новой композицией По-10р. По-моему, получится супер.

— Я в этом уверен, — отвечаю я и не кривлю душой. Карьера Билли Эдерли скоро пойдет в гору, и это хорошо. — Должен бежать.

— Само собой, понимаю. — Ему двадцать четыре, и он ничего не понимает. — Передайте ей мои наилучшие пожелания.

Каждый год в «Эндрюс — Слэттери» берут полдесятка стажеров: так начинал и Билли Эдерли. Все подают большие надежды, и сначала такие надежды подавал и Фред Уиллец. Я взял его под свое крыло, а потому мне поручили и уволить его — наверное, можно сказать и так, хотя стажеров по-настоящему не нанимают на работу, — после того, как выяснилось, что он — клептоман, решивший, что склад расходных материалов — его охотничьи угодья. Одному Богу известно, сколько и чего он уворовал, прежде чем Мария Эллингтон как-то днем застукала его, когда он засовывал в брифкейс — размером с чемодан — пачку бумаги для ксерокса. Тогда же выяснилось, что он еще и ку-ку. Устроил дикий скандал, когда я сказал ему, что

больше он здесь не работает. Пит Уэнделл вызвал охрану, потому что парень продолжал орать на меня, и его вывели силой.

Вероятно, старина Фредди хотел сказать гораздо больше, чем успел, потому что начал отираться у моего дома и обращался ко мне, когда я приходил домой. Правда, держался на расстоянии, и копы заявили, что он всего лишь пользуется правом свободно высказывать свою точку зрения. Но боялся я не его рта. Думал о том, что он мог украсть канцелярский или инструментальный ножи, не говоря уже о катриджах и пятидесяти пачках бумаги. Тогда я и попросил Альфредо дать мне ключ от двери черного хода и заходил в дом через нее. Произошло это в сентябре или октябре. Юный мистер Уиллец сдался, когда похолодало, отправился высказывать свои претензии куда-то еще, но Альфредо не попросил меня вернуть ключ, а я — не вернул. Наверное, мы оба про него забыли.

В итоге я не называю таксисту мой адрес, а прошу высадить меня в соседнем квартале. Расплачиваюсь, оставляю щедрые чаевые — это всего лишь деньги — и проулком иду к двери черного хода. У меня замирает сердце, потому что ключ не поворачивается, но я его чуть дергаю — и победа! В грузовом лифте стены обиты войлоком, чтобы не царапать мебель, которую поднимают на нем. *Предварительное знакомство с палатой для буйных, куда меня поместят*, думаю я, но это, конечно, преувеличение. Мне, вероятно, придется взять отгул на работе, и я наверняка нарушил условия договора аренды, но...

Что я, собственно, сделал?

Если на то пошло, что я делал последнюю неделю?

— Удерживал ее в живых, — говорю я, когда лифт останавливается. — Потому что не вынес бы ее смерти.

Она и не мертва, говорю я себе. *Ей просто нездоровится*.

Для слогана никак не годится, но в последнюю неделю фраза эта служила мне отлично, а в рекламном бизнесе короткие сроки очень важны.

Я вхожу в квартиру. Воздух застывший и теплый, но никакого запаха нет. Так я говорю себе, и в рекламном бизнесе воображение — основа основ.

— Дорогая, я дома, — зову я. — Ты проснулась? Тебе лучше?

Видимо, я забыл закрыть дверь в спальню перед тем, как уйти, потому что оттуда выходит Леди. Облизывается. Бросает на меня виноватый взгляд, потом бредет в гостиную, опустив хвост. Не оглядывается.

— Дорогая? Эл?

Я прохожу в спальню. Вновь вижу только включенные волосы и очертания тела под одеялом. Одеяло чуть сдвинуто, и я знаю, что она вставала — хотя бы только затем, чтобы выпить кофе, — а потом вновь легла. В прошлую пятницу я пришел домой, и она не дышала: вот с тех пор так много спит.

Я обхожу кровать с ее стороны и вижу свисающую руку. От нее осталось немного: кости и ключья мышц. Я смотрю на нее и думаю, что возможны два варианта восприятия увиденного. Если исходить из первого, то надобно усыпить мою собаку, вернее, собаку Эллен, ее Леди всегда любила больше. Если из второго: можно сказать, что Леди тревожилась и пыталась разбудить Эллен. Поднимайся, я хочу пойти в парк. Поднимайся, давай поиграем в мои игрушки.

Я убираю руку под одеяло. Так она не замерзнет. Потом я отгоняю мух. Не припоминаю, чтобы раньше видел их в нашей квартире. Они, наверное, унюхали дохлую крысу, о которой говорил Карло.

— Ты знаешь Билли Эдерли? — спрашиваю я. — Я отдал ему этот чертов По-10р и думаю, он справится.

Эллен не реагирует.

— Ты не можешь умереть, — говорю я. — Это неприемлемо.

Эллен не реагирует.

— Хочешь кофе? — Я смотрю на часы. — Или поесть? У нас есть куриный суп. В пакетике, его надо разводить водой. Он не так и плох, когда горячий. Что скажешь, Эл?

Эллен не реагирует.

— Хорошо, — говорю я, — хорошо. — Помнишь, как мы полетели на Багамы, милая? Только начали плавать с трубкой и маской, как тебе пришлось отказаться, потому что у тебя полились слезы. А когда я спросил, что такое, ты ответила: «Они такие красивые».

Только теперь слезы льются у меня.

— Ты уверена, что не хочешь встать и немного пройтись?
Я открою окна, чтобы проветрить квартиру.

Эллен не реагирует.

Я вздыхаю. Приглаживаю всклоченные волосы.

— Хорошо, — говорю я, — тогда почему бы тебе еще не-
много не поспать? Я посижу рядом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ*

Повести этого сборника довольно жесткие, и я допускаю, что читать их было нелегко. Поверьте, что и писать их мне было ничуть не легче. Когда меня спрашивают, как я работаю, я обычно отшучиваюсь или рассказываю какой-нибудь забавный эпизод из своей жизни. Верить этому нельзя, как вообще нельзя верить беллетристу, рассказывающему о себе. Это своего рода уход от ответа, только более дипломатичный, чем позволяли себе мои американские предки, прямо указывавшие чрезмерно любопытным собеседникам, что это не их дело. Но если честно, я всегда, со времен написания первого романа «Долгая прогулка», который создал в восемнадцать лет, относился к работе исключительно серьезно.

Я невысокого мнения о писателях, которые считают беллетристику несерьезным жанром, и совсем низкого о тех, кто отрицает ее актуальность. Беллетристика вовсе не легкая игра воображения и отнюдь не утратила злободневности. Она позволяет нам понять жизнь и тот зачастую ужасный мир, в котором мы живем. С ее помощью мы отвечаем на вопрос: «Почему подобное возможно?» Беллетристика помогает осознать, что причина для каких-то жутких событий порой действительно существует.

* Afterword. © 2011. В.В. Антонов. Перевод с английского.

Еще до того как я, будучи молодым человеком, которого теперь мне трудно понять самому, начал писать в общежитии колледжа «Долгую прогулку», я чувствовал: хорошую беллетристику обязательно отличает напористость и агрессивность. Она должна «бить в лицо», а иногда даже кричать. Я вовсе не противник книг, где описываются необычные люди в обычных житейских ситуациях. Но как читателя и писателя меня гораздо больше интересуют обычные люди в необычных ситуациях. Я хочу вызвать в читателях эмоциональную и даже «животную» реакцию. Я не из тех, кто стремится заставить читателя думать. Конечно, это нельзя понимать буквально, поскольку если сюжет хорош, а герои узнаваемы, то на смену эмоциям обязательно придут мысли, когда книга прочитана и — часто с облегчением — отложена в сторону. Я помню, как лет в тринадцать читал роман Джорджа Оруэлла «1984», испытывая растущее смутение, возмущение и гнев, и как скорее хотел добраться до конца. Ну и что в этом плохого? Особенно учитывая, что я неизменно вспоминаю о ней, когда какой-нибудь политик, вроде Сары Пэйлин с ее скандальными заявлениями о смертной казни, пытается выдать белое за черное и наоборот.

И вот во что еще я верю: если вы идете в какое-нибудь особенно темное место, похожее на ферму Уилфа Джеймса в Небраске из повести «1922 год», нужно обязательно прихватить с собой яркий фонарь и освещать все вокруг. Если вы не хотите что-то видеть, то зачем вообще вступать в царство Тьмы? Больше сорока лет я не забываю слова, сказанные по этому поводу великим писателем-натуралистом Фрэнком Норрисом, одним из моих литературных кумиров: «Я никогда не раболепствовал; я никогда не снимал шляпы перед Модой и не протягивал ее за милостыней. Клянусь Богом, я всегда говорил правду!»

Вы можете возразить, что я очень даже неплохо заработал на литературном поприще, что же до правды... то разве она не относительна? Да, мои книги принесли немало денег, но я писал их не ради обогащения. Создавать романы ради заработ-

ка — пустое и неблагодарное занятие. А правда у каждого своя. Но если мы говорим о литературе, писатель обязан искать правду только в своем сердце. Это далеко не всегда будет правдой читателя или критика, но пока писатель излагает свою правду, не раболепствует и не заискивает перед Модой, с ним все в порядке. Я презираю писателей, которые намеренно лгут, писателей, чьи герои поступают не так, как реальные люди. Плохая литература — это не просто плохой язык и описания действий, поступков и ситуаций, каких не бывает в жизни. Плохая литература обычно возникает из упрямого нежелания смотреть правде в глаза, нежелание признавать выбивающиеся из общего ряда факты. Например, того, что убийца вполне может помочь старушке перейти улицу.

В этом сборнике я попытался показать, на что способны люди в отчаянном положении. Мои герои вовсе не лишены надежд, но на их примере становится ясно, что наши самые заветные мечты — в том числе и в отношении окружающих и общества, в котором мы живем, — могут так никогда и не осуществиться. Но мне кажется, ясно и другое. Величие зиждется не на успехе, а на стремлении поступить правильно... а когда мы проявляем слабость или осознанно пасуем перед брошенным нам вызовом, вот тогда наступает ад.

Повесть «1922 год» была навеяна документальной книгой Майкла Лизи «Смертельно опасное путешествие в Висконсин», опубликованной в 1973 году. Разглядывая помещенные в книге фотографии маленького городка Блэк-Ривер-Фоллс, я был поражен безликостью сельского ландшафта и снимками жителей с печатью лишений на суровых лицах. Именно это ощущение мне и хотелось передать в повести.

В 2007 году я ехал по 84-й федеральной автострате на встречу с читателями в западной части штата Массачусетс и остановился на придорожной стоянке, чтобы перекусить. Типичный рацион здорового питания Стивена Кинга составляет бутылка минералки и шоколадный батончик. Когда я вышел из закуской, то увидел женщину возле машины с проколотым колесом, она о чем-то настойчиво просила дальнбойщика,

чей тягач был припаркован рядом. Он улыбнулся ей и вылез из кабины.

— Помощь нужна? — поинтересовался я.

— Нет, я сам все сделаю, — ответил дальнбойщик.

Не сомневаюсь, что колесо женщине поменяли. А у меня в голове родился сюжет, который и лег в основу повести «Громила».

В Бангоре, где я живу, аэропорт огибают оживленная Хаммонд-стрит. Я совершаю ежедневные пешие прогулки длиной в три-четыре мили и, если нахожусь в городе, часто хожу в ту сторону. Примерно на середине Хаммонд-стрит, возле забора, огораживающего аэропорт, есть засыпанная гравием площадка с ларьками для придорожной торговли. Моего любимого торговца местные называют Гольфистом, и он всегда появляется весной. Когда наступает весна и приходит тепло, Гольфист отправляется на муниципальную площадку для игры в гольф и подбирает там сотни брошенных мячей, перезимовавших под снегом. Никуда не годные он выбрасывает, а остальные продает на той самой торговой площадке. Ветровое стекло его машины украшают висащие в ряд мячики, отчего она выглядит очень забавно. Как-то я наблюдал за ним, и у меня родилась идея сюжета, которую я воплотил в повести «На выгодных условиях». Действие, разумеется, происходит в Дерри, где орудовал покойный и недоброй памяти Танцующий Клоун Пеннивайз, поскольку под названием Дерри я описываю именно Бангор.

Идея последней повести этой книги пришла мне в голову после прочтения статьи о печально известном Деннисе Рейдере, который связывал, пытал и убивал свои жертвы. За шестнадцать лет он убил восемь женщин и двух детей. Несколько раз он отправлял почтой в полицию удостоверения личности убитых. Паула Рейдер была замужем за этим монстром целых тридцать четыре года, и жители Уичиты, где действовал маньяк, отказывались верить, что она ничего не знала. А я ей верю и написал повесть, где постарался представить, как могут развиваться события, если жене случайно становится известно о жутком «хобби» своего мужа. И еще мне хотелось показать, что

невозможно узнать до конца даже тех, кого мы любим больше всего на свете.

Ну да ладно. Думаю, мы провели в царстве Тьмы достаточно времени. А за его пределами нас ждет целый мир. Возьми меня за руку, Постоянный Читатель, и я с радостью выведу тебя обратно. Туда, где светит солнце. Я и сам с удовольствием вернусь туда, потому что считаю большинство людей хорошими. И знаю, что отношусь к ним сам.

А вот в *тебе* я до конца не уверен.

*Бангор, штат Мэн
23 декабря 2009 года*

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен
Тьма, — и больше ничего
Сборник

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор Н.И. Герасимова

Подписано в печать 11.08.2014. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ 2513.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ».

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, комн. 5.

Издано при участии ООО «Харвест».

Свидетельство о ГРИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.

Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

**Представляем культовый роман
Стивена Кинга «СИЯНИЕ»
В НОВОМ ПЕРЕВОДЕ!**

Потрясающий роман Мастера, который и сейчас, спустя тридцать с лишним лет после триумфального выхода в свет, читается так, словно был написан вчера. Книга, вновь и вновь издающаяся едва ли не на всех языках мира.

... Проходят годы, десятилетия, но история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

**«ДОКТОР СОН» — продолжение
легендарного романа «Сияние»!**

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор тяготится своим необычайным даром. Ведь способность «сиять» вновь и вновь напоминает ему о трагических событиях, пережитых в детстве и едва не сломавших ему жизнь.

На плаву Дэнни поддерживает лишь работа в хосписе, где его способности помогают облегчить пациентам мучительную боль. Но однажды к Дэну приходит двенадцатилетняя девочка Абра, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. И девочке этой угрожает смертельная опасность — на нее объявлена настоящая охота.

Дэн Торранс — единственный, кто может ее спасти...

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Такова традиция: раз в несколько лет — иногда пять, а иногда и семь — Стивен Кинг публикует новый сборник произведений «малой прозы». Чаще всего это рассказы, но иногда — четыре (обязательно четыре!) повести. Так было с «Четырьмя сезонами», в состав которых вошла легендарная «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка». Так было с книгой «Четыре после полуночи» с ее прославленными «Лангольерами». «Тьма, — и больше ничего» — очередной сборник из четырех повестей, завоевавший любовь читателей по всему миру.

Бонус! Подарок Стивена Кинга самым преданным фанатам — рассказ «Нездоровье», который Мастер включил в переиздание сборника.

Впервые на русском языке!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-086373-0

9 785170 863730